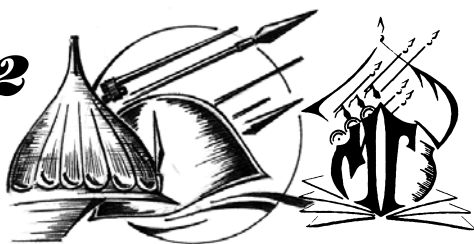

Россия, Русь! Храни себя, храни!

11-12
2010

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Сергей ТЕЛЕГИН. Наперсточники	3
Ирина МЕДВЕДЕВА, Татьяна ШИШОВА. Механизм разрушения семьи и государства	16
Юрий САЗОНОВ. Коммунальный беспредел	154
Валерий ШАМБАРОВ. Духовное оскотление России	162

ПОЭЗИЯ

Николай ПЕРЕЯСЛОВ. Е.Б.Н. Патриотический цикл ...	22
Иван ЩЕЛОКОВ. Дом над зеленым бугром. Стихи	27
Андрей РЕБРОВ. Лучится свет. Стихи	29
Стихи поэтов России	181

ПРОЗА

Александр ПОЛЯКОВ. Великаны сумрака. Роман. Продолжение	32
Виктор МАНУЙЛОВ. Последняя надежда. Рассказ	123
Михаил ФЕДОРОВ. Крепостная. Рассказ	130
Дмитрий ДАРИН. Поминальные свечи. Рассказ	140
Юрий БОРОДКИН. Спасение. Рассказ	146

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Александр ПОЛЕТАЕВ. Круг замкнулся	101
Петр КИЛЕ. Кладбищенская стабилизация	106
Сергей НОВОХАТСКИЙ. Приговор либерализму	110

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ПОЛУЙКО, Леонид СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ. Защищая веру и Отечество	188
--	-----

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

Николай БЕСЕДИН. Обозники . Рассказ	215
Георгий КАЮРОВ. Не зная, что счастлив . Рассказ	231
Николай КУКУЙ. Легкие крылья . Стихи	241
Равиль Файзулин. Всё поверяю сам . Стихи	242
Вячеслав ЛОЖКО. Прикосновение ладоней . Стихи	243

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей КАШИРИН. Русские, с кем вы?	245
---	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир ПРОНСКИЙ. Миниатюры	259
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского . Продолжение	264
Содержание журнала за 2010 год	284

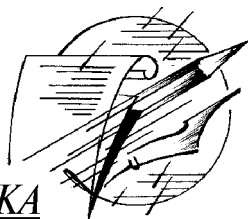
НАПЕРСТОЧНИКИ

(«МОНЕТАРИСТЫ-РЕФОРМАТОРЫ» ВЧЕРА И СЕГОДНЯ)

Политический порядок России все сильнее напоминает театр, а население становится «обществом спектакля» — толпой зрителей, потерявших чувство реального пространства и времени. Чуть ли не каждую неделю нам дают новый акт этого спектакля абсурда, иногда с потрясающими спецэффектами.

Вот, как рожь из кустов, вдруг выкатилось «Откровение от Чубайса», сделанное еще в 2001 году, но скрываемое его апостолами. С «болью в сердце» он признал, что «реформы Гайдара» преследовали единственную цель — уничтожение коммунизма. Ради этой «благородной» цели младореформаторы и пошли на сознательное уничтожение экономики. Мысль читателю подсовывают простую: мол, конечно, Гайдар и Чубайс прекрасно знали, как построить в России процветающий капитализм, но у них было другое задание — свыше. А теперь, когда задание выполнено, уцелевшие воины той «битвы с империей Зла» готовы повторить реформу 90-х годов — уже со счастливым исходом.

Чубайс говорит о делах Гайдара (и себя самого): *«Не Западу судить! Мало что понимает в этом Запад. Мы занимались не сбором денег, а уничтожением коммунизма. Это разные задачи, с раз-*

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ной ценой. Что такое приватизация для нормального западного профессора, для какого-нибудь Джеффри Сакса?.. Для него, в соответствии с западными учебниками, это классический экономический процесс... А мы знали, что каждый проданный завод — это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого ли, дешево, бесплатно, с приплатой — двадцатый вопрос, двадцатый. А первый вопрос один: каждый появившийся частный собственник в России — это необратимость... Приватизация в России до 1997 года вообще не была экономическим процессом. Она решала главную задачу — остановить коммунизм. Эту задачу мы решили».

Это блеф, рассчитанный на доверчивого ребенка. Конечно, всем известна ненависть младореформаторов к коммунизму (читай — к социализму) и СССР, ненависть патологическая (особенно для внучат пламенных революционеров, типа Гайдара и Сванидзе). Однако эти неожиданные «признания», как у Чубайса, — вовсе не приступ честности. Эти признания делают, чтобы оправдать колоссальный провал реформ, которыми они вызвались руководить. Иначе им бы пришлось расписаться в своей полной несостоятельности как политиков и государственных деятелей.

Причины провала реформ — патологическая неспособность младореформаторов к конструктивному творчеству и тупая жадность мародеров, которых они собрали в свою рать. Реформа — это не разрушение и уничтожение, а прежде всего совершенствование и созидание. Если говорить о стране, то реформа — это созидание новых социальных форм, которые улучшают жизнь. Но для такого дела у них не хватило ни ума, ни опыта, ни совести. Они обрушили дом, чтобы его разграбить, а для строительства оказались не приспособлены — и прикрываются своим антикоммунизмом, как фиговым листком. Сравните только их дела с реформами в Китае. Китайские реформы трудны и противоречивы, но они обеспечивают развитие хозяйства, а значит — и шансы на справедливую жизнь.

Сами реформаторы 90-х годов нам не интересны, мы говорим о них, чтобы снова не допустить этих недоумков с психикой поджигателя к рычагам управления хозяйством России. Поэтому обратимся к двум связанным событиям: информационной кампании, приуроченной к смерти Е. Гайдара, и вышедшему вслед за ней докладу Института современного развития (ИНСОР) «Россия XXI века: образ желаемого завтра». К этому докладу стоит внимательно присмотреться и отнестись с полной серьезностью, поскольку главным почитателем ИНСОРа является сам президент Д.А. Медведев.

Главные идеи доктрины Гайдара удивительно перекликаются с идеями доклада ИНСОРа, при всей несхожести стиля и фразеологии. Новые времена, слегка новые песни. А вектор — тот же! Но начнем по порядку.

СМЕРТЬ ГАЙДАРА

Мы здесь говорим не о смерти человека по имени Егор Гайдар — мы говорим о явлении, которое заслуживает самого внимательного изучения. Гайдар был одним из видных действующих лиц в завязке нашей драмы. Возможно, гораздо более важные действующие лица находились за кулисами и дергали за нити, приводящие Гайдара в движение, но это неважно. Именно его голова и руки толкнули страну в ту колею, по которой мы и катимся к пропасти.

Многие черты явления «Гайдар» проявились на всех уровнях реформаторской элиты, хоть и в меньшей степени, чем наверху. Здесь корень нашей национальной трагедии, и Гайдар для нас — ценнейший учебный экспонат, как какая-нибудь хромосома под микроскопом. Он — кривое зеркало, из которого на нас смотрит что-то расплывчатое, а мы должны разглядеть в нем свои собственные черты. Противно, но отступать некуда!

Гайдар — воплощение той части российской интеллигенции, которая выработала и реализует проект разрушения советского общественного строя и государства. А если копнуть глубже — проект пресечения всего долгого пути России как культуры и как цивилизации. Неудачную попытку такого пресечения сделали либералы начала XX века в момент ослабления и кризиса Российской империи, более серьезный удар нанесли неолибералы конца XX века в момент ослабления и кризиса СССР.

В день смерти Гайдара Чубайс сказал: «Все последние годы он был интеллектуальным и моральным лидером для всех нас». В том же ключе продолжили Радзиховский, дочь Ельцина Т.Дьяченко-Юмашева, прочие представители «интеллектуальной элиты» и персоны из «высшего общества». Ясин додумался поставить Гайдара в один ряд с Толстым и Достоевским: «Древние Афины прославились Эвклидом, Геродотом, так и Россия стала страной Пушкина, Толстого, Достоевского. И Гайдара».

Но Чубайс выше всех поднял планку. Вот и начнем с профиля Гайдара. Он для нас важнее, чем профиль Ельцина. Президенты меняются, но каждый предупреждает, что «курс реформ остается неизменным». А интеллектуальную и мо-

ральную основу этого курса задали Гайдар и «все они», для которых Гайдар был лидером.

Нам повезло, что Чубайс так четко выразил представление бригады реформаторов о типе мышления Гайдара: «Это был великий человек. Великий ученый, великий государственный деятель. Мало кто в истории России и в мировой истории может сравниться с ним по силе интеллекта».

Благодаря этой четкости мы можем говорить об интеллекте всех разработчиков доктрины реформ — Гайдар представляет всю эту публику как ее самое высокое выражение. Ибо именно она и только она считает Гайдара великим ученым и могучим интеллектом.

Большинство же образованных людей и в России, и на Западе видят в Гайдаре неопытного и малообразованного кабинетного номенклатурного отпрыска, которого циничная номенклатурная группировка подняла во власть, чтобы он сделал грязную разрушительную работу.

Многие (особенно женщины) даже испытывают к Гайдару жалость и симпатию, как к жертве политической мафии. Они жалеют его, как ребенка, склонного вследствие своей интеллектуальной недоразвитости к жестокости и даже убийству. При этом всем очевидно, что Гайдар, с его догматическим и утопическим сознанием, даже не понял, что натворил.

Когда Гайдар орудовал в экономике, а потом в СПС, бросалась в глаза, как необычный и жуткий феномен, редкая патология его мышления — сочетание алогичности с наивной бесчувственностью и безответственностью. Почти каждое его существенное утверждение побуждало к вопросу: «Глупость или измена?» А потом, взглядевшись в его ясные «честные» глаза, человек приходил к выводу, что это нечто более опасное — выпадение целых блоков разума, в том числе расчетливости и моральных ограничений. Гайдар — это российский заводной апельсин. Гораздо страшнее, чем в фильме Стэнли Кубрика!

«Шоковая терапия» Гайдара была шоком без терапии. Людей парализовал сам образ этого правителя — безумство премьер-министра, который уничтожал народное хозяйство огромной страны с просветленным взглядом фанатика, убежденного, что выполняет волю Господа Бога. Тут бы нужен Шекспир, а не Виктор Ерофеев.

Американский журналист Павел Хлебников опубликовал интервью с Явлинским, который так сказал о Гайдаре и его коллегам: они считали, «что в России живут, как они называли, одни «совки», и все, что в России существует, нужно уничтожить и потом вырастить новое. Ради этого любые методы и меры

хороши. И пускай все уничтожит инфляция. Никакая не проблема, потому что все равно нежизненно, потому что все это не нужно. Это так же, как Гайдар говорил: «Наука может подождать! Север нам не нужен! Старое поколение провинилось...»

Где тут интеллект и мораль? Один дикий тупой произвол. Не будем уж говорить о ложных данных и объяснениях, которые Гайдар давал и в Верховном Совете, и на телевидении. Возможно, он это делал искренне, по незнанию, хотя иные его доводы были настолько абсурдными, что кажется просто невероятным, чтобы человек мог этого не видеть.

Гайдар искусственно создал бедствие в стране, располагавшей достаточным количеством ресурсов для спокойного и даже конструктивного преодоления кризиса, созданного утопическими и неразумными действиями правительства Рыжкова. Вместо того, чтобы выправить ошибки 1988—1990 годов, Гайдар их многократно усугубил. Н.Я. Петраков и В.Л. Перламутров писали в 1996 г. в академическом журнале «Вопросы экономики»: «Анализ политики правительства Гайдара—Черномырдина дает все основания полагать, что их усилиями Россия за последние четыре года переместилась из состояния кризиса в состояние катастрофы».

Именно Гайдар и его правительство в 1992 г., когда Россия находилась в «точке бифуркации», толкнули ход событий в фатальный для страны коридор (А. Илларионов называл это «пинок Гайдара»). Даже Джеффри Сакс, разработчик доктрины «шоковой терапии», руководитель группы экономических советников Ельцина, сказал 15 июня 2000 года о наших неолибералах: «Они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, продуманная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».

Нет никаких разумных оправданий тому, что натворил Гайдар в экономике — в рамках логики любой из хозяйственных систем. Фанатизм и мессианские замашки номенклатурного завлаба несовместимы даже с самым диким капитализмом. П. Хлебников писал: «Когда Егор Гайдар разрушил плановую экономику, отпустил цены и отменил Госплан, следствием стал хаос. Промышленные предприятия не знали, куда отправлять продукцию, как за нее получать деньги, где брать поставки... Политика команды молодых реформаторов Ельцина оказалась и примитивной, и разрушительной».

Чубайс восхищается качествами Гайдара: «...ясности понимания прошлого, настоящего и будущего, готовности при-

нимать тяжелейшие, но необходимые решения». На деле мы видели полное отсутствие «ясности понимания» и «тяжелейшие решения», свойственные носорогам, обезумевшим от подкожных вшей.

Гайдар экспроприировал сбережения граждан в размере 400 млрд. долларов и обесценил счета предприятий, оставив их без оборотных средств. Этим он сразу разрушил финансовую систему и нанес по хозяйству удар посильнее, чем гитлеровская Германия в первые два года войны. Председатель Высшего экономического совета Верховного Совета России В. Исправников заявил тогда (08.04.1992): «Никакой финансовой стабилизации не добиться, если идет безудержный спад производства. Происходит обратное тому, что прогнозировалось еще в начале года. Останавливаются даже высокорентабельные птицефабрики. Так называемая финансовая стабилизация нанесла удар по лучшим предприятиям».

Где тут интеллект и ясность понимания? Прогноз оказался ошибочным, но программа действий никак не корректируется, правительство прет напролом и переводит кризис в состояние катастрофы. Глупость или измена? Есть признаки и того, и другого, но нет ни следа интеллекта и морали.

Вспомним «тяжелейшее решение» о разгроме российской науки, который учинил Гайдар (этот, по словам Чубайса, «великий ученый, великий государственный деятель»). Как сообщила 2 июня 1992 г. «Российская газета», «начался лавинообразный развал науки — исследовательских и проектно-инженерных коллективов, целых научных школ. Только в Москве за два месяца уволилось около 120 тысяч ученых из различных НИИ и КБ». А всего, по прогнозам Министерства труда, в 1992 г. безработными должны были оказаться 2—2,5 млн. работников научно-технической сферы. К 1994 г. число научных работников (исследователей) в России сократилось в два раза. Науке был нанесен удар, от которого она так и не смогла оправиться.

Доктрина реформы в науке, принятая правительством Гайдара, была основана на совершенно безумных постулатах и предположениях. Ну, кому еще в России могла прийти в голову мысль, что брошенные после ликвидации министерств на произвол судьбы отраслевые НИИ вдруг начнет финансировать «частный бизнес»? В условиях кризиса потребность в научном знании резко возрастает, Гайдар же парализовал научную систему России.

Зарплата научных работников к концу 1992 года упала относительно средней зарплаты по всему народному хозяйству в два раза, а на исследования вообще не осталось ни копей-

ки: средства выделялись только на эту скудную зарплату и на воду с отоплением. Зарплата — индикатор. Если доктор наук, то есть специалист высшей квалификации в НИИ, имеет зарплату в 5 раз меньшую, чем мелкий служащий в банке, то всем ясно — науке «приказано умереть». Это состояние не имело аналогий ни в советской науке, ни в западной, ни в науке стран «третьего мира». Ученые России встали в очередь за подачкой от Сороса и других западных фондов — по 50 долларов на нос (за это они должны были представить полный отчет о своем исследовании). Глупость или измена?

Мышление Гайдара и его команды — небывалый феномен в истории культуры, во всяком случае, русской. Они вырабатывали свои доктринальные планы и приводили их в исполнение, нисколько не интересуясь реальным устройством тех систем, которые брались реформировать. Это вещь настолько необычная, что требует самого пристального изучения.

Симон Кордонский — член одной из трех групп, которые замыслили реформу, и соратник Гайдара говорил на лекции 11 мая 2004 г.: «Мое глубокое убеждение состоит в том, что основной посыл реформаторства — то, что для реформатора не имеет значения реальное состояние объекта реформирования. Отсутствие интереса к реальности было характерно для всех поколений реформаторов начиная с 1980-х годов до сегодняшнего времени... Что нас может заставить принять то, что отечественная реальность — вполне полноценна, масштабна, очень развита, пока не знаю». Это признание чудовищно, такая безответственность не укладывается в голове.

В конце 1993 г. на международном симпозиуме в Москве американский экономист, эмигрант из СССР И. Бирман в своем докладе так сказал о типе мышления реформаторов команды Гайдара: «Он и его команда гордились тем, что они никогда не были ни на одном предприятии. А недавно люди, стоящие у власти, позволили себе сказать, что они никому не объясняли, что они делали, потому что их бы не поняли. Это заявление руководителя правительства. Для меня, уже много лет живущего на Западе, это — ужасное заявление. После этого человеку надо немедленно уходить в отставку».

Любая реформа порождает хаос, но обязанность реформаторов в том и состоит, чтобы спроектировать и затем создать «аттракторы», которые втянут в себя этот хаос и преобразуют его в желаемый порядок. Если новые аттракторы жизнеспособны, жизнь после травмы течет по новому руслу, а созданные структуры понемногу улучшаются в ходе реформ. Аттракторы служат матрицами, на которых хаос структурируется и превращается в структуры обновленного жизнеустрой-

ства. Драма России была в том, что тот «системный» хаос, в который погрузилась Россия в 1992 году, не обнаруживал никаких признаков творческой потенции. Его создатели — бригада реформаторов — обнаруживала и уничтожала зародыши порядка, которые бы сделали возможным переход к развитию. И сейчас сгустки бедствий то возникают, то рассеиваются. Из хаоса высовываются то верхушка, то хвост зарождающегося там нового порядка — порядка катастрофы.

Правительство Гайдара блокировало аттракторы советской системы, но не создало аттракторов рыночной экономики — точнее, создало уродливые матрицы, на которых стали складываться уродливые структуры «криминального капитализма». Экономическая система не получила новых матриц, на которых возникли бы «институты развития». Напротив, реформы вели к полной дестабилизации системы, и хаос породил структуры, несовместимые с длительной жизнью страны — преступный и теневой бизнес, массовые неплатежи зарплат, дикие формы найма и расчетов, черный рынок с мелочной торговлей и тотальную коррупцию.

Мы видим сегодня, каких огромных усилий потребует их преодоление, как раз за разом проваливаются попытки то инновационного развития, то модернизации или хотя бы стабилизации порядка. Власть борется за сохранение статус-кво, но создаваемые ею аттракторы (типа национальных проектов и т.п.) не порождают потоков энергии и сплоченных общностей, которые могли бы превратить хаос в конструктивный порядок. Это — наследие 90-х годов, гиря на ногах, которую очень трудно сбросить.

Не сработал главный аттрактор реформы — частная собственность, которой был придан такой уродливый характер, что приватизация натолкнулась на подспудное сопротивление всей культурной среды. В результате эта «частная собственность» так и осталась в массовом сознании нелегитимной. Она не признана российским обществом, и это ставит крест на всех «рыночных реформах». Новые «промышленники» могли бы легитимировать ее своим честным и умелым трудом предпринимателей на благо России (не забывая и себя). Но они по этому пути не пошли, а стали скупать недвижимость во Франции, футбольные клубы в Англии, строить в Германии яхты размером с «Титаник». Они сразу вывезли огромные ценности в виде запасов сырья и материалов, которых советской промышленности в любой ситуации должно было хватить на год работы. Они, опираясь на «административный ресурс» Гайдара, стали спекулировать нефтью, получая баснословные барыши.

Но и все остальные аттракторы, предложенные либералами-рыночниками в лице Гайдара, Чубайса и их единомышленников: свобода, демократия, раскованная культура — оказались фальшивками, симулякрами самого низкого пошиба. Они оскорбили русского человека своей пошлостью, торжеством сытости и наглости посреди всеобщего бедствия.

И эти люди имеют нахальство называть себя либералами-западниками! Какое дикое представление и о либерализме, и о Западе! Гайдар не просто опорочил, а буквально испохабил понятия демократии и либерализма. Одним этим он нанес российскому обществу невосполнимый ущерб. Множественный и всеохватывающий («системный») кризис наложился на лавинообразный процесс отказов и уродливых трансформаций всех институтов России.

Гайдар стал проводить, по сути, антилиберальные реформы авторитарными и крайне недемократическими методами под флагом демократии и либерализма. Он загубил этим важнейший для России духовный ресурс, испоганил души миллионов людей, поверивших в перестройку. По своему образу мысли, организации и риторике («Иного не дано!») реформаторы 90-х годов напоминали тоталитарную секту. Да, наверное, и были таковой. Их рыночный фундаментализм доходил до гротеска — даже не верилось, что в конце XX века в русской культуре действительно возникло подобное течение. Ведь признание Чубайса — это вариант постулата «цель оправдывает средства». И они еще в чем-то упрекают большевиков! Идеологический фанатизм большевиков был направлен на строительство и созидание. Фанатизм же «гайдаровцев» был разрушительным для страны, стал причиной тяжелых бедствий для большинства населения.

Гайдар решил обесценить зарплату и сбережения, «отпустить» цены в неподготовленной для этого экономике. Проведенные исследования и опросы зафиксировали: «Население выступает за регулируемое государством нормированное распределение благ как средство гарантированного снабжения. Более половины жителей столицы (56,3%) против такого решения (введения талонов на мясо). А большинство жителей областных и районных центров, малых городов, сельской местности поддерживают введение талонов на мясо. Они предпочитают талоны, нежели повышение цен. Большинство опрошенных жителей разных регионов (около 80% в городах и 65% в сельской местности) выступают против повышения цен на мясопродукты, не считают его эффективным средством борьбы с дефицитом». Это — статья из журнала «Социологические исследования», рупора либеральных реформ.

Таким образом, Гайдар и сторонники его реформы попали в те 20%, которые выступали против государственного регулирования, за рынок со свободными ценами. Они поддержали Гайдара, когда правительство «отпустило» цены. Но элементарная норма морали требовала от него исключить понятие демократии из тех интеллектуальных инструментов, которые он использовал в рассуждениях.

Чубайс пишет: «Огромной удачей для России стало то, что в один из самых тяжелых моментов в ее истории у нее был Егор Гайдар. В начале 90-х он спас страну от голода, гражданской войны и распада».

В действительности, именно Гайдар принес в Россию голод. Власть и реформаторы тщательно замалчивают, что в 1992 г. в России был собран очень хороший урожай — 107 млн. т. зерна (в весе после доработки). Неплохой урожай был и в 1991 г. — 89 млн. т. Почему же пришлось «спасать страну от голода»? Что такое сделали с населением и колхозами, что люди не могли купить хлеба?

Все объясняют данные Госкомстата: в 1992 г. правительство Гайдара закупило у российского села 26,1 млн. т. зерна по 11,7 тыс. руб. за тонну (что по курсу на 31 декабря 1992 г. составляло около 28 долларов за тонну). Заготовки были еще государственными, хлебозаводы тоже. Почему же так мало зерна закупили? Видимо, потому, что надо было разорить колхозы и совхозы.

Как же Гайдар спас страну от голода? А его правительство закупило у западных фермеров 28,9 млн. т. зерна. По какой же цене? По 143,9 долларов за тонну. В пять раз дороже, чем у отечественных производителей! Поистине, это была «огромная удача для России».

После этого российское село уже не смогло подняться, зерно пришлось продавать за бесценок, и возникли невыносимые для села «ножницы цен» — за 1992 год цены на сельхозпродукцию выросли в 8,6 раза, а на покупаемую селом продукцию и услуги — в 16,2 раза. За 1992—1993 гг. закупочные цены на мясо возросли в 45 раз, на молоко в 63 раза, а на бензин в 324 раза, на трактор К-700 в 828 раз и на трактор Т-4 в 1344 раза! Приватизация перерабатывающих предприятий разорвала единую технологическую цепочку АПК и сделала село беззащитным перед диктатом перекупщиков и переработчиков. В 1993 г. овощные базы принимали картофель по цене 30—40 руб. за килограмм при себестоимости 50—70 руб. Гайдар не спас Россию от голода, а подорвал сельское хозяйство так продуманно, что перспективы его восстановления до сих пор очень туманны. Глупость или измена?

Чубайс говорит о мужестве Гайдара: «Я отлично помню заседания правительства, начинавшиеся с докладов «Росхлебторга» о том, как, из какого порта в какой продвигается корабль с импортным зерном и на сколько его хватит. А рубль советский был деревянным, никому не нужным. А валюты, как и мяса, и хлеба, — нет».

Спрашивается, зачем был нужен «корабль с импортным зерном», если в стране имелся избыток зерна? И если «рубль советский был деревянным, никому не нужным», а «валюты, как и мяса, — нет», на что же Гайдар купил импортного зерна по 143,9 долларов за тонну? Он на эти доллары мог и хлеба достаточно купить в России, и мяса, и сельское хозяйство укрепить. Очень смахивает на крупную аферу.

Помнит ли Чубайс, куда делась валюта? Ее не стало с уничтожением государственной монополии на внешнюю торговлю, когда экспорт нефти «ушел в тень». П.Хлебников пишет, опираясь на интервью с высшими российскими чиновниками: «В течение нескольких месяцев из государственных торговых структур уплыло 30 процентов российского нефтяного экспорта и более 70 процентов экспорта металлов... Здесь истоки тех состояний, которые наворовали новые русские капиталисты. Гайдаровская реформа цен заложила основу гигантских частных накоплений, потому что уничтожила плановую экономику, но новым российским магнатам удалось так фантастически обогатиться только потому, что рухнула вся система внешней торговли страны».

В своих некрологах почитатели Гайдара все как один повторяли, что он отвел угрозу гражданской войны. Вранье! Как организатор социального бедствия Гайдар несет полную ответственность за гражданскую экономическую войну в России 90-х годов. Он запустил маховик демографической катастрофы: падение рождаемости и рост смертности как следствие экономического и культурного шока привели к сокращению абсолютной численности населения, получившего название «русский крест».

Страшная селекция населения России на «спасаемых» и «вымирающих» была начата именно реформой Гайдара. Он запустил выбраковку большинства населения, избыточного по отношению к потребности «новой России» в рабочей силе. Эта выбраковка продолжилась уже и после ухода Гайдара вследствие того, что в ходе реформы было сильно подорвано здоровье обедневшей части населения, резко снизились стандарты жизнеобеспечения этой части и уровень образования рожденных в этой части населения детей. Этот калечащий людей маховик уже трудно остановить при «неизменности курса реформ».

Вспомним, в каких выражениях отмежевался от Гайдара академик Г.А. Арбатов, энтузиаст перестройки и реформы (13 марта 1992 г.): «Меня поражает безжалостность этой группы экономистов из правительства, даже жестокость, которой они бравируют, а иногда и кокетничают, выдавая ее за решительность, а может быть, пытаюсь понравиться МВФ».

Академика Арбатова поразила безжалостность! За этими словами страшная реальность, которую мы пережили. Но сегодня надо вспомнить этот страшный урок. Согласно «Государственному докладу о здоровье населения в 1992 г.», в конце 1992 г. более половины обследованных женщин России получали в рационе белка менее 0,75 г на кг массы тела — установленного ВОЗ безопасного уровня.

Вот данные газеты «Коммерсант» (1992, №9): «Средний потребитель сегодня значительно сократил свое потребление в натуральном выражении — по официальным оценкам, на 71% по сравнению с декабрем прошлого года. Эксперты «Коммерсанта» полагают, что сегодня жители крупных городов сократили свое потребление в натуральном выражении как минимум в семь раз... Стоимость корзины третьей категории, определяющая границу бедности, составила в феврале 2577 руб. Именно этот тип потребления сегодня является самым массовым — но, по мнению экспертов, подобный уровень дохода не может обеспечить даже сбалансированного питания для работающего мужчины. Средняя же зарплата по промышленности в конце января составляла 892 руб.».

Гайдар — антипод нормального человека, это «интеллектуал» и штабист хунты мародеров, к тому же свихнувшихся на культе мамоны. Они отбросили заветы не только христианства, но и всех известных религий, стали следовать какому-то изуверскому язычеству воровской малины. В реальности все их «мессианство» свелось к дикому обогащению посредством коррупции.

Практически все представители этой группировки сами оказались никчемными предпринимателями и присосались, как пиявки, к бюджетным средствам. Прогорело даже детище Чубайса и Коха «Монтес аури» — финансовая фирма, получившая от олигархических банков средства под нулевой процент и всю использовавшая инсайдерскую информацию. Если чем и может похвастаться гайдари-чубайсовская группировка, так это тем, что для всех своих громких рыночных новаций, а также ликвидации их последствий они весьма эффективно для себя использовали бюджетные средства. Гайдар, в частности, как отставной премьер для своего

Института экономики переходного периода получил здания в центре Москвы, и доход Институту стал приносить вовсе не «интеллектуальный продукт» его липовых «исследований», а сдача в аренду этих помещений.

Если же говорить о западных либералах, то они видели в государстве и государственном патернализме заслон против разрушительного для любого народа «перетекания рыночной экономики в рыночное общество». Один из основателей институциональной политической экономии Алан Кайе пишет: «Если бы не было Государства-Провидения, относительный социальный мир был бы сметен рыночной логикой абсолютно и незамедлительно».

В этом вопросе и произошел едва ли не главный провал в мышлении Гайдара и когорты младореформаторов — они вообще отбросили моральную сторону экономической доктрины реформ, возведя на пьедестал «рыночную логику». Примечательно, как выхолостили они труд главного мыслителя классического либерализма Адама Смита. Его идеи были изложены в двух трактатах — «Теория нравственных чувств» и «Исследование о природе и причинах богатства народов». Но наш «российский либерализм» первый трактат просто проигнорировал! А еще Бокль предупреждал, что «оба они должны рассматриваться в совокупности, потому что в сущности это — два отдела одного и того же предмета». Гайдар пошел на подлог, дерзко выбросив нравственную сторону западноевропейского либерализма из своей доктрины реформ, и называя при этом себя либералом.

Адам Смит говорил о законе справедливости как о высшем законе, без которого рынок разрушает общество. Попробуйте найти эти предупреждения у Гайдара! Гайдар искажал суть либерализма, когда писал в статье «Богатые и бедные»: «Либеральное видение мира отвергало право человека на получение общественной помощи. В свободной стране каждый сам выбирает свое будущее, несет ответственность за свои успехи и неудачи»*.

Так обстоит дело и с интеллектом, и с моралью реформаторов из команды Гайдара.

* Российский либерализм планировался и внедрялся только таким — разрушительным и безнравственным. Никакого иного либерализма гайдаро-чубайсы не понимали и знать не хотели. Поэтому его «сути» они не исказили. (Ред.)

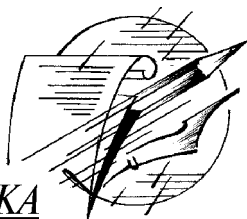
Ирина МЕДВЕДЕВА,
Татьяна ШИШОВА

МЕХАНИЗМ РАЗРУШЕНИЯ СЕМЬИ И ГОСУДАРСТВА

С середины 90-х гг. XX века в России не прекращаются попытки внедрить систему ювенальной юстиции.

Ее сторонники считают, что это — «система защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, объединяющая вокруг специализированного суда по делам несовершеннолетних социальные службы (органы и учреждения государственной системы профилактики безнадзорности, правонарушений несовершеннолетних), общественные организации»

С введением в действие Указа президента Ельцина №942 от 14.09.1995 г, утвердившего «Национальный план действий в интересах детей», в числе мер по укреплению правовой защиты детства было предусмотрено создание этой ювенальной юстиции (далее — ЮЮ), и... «процесс пошел». В Ростовской области в том же 1995 году началась обкатка ее региональной модели в экспериментальном порядке — был создан первый в России ювенальный суд. Ныне «пилотных» регионов, в которых идут программы в области ЮЮ, уже более 20: в Москве, Санкт-Петербурге, Саратовской, Самарской, Брянской, Нижегородской областях, Ставропольском, Красноярском, Краснодарском краях, в Чувашской республике, Ханты-Мансийском автономном округе и других...

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В феврале 2002 года Государственная дума РФ приняла в первом чтении Закон «О внесении изменений в Закон «О судебной системе Российской Федерации»», предусматривающий создание специализированных ювенальных судов в системе судов общей юрисдикции. Однако окончательное решение по данному вопросу не принято до сих пор.

Лоббируют ЮЮ Лахова Е.Ф. (депутат Госдумы от фракции «Единая Россия»), Зыков О.В. (член Общественной палаты РФ, президент благотворительного фонда «Нет алкоголизму и наркотикам»), Петренко В.Н. (председатель Комитета Совета Федерации по социальной политике и здравоохранению), которая в 2007 году выступила инициатором создания законопроекта, разрешающего эвтаназию.

Разрушение семьи

ЮЮ провозглашает принцип «приоритетности прав ребенка». На практике это означает, что дети могут подавать на родителей и вообще на взрослых в суд. А суд, руководствуясь приоритетностью прав ребенка, разбирая конфликтные ситуации, верит прежде всего ему, пытается его всячески оградить от родителей-«правонарушителей».

Такие суды существуют уже во многих странах. Совсем недавно на русском языке вышла книга «Пастернак против Нидерландов». Написал ее эмигрант Григорий Пастернак, бывший советский гражданин, ныне живущий в Голландии. Его дочь-подросток начала прогуливать школу, требовала денег на развлечения и наряды, скандалила. И... жаловалась на родителей в службы защиты прав ребенка, говорила, что ее притесняют, не дают ходить по клубам и т.п. «Спасая» от родителей, девочку забрали в приют, а отца лишили родительских прав. Он обратился в Страсбургский суд — не помогло. Вообще, если родители попадают в поле зрения ЮЮ, то, как свидетельствует автор книги и другие люди, пострадавшие от нее, они, как правило, оказываются в роли обвиняемых. Доказать свою правоту в большинстве случаев им не удастся, поскольку права детей ставятся над правами взрослых, с либеральной точки зрения. Родители уже не могут оградить своих детей от влияния деструктивной масс-культуры, развращающих подростковых журналов, книг, фильмов, компьютерных игр и т.п. Их запрет будет истолкован как нарушение прав ребенка на информацию и досуг. Выбор сексуальной ориентации подростками в либеральной парадигме также не оспаривается, поэтому не могут родители воспротивиться и пропаганде гомосексуализма. Наркомания, по-либеральному, — тоже допустимый «альтернативный стиль жизни».

ЮЮ либерально трактуется как понятие физического и психического насилия над ребенком. На Западе во многих странах введен законодательный запрет на любое физическое наказание (вплоть до безобидного шлепка). В Англии родители не могут в наказание лишить детей карманных денег — законом предусмотрена сумма, которую они обязаны давать детям с определенного возраста. В российских «пилотных» регионах тоже.

Особенно уязвимы семьи, в которых детей стараются воспитывать в рамках традиционной морали, удерживая от многочисленных соблазнов масс-культуры и развратного образа жизни. Именно такие родители, с точки зрения сторонников ювенальной юстиции, считаются преступниками, «подавляющими личность ребенка и лишаящими его права на нормальное развитие».

ЮЮ значительно расширяет права суда и социальных служб. Они могут вторгнуться в любую семью и без должных на то оснований отнять ребенка. В российское законодательство о семье уже внесено понятие «ребенок в опасной ситуации».

Нетрудно догадаться, что поощрение детского своеволия под видом защиты прав ребенка приведет к неуправляемости ребенка, психопатии. Это обещает нам рост подросткового алкоголизма, наркомании, игромании, курения и других пагубных привычек. В «ювенальной» Франции дети с 13 лет курят марихуану. То же и в Великобритании. О принудительном лечении несовершеннолетних наркоманов и алкоголиков, за которое ратует Госнарконтрль и против которого, напомним, выступает «защитник детей» Зыков, придется забыть. Такое лечение вступит в вопиющее противоречие с принципом приоритетности прав ребенка, предполагающим уважение его свободы выбора.

Окончательно выйдя из-под влияния родителей, еще больше детей, чем сейчас, попадет под влияние молодежной массовой культуры, агрессивно навязывающей «безопасный секс» как неотъемлемую часть современного образа жизни. Результатом этого станет увеличение числа заболеваний, передающихся половым путем и разрушающих здоровье. Мы получим рост бесплодия в стране. Ранняя сексуализация вкупе с потреблением психоактивных веществ неизбежно приведет к снижению интеллекта детей и подростков, повышению смертности от несчастных случаев и т.п.

Развал образования

С введением ЮЮ в школах появятся правозащитники-омбудсмены, не подчиняющиеся ни администрации, ни вы-

шестоящим органам образования, собирающие компромат на учителей и директора и наделенные правом воздействовать на них вплоть до подачи заявления в суд. В школе расцветет доносительство и интриги, а правозащитник, фактически оказавшись верховной властью, не будет нести никакой ответственности за образовательный процесс и его результаты (а точнее, за развал образования).

Возможность жаловаться омбудсмену на учителей и директора резко снизит их авторитет, и без того уже существенно подорванный «свободным воспитанием» и «отвязанной» подростковой масс-культурой. Уже сейчас во многих школах учителя не могут справиться с хулиганством учеников.

Чудовищным нарушением прав учащихся будет считаться и удаление нарушителя дисциплины из класса. Лишившись возможности применять дисциплинарные меры к таким ученикам и оказавшись в позиции вечно обвиняемого, учитель не сможет нормально вести урок. С приходом правозащитников эти ученики еще больше ошутят свою безнаказанность.

Расцвет коррупции

Трудно даже представить себе, какой произвол и какой уровень коррупции будет в российских ювенальных судах и социальных службах, когда они получат практически безграничную и бесконтрольную власть над семьями. Шантажируя родителей лишением родительских прав, сотрудники ЮЮ смогут получать любую сумму, поскольку дети — это самое дорогое, что есть у людей. Еще сильнее расцветет взяточничество и при продаже детей за границу. Вероятно, в преддверии введения ЮЮ в России открываются иностранные агентства по международному усыновлению. Учитывая распространение в мире так называемого «секс-туризма», сексуальной эксплуатации детей и подростков, и здесь сотрудники ЮЮ не останутся внакладе. Министерство здравоохранения выступает за разрешение медицинских опытов над детьми, донорство детских органов. Если это будет законодательно утверждено, то отторгнутые от семьи дети станут первыми кандидатами на эти манипуляции. Разумеется, немалую мзду получают и поставщики «живого материала».

Правозащитники, лоббирующие ювенальную юстицию, говорят о необходимости упразднения детских домов. Уведенные из семей дети будут направляться на усыновление в

приемные семьи. В условиях ЮЮ и это может стать весьма выгодным бизнесом. Очевидно, что когда опека над детьми запахнет деньгами, контингент приемных родителей может существенно поменяться. Бессеребрянников и альтруистов начнут вытеснять корыстные и оборотистые люди, которые быстро сообразят, от кого зависит, сколько и каких детей можно получить. А зависеть это будет всецело от сотрудников ювенальных служб, они будут заниматься распределением, «диспетчерской работой». Уже отработанная в других видах бизнеса схема «отката» пойдет как по маслу.

Разгул преступности

Вызывает озабоченность и еще один аспект ювенальной юстиции — призыв отказаться от «репрессивного подхода» (помещение несовершеннолетних преступников в колонии и тюрьмы) и переход на «реабилитационный». Нисколько не умаляя важности профилактической и реабилитационной работы с трудными подростками, хотим подчеркнуть, что в сегодняшней России несовершеннолетним преступникам и так выносятся достаточно мягкие приговоры. Более половины освобождаются от уголовной ответственности уже на стадии предварительного следствия. Между тем, преступность несовершеннолетних растет и становится все более жесточайшей. За последние 15 лет на треть увеличилось число повторно совершивших преступления. Несовершеннолетний преступник, чувствуя безнаказанность, еще больше распоясывается.

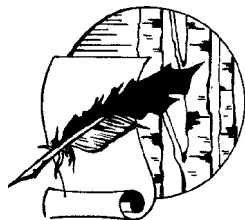
Если сторонники ЮЮ навяжут России «нерепрессивный подход», то катастрофическое падение уважения к закону и общественной морали нетрудно прогнозировать. Страну захлестнет новый вал преступности и наркомании, а жертвами будут нормальные люди, прежде всего родители, которые к тому же будут еще и кругом виноваты. Учителей будут обвинять в том, что они не нашли подход к детям, поэтому дети безобразничают. А родителей будут обвинять в том, что они либо недостаточно любили детей, либо любили их неправильно, «удушающей» любовью.

ЮЮ создаст почву для расцвета и этнической преступности. Малолетние выходцы с Кавказа и Средней Азии уже сейчас нередко имеют при себе холодное оружие. В «ювенальных» странах преступный мир давно уже отработал практику совершения криминальных действий руками ненаказуемых детей. Учитывая национально-культурные особенности

мигрантов, а также подстрекательство западных спецслужб, можно с уверенностью прогнозировать рост напряженности и социальные взрывы из-за столкновений на почве межнациональной розни.

Безусловно, ЮЮ усилит напряжение и на религиозной почве. Православные родители окажутся перед трагическим выбором. ЮЮ будет провоцировать их детей к нарушению заповеди «Чти отца твоего и мать твою». По ювенальным законам нельзя удерживать детей от зла.

Все это опять-таки будет способствовать росту недовольства среди верующих традиционных конфессий и настраивать их против государственной власти.

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Е. Б. Н.

(*Патриотический цикл*)

ПРОЛОГ

ЕСЛИ БОГА НЕТ — значит, нет Закона,
значит, бес людьми правит, как пахан,
и весь мир живет, как большая «зона» —
кто наглей и злей, тот тогда и пан.

ЕСЛИ БОГА НЕТ — нет и Благодати.
Узок горизонт. Смутен кругозор.
Думал, ты — герой, вышло, что — предатель.
Ждал — придет триумф, получил — позор.

ЕСЛИ БОГА НЕТ — нет с тобой и правды,
станет все грехом, что ни соверши.
Не закروют лжи шоу и наряды,
не заткнет цинизм пустоту души.

ЕСЛИ БОГА НЕТ — все дела напрасны.
Это пустяки, что перед людьми
все твои слова были так прекрасны...
ЕСЛИ БОГА НЕТ — нет в тебе любви!

ЕСЛИ БОГА НЕТ — значит, лживо слово,
значит, снова кровь все зальет окрест,
значит, снова бес правит бал, и снова —
надо восходить на Голгофский крест!

ЕСЛИ БОГА НЕТ — дни устроят скачку,
станет белый свет черным, как эбен*,
или — как шахтер, объявивший стачку,
ЕСЛИ БОГА НЕТ... (Кратко — *Е. Б. Н.*)

* Черное дерево (*с греч.*).

ЕСЛИ БОГА НЕТ — нет и воскресенья,
и в конце нас ждут только мрак и тлен.
ЕСЛИ БОГА НЕТ — в чем тогда спасенье?
Кто — вместо Него?..
— Е... Б... Н...

НАКАНУНЕ

Прежний Союз был велик, но сложен.
Были святыни в нем и подделки.
В главном — идеен, в деталях — ложен.
В общем, нуждался давно в переделке.

Миру на зависть раскинув дали
между Европой и океаном,
он раздавал сам себе медали,
сладив за год с пятилетним планом.

Бамовский путь лег в сибирских чашах.
Мог бы — до Марса пролечь и дальше!
Если б в ЦК хоть чуть-чуть почаше
видели правду без всякой фальши...

Крепла держава в фабричном гуде.
Тек урожай в закрома Отчизны.
В Космос ракеты неслись... А люди?
Люди — хотели колбас и джинсов.

Душу измучась под Лениным чистить,
как воробей свой наряд под солнцем,
каждый искал — что б ему скоммуниздить
с нив, где партийное стадо пасется?

Номенклатура — жила средь лоска,
ну, а народ — с вечной бедностью споря...
По всему поэтому вблизи Свердловска
родился обыкновенный мальчик Боря.

Рос он здоровым, неглупым малым,
чуял судьбу, как картежник — масти.
Правда, всегда ему было мало —
водки... (А позже — и власти, власти!..)

Так вот и шел он, как танк сквозь сушу,
где-то по пьянке сгубив два пальца,

чуя, как тянут его за душу
страсти — сильнее, чем слоновьи яйца.

Так вот и шел, не томясь, не мучась,
словом круша тяжелее лома,
жизнь за спиной превращая в мусор,
будто руины Ипатьева дома.

В сердце добро и на миг не воскресло!
Честность и честь — разве что-то значат,
если ты начал борьбу за «кресло»
и на пути твоём — Кремль маячит?..

ГАРАНТ, ПОНИМАЕШЬ...

В мире живет убеждение
(тут не боюсь я соврать):
власть ожидать — заблуждение,
власть — надо *силою* брать!

Формулой этой играючи,
Кремль захватил себе в плен
Ельцин Борис Николаевич
(попросту — Е. Б. Н.).

Склоку затеяв из ревности,
изгнан он был из ЦК.
Но на Руси — еще с древности
чтут бедняки дурака.

Любят героя *гонимого*
бедные люди Руси.
Даже заведомо мнимого —
Господи, тоже спаси!

И, раздуваясь от гордости
(ну-ка, страна — покорись!),
въехал в кремлевские горницы,
пьян от победы, Борис.

Вот оно, счастье-то сущее!
Пользуйся Родиной всласть.
Лишь бы — рукою трясущейся
не уронить теперь власть...

Герб страны — орел. Под его крылами
мы идем сквозь жизнь в пестроте идей.
ЕСЛИ БОГА НЕТ — что тебе Парламент?
Танки подогнал — и стреляй в людей!

Вьется черный дым в купол неба синий.
Кровью обогрел дней водоворот.
ЕСЛИ БОГА НЕТ — что тебе Россия?
Пушки расчехлил — и пали в народ!

Выжимая зло, как Шумахер скорость,
власть туманит мозг — бей, дави, круши!
ЕСЛИ БОГА НЕТ — что такое совесть?
Только пустота в глубине души.

Упырю вовек кровью не упиться,
души христиан ни за что губя.
ЕСЛИ БОГА НЕТ — можно быть убийцей,
кто за смертный грех упрекнет тебя?..

Отпуская птиц, сиротеют гнезда.
Красками леса полыхают вдруг.
ЕСЛИ БОГА НЕТ — кто же тогда создал
эту красоту, что царит вокруг?

Светится листва золотом красильным,
будто вся Москва — чудный гобелен.
ЕСЛИ БОГА НЕТ — красота бессильна,
метит землю тлен штампом: «Е. Б. Н.»

Завтра холода грянут по Отчизне.
Как среди снегов саду расцвести?
Е. Б. Н. — беда для страны и жизни.
Сделай что-нибудь, чтобы их спасти...

ТОРЖЕСТВО ДЕМОКРАТИИ

...Как будто даря миллионы вельможно,
клеветам советы давал Е. Б. Н.:
— Свободы берите все, кто сколько может,
без этого Русь не поднимешь с колен!..

«К богатству идя, жестких мер не чурайся,
иначе — какой из тебя бизнесмен?» —

с такой установкой команда Чубайса
в стране провернула циничный обмен,

на ваучер-фантик у каждого выдузив
все то, чем мы были горды и сильны...
В момент — как ветра ураганные выдули! —
всю мощь и промышленность нашей страны.

Расцвел, словно СПИД, демократией явленный
жестокый цинизм-ельцинизм по стране.
Москва, Волгодонск и Кавказ окровавленный —
все вспухло и вспыхнуло в страшном огне!

А там, где ручьи не струились кровавые,
не рвался тротил, не гремел гексоген —
взошли нищета, пессимизм и бесправие,
и выросла черная тень Е. Б. Н.

Где раньше под сводами солнечно-синими
любовь колосилась, как спелая рожь,
теперь распустились разврат и насилие,
и правду собой исковеркала ложь.

Не скоро удастся нам зло это вывести —
тропа к возрожденью трудна и длинна.
Но душу страны, как валюту, не вывезти!
А вместе с душой оживет и страна.

Минуют года — и коростою ржавую
осыплется с нас демократии плен...
Все ярче горит с каждым днем над Державою
свет Бога!.. И тает в нем — тень Е. Б. Н.

ЭПИЛОГ

Как скорый поезд к дальней станции —
Земля несется сквозь года.
Россия — вечная субстанция,
ей не исчезнуть никогда!

И кто бы сворами и стаями
ни проникал на трон ее,
она пройдет все испытания,
храня достоинство свое.

Решив однажды: «Делать нечего,
пора исправить этот крен!» —
народ очистит власть от нечисти
и смоев память Е. Б. Н.

Лишь будет тень его Иудою —
из века в век, из века в век —
слоняться в мире бесприютною
и плакать, будто человек...

Иван ЩЁЛОКОВ

ДОМ НАД ЗЕЛЕНЫМ БУГРОМ

ШТРИХ-КОД

Ты не живешь — порхаешь мотыльком,
Мир для тебя — веселый супермаркет,
Где всё по полкам валом и рядком:
Шампуни, гели, лаки, кофеварки...

Восторга потребительского храм
Давно из душ выцеживает Бога,
И упаковок разноцветный хлам
Становится иконою двуногих.

Вглядись в себя: ты вся —
сплошной штрих-код.
Земля кругом — пакет из целлофана.
И вместо парка — красочный билборд.
И новый маркет — где была поляна.

* * *

Ничто тебя не сделает счастливым:
Ни куча денег, ни высокий пост.
Чины — полова среди сжатой нивы,
А честный путь, увы, всегда не прост.

Милее сердцу золотые слитки
Берез осенних рядом с большаком

Не с Чичиковым в сумрачной кибитке —
С доверчивым в телеге мужиком.

С ним не с руки трепаться от безделья.
Он сам себе вожжа, дуга и гуж.
Навоза дух честней, чем запах денег:
В нем плоть земли — не тлен от мертвых душ.

* * *

Где ты, дом над зеленым бугром?
Где ты, смиренная лошадь у речки?
Разве думал когда я о том,
Что мы все в этом мире не вечны?

Наплету сгоряча небылиц
Про стремительность духа и быта,
Лишь бы время — табун кобылиц —
Не топтало по сердцу копытом.

Не месило бы с грязью бугор
И не застило б гривами память.
Не спасают от плёток и шпор
Ни победы, ни слава, ни знамя!

Всё напористой из глубины
Звездных пастбищ по воле всевышней
Время гонит свои табуны,
Не давая ни дня передышки.

* * *

— Ты откуда, народ?
— Из тесовых ворот.
— Знать, намыкался там, как нигде еще?
— Коль признать, будто так,
Правды — ровно с пятак,
Не признать, то и вовсе с копеечку!

— А куда ты, народ?
— За крутой поворот,
Дальше уж — куда вынесут ноженьки.
— А не станешь жалеть?
— Так жалеть — не болеть:
Оклемаемся, глядь, понемноженьку.

— Что ты помнишь, народ?
— Помню щель у ворот:
В нее волюшку видели глазоньки.
— Воля душу пьянит.
— В пьяном горяшко спит
И тоска между рёбер не лазает.

* * *

Могильная тишь околотка.
Похмельное чувство вины.
И булькает в юные глотки
Палёное зелье страны.

Немые и ржавые рельсы.
Ушли в никуда поезда.
Как эхо новейших репрессий —
Некошенная лебеда.

Об этом ли разве мечтали?
Про это ли видели сны?
И каркает ворон печали
С макушки корявой сосны.

Андрей РЕБРОВ

ЛУЧИТСЯ СВЕТ

* * *

Месяц речной — все взрослее и строже...
Веет бессмертьем от звездной воды.
Юность ушла... И за лунной дорожкой —
Свежие звезды, как чьи-то следы.

Время течет... Но, о Вечности мысля,
Долго гляжу я, как в детстве, с мостка
В воды реки, углубленные высью,
И ощущаю: как юность близка...

КСЕНИЯ БЛАЖЕННАЯ

Смолк гомон городской.

В ночи разносит ветер
Гудень фонарей, горящих надо мной,
И я спешу во храм —
в звучащем этом свете —
На дальний ясный звон,
на тихий огонь свечной.

И, временной предел душой одолевая,
Я вижу в звонной дали вековой,
Как вдоль Смоленки

Ксения,
сияя,
Идет в юдольной мгле по мостовой.

Грядет
сквозь годы
в образе беднячком,
Всю Русь вместив
в ладонях на груди.
И я спешу,
спешу,
но не угнаться —
За ней,
идушей тихо впереди.

* * *

Иссяк закат. И ночь черна, как пашня.
Пишу, пишу.. О том мечтаю я,
Чтоб трением пера о грунт бумажный
Возжечь хотя бы искру Бытия.

Чтоб в книге дней, объятой позолотой
Небесных нив, легко бы вы прочли
Хотя б шепотку строчек, где от пота
И слез моих — искрится соль земли.

В ДОРОГЕ

Туманит веси дождик мелкий.
Скрипит повозки колесо,

Как будто кто-то движет стрелки
Мирских заезженных часов.

Густеют тучи,
 словно бремя
Истекших лет.
 И, как во сне,
Я зрю,
 что с неба
 каплет
 время,
Дорогу размывая мне.

В размытых рытвинах попутных
Полным-полно всемирных слез.
И брызжут горькие минуты
Из-под ржавеющих колес.

И поспешает конь горячий,
Превозмогая бытие,
И в такт подковам
 бьется,
 скачет
Ввысь
 сердце слезное мое.

Стучит,
 стучит
 мой пульс сердечный,
И между стуками его
Беззвучно
 бьется,
 бьется Вечность
В бесстрастной скачке роковой.

Но дождь стихает понемногу..
И вижу я
 сквозь тучи лет —
Там,
 над тернистою дорогой,
Вдали,
 лучится Вышний свет.

ВЕЛИКАНЫ СУМРАКА

РОМАН

Глава двадцать третья

Морозова арестовали на прусской границе около Вержбилова. Следом взяли и внедренного в охранное отделение агента Капелькина — засадой в проваленной квартире Колодкевича на Казанской; зашедшего «случайно», зато с пухлой колленкоровой тетрадью, где были отмечены главные политические розыски, производившиеся не только в Санкт-Петербурге, но и по всей Империи.

Елисей Обухов, бравший со своими подлого двурушника, не удержался все же и выписал, крикнув, тому хорошего «леща»; почин с готовностью поддержали и промерзшие жандармы. Зубами скрипели от возмущения: ведь иуда сей завел секретной частью, был помощником делопроизводителя всего Департамента полиции. «Ух, штафирка малокровная! Ух, окоренок подлый! Лазутчиком сидел... Тайны выпытывал? А после в наших стреляли. Накося...»

— Не бейте меня! Я за деньги... — рыдал на полу Капелькин.

Но и это не помогло. Еще наддали. Только приезд самого Кириллова, начальника 3-й экспедиции полицейского Департамента, остановил самосуд.

Продолжение. Начало в №7-8 за 2010 г.

ПРОЗА

— Как же так, Николай Корнеевич? Как же вы?.. — устало уронил руки полковник. — Чего вам не доставало?

Капелькин молчал, пуская алые пузыри.

— А я поручился за вас. Орден выхлопотал, по службе продвинул. Кроме того... — Кириллов запнулся; голос приглушил. — Кроме того, вы склонили мою кузину, Кутузову Анну Петровну.. Склонили к сожительству, опозорили почтенную вдову.

Капелькин всхлипнул.

— Я часто думаю... Да-да, я, жандарм, думаю на сон грядущий. Удивлены? — усмехнулся полковник. — Почему Христос, умывая ноги ученикам, умыл ноги и тому, кто решился предать Его? А? Скажите, папильон вы мой...

Разоблаченный шпион не проронил ни звука.

— Впрочем, до того ли вам? С секретного циркуляра поскорее бы копию списать, передать нигилистам... — грустно вздохнул Кириллов. — А я отвечаю: да потому что Христос до конца заботился об исправлении предателя. Но Иуде диавол уже вложил в сердце подлую мысль. И вы... И вам...

Поднялся со стула, шагнул к двери. Повернулся у порога:

— Уже вложил в сердце. Уже вложил... Ничего нельзя изменить.

И вышел из квартиры. Уехал в департамент на Фонтанку.

А в это же самое время в Киеве на сверкающей от солнца колокольне Андреевского собора стоял рослый красивый мужчина в штатском и, нервно покусывая ус, зябко поеживаясь, высматривал что-то внизу сквозь стекла большого морского бинокля. Мерз на февральском ветру не кто иной, как жандармский капитан Георгий Порфирьевич Судейкин. Сквозь окуляры разглядывал он широкий двор дома на Боричевом току, куда время от времени двое молодых людей в душегрейках выносили сушить какие-то громоздкие формы. Капитан знал их имена: техник «Народной Воли» Николай Кибальчич и идеолог партии, главный бумагомаратель Лев Тихомиров. И про формы знал, поскольку не в бирюльки тут играли, не трыном трынили, а делали в тайной мастерской разрывные снаряды, чтобы вывезти их из Киева и бабахнуть в Петербурге.

«Ничего, вы, господа, вороваты да мы урываты...» — с некоторым профессиональным самодовольством усмехался Судейкин. Что означает «урываты», он объяснить не мог, но так говорил его первый командир в кадетском корпусе, а командира он благодарно помнил всегда.

В общем-то, капитана радовало появление в Киеве столичных революционеров. Да еще таких, первономерных. Это

означало, что дела «Народной Воли» совсем плохи. Забегали, засуетились социалисты. В Питере их обложили, сюда за динамитом приехали. Да еще таких тузов послали. А мы их и прижмем...

Судейкин не спешил. Он уже нащупывал новую тактику: заарестовывать злоумышленников не сразу, а отпустить по-водок, пускай себе побродят-покружат, раскроют всю подпольную сеть. И уж тогда накрыть целиком шайку-лейку. Капитан наслаждался своим положением наблюдателя. Он даже не доложил пока начальнику Киевского губернского жандармского управления полковнику Новицкому: вот завершит дело, тогда и расскажет. И правильно сделал. Потому что...

Потому что однажды в очередной раз поднявшись на колокольню, Георгий Порфирьевич никого не обнаружил в знакомом до мелочей дворе на Боровичевом току. Он протирал стекла платком, вращал колесики дальномеров, несколько раз даже встряхнул бинокль — все напрасно. Тишина. Террористы словно растворились в предвесеннем мареве.

Была еще надежда на филеров, особенно на филера по кличке Ерш — уж он-то службу секретную знает, не упустит гостей...

Но зря капитан могучей рукой рвал манишку у перепуганного Ерша. Агент и сам ничего не понимал. Бормотал, борясь с икотой:

— Ваше скородие... Ик! От самого спуска вели... Ик...

— Недоумки! И куда привели?

— С Театральной... Ик! Свернули на Фундуклеевскую... И... Ик! Пропали, аки химеры бесчинные... Только вот и нашли...

Ерш протянул смятую бумажку. Это была какая-то схема, но какая — капитан сразу не разобрал. Уже потом, в Петербурге, отлавливая последних народовольцев, допрашивая, играя с цепляющимися за жизнь мальчишками, Судейкин узнал про схему сквозных дворов и зданий, знаменитую схему конспиратора Дворника: 305 дворов в столице, 278 в Москве. И еще была одна — киевская: 134 дома, через которые можно ускользнуть от слежки. И тут успел Михайлов.

Хорошо, что капитан не доложил о своем сидении на колокольне полковнику Новицкому. Вот вышел бы конфуз. К тому же полковник на днях говорил о талантливом сыщике военному прокурору генералу Стрельникову, человеку влиятельному, вхожему к Государю. Протекция такого чина могла обеспечить успешную карьеру в Петербурге. А Судейкин рвался туда. Тесновато было в Киеве. Мелкая сволочь лезла в силки. В столице бы он развернулся. И насчет народовольцев-крамольников имелись кое-какие замыслы...

«Спасибо-Саша-спасибо-Саша...» — стучали колеса. Загримированные до неузнаваемости, в купе спали Тигрыч и Техник. Спали вполглаза: и во сне боялись, чтобы не отклеилась борода.

А в Петербурге — новый удар: схватили Желябова. Не успел как следует подтолкнуть историю, которая движется слишком уж медленно. Не успел поехать в Самарскую губернию, чтобы поднять крестьянский бунт. И Царя не успел взорвать.

Властного любовника Перовской арестовали вместе с членом Исполкома Михаилом Тригоном в меблированных комнатах госпожи Мессюро.

Соня точно обезумела. Ее словно бы напоили отваром дурманящей бешеницы. В мстительной тоске по Андрею она металась по городу, все делая не так, но в то же время попадая в точку, бледным лунатиком проходила невредимо по самым опасным местам, рискуя погибнуть, но снова и снова — не погибала. Такой свою бывшую невесту Тигрыч никогда не видел.

Из Сониной сумочки, когда она ее открывала, кисло пахло черным динамитом. К утру 1 марта в подпольной мастерской Кибальчич с помощниками изготовили четыре метательных снаряда, два из которых Перовская тут же отнесла на Тележную.

«Нынче... Да, нынче он умрет! Непременно. Надо спешить...» — шептала она потрескавшимися губами; карандаш ломался в ее дрожащих руках, все это видели, но ничего сделать не могли: Соня, разрывая бумагу, чертила план на оборотной стороне конверта (вчера пришло письмо от мамы, милой мамы...) — дабы юным бомбистам было ясно, где стоять, откуда ждать сигнала, когда швырнуть сверток с гремучим студнем, из которого убийственные шарики разлетятся до двадцати сажень.

Метальщики выглядели взъерошенными птенцами, попавшими в силки. И сердце у Тигрыча сжалось. Строки из завещания Дворника вспыхнули в ставшей цепкой памяти: «Завещаю вам, братья, не посылайте слишком молодых людей в борьбу на смерть. Дайте окрепнуть их характерам...» Почти крикнул об этом Перовской, перекрывая гул взволнованных голосов. Та повернула к нему серое лицо, упрямо и недобро усмехнулась.

Он понял, что все пропало. Что дни «Народной Воли», которую с такой любовью выпестовал Дворник, сочтены. И то, о чем они договорились с Михайловым, с Желябовым и, кажется, во многом сошлись (с таким трудом!), — все рассыпалось на глазах, летело в геленджикскую пропасть.

По плану Перовской, дело решит взрыв на Малой Садовой, под которой из сырной лавки Кобозевых (Юра Богданович и Аня Якимова) еще в феврале сделан подкоп, заложено два пуда динамита. Чаще всего по воскресеньям Царь проезжает именно здесь. Если же он вдруг изменит маршрут, то на Екатерининском его встретят метальщики со снарядами; это ведь еще Катюша заметила (или — Соня?), что на повороте от Михайловского театра на набережную канала кучер задерживает лошадей, и карета едет почти шагом. Лучшего места для подрыва не найти.

Мину под мостовой вели самые сильные — Желябов, Колодкевич, Баранников (Савка), Фроленко, Исаев, Саблин, Суханов и Дегаев. Лучше других действовал буравом отставной штабс-капитан кронштадтской артиллерии Сергей Дегаев, коренастый, с тяжелым подбородком, насупленно-упрямый в душевной подземной работе. Тигрычу он казался добрым малым, вполне надежным партийцем, пусть и недавно примкнувшим к «Народной Воле». Веселила чрезмерная восторженность, с которой Дегаев относился к ним, революционным авторитетам. Лев долго хохотал над случайно услышанным признанием штабс-капитана: «Видите ли, Фроленко, я бы счел за счастье поцеловать Тихомирова...»

Тигрычу приходилось бывать в хлебосольном доме Дегаевых. Мать Сергея была дочерью известного писателя Полевого, знала языки, много читала, грезила литературно-политическим салоном, и, в конце концов, устроила у себя нечто подобное.

— Надеюсь, вы понимаете, — доверительно шептала Наталья Николаевна жующему пирожное Тихомирову, — что дети мои — исключительные личности. И все станут знаменитостями. Непременно! Посмотрите на Наташу. Мы ждем больших успехов от ее артистических выступлений. А еще... — пухлые губы мадам Дегаевой и вовсе приблизились, зашекетали ухо. — Я открою вам тайну: в нее безумно влюблен великий революционер Петр Лавров. Брошюру «Социализм и борьба за существование» он посвятил ей. Да-да! Я вам доверяю... Об этом никто не должен знать.

Удивленные глаза Тигрыча крутились еще быстрее, пирожное предательски норовило соскользнуть на пиджак; Наташа, манерничая и подвывая, читала написанную белым стихом драму собственного сочинения (что-то про революцию, про Робеспьера, Марата и Дантона), и Лев с нетерпением ждал, когда же, наконец, появится бесстрашная Шарлотта Кордэ и заколет отмокающего в ванне Марата. Почему-то верилось: сразу наступит тишина и можно будет попросить еще чаю.

— Ах, какую сенсацию вызвали в театре Наташа и Лиза! — продолжала мадам Дегаева. — К слову, Лиза — блестящая пианистка... Вообразите, Лев, мои девочки появились в ложе — одна в белом, другая — вся в черном. А сыновья... Уверена: и Сережа, и младший Володя сделают себе карьеры на революционном поприще. Это ведь так романтично, правда?

Долго думать о штабс-капитане Дегаеве сегодня Тигрыч не мог. Вставало над Невой, похрустывало ледком, звенело редкими конками Прощеное воскресенье 1881-го.

— Прости, Соня... — сорвалось вдруг с губ. Она не слышала, недоуменно вздернула плечики, заторопила Фроленко: пора, мол, в сырную лавку, сигнала ждать. Тот не спешил, пил красное вино, закусывая колбасой, кусками разложенной на синей сахарной бумаге.

— Успею. Я должен быть в полном обладании сил, — спокойно улыбнулся Николай, словно это не ему предстояло сомкнуть в подвале провода и, возможно, погибнуть от взрыва на Малой Садовой. Но с Царем погибнуть, только с ним — это другое, совсем другое.

Тигрыч шел по Вознесенскому проспекту, обдуваемый тяжелым промозглым ветром. Одно радовало его: отправил Катюшу с дочкой в Орел, к родителям жены. К тому же Катя снова была беременна, на втором лунном месяце. Не нужно ей этого видеть...

Он же каким-то странным, непостижимым зрением видел все; видел напряженными, несущимися по кругу тревожными глазами даже то, что в обычные дни навсегда ускользнуло бы от его цепляющегося за подробности взора.

Вот не к месту усмехающийся Рысаков в кургузой шапке до бровей, вот Соня с белым платочком у покрасневшего носика, вот Гриневицкий (ласковое прозвище: Котик) прощально кивает головой, вот Вера Фигнер нервно кружит у памятника Екатерине Великой, вот по улице бежит Исаев: Царь не проедет мимо сырной лавки, не проедет... Значит — снаряды. И пускай в их силу не верит даже сам Техник. Соня верит. Стало быть, или сегодня, или никогда...

И бубнит, бубнит сипловато Кибальчич: «Помните же: метательные мины взрываются при бросании от удара. Сообщение огня в снаряд устроено так: к дну припаяна гайка, в которую ввинчена латунная трубка... Трубка имеет посредине уширение и верхним концом укрепляется жестяной планочкой в задержке... В латунную трубку вставляется стеклянная трубочка, наполненная серной кислотой. Внутренняя поверхность латунной трубки спудрена смесью антимония и бертолетовой соли...»

И усталый царский голос: «Что вам нужно от меня, безбожники?»

Тигрыч шел и никак не мог вспомнить, где он оставил образок Святителя Митрофана Воронежского, подаренного мамой? На Подольской? В Троицком переулке? На Невском или Вознесенском? А может, у брата Володи? Кажется, да. Почему он подумал сейчас о крохотной иконке? Ответа не было.

Лев равнодушно прошел мимо слащавых, академически прилизанных «Поцелуйных обрядов» и «Боярских свадеб». Остановился у «Аленушки» какого-то Васнецова — не то из Вологды, не то из Вятки. Да и остановился потому лишь, что сам автор — сутуловатый молодой человек с темной бородкой — рассказывал о картине зрителям и репортерам. Понятно, о красоте человека из народа, о тоске, одиночестве и русской печали, о сказках его, о темном омуте с неизъяснимыми тайнами, в который всматривается девушка, но не по силам ей пока изведать сокровенность собственной души.

«Эх, брат, — пронеслось в голове, — тебя бы с картиной в то шальное лето, когда все в народ пошли. Запоздал немного. А ведь в народники бы записали. Молились бы. Жаль, все напрасно...»

Он поймал на себе мгновенно-острый взгляд художника; тот, показалось, улыбнулся ему. Широко улыбнулся, словно уже предвидел многолетнюю верную дружбу, заранее открываясь ей — просто и радостно. Впрочем, это случится еще не скоро, в другой жизни, совсем в другой. И в жизни той Виктор Михайлович Васнецов, близоруко щурясь цепкими глазами, тонким пером будет рисовать, придумывать новый шрифт, особый, выразительный — специально для книги «Монархическая государственность», которую за пять трудных лет напишет он, Лев Тихомиров.

Напишет? Да неужто такое приснится в самом кошмерическом сне? Приснится ему, нынешнему Тигрычу? Идеологу, умственной силе «Народной Воли», партии, насмерть сцепившейся с самодержавием. Ловкому наблюдателю за выездами Царя, опытному конспиратору, умеющему стрелять из-под руки и уходить сквозными дворами при малейшей опасности.

А опасность была. Она возникла рядом: это он почувствовал кожей. Оглянулся: прямо на него шел чернявый бонвиван Петенька Рачковский, бывший радикал, теперь — агент охраны, разоблаченный Капелькиным. «Ага, значит, вернулся из Вильно? Больше не боишься нас? Или... Или понял, что организация дышит на ладан? Подлец...» — задохнулся на миг от гнева. Но гнев — враг конспирации. Взял себя в

руки, шагнул за колонну, и дальше — беззаботно и одновременно стремительно — пошел кружить по залам. И вдруг остановился, как вкопанный: в лицо полыхнула картина — «Утро стрелецкой казни». «Суриков, Суриков... Из Сибири...» — пронеслось в тревожном воздухе.

Собственно, казни еще не было. Но было что-то страшнее, смертельнее, чем сама смерть — предчувствие гибели, крови. И этот волчий взгляд рыжебородого стрельца, скрестившийся с царским взглядом: злой, непокорный бунтарь и хмурый Петр I, древняя молитвенная Русь и вздыбивший страну реформатор, окруженный иностранцами.

«Как сильно... И что за люди. Русский народ... И они идут на смерть без колебаний, — запульсировало в горячей голове. — А мы? Мы тоже... На смерть... Но теперь все наоборот. Да-да! Тогда Царь хотел, чтоб в России было как в Европе. Народ противился, стрельцы взбунтовались. Петр был революционером на троне. Так? А нынче мы хотим как в Европе: конституция, парламент, республика... А народ? Не знаю... Кравчинский, Михайлов, князь Кропоткин брали иностранные деньги — на революцию. Выходит, теперь мы с иностранцами? Да нет же, нет! Пора уходить... Если сегодня Перовская... Если сегодня все случится. И эта картина... Казнь. Какая страшная связь...»

Толпа у суриковского полотна становилась все гуще. Тигрыч с усилием оторвал взор от готового умереть стрельца, попятился, наступил кому-то на ногу, извинился. И тут дрогнули, зазвенели стекла в высоких оконных рамах. В зале повисла тишина, сквозь которую пробился надтреснутый голос:

— Господа, это... Это динамит. Возможно, новое покушение...

Публика вдруг отшатнулась от картины. Толпа увлекла за собой и Тихомирова. Когда он был в дверях, раздался еще один удар — далекий, тоскливо отозвавшийся в сердце.

Он еще долго бродил по городу. Заглянул в карточный клуб: уж сюда-то наверняка сходятся все слухи. Большая часть гостей была занята игрой, будто бы ничего не случилось. Тигрыч выпил водки в буфете и — о чудо! — водка, пожалуй, впервые подействовала на него. Подсел к игрокам, спросил развязно, почти зло:

— И что же?... Взорвали?

— Тяжело ранен. Три в червях... Увезен к себе... Два без козырей, — коротко бросил господин с седым бобриком, сладко затягиваясь сигарой.

Царя увезли в санях полицмейстера Дворжецкого. Страшное совпадение: сани стремительно нес знаменитый конь

Варвар, когда-то умчавший от жандармской погони князя Кропоткина, Сергея Кравчинского, а затем плененный и поставленный на государеву службу.

На многолюдной Дворцовой Лев посмотрел на часы: 3.35 пополудни. Он поднял глаза на флашток Зимнего и увидел, как медленно спускается императорский штандарт, оповещающая о кончине Александра II.

Все. Охота на деспота окончена. Почти 18-месячная охота. Приговор Исполкома приведен в исполнение. «Народная Воля» слов на ветер не бросает.

В тот вечер он не пошел на конспиративную квартиру у Вознесенского моста. Признаться, не хотелось встречаться с Соной, видеть синий победный пламень в ее торжествующих глазах: «Видишь, видишь, мы отомстили! Я отомстила... А ты...»

Перовская, конечно, ждет уличных волнений, неповиновения правительству, да что там — возможно, немедленной революции. И другие тоже ждут. Когда еще наступит более подходящий момент — междуцарствие? И кто же поведет восставших, как не доказавшая свое первенство грозная «Народная Воля»?

Но ничего подобного не происходило в тот ветреный вечер. Тигрыч дотемна толкался среди тысяч горожан, заполнивших площадь и улицы. Тут были рабочие, ремесленники, торговцы, мелкие чиновники, кухарки и прачки, крестьяне из ближних деревень, юные офицеры, извозчики в синих кафтанах с белыми номерами на спинах, гимназисты, учителя... И с каждым шагом, с каждым взглядом, пойманным им в огромной толпе, ему становилось ясно, что народного беспорядка, этого чаемого социалистами немедленного последствия катастрофы, не будет. Съезжались марш-маршем отряды казаков, но совершенно напрасно: переполненные скорбью люди сами были охраной и опорой полнейшего порядка.

Тигрыча отнесло, прижало почти к лошадям. Он услышал простуженный голос рябоватого хорунжего:

— Вот сказали бы: это народ Государя убил — пошли бы на народ, все вдребезги бы разнесли! Ни друзей, ни родичей не пожалели бы, все в прах конями б растоптали...

— А отца родного? А мамку? — отозвался ломкий молодой голос.

— Да кто уж там разбирать станет! — со всхлипом отрубил хорунжий. — Потому как Царь, коего любили и обожали. Помазанник... И волю народу дал.

Кто-то с силой дернул Льва за рукав.

— Скубент? А ну-ка давай туда, к штабу! — потянул за собой рыжебородый мужик в картузе, сильно смахивающий на стрелца с картины.

Но другой мужик в овчинном полушубке нараспашку выручил Тигрыча:

— Пусти, Проша, староват он для скубента. Вон стоят, лыбятся. Их бери за шкирку..

Освобожденный Тихомиров снова поплыл в толпе. Негодование к преступлению, ужас от пролитой августейшей крови, сострадание к убиенному монарху — вот чем дышала она, и это скорбное дыхание Лев ощущал почти физически. Малейший проблеск сочувствия к злодеянию, да что там — просто равнодушие к общерусской беде, все это мгновенно и чутко схватывалось людьми, толкало их к мести, к сиюминутной расправе. Но и расправа была другой — никого не терзали, не били в юшку распластанного на мостовой. Тигрыч видел, как мимо тащили к полиции всякого подозрительного, и во дворе Главного штаба сам собой образовался приемный пост, охраняемый добровольцами. Не было яростных криков, никто не давал волю чувствам — насколько они были глубоки и сильны.

«Народный порядок. Народная самоорганизация перед лицом несчастья... Вот ведь оно!» — выбрался Тигрыч на Невский проспект.

В понедельник все собрались в квартире у Вознесенского моста. Сидели молча, ждали Перовскую. Даже балагур Фроленко пришел без бутылки вина и, надсадно вздыхая, устроился на стуле у подоконника. Дверь отворилась. Соня вошла своими мягкими, неслышными шагами. Повернулась к друзьям измученным, неживым лицом, обессиленно качнулась; Тигрыч едва успел подхватить ее.

— Ну и покончили с ним! Все теперь, Левушка (как же давно не называла его так!), — с трудом перевела дыхание. — Бомбы бросили сперва Николай, потом Котик.

— А Емельянов-то, Емельянов! — расхохотался Кибальчич. — Представляете, забыл, что у него снаряд в портфеле: стал помогать усаживать раненного Царя в сани...

Улыбнулись кисло, вяло. Соня вдруг порывисто прижалась к Тихомирову и расплакалась, беззащитно, по-детски, у него на груди:

— Мне... Мне снились... желтые иммортели... в луже крови.

Однако к вечеру Соня вполне овладела собой. Ее и Веру Фигнер уже захватила мысль о следующем покушении — на нового Государя. Хорошо бы взорвать мину под Малой Садовой, если Александр III поедет по ней из Аничкова дворца: ведь сырная лавка пока не раскрыта, Богданович и Якимова на своих местах; пусть посидят хотя бы пару-тройку дней.

— Это риск. Мы ставим на карту жизнь Ани и Юры... — возразил Тихомиров. Его поддержали Исаев и Кибальчич.

— Да, риск, — побледнела Перовская. — Но Исполком имеет право на него!

— Во имя дела мы... — поддержала подругу Фигнер.

— Мы вправе бездумно рисковать жизнями товарищей? Чушь! — возмутился Тигрыч. — Разве нас не просил в заветшании Дворник: беречь друг друга? Не сегодня завтра в магазин ворвется полиция и...

— Это трусость! — у Сони перехватило дыхание. — Если бы здесь был Желябов...

Все возмущенно зашумели. Перекрывая гул голосов, Лев крикнул:

— Богдановичу и Якимовой нужно уехать из Петербурга первым же поездом! Ая...

— И ты хочешь уехать? — улыбнулась ледяной улыбкой Перовская.

— А я... Я нынче же напишу письмо. Письмо новому императору Александру III. От имени Исполкома «Народной Воли».

— Конечно, конечно. Ты ж наша литературная сила...

Два письма были написаны этой мартовской ночью Царю. Одно — идеологом подпольной революционной партии Львом Тихомировым, другое — обер-прокурором Святейшего Синода Константином Победоносцевым.

«Ваше Величество: один только и есть верный, прямой путь — встать на ноги и начать, не засыпая ни на минуту, борьбу... — рвал пером черновики, мучительно подыскивал слова Победоносцев. — Весь народ ждет Вашего властного на это решения, а как только почует державную волю, все поднимется, все оживится, и в воздухе посвежеет... Последняя история с подкопом приводит в ярость еще больше народное чувство. Не усмотрели, не открыли; ходили осматривать, не нашли ничего. Народ одно только и видит здесь — измену... Простите мне мою правду. Не оставляйте Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведет Вас и Россию к гибели. Он умел только проводить либеральные проекты...»

Тревожные мысли проносились в голове бывшего царского воспитателя. Да, нигилизм развращает разум, убивает веру, рушит закон Божий. А если порушен закон Божий, то его место занимает закон человеческий — конституция. Был протоиерей в храме, а скоро будет властвовать мирской законник — велеречивый адвокатишко. А там и парламент-говорильня, и вскоре не в церковь люди пойдут, а на биржи. И Государь станет не перед Богом отвечать, а перед выборными представите-

лями, депутатами земскими, стало быть, которым хочется иметь доступ к казенным финансам. Ясное дело: денежка, что за сладкий приз! Не зря же либералы жаждут «увенчать здание» реформ конституционным образом правления.

Ах, что за беда — все эти реформы! И какой же важный, какой страшный момент: куда поведет Россию новый Царь? По безбожному ли западническому пути, сулящему соблазны и услаждение ненасытной плоти, или... Или остановимся, опамтуемся, чтобы остаться Святой Русью, бытием своим осуществляющей правду Божию на земле, Христов закон?

Но как трудно это, как трудно...

А в трех верстах от домашнего кабинета обер-прокурора тоже скрипело перо: Тигрыч, обжигаясь чаем, дописывал свое письмо; знаменитое письмо, которое войдет в историю под заголовком «Исполнительный Комитет Императору Александру III». Даже Карлу Марксу оно понравилось, и он отозвался из-за границы: «Это действительно дельные люди, без мелодраматической позы, простые, деловые, героические... Петербургский исполнительный комитет, который действует так энергично, выпускает манифесты, написанные в исключительно «сдержанном тоне». Его манера очень далека от... ребячливых крикунов, проповедающих цареубийство как «теорию» и «панацею».

Выходит, ему, Тигрычу, все же что-то удалось сделать — найти верную интонацию даже в таком грозном манифесте как требования «Народной Воли» к новому Царю. Он выбрал хорошее время: опустошенные, обессиленные кровавой удачей на Екатерининском канале, Перовская и ее помощники (сигналисты, техники, метальщики) почти не лезли в текст, и после вяловатого обсуждения письмо отнесли в летучую типографию. Один его экземпляр отпечатали на веленовой бумаге и по почте отправили лично Александру III.

Тигрыч писал то, во что верил тогда: силой подавить радикальское движение нельзя, ибо оно вызвано тяжелым положением народа. И если ничего не изменится, то страну ожидает «кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение».

Тут Перовская очнулась: не понравилось «судорожная». Считалось: революция — не болезнь, не судорога, а очищение, бодрое подталкивание слишком уж медленной истории. Но Тихомиров лишь отмахнулся, и Соня, вздохнув, ушла спать в соседнюю комнату.

Есть два выхода: либо революция, либо «добровольное обращение верховной власти к народу». «Народная Воля» со-

ветует избрать второй путь. И тогда... Исполком прекратит свою деятельность, успокоенные террористы разойдутся для мирной работы на благо русского народа.

Тихомиров никогда еще не писал Царю. И от этого сердце стучало по-весеннему гулко и смело. Он чувствовал себя дрессировщиком, грозно входящим в клетку к саблезубым хищникам. Удар хлыста — уверенная фраза, требовательная команда — и, готовые растерзать его обитатели клетки сидят как миленькие; будто и не знают, что перед ними — всего лишь слабый человек с глуховатым голосом и вращающимися глазами, состоящий из нежной тленной плоти.

«Итак, ваше величество (нарочно — с маленькой буквы), решайте. Перед вами два пути. От вас зависит выбор. Мы же затем можем только просить судьбу...» Хотел написать: молить Бога, но остановился. Это уж слишком. Довольно и того, что он явился сюда с траурной повязкой на рукаве — по случаю царской кончины. Пояснил: для конспирации.

«Дворник. Саша... Ты бы понял меня? Ты, великий мастер потаенных дел, партийных секретов. Или же успех конспирации, в конце концов, может завести в тупик? В тупик бессердечности, подлого обмана, измены? Ведь конспиратор должен быть виртуозом лжи, притворства, и не чувствовать при этом отвращения, укора совести...»

Трудный вопрос. И только ли для конспирации он надел повязку? А не вспомнил ли он, подходя утром к Вознесенскому мосту, старого учителя Решикова, тихо заплакавшего после каракозовского покушения? И еще — странное лицо гимназиста Андрюши Желябова...

Впрочем, довольно.

«... просить судьбу, чтобы ваш разум и совесть подсказали вам решение, единственно сообразное с благом России...» (Так-то, ваше величество! «Ваше великое — не перелезешь», — вспомнилось халтуринское, злое).

Не удержался, прочитал концовку вслух. Кружковцы молчали — торжественно и бездумно. Кажется, он снова берет верх — над всеми их подкопами, гремучими студнями, подсайдашными кинжалами, «медвежатниками», над сходками-встречами, гоньбой за предателями, знаками безопасности в штаб-квартирах, спорами, беготней от полиции, и именно эта беготня почему-то особенно мучила его: жертвенная борьба за народное счастье вдруг превращалась в мелкие стычки с охранкой.

Обстановку разрядил Фроленко, появившийся с бутылкой красного вина, колбасой и новой эпиграммой на Победоносцева:

Победоносцев — для Синода.
Обедоносцев — для Двора.
Бедоносцев — для народа.
И Доносцев — для царя.

Смеялись долго, громко, да так, что даже разбуженная Соня вышла к ним. И тоже улыбнулась. В последний раз.

Глава двадцать четвертая

Под аркой Гостиного двора остановилась, тяжело дыша, дама средних лет в темно-синем пальто с пелериной. Тихомиров не сразу заметил ее; больше волновал красный кант на брюках усатого прохожего, одетого в штатское: филер? жандарм? Так спешил, что штаны поменять не успел. Куда спешил? За кем? Уж не за ним ли, Тигрычем?

В последние дни шпиономания вконец извела его. Повсюду мерещились агенты охранного отделения. Еще бы: второй метальщик Котик скончался от ран в тот же день в Конюшенной больнице, но маленький Рысаков в шапчонке из выдры был жив и открывал следствию одного товарища за другим.

Ворвались в тайную явку на Тележной; здесь до последнего патрона отстреливался Коля Саблин, а затем пустил себе пулю в голову. В квартире арестовали его любовницу Гесю Гельфман, как позже выяснилось, беременную на четвертом лунном месяце.

И, наконец, 10 марта взяли Соню.

Министр внутренних дел граф Лорис-Меликов незамедлительно доложил Александру III: «... 10 числа, в 5 часов пополудни, на Невском проспекте, против памятника императрице Екатерине II, по указанию девицы Луизы Сундберг, задержана околоточным надзирателем 1-го участка Нарвской части Широковым женщина, проживающая по 1-й роте Измайловского полка с Андреем Желябовым... под именем вдовы Лидии Антоновой Войновой. Арестованная отказалась назвать свое имя... При осмотре у нее отобраны различные прокламации... По доставлении ее в с.-петербургское губернское жандармское управление арестованная в 11 часов ночи созналась, что она Софья Львовна Перовская. Как известно из показания Гольденберга, личность эта, живя в Москве вместе с Гартманом, принимала деятельное участие во взрыве 19 ноября 1879 года».

А вскоре в руки жандармов попали и остальные — Исаев, Ланганс, Фроленко, Якимова, Кибальчич, Лебедева... Из

членов Исполкома на свободе оставалось лишь трое — Вера Фигнер, Маша Оловенникова и он, Тигрыч.

Лев понимал: это — разгром партии. Как нелепо, смешно зазвучало теперь его письмо к Царю: слова, пустые слова. Центр «Народной Воли» обескровлен, сил на борьбу не осталось.

Он осмотрелся: усатый господин в брюках с жандармским кантом куда-то пропал. А женщина... Бледная, с исплаканным лицом, она все так же стояла в арке, неслышно шевеля бескровными губами. Что-то знакомое было в ней. Господи, да это же мать Перовской! Конечно, конечно, это она. Осунулась, постарела...

Первое желание — уйти, скрыться; ведь его тоже ищут и, наверное, фотокарточки идеолога «Народной Воли» есть у каждого филера.

— Варвара Сергеевна, — приблизился он, зашептал, понимая, что рискует головой. — Вам дурно? Я помогу... Помните меня? (Только бы не вскрикнула, не назвала громко по имени!).

Мать Сони вздрогнула, повела измученными глазами; утонувший в себе взгляд остановился на его лице. Казалось, она пытается вспомнить, узнать...

— Лев? Левушка?! Тихомиров?! — стала сползать по стене; Тигрыч успел подхватить ее.

— Тс-с-с! Нельзя... Прошу вас! — озираясь, приложил он палец к губам. — Меня могут схватить.

— А Соню... Соню мою уже схватили. Вы понимаете? Понимаете? Меня вызвали из Крыма...

На них стали обращать внимание. Лев почти силой отвел Варвару Сергеевну в кондитерскую Андреева на Невском, помещавшуюся в подвальном этаже. Они сели в маленькой задней комнате, как всегда полупустой, не догадываясь, что три недели назад здесь, за тем же столиком, над такими же пирожными сидела Соня и отдавала последние распоряжения юным бомбистам. Один только Котик спокойно съел принесенную порцию.

— Мне сказали... У Сони в этом ужасном доме... Предварительного заключения... отобрали вещи: пальто, золотое кольцо, пенсне, запонки к рукавичкам, две монетки по 20 и 5 копеек. И еще — маленькую воротниковую вуаль... — говорила и говорила Перовская, пытаясь согреть неживые ладони, обхватив ими стакан с горячим чаем. — Как вы думаете, Левушка, мне что-нибудь отдадут?

— Должно быть. Впрочем... — задохнулся от тоски Тигрыч.

— Знаю, знаю, вы любили Сонечку! И она тоже... — попыталась улыбнуться Варвара Сергеевна. — После вас, Лев,

останется ребенок. Вот если бы она родила девочку... Но она создана для другого! И — ничего... Пусть заберут золото, кольцо. И вернут маленькую... Да, совсем маленькую воротничковую вуальку. Ведь она пахнет Соней... Я пойду. Я попрошу мужа... Он действительный статский советник. Его знают при Дворе... Он должен пойти и попросить... вуальку..

У Варвары Сергеевны задрожал голос, она резко поднялась со стула; посуда зазвенела, молодой буфетчик повернул к ним сверкающую бриолином голову. Тихомиров с тревогой посмотрел в окно: из подвала был виден лишь промельк ног спешащих прохожих. И в этой толчее он вдруг заметил все тот же красный шнурок на брюках: снова филер? Определенно за ним, определенно... Успел удержать Перовскую; она грузно села, закрыв лицо рукой в черной перчатке. Судорожными глотками Лев выпил чай, ошупал в кармане револьвер, зачем-то зажмурился. Когда открыл глаза, то никакого жандармского шнурка в окне не было. Показалось? Конечно, конечно... Вспорхнувшее к горлу сердце охотно приняло счастливую догадку.

— Я была у Сони. Мне дали свидание... — сквозь приторно-тяжелый дух кондитерской пробился к нему голос Варвары Сергеевны.

— Что она? Как? — косясь на окно, спросил глухо.

— Мы почти не говорили. Сонечка просидела рядом, положив голову мне на колени. Тихая, словно больное измученное дитя... А жандармы... Они были тут же.

Нехорошо, тревожно дрогнула входная дверь — это Тигрыч сразу заметил. Будто кто-то (он уже понимал — кто) то открывал ее, то прикрывал, стараясь, должно быть, украдкой рассмотреть, что делается в кондитерской.

— Какое у нее лицо, вы помните? С мягкими линиями... — не в силах была остановиться Варвара Сергеевна. — Разве можно подумать, что она сделается...

— Да. Разумеется, нет, — пробормотал Тихомиров.

— Но Соня жила по убеждениям. И я уважаю... Она умела любить страдающих людей. Понимаете? И могла бы стать народной учительницей или пусть фельдшером, — Перовская неожиданно улыбнулась. — Она никогда не забывала составить для меня посылочку из сластей. И пастилы малиновой непременно...

Тошнота подкатилась к горлу.

— Голубонькой меня называла. И все просила, все просила: купи мне воротничок в тюрьму. Да только поуже, поуже! И рукой проводила по горлышку, по шее. Показывала, какой надо... Потеснее, значит. Проведет ручкой по шее и бледнеет. Почему, Левушка, почему?

— Не знаю, простите... — выдавил Тигрыч, все зная наперед.

Дверь стала медленно открываться; и, прежде чем она распахнулась, Лев успел нырнуть под стол, шепнул снизу:

— Скажите филерам: пошел в ватер клозет! Извините, прошу...

Все так и вышло. Ринулись в уборную. Не мешкая, Тихомиров вскочил и побежал к двери, унося на спине стол, с которого падали, разбивались стаканы и вазочки. У порога сбросил стол под ноги кинувшегося на перерез буфетчика; тот смешно подпрыгнул, свалился, даже на полу поправляя набриолиненную красоту.

— Левушка! Левушка! — кричала Варвара Сергеевна. — Прокурор Муравьев... Вы слышали о нем? Он будет главным обвинителем на суде. Это хорошо. В детстве они дружили с Соней... Она спасла его. А теперь... Он был влюблен, дарил цветы. Такие желтенькие...

— Иммортили! — рявкнул Тихомиров, ткнув в живот стволом «бульдога» перепуганного швейцара. — Открывай! Ну же! Застрелю...

Он ушел и на этот раз. Ушел сквозными подъездами, проходными дворами, по скользким камням набухших весенней сыростью переулков. Ушел, потому что назубок помнил тайные маршруты Михайлова, помнил схему друга, и друг этот из смрада Алексеевского равелина словно бы тянул и тянул, изнемогая, перед ним спасительную ариаднову нить.

Ночью его била дрожь. Губы вышептывали: «Иммортили, иммортили, вам они не надоели? Иммортили...» Хотелось в Орел — к Катюше, к дочке.

Иммортили... В переводе с французского: бессмертные. Как же приятно было Коленьке Муравьеву дарить лимонные, словно напоенные солнцем, букетики легких цветов милой голубоглазой девочке Соне! Тогда, в Пскове, жизнь казалась бесконечной.

Да, с французского... И ведь именно в Париже товарищ прокурора столичной судебной палаты Муравьев впервые серьезно задумался о смерти, о том, что светлое течение дней может враз оборваться. Слава Богу, рана от ножа злых апащей оказалась неопасной, он давно оправился, подлечился и теперь работал в Петербурге, как обычно, много.

И вдруг... «Вам доверено исполнять обязанности обвинителя в Особом присутствии Правительствующего Сената по делу о злодеянии 1 марта 1881 года, жертвой коего стал в Бозе почивший император Александр II Николаевич. В случае

успеха будете представлены к ордену Святой Анны I степени. Получите место прокурора Санкт-петербургской судебной палаты...»

Но разве он служил за ордена, за должности влиятельные?

Николай Валерианович ответил согласием и погрузился в изучение материалов дела.

Он понимал: убийство Государя — величайшее из злодеяний, когда-либо совершившихся на русской земле. Но не ясно было молодому прокурору, отчего горстка людей (едва ли более 50 человек), в напряжении всех своих сил ополчилась именно на самодержавие. Разве не знали они, что православная монархия — форма правления не заемная, таинственно-сакральная, выработанная за века русскими совершенно самостоятельно (Богом данная!); всякие же республики, парламенты и прочая — то принесено неразборчивыми революционными ветрами с Запада, и неизвестно, приживется ли сие на нашей почве, и не вырастет ли потом такой уродец, что останется лишь за голову схватиться. И еще поражало его, что действовала «Народная Воля» вовсе не по воле народной, а по своему упрямому и жестокому разумению, вбив в свои горячие лбы идею улучшения жизни через царубийство, страстно желая немедленно заменить самодержавие одного самодержавием всего народа. (Представлял, поживаясь, как многомиллионное население империи скопом карабкается на престол!).

Кроме того, подпольная партия, встав на путь кровавой терроризации, демонстрировала полное презрение к русскому обществу, к его чаяниям и раздумьям. Нигилисты все решали сами: кто сатрап, а кто друг; кому жить, а кому умирать. Непостижимо: бороться за интересы народа, общества, и при этом плевать на эти интересы. Рушить царство, основанное на главенстве духа, смирении ума и самоограничении плоти.

Но как же верно выразился писатель Достоевский — о самодержавии сказал, перед кончиной своей. Если смотреть глазами русских иностранцев (социалистов-нигилистов, ткачевых-лавровых), то это — тирания, а если по-русски думать, самостоятельно, без европейского обезьянничанья, — источник всех свобод. Мысль воодушевила прокурора — такой простой и ясной она была. Выходит, истинное народничество — есть исповедание идеи самодержавия. Именно, именно!

В Сенате торопили, и Муравьев уже начал репетировать прокурорскую речь.

«Господа сенаторы, господа сословные представители! Я чувствую себя совершенно подавленным скорбным величи-

ем лежащей на мне задачи. Перед свежую, едва закрывшуюся могилой нашего возлюбленного монарха, среди всеобщего плача Отечества, потерявшего так неожиданно и так ужасно своего незабвенного отца и преобразователя...»

Еще раз прочитал вслух. В гулком домашнем кабинете (тут не было ничего лишнего) слова звучали отчетливо и весомо. Тихо вошла мать; в ее глазах стояли слезы. Что ж, теперь — о злоумышленниках...

«...я боюсь не найти в своих слабых силах достаточно яркого и могучего слова, достойного того великого народного горя, во имя которого я являюсь теперь перед вами требовать правосудия виновным, требовать возмездия, а поруганной ими, проклинающей их России удовлетворения...»

Следяним негодованием Муравьев листал дела террористов — Желябова, Рысакова, Тимофея Михайлова (однофамильца Дворника), техника Кибальчича. И чем более вчитывался, тем страшнее ему становилось. Нет, не может им быть места среди Божиего мира. Им, отрицателям веры, бойцам всемирного разрушения и всеобщего дикого безначалия, противникам нравственности, беспощадным развратителям молодости; повсюду несут они жуткую проповедь бунта и крови, отмечая убийствами свой отвратительный след. Все, дальше идти им некуда: мера злодейства переполнена. Они запятнали Россию драгоценной царской кровью.

Признаться, немного жаль было Кибальчича. Даже генерал Тотлебен обмолвился: «Таких нельзя вешать. Засадить бы в тюрьму и пускай изобретает...» Говорили, что в камере он просит бумаги — для проекта воздухоплавательного прибора.

Но среди цареубийц была единственная женщина, названная душой заговора. Необъяснимое волнение охватило прокурора, когда он перевернул страницу.

Та-а-к, та-а-к... Ага, «в той же местности события... по странной случайности... была задержана женщина, которая с первого же слова захотела откупиться взяткою в 30 рублей. А когда это не удалось, должна была признать, что она сожительница Желябова — Лидия Воинова, в действительности же...»

Воздух кончился. Показалось Муравьеву, что со скользких досок детского паррома он снова срывается в темный пруд и с застывающим от страха сердцем идет ко дну — навстречу звонко вспыхивающим зеленым пузырькам, и этот звон нарастает, заполняет все вокруг. «Соня! Соня! Ты спасешь меня! Спасешь...»

Дочитал: «...в действительности же — Софья Перовская. У Перовской большое революционное прошлое».

Перед глазами поплыли лимонные круги, — словно бы кто-то махал на прощание легкими букетиками иммортелей. Не может быть! Соня?!

«Цареубийца. Сожительница Желябова. А еще раньше этого... Тихомирова. Вон его книжонка «Сказка о четырех братьях»... Помнится, Победоносцев передал — для ознакомления. Из МВД сообщили: прокламацию дерзкую и письмо исполкома «Народной Воли» к новому Государю — тоже его рук дело. Кличка у прохвоста... Да-да, Тигрыч. Судейкин его ловит, никак не поймает...»

Кудрявый мальчик в матроске, белокурая девочка в нарядном платье с турнюром. И добрый пони, уносящий их по золотой аллее губернаторского сада. Пони идет мерным шагом, и стук копытцев все глуше, все дальше.

Это если прикрыть измученные глаза. А если открыть? И тотчас всхрапывают, бьют копытами другие кони; изящная курсистка, так похожая и непохожая на девочку из сада, машет кружевным платком, огненный столб взмывает вверх, отгрызая динамитным оскалом заднюю часть царской кареты. Раненые, много раненых. Но главное — там тоже мальчик: бьется в грязи, кричит от боли. И оглушенный Государь, отклонив помощь, спешит к ребенку, потому что он отец... Да, он отец всего народа и этого мальчишки, кажется, Захарова. «Народная Воля», народовольцы... Как страшно: Соня с ними. Но, может быть, народничество — истинное, без прокламаций — совсем в другом? В том, хотя бы, что Царь в минуту смертельной опасности думает не о себе. И тут его убивают, потому что в этой высшей тревоге о судьбе своего подданного, о безвинно страдающем мальчишке, о каждом из «малых сих» — он беззащитен. Его легко убить.

«Соня, Соня... Что же делать, дорогая моя? Теперь тонешь ты, а я стою на палубе парома, и мне не по силам ничего сделать, — темнел прокурор бессонным лицом. — Но как ты могла, как посмела? С циническим хладнокровием расставляла метальщиков...»

Казнь назначили на 3 апреля. Спешили: всего лишь два дня назад вынесли приговор.

Загримированный Тигрыч метался между Орлом и Петербургом. Он привозил статью в «Дело», отдавал редактору Шелгунову, а после кружил по питерским улицам; в редакции только и говорили о речи философа Владимира Соловьева на Высших женских курсах. Именитый профессор бросал в притихшую публику: нельзя осуществить на земле правду путем убийств; только извращенное христианство могло

дойти до мысли осуществить ложно истолкованное Царство Божие путем внешних средств — путем насилия... Выходило, что философ осуждал народовольцев.

Но за несколько дней до казни в переполненном зале Кредитного общества он уже поучал Государя: «Пусть царь и самодержец России заявит на деле, что он, прежде всего, христианин, а как вождь христианского народа, он должен, он... (профессор побледнел от собственной отваги, красиво откинул со лба длинные волосы). Он обязан быть христианином. Он не может не простить их! Он должен простить...»

Последние слова утонули в аплодисментах. Тигрыч, прячась за колонной, тоже не жалел ладоней. Совсем скоро он увидит, как из плотной толпы летят комья грязи в тела уже повешенных цареубийц, его товарищей по борьбе. Эти комья бросала другая Россия. Другая, так и не узнанная «Народной Волей». О ней думал обер-прокурор Священного Синода Победоносцев, когда, задыхаясь от гнева, спешно писал Александру III: «Я русский человек, живу посреди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, Ваше Величество, — да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности...»

Трудно дался этот процесс Муравьеву, исполняющему обязанности прокурора при Особом присутствии Правительствующего Сената. Мало кто знал, сколько молитвенных слез он пролил, сколько мук пережил. Конечно, Соня... Ныло сердце, когда он смотрел на нее. Но Соня не сводила глаз с Желябова, а тот скалился, огрызался, высмеивал первоприсутствующего, и Перовская устало и нежно льнула к любовнику. И хорошо, потому что так она отпускала Николая Валериановича, отдалялась, таяла в кущах губернаторского сада.

Прочь, мечтательность. Прочь, воспоминания. Пони, добрый трудяга пони увез девочку. Навсегда.

Вскоре он вполне овладел собой; голос зазвучал совсем прокурорски — напористо, грозно. Тревожило только одно: тяжкое, невыносимое впечатление производил этот процесс, потому что позволял цареубийцам выставляться сильной партией, имеющей право на существование, свидетельствовать о своем торжестве, быть героями-мучениками. Это походило на парад, который лишь смущал умы, общественную совесть, прельщал и соблазнял неокрепшую юность.

«Зло должно быть пресечено силой, иначе зло будет торжествовать, самоутешаясь безнаказанностью, развращая этой безнаказанностью нестойкие души, повергая их в грех; но и

носителя злодейства нужно остановить, чтобы он более не нарушал Христовых заповедей, не грешил. Остановить и спасти от вечной смерти его душу. Остановить любыми средствами... — простая и ясная мысль открывалась прокурору Муравьеву. — Но все то, что сотворил Бог, сотворено добрым. Зло сотворено по собственной человеческой воле. Выходит, зло — одно из явлений свободы? Ах, как же много царевичицы говорят на суде о свободе...»

И вот: «Посему Особое присутствие Правительствующего Сената определяет — подсудимых: крестьянина Таврической губ. Андрея Ивановича Желябова, 30-ти лет; дворянку Софью Львовну Перовскую, 27-ми лет, сына священника Николая Ивановича Кибальчича, 27-ми лет... на основании ст. Уложения о наказаниях... лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешение...»

Но зачем, зачем столько солнца? С восьми утра оно заливало огромный Семеновский плац, примыкающие к нему улицы и переулки. Над мостовыми висело марево, и от этого казалось, что все вокруг струится, и в этих струях нездешне и ломко плыло, поднималось, мерцало обширное место казни — с толпой горожан, шпалерами войск, эшафотом с виселицей, подъезжающими к площади позорными колесницами.

Тигрыч почти бежит к Литейному. Драгоценное время уходит, но он еще верит, что товарищей можно спасти. Наспех принят план, и по этому плану на трех выходящих на проспект улицах должны собраться человек триста распропагандированных Рысаковым рабочих. Рабочие разделятся на группы: на крайних улицах — малые, на средней — большая, ударная. Член кронштадтского кружка «Народной Воли» лейтенант Эспер Серебряков предложил: когда колесницы поравняются со средней улицей, то все три группы по сигналу бросятся вперед, в толпу, прорывая шпалеры войск. Дело боковых групп — посеять панику, замешательство. Ударную поведут морские офицеры. Но где же они? Где рабочие?

В отчаянии Лев подбегает к случайным зевакам в заводских картузах:

— Вы? Вы?! Чего медлим?

От него шарахаются, как от полоумного.

— Простите... Я ошибся, — и тут же отчаянно свирепеет: «Простите? Это когда каждое мгновение решает — жизнь или смерть?!»

Задумано, что рабочие возьмут колесницы в круг, и ловкие морские офицеры вскочат, обрежут веревки на осужденных, и тут же увлекут их в толпу, а там — в переулок, к ожидающим каретам...

Никого. Ни фабричных, ни кронштадтцев. Должно быть, что-то случилось.

Лучи бьют в лицо Тигрычу, и это очень опасно: свет открывает, разоблачает грим; любой, даже начинающий филер может взять его в оборот. Но Лев не думает об этом. В груди тесно от горького жара.

Все пропало. Время упущено. Господи...

По бесконечной Николаевской он пробирается в толчее к плацу, чтобы увидеть Соню. Зачем? Он и сам не знает.

Колесницы совсем рядом. Пять фигур в черных арестантских шинелях — точно большие больные птицы. Где? Где она? Да вот же, вот! Невольно подался, шагнул с тротуара, наткнулся на окрик: «Назад! Па-а-апрушу! Не положено...» Но и окрик помог. Показалось, что Соня вздрогнула, подняла на него утонувшие в сером лице пронзительно посиневшие глаза.

«Прощай. Не смогли. Но... Зачем? Все напрасно», — сами вышептали пересохшие губы.

Вертится на колеснице Кибальчич:

— Соня, я хочу найти философскую формулу, которая бы убедила меня, что жить не стоит. И как ни ломаю голову, никак не найду: жить так хочется...

Глупости, конечно: Тигрыч ничего не слышит. Только скрип колес, отдаленную барабанную дробь, взвизги флейты. И еще — перестук военных каблуков, глухие хлопки: это озябшие офицеры топчутся, бьют перчатками по бокам, пытаясь согреться.

— Эй, Тучков, не желаете ли тепла вовнутрь? — зовет лейб-гвардеец приятеля из оцепления. — Тут шинкарь нашелся, буфет с водкою в подъезде открыл. Ловок, каналья!

Тигрыч идет за офицерами. Улыбчивый еврей, обнажив влажные десна, наливает ему водку в большие рюмки; он пьет и снова пьет, но все без толку — лишь быстрее и причудливее струится в утреннем мареве происходящее вокруг.

— Господин Обухов! И вам бы в буфет, — советует субъект в фуражке с наушниками. — Застудитесь. Кумоха, не дай Бог, привяжется...

— Нельзя. Служба у нас с тобой.

Ясное дело, агенты охраны. У этого Обухова даже брюки все с тем же красным шнуром. Тихомиров чувствует на себе цепкий взгляд, но ему все равно. И филер понимает, что ему все равно, и потому почти равнодушно отводит глаза.

Из притормозившей пролетки кто-то бросает в колесницу букетик сухих иммортелей. Но цветы не долетают до Сони. Падают на булыжник, и лошади давят их.

Кто же это? Кто? Пролетка уносится прочь.

В толпе — голоса: бранят царевубийц. А царевубийцы целуются на прощание. Вот Желябов склонился к Соне... Наверное, он так же склонялся к ней в их комнатке на 1-й роте Измайловского полка. Ему-то, Тигрычу, какое дело? Ревность? И что за наваждение — ревность к висельникам? Чуть...

Ничего, еще есть несколько секунд. Сейчас, вот сейчас на эшафот ворвутся отчаянные лейтенанты, рабочие и...

Тишина. Только бьют барабаны и по-бабы взвизгивают флейты. И дикая команда: «На караул!»

Кибальчича повесили первым, следом — грузного Тимофея (лишь с третьего раза). Теперь палачи в синих поддевках накладывают петлю на шею Перовской. Тигрыч в упрямом ожидании все еще крутит головой: а вдруг еще успеют, отобьют? Он тоже готов; вот и револьвер в кармане. Лев понимает, что смотреть нельзя, но смотрит, как замороженный. Марево увеличивает, приближает веревку к его вращающимся глазам; он видит каждую ворсинку, каждый грубый серый извив... Петля коснулась нежной прямой шеи, которую он когда-то любил целовать. Как давно это было! Да и было ли? Теперь, перед смертью, Соня все равно смотрит на Желябова, а тот — на нее. Ну и пусть, пусть! Простите... Прощайте, друзья!

Палач кивает головой: сейчас все будет кончено. И тут Соня цепляется ногами за выступающую часть лестницы, да так сильно, что два дюжих молодца не могут оторвать от перекладины ее словно приросшие к дереву ступни. Начинается борьба — судорожная, безмолвно-жуткая. На помощь палачам приходит еще кто-то, и еще...

Но Тигрыч этого уже не видел. Наталкиваясь на прохожих, он брел по залитой солнцем Николаевской. Оглянулся только у овощной лавки, и лучше бы уж и не оглядывался: из гудящей толпы в темные силуэты повешенных летели комья льда и грязи.

— Тихомиров?! — вздрогнул от крика. Из подворотни шел к нему позабытый Зборомирский: испитое лицо, засаленная шляпа, давно не стиранный серый шарф. — Не признал друга любезного? А я помню... Как, съел мыш-то? Вижу, вижу, съел! Ха-ха!

— Вы обознались! — вскочил на площадку спасительной конки. — Обознались...

Потом было лето, следом осень пришла. Все складывалось удачно: филеры Судейкина так и не арестовали его. А в ноябре Катюша родила еще одну дочку — Верочку.

Глава двадцать пятая

И все же не зря красавицу Веру Фигнер прозвали «Верочкой-топни-ножкой». Презрев всякую осторожность, она уп-

прямо металась по губерниям, пытаясь собрать последние силы «Народной Воли». Где-то и вправду топала ножкой, где-то пускала в ход женские чары, и всегда успевала уйти от полиции или агентов «Священной Дружины» — в самый крайний момент успевала, когда и самовар после ее чаепития не остыл. Тигрыч просил ветреницу быть осмотрительнее, но та одно твердила: «Буду подбирать порванные нити и концы связывать в узелки. В Одессе у нас не проваленная печатня Сергея Дегаева. Ничего...»

В Одессе — это хорошо. Но в Петербурге всю разворачивался жандармский подполковник Судейкин, приглашенный в столицу на специально созданную для него должность: инспектор секретной полиции.

Итак, из старых членов Исполкома партии на свободе оставались лишь трое — Тихомиров, Фигнер, Маша Оловеникова, недавно удачно сбежавшая в Париж. Была еще и Катюша, да она не в счет: куда ей с малютками на руках?

Однако девочек пришлось снова отвезти в Орел к родителям Кати, после и того дальше — в Новороссийск, где Христина Николаевна, поохав, взяла над крохами опеку. Даже Александра Александровича не послушалась: рассерженный на сына военврач был против всяческих послаблений неумемному социалисту...

Перебрались в более спокойную Москву. Вера Фигнер настойчиво предлагала ввести в Исполком молодого, умного и решительного Сергея Дегаева. Тигрыч уговаривал повременить. Огнеокая Верочка убежала, топнув острым каблучком. А он думал.

Думал в Москве. Думал в санных бегах по России. Шла зима 1882-го. Филеры охранного отделения шли за ним по пятам.

То, что убийство Александра II никак не потрясло основ монархии, еще раз убедило его в пагубности террора. Обновленному Исполкому он предложил созвать съезд народовольцев, который бы утвердил предложенную им реорганизацию партии, выработал бы новую тактику. Но большинство членов комитета не поддержали Тигрыча. Даже известный по «Чигиринскому делу» Яков Стефанович, вернувшийся с риском из-за границы для усиления «Народной Воли», выступил против. Да и что с него взять: авантюрист от революции, певец самозванщины, обмана, сочинивший подложный манифест, где крестьян подстрекал к бунту против чиновников и дворян — от царского имени. Под стать ему был и новый член ИК Герасим Романенко: все трын-трава, никаких принципов. И опять эта истерика: «Интеллигенция обязана вынести на сво-

их плечах политические свободы в России, пользуясь террором как средством!» Ну, чем не Николай Морозов, с его идеей кровавой борьбы по методу Вильгельма Телля и Шарлотты Кордэ? С той лишь разницей, что бедный «Воробей» уже сидит в Петропавловке, а Герасим еще прыгает на свободе.

Вообще, «Народная Воля» очень поюanela. Полицейско-революционный котел кипел вовсю. Начинающие нигилисты бегали по тайным сходкам, филеры бегали за ними. Облавы, аресты только оживляли эту, как ему казалось, бестолковую гоньбу. Правда, кое-что удавалось сделать: снова устроили типографию, восстановили «паспортный стол». Но все это происходило слишком уж неосторожно, шумно, совсем не по-старому. Пришли люди «пониженного ценза»...

Хорошо, что из Москвы им с Катей удалось уехать тайно. И все же на волжском льду, сразу после Лискова, сани вынесли их к дымящейся проруби, в которой тонул жандармский полковник; и он, революционер Тигрыч, спас его. Да не просто полковника, а, как оказалось, — самого Кириллова, начальника спецэкспедиции полицейского Департамента. Это у него служил оберегаемый Дворником контршпион Николай Капелькин, внедренный в III Отделение. (Ничего себе, совпаденьице!).

«Был полковник, стал покойник...» — нетрезво смеялся жандарм. Но ведь, bestия, узнал его! Повезло, что разморило водкой, уснул, а не то уж ему, Тихомирову, быть бы покойником. Это если Романенко поймают, то посадят в Домзак или отправят в административную ссылку. А для него арест — это казнь, виселица.

Романенко на пару с бароном фон Лауренбергом (тоже из новеньких) носился с идеей контршпионства: мечтали провестись в охранное отделение своего человека, на манер Капелькина. Ничего не вышло.

«Еще недавно мы были ловчее полиции, — размышлял Лев. — Мы получали сведения обо всех действиях правительства и жандармов. У нас были умные люди, а у них не было. Мы имели в их рядах сочувствующих нам, мы держали среди них своих агентов. Теперь — наоборот. У них — умные люди, у нас — мальчишки и дураки. У них — никто не изменяет, а у нас — изменник на изменнике, шпионство, малодушие... Ясно, что этому должны быть общие, более глубокие причины. Ясно, что мы почему-то не годимся, что мы делаем что-то не то... Впрочем, с такими отбросками ничего и нельзя сделать...»

Казалось Тигрычу: еще немного и отчаяние вконец одолеет его. Но этого не происходило — ни в Казани, ни в Ростове, ни в Харькове. Что же спасало? Он пытался понять это, ус-

лышать ответ — в скрипе санных полозьев, в уютном тепле заезжих станций, в шуме губернских городов, в щедром разноцветьи южных базаров. В одну из бессонных ночей пришла негромкая, спокойная мысль: Россия спасала. И в этом надо было признаться.

Тигрыч поймал себя на том, что вполне охладел к собственной персоне, но зато с каким-то особым наслаждением наблюдал Россию, будто бы открывая ее заново. Он позже запишет: «Казалось, Россия здорова: таково было мое впечатление, страна полна жизненной силы — но почему же чахнет революционное движение?.. Мне это казалось невероятным противоречием...»

Дважды в Казани, по разу в Ростове и Харькове он был на волосок от ареста. Лев знал, чувствовал, что дни его сочтены. Но — Катя, она снова беременна (а если будет сын?), что станется с ней? Это терзало, мучило. Погибать никак нельзя. К тому же — задевалось самолюбие опытного заговорщика. Из стариков разбитой «Народной Воли» он остался один. Как же так: ведь они, народовольцы, прежде всегда были изобретательнее полиции. Теперь их переловили. Поймают его — и тогда полная победа. Чья победа? Жандарма Судейкина? Так? Этого Тигрыч допустить не мог. Почему? Да он и сам не знал. Впрочем, заговорщики его поймут..

Пользуясь отъездом Тихомировых, Вера Фигнер все же ввела в Исполком отставного штабс-капитана кронштадтской крепостной артиллерии Сергея Дегаева. Красавица топнула ножкой, и дело было сделано. И очень кстати, потому что подполковник Судейкин уже подцепил на крючок младшего брата Дегаева — Володю, исключенного из Морского кадетского корпуса за неблагонадежность и успешнее посидеть в Доме предварительного заключения. Вообще, Георгий Порфирьевич рыбаком был знатным; еще в киевскую пору, в нечастые дни отдыха ловил красноперок в Пуще-Водице сразу на две удочки, заразив занятием наезжающего в отпуск из Петербурга военного прокурора генерала Стрельникова, старинного приятеля жандармского полковника Новицкого.

Удобно: дернул одну удочку, следом другую. Что-то и попало.

С одним братом поиграл, потом второго взял за жабры. К тому же восторженная маменька Дегаевых страстно хотела, чтобы одаренные сыновья сделали революционную карьеру. У Судейкина же были свои виды. Через молодых честолюбцев инспектор охранного отделения надеялся выйти на ускользающего из его рук Льва Тихомирова. Арестовать Тигрыча — это было делом чести. Крупная рыбина...

Для начала подполковник, в чьем ведении находилась вся полицейская агентура Империи, просто пригласил Дегаева-младшего на «собеседование».

— А известно ли вам, любезный Владимир Петрович, — приветливо сиял он темными пронизательными глазами, — каким был официальный герб III Отделения собственной Его Величества канцелярии?

— Кандалы, наверное, — пробовал ершиться Володя.

— Нет, остроумец вы мой, нет! Платок, обыкновенный платок, символизирующий осушение слез. Ибо задачей ведомства было призрение вдов и сирот. Именно — защита самых слабых от злоумышляющих смутьянов! И вот до чего мы дошли... — горько вздохнул Судейкин и, показалось, смахнул слезу. — Да вам, наверное, не очень интересно?

— Отчего же? Напротив, — пожал плечами вчерашний кадет.

— А Победоносцев? — вдруг перескочил подполковник. — Только уговор: не выдавайте меня. Не выдадите? — понизил он голос.

Володя недоуменно хмыкнул.

— Верю. Вы человек чести. И потому скажу, что утверждает обер-прокурор: лучше уж революция русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть, последняя есть яд для всего организма... Каково? Признайтесь, разве я похож на выхоленного жеребца? — выписал новый словесный зигзаг инспектор. — Да еще с развязными манерами выправленного фельдфебеля, а? Ха-ха! Как выразилась одна ваша соратница из «Народной Воли». Софья Борейша. Припоминаете?

— Нет, — твердо ответил Владимир.

— Жаль. А не вернуться ли вам в Домзак? Гольденбергу понравилось: уединенное место, где славно предаваться восторгам глубоких размышлений... — еще приветливее улыбнулся Георгий Порфирьевич.

Дегаев позеленел.

— Увы, не все выдерживают. С ума сходят. Но Ломброзо доказал... Вы ведь знаете о Ломброзо? Конечно, конечно... Так вот он доказал, что все люди одержимы безумием. И не правых нет, ни виноватых. У вас свое безумие, у меня тоже и даже у Тигрыча — свое, собственное. Разумеется, вы знаете Льва Тихомирова?

Судейкин встал из-за стола и, поигрывая лопатками на могучей спине, стал спокойно прогуливаться по огромному кабинету. Начинаящий революционер загнанно следил за ним.

— Я не скажу...— буркнул Владимир.

— И правильно. У меня другая цель относительно вас. Ваше дело будет забыто, если вы окажете мне услугу...

— Шпионом? Доносить? Я не буду! — вскричал младший Дегаев, и тут же в голове пронеслось: «А что если... Если согласиться и — обвести жандарма вокруг пальца? Внедриться. Стать новым Капелькиным? Романенко об этом говорил. И фон Лауренберг. Да и Тихомиров бы поддержал...».

Он представил, как сам Тигрыч... Великий — из столпов! — Тигрыч жмет ему руку. К тому же, тон у инспектора был мягким и расслабляюще-искренним:

— Чтобы я посмел предназначить вас на роль шпиона? Никогда! Хотя бы из уважения к вашей семье. Да и вы слишком благородны для таких ролей. А посему — я не потребую от вас ни одного предательства, ни одной выдачи.

— Тогда... Я не понимаю... — развел руками Володя.

— Мое предложение, мой юный друг, состоит в следующем, — подполковник раздвинул шторы, поиграл листочками герани на подоконнике. — Мы все устали. И правительство тоже. Правительство желает мира со всеми, даже с революционерами. Оно готовит широкие реформы. И... Понимаете, нужно, чтобы вы, революционеры, не препятствовали деятельности правительства. Ведь мы вместе можем многое сделать...

Но не знал пылкий юноша, что не он нужен Судейкину, а его старший брат, деятельный член Исполкома «Народной Воли». И потому инспектор был готов на все. Даже за границу Володю послать: хорошо бы, дескать, европейские связи революционеров прощупать. Затем выманить, да и накрыть сбежавших заговорщиков.

Мало кто из радикалов тогда сразу понял, что такого умного, образованного сыщика в русской тайной полиции никогда еще не было. Даже легендарные предшественники Бенкендорф и Дубельт едва ли могли с ним сравниться. А когда дошло, наконец, то десятки деятельнейших народовольцев уже попались в силки, расставленные мощной и решительной рукой.

Нет, не зря инспектор сказал младшему Дегаеву про одержимых безумием людей. И самые одержимые — революционеры. А среди оных — первономерные, столпы заговора и бунта. Это те, кто умеет уловить самые сокровенные оттенки идеи, не замеченные даже более мощными умами и, благодаря сему, совершенно иначе осветить явление. Подполковник внимательно читал английского психиатра Генри Маудсли. Он понимал, что в юном сознании Владимира сказанное примет нужный ему, Судейкину, поворот. Как говорится, нужный оттенок идеи...

И вот еще о чем размышлял инспектор — о людской страсти к саморазрушению. Чем дольше он ловил и допрашивал нигилистов, тем больше обнаруживал схожие черты в психологии террористов и самоубийц. Уйти из жизни из-за неприкосновенности к ней. Смерть — как избавление от действительности, в которой нет места. Не тут ли ответ на вопрос, не дающий покоя Георгию Порфирьевичу с того дня, когда киевский террорист Валериан Осинский навел на него прыгающее дуло «бульдога»?

Пока восторженный Володя ехал в Женеву (как же: играет в кошки-мышки с жандармским сыщиком! переиграет — непременно!), в теплом Ростове Лев Тихомиров заканчивал статью для журнала «Дело». В статье «С низовьев Дона» не было ничего революционного. Так, организация рыболовных артелей. Подписался: И. Кольцов.

Они жили с Катей по фальшивому виду в крохотной квартире, почти на берегу реки; жили тихо, уединенно, ни с кем не знаясь. Он много писал, из «Дела» приходили неплохие деньги. Жена вела хозяйство, прислушиваясь к толчкам в округлившемся животе: младенец всюду постукивал ножками.

Временами Тихомиров забывал, что он — Тигрыч, дикий зверь, которого травят и не нынче—завтра вконец затравят.

В один из таких вечеров, когда сын (конечно, сын; и имя есть: Саша!) крутился под сердцем особенно бойко, Катюша произнесла то, о чем он никогда не думал; вернее, не решался подумать: вместе уехать за границу. Простая мысль потрясла его.

Неужели — надежда?

Уехать... Легко сказать. А деньги? А заграничные паспорта? Совсем еще недавно, когда гремела «Народная Воля», раздобыть паспорта было делом нескольких часов. Впрочем, чаще обходились без них: за умеренную цену знакомые евреи-контрабандисты брались переправить через границу любого социалиста, пусть и трижды приговоренного к смерти. Но новый Исполком все растерял, даже связи с евреями.

Тихомировы отправились в Москву.

Вера Фигнер надула коралловые губки:

— И ты бежишь? Достойно ли это старого народовольца, который...

— Который умирает, но не сдается? Так? — закончил с усталой улыбкой.

— Не обижайся, Тигрыч! Я все понимаю... — покосилась она на выпирающий живот Кати. — Скоро?

— Восьмой месяц пошел, — ответила Катюша. — Хорошо бы поспешить.

В душной комнате на Стромынке Кате явно не хватало воздуха. Лев вывел жену во двор, усадил на лавку. Вернулся.

— Отправь ее одну. В Париж, в Женеву — куда угодно! — вдруг шагнула к нему Фигнер, прижалась к плечу. — Мы будем с тобой... Мы будем собирать партию, будем действовать!

Вера, обворожительная Верочка... Сияющие, зовущие карие глаза совсем близко...

— Что ты, что ты, милая? — он почти оттолкнул красавицу-агитаторшу. — Мы ведь не уходим из дела. Вместе с Оловенниковой привлечем к выпуску «Вестника «Народной Воли» старика Лаврова. Его имя — реклама для партии! За границей много наших. Кравчинский, Кропоткин, Дейч, Вера Засулич... Будем готовить революцию...

— Хорошо. Поезжай, — холодно выдавила Фигнер. — Но на помощь не рассчитывай. Возможностей у нас нет.

— К тому же я давно хотел написать воспоминания о погибших товарищах. Там я смогу спокойно поработать... — словно бы оправдываясь, прибавил он, и тут же разлился на себя за это.

Итак, надеяться не на кого. К счастью, практичная Катюша вспомнила о своей подруге Настасье — сестре первого террориста Валериана Осинского, хранящей в Харькове память о погибшем на виселице знаменитом брате. И не только память, но и печать — скрещенные револьвер и кинжал.

Пришлось отправиться в Харьков. У Настасьи сохранились связи, она принадлежала к революционной аристократии. Однако и у нее возникли трудности. Да, студентов и курсисток вокруг бегало немало, и все были готовы одолжить свой паспорта спасающимся бегством нелегальным, но документы эти не подходили Тихомировым — хотя бы по возрасту. Кинулись к солидным либералам — напрасно: после царубийства и виселиц на Семеновском плацу те отшатнулись от «Народной Воли».

Осинской все же удалось устроить заграничный паспорт для Кати; вид для Тигрыча пообещали сделать чуть позже. Спешили. Катюше нужно было уезжать немедленно, чтобы ко времени родов она уже была в Европе, и все свершилось бы в спокойной обстановке.

В спокойной? Одной на чужбине, в интересном положении, без мужа? Она, прощаясь, неутешно плакала у Тигрыча на плече, а он улыбался сквозь наплывающие слезы, не узнавая собственной жены; ах, где же ты, бесстрашная орловская яacobинка-заговорщица, бредившая под началом стареющего ловеласа Зайчневского инсurreкцией? Отзовись, член

Исполкома грозной «Народной Воли», состоящая в группе «Свобода или смерть!» (Ни больше, ни меньше: или так, или сяк!). Рассмеши всех, разбитная кухарка «Аннушка Барабанова», стерегущая тайную печатню в Саперном от непрошенных гостей...

Не отзывалась, не смешила. Твердила только:

— А если сыру угличского захочу? Или малиновой пастилы? Ты приедешь?

— Спрашиваешь! Встану пред тобой, как лист перед травой! — пытался шутить.

— Тебе же не хочется уезжать. А вдруг — останешься?

— Да что ты? — ответил неуверенно. — Следом за тобой. А пока — в Ростов... Туда придут деньги от Шелгунова. Представь себе, дает за не написанные еще статьи. Будет тебе и на сыр и на пастилу...

Катя уехала. Через полторы недели Осинская прислала паспорт и ему. Лев глянул на фотографию и понял, что через границу не проедет: с фотографии на него смотрел черный, как смоль, армянин с ястребиной наружностью даже и близко не похожий на идеолога «Народной Воли». Ах, Настасья Андреевна, спасибо, разумеется! И добрый человек по имени Мелкон. Тебе тоже кланяюсь, но...

Он побрился до синевы — убрал бороду и баки. Театральный старичок-гример снова разложил свои оловянные трубочки с красками и под бормотание про великого Андреева-Бурлака в роли Подхалюзина три с половиной часа чернил кисточками его широкое лицо. Но, похоже, без толку: благородный образ смуглого Мелкона так и не проступил сквозь славянские черты.

По вокзальному перрону прогуливался крутоплечий господин в длинном летнем пиджаке и в брюках с красным шнурком. Тигрыч вспомнил его лицо: конечно, конечно, в кондитерской на Невском, где они встречались с матерью Сони, а следом он уходил от агентов охранки; и еще потом — в день казни, в ослепительную ростепель, наполненную барабанной дробью. Лев даже голос услышал: «Господин Обухов, и вам бы в буфет, водки бы выпить!...»

Жандарм? Начальник их летучего отряда?

Обухов быстрым филерским взглядом обтрогал фигуру Тигрыча, и вдруг впился острыми глазами в его глаза: да-да, их не изменишь — ни цвет, ни выражение, сколько бы ни трудился старый гример.

Все? Приехали, не отъехав?

Перехватило дыхание. И сразу же какой-то злой куражливый азарт встряхнул беглеца: пропадать, так с музыкой!

Не опуская глаз, с широкой улыбкой он двинулся прямо на Обухова и, поравнявшись с ним, изящным движением чуть приподнял шляпу и учтиво поклонился. Агент от удивления раскрыл рот и неожиданно для себя сделал то же самое. Со стороны выглядело, будто добрые знакомцы приветствуют друг друга, радуясь нечаянной встрече.

Теперь — не оглядываться.

Тигрыч отдал билет кондуктору и вошел в вагон, чутким слухом нелегала силясь отделить торопливое шарканье подошв спешащих на поезд пассажиров от тяжелого топанья сапог жандармов, взявших след. Все спокойно. Шарк да шарк. Вот кто-то высморкался. Заплакал ребенок. Ударил вокзальный колокол. Никто за ним не гнался.

Состав тронулся — мягко, почти незаметно.

Впереди было полтора суток пути — через Кременчуг до австрийской границы. На станциях он почти не выходил (конспирация!), старался побольше спать, чтобы скоротать время. Но в Волочиске пришлось покинуть вагон — это был последний русский пункт, за ним начиналась Галиция — и пересесть в австрийский поезд. В долгом ожидании состава Тигрыч вошел в вокзальное здание, взял кофе в буфете, повернул голову и обмер: на самом видном месте висела его фотография. «Разыскивается опасный преступник, обвиняемый в злодеянии...».

Боковым зрением заметил: со стороны кассового зала к нему мерно приближался патруль железнодорожных жандармов. Подло задрожали колени. «Неужели схватят? На пороге свободы. Глупо...» Обжигаясь, судорожным глотком он осушил чашку. Понимал, что надо уйти, но ноги словно приросли к полу.

— Вам дурно? Нужна помощь? — рыжеусый унтер с внимательными глазами шагнул к Тихомирову.

— Нет-нет! Благодарю. Оступился... — пряча лицо в кашне, выдавил он.

Скорее! От этой жуткой фотографии — на перрон, в ватер клозет, к поезду! Куда угодно...

Он почти побежал между скамеек, запнулся за чьи-то ноги и упал бы на пол, на витые чугунные спинки, но все тот же жандарм ловко подхватил его, удержал и бережно усадил рядом с каким-то толстяком. Тут же возникла морщинистая сестра милосердия, шумная особа с пузырьками, которые совала Тигрычу под нос, чем-то пахучим натурала виски, удивляясь, отчего так быстро чернеет вата (грим! проклятый грим!), приглашая поудивляться и толстяка, и самое страшное — жандармов.

— Паровозная копоть, — догадался унтер. — Поди ж, в первом вагоне ехали? И окно открыто...

— В первом! Открыто... Ехал... — с готовностью закивал он. — Благодарю, мне пора!

Выскользнул из рук сестры милосердия, бросился к выходу. На пороге замер, оглянулся: рыжеусый жандарм, склонив голову в сияющей каске, читал объявление о розыске революционера Тихомирова.

И снова повезло, и снова не было погони.

В вагоне офицер пограничной стражи отобрал у всех паспорта. Затем стали возвращать, вызывая по одному в кондукторское купе. Вскоре пригласили и его. «Ну, теперь-то конец, шабаш. Сличат фотографии, усы приклеенные оторвут...»

Но и опять все сошло с рук: честь честью вернули мелконовский паспорт, и через несколько минут поезд отстукивал первые версты уже по Галиции. Под этот стук рождалось озорное, почти детское: «Ставим жизнь свою на кон, но спасает нас Мелкон!» Губы расплзались в улыбке.

Признаться, поезд через границу не оставил никакого впечатления. А как он ждал его; воображение рисовало нечто грандиозное. Оказалось, так себе, пустычок: узенький ров, промелькнувший за пыльным окошком, по обе стороны — полосы ничейной земли. И все. С досады Тигрыч чуть не плюнул.

Из первых заграничных впечатлений — шумное еврейское семейство, возвращающееся домой, в Галицию. Болтливый глава его держал себя настоящим патриотом и изрядно надоел Тихомирову разговорами о прекрасной австрийской жизни. В купе была еще премиленькая, изящно одетая барышня, за которой Тигрыч от скуки принялся ухаживать. Но барышня тотчас осведомилась о состоянии его финансов, потому что ехала в Невшатель к богатому покровителю, но тот ей совсем не нравился, и если бы у соседа по купе имелись деньги, то бедняжка готова была бы забыть про Невшатель и отправиться вместе с ним.

— А у меня... У меня, представьте себе, нет и ломаного гроша! — дразнил ее Лев. — И еду я... Еду я за границу, — давился он от смеха, — в качестве голи перекаточной!

И барышня тоже смеялась, при этом не забывая спросить, а нет ли у такого славного господина более приятной добычи: уж очень ей не хотелось в скучный Невшатель.

— Есть, да все по тюрьмам! — пугал он попутчицу, охваченный нервно-легкомысленным весельем.

Та жеманилась, закатывала глазки и все жалась к нему:

— Ах, что за шутник! И какой противный, противный...

— В России произвол, — потянул на себя одеяло еврей. — А у нас в Австрии свобода! Все можно говорить, только бы не делать.

— А у нас в России наоборот, — не унимался Тигрыч. — Делай, что угодно, только не говори...

Тут уж все купе грохнуло от хохота.

Нервное напряжение последних дней дало знать: к вечеру глаза слипались от усталости. Хотелось растянуться на полке, уснуть, да негде. Говорливый еврей, самодовольно подмигивая Льву, сунул деньги кондуктору: дескать, знай, как в нашей культурной Австрии дела делаются; теперь к нам никого не впустят, будем отдыхать... Но и задремать не успели: раскрылись двери, и к ним насажали кучу шумных пассажиров. Оказалось, кондуктор их надул — хрустящую банкнотетелину взял и исчез в момент перемены бригады. Плакали денежки.

Австрийский патриот сник. Тигрыч же продолжал открывать Европу: взятки тут берут, и очень охотно, да при этом обманывают. В России тоже берут, но, по крайней мере, исполняют, что обещали. Раздражала еще и лоскутная мелочь территорий: не успеешь устроиться, осмотреться, как уже новая граница, новая страна. И опять — проверяют, допрашивают, из вагона выводят. До чего же славно дома: сядешь в поезд и — едешь и едешь, хоть тысячу верст, хоть три, и все одна держава — бесконечная, прекрасная. Прекрасная? Осекся. Сердце тоскливо сжалось.

Впрочем, все складывалось удачно: еврейское семейство высадилось еще до Вены. Барышню же на вокзале похитил бойкий коммивояжер-француз, и это тоже было весьма кстати.

В венском «Метрополе» он снял комнату за десять гульденов, отправил жене шифрованную телеграмму — о том, что благополучно перебрался через границу, спустился в ресторан — выпить и закусить. После пары рюмок хорошего коньяку, на широкой постели, в полнейшей безопасности Тигрыч тотчас уснул; уснул крепко, будто умер.

Как же он спал в эту ночь! И утром спал, и днем, и вечером. Так крепко и бесстрашно, наверное, спят только дети. Или сбежавшие от виселицы заговорщики.

Лев спал и не мог проснуться. А когда все же разлепил тяжелые веки, прислуга сообщила: он провалялся больше суток, пропустил два поезда на Женеву. Что ж, оставалось ждать. Он отправился бродить по городу.

В зеленом Пратере ли, у собора св. Стефана или под навесом задунайского кабачка — всюду к нему обращались на ломаном русском: «Не хотите ли познакомиться с Венной?» Но почему, почему навязчивые чичероне пристают именно к

нему? Какой-то старичок шепнул: «На вас белая фуражка. Только приезжие русские носят такие...»

Завернул фуражку в газету, сунул под мышку. И тут же похолодело сердце, ледяным мячиком упало вниз, закрутилось под ложечкой. По бульвару Рингштрассе, оживленно беседуя с немолодым спутником, шел элегантный Петр Рачковский. Лев едва успел спрятаться за угол. «Хорошо хоть снял фуражку. Непременно заметили бы. Стоило пройти столько границ, чтобы попасться...»

Но не знал Тигрыч, не могло присниться ему ни в тревожном радикальском сне, ни в долгой венской спячке, что совсем скоро Рачковский сделает карьеру — станет управляющим Заграничной агентурой Департамента полиции, и с той поры удивленная жизнь не раз еще будет сталкивать их в своем непостижимом причудливом потоке.

Потом поезд мчал его по Баварии, южной Германии, к берегу Баденского озера, за которым начиналась благословенная Швейцария, страна долгожданной свободы. Высились Савойские Альпы, отражали солнце обрывы Большого и Малого Салева. Его мало интересовали эти красоты.

«Скорее-скорее! Скорее-скорее!» — отстукивали последние версты колеса. Еще немного и — Женева.

Расталкивая попутчиков, он первым выскочил из вагона, ища Катю тревожно вращающимися глазами. Жены нигде не было. Задыхаясь, Тигрыч пробежался вдоль поезда, но все напрасно. «Но где же ты? Где? Что случилось?» — бормотал он, пробиваясь сквозь вокзальную толчею.

Пассажиры шарахались от странного русского.

Глава двадцать шестая

Александр III всей тяжестью своих могучих рук оперся на стол, да так, что ножки заскрипели. По стеклам гатчинского дворца хлестал дождь, а перед ним на зеленом сукне стояла большая резная шкатулка, и содержимое шкатулки наполняло жгучими, почти невидимыми слезами царские глаза, казалось бы, давно отвыкшие от слез.

Крышка была прозрачной, и Государь хорошо видел куски опаленного дерева, осколки мутного стекла, клочок сероголубого сукна с застарелыми пятнами крови. Да, крови, и он это знал. Потому что в тот страшный день 1 марта 1881 года сам собирал куски и осколки от разбитой взрывом отцовской кареты, прожженный лоскут шинели, и после хранил все эти вещи в кабинетной шкатулке, специально заказанной к случаю; хранил вместе с записками лейб-медиков, оказавших умирающему Александру II первую помощь.

Он открывал крышку, прикоснулся пальцами, медленно перебирал, словно четки, не остывшие (и не остывающие!) от динамитного огня предметы, которые, наверное, могли бы напомнить постороннему собрание старьевщика, и ощущал прилив праведного гнева и решительных сил, что так нужны были ему, и особенно в эти дни, когда уцелевшие террористы грозили из-за угла, из-за границы, писали прокламации, когда либералы-пустословы в своих газетках все еще бредили реформами и конституцией. Правда, теперь уж меньше стали писать, особенно после Высочайшего манифеста 29 апреля: поняли, что не свернет Россия с самодержавного, имперского пути. Да и журналисту Каткову хвала: напомнил, что есть у нас не только болтливые «Молва», «Дело», «Отечественные записки», но и национальные, православные по духу «Московские ведомости», «Русский вестник». Умница, написал, не утратился: «Как манны небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасение: оно возвращает русскому народу русского царя самодержавного...»

— Скажи-ка, Толстой, какой же конституции им было надо? — Государь закрыл шкатулку, шагнул от стола к министру внутренних дел. — Английской, французской, германской, бельгийской, наконец?..

— И сами того не знают, Ваше Величество! — сдержанно улыбнулся граф, покосившись на стоящего рядом молодого директора Департамента полиции Вячеслава Константиновича Плеве, который успел отличиться: его агенты недавно предотвратили покушение на Александра III — «посредством отравленных сигар».

— Как пишет «Молва», конституцию, соответствующую стране, — учтиво продолжил Плеве. — Таково, увы, мнение образованной толпы...

— Именно — толпы! — нахмурился Царь. — А если страна не желает отнять у Государя власть, которую она ему доверила, чтобы передать ее в руки партии так называемых петербургских либералов? Впрочем, довольно. Мне не нравится, когда цареубийцы от возмездия ускользают за границу...

— Ваше Императорское Величество, должно быть, Вы говорите о Льве Тихомирове, идеологе «Народной Воли»? — уточнил Толстой. — Досадная случайность. Заверяю, поимка злоумышленника — вопрос нескольких дней. У Вячеслава Константиновича и подполковника Судейкина составлен план, дабы выманить преступника и тотчас заарестовать его.

— Дай-то Бог, Дмитрий Андреевич! — потеплевшим голосом сказал Александр III; прошелся по кабинету, горько ус-

мехнулся: — Из столицы переехать пришлось. Какой-то мудрец их, еврей германский тиснул в газетке: дескать, террористы держат меня военнопленным в Гатчине...

— Карл Маркс, Ваше Величество, — уточнил директор Департамента полиции. — Нового идола умники изваяли, молятся на него. Особенно живущий в Женеве революционер Плеханов...

— Но я не боялся пуль турецких, и вот... Выходит, прятаться должен от революционного подполья? В своей стране? — бросил Александр III с раздражением.

— Простите, Ваше Величество, но нами перехвачена зашифрованная записка из Петропавловской крепости, от главаря «Народной Воли» Михайлова-Дворника, — продолжил Плеве. — В кабинете Лидерса ее расшифровали. Позвольте зачитать?

Государь молча кивнул.

Плеве раскрыл папку, которую держал в руке; прочел:

— «Успех, один успех достоин вас после 1 марта. Единственный путь — это стрелять в самый центр. На очереди оба брата, но начать надо с Владимира...»

— Каков подлец! Не уймется... — сжал за спиной могучие кулаки Царь. — Словно в тире цели намечает. Передайте подполковнику Судейкину, что я очень надеюсь на успех его предприятий. Прощайте, господа! Впрочем...

Он резко повернулся на мягком ковре.

— Смерти не страшусь. Но пекусь я о Российской Империи, которая не должна подвергаться опасности — потерять один за другим двух Государей...

Снова вернулся к шкатулке. И долго стоял, склонившись над прозрачной крышкой, будто всматривался сквозь бесформенные лоскуты и острые обломки в непогожее воскресенье на Екатерининском канале, в знобящий огромной непоправимой бедой день.

...Между тем, тайная типография в Одессе исправно действовала уже не один месяц. Новый член Исполкома «Народной Воли», отставной штабс-капитан Сергей Дегаев, польщенный доверием самой Веры Фигнер, старался изо всех сил: печатня под его началом выдавала тиражи листовок, прокламаций, даже газет.

Типография работала, Верочка радовалась, а в Петербурге бывший техник-взрывник подпольной партии Окладский (Ванечка) уже с полгода безо всяких задержек получал жалованье агента-осведомителя охранного отделения Департамента полиции.

У Судейкина на Ванечку имелись свои виды. В пояснительной записке на имя Плеве подполковник писал: «Жела-

тельно, чтобы Окладский был водворен на юге не под настоящей своей фамилией, а под чужим именем, ввиду того, что высылка его под настоящей фамилией может возбудить возмущение среди членов в революционной партии, так как возвращение свободы человеку, приговоренному к смерти, а затем вечному заточению в крепости, может быть объяснено лишь особенно важными заслугами его, оказанными правительству... Под чужим же именем Окладский будет иметь возможность видаться с новыми революционными деятелями и войти в их среду».

Поскольку Сергей Дегаев был все же новым человеком, то Ванечка легко вошел к нему в доверие, назвавшись мещанином Ивановым, лишенным всех прав состояния по обвинению в государственном преступлении, вернувшимся в Одессу после мезенской ссылки.

Вечером в кофейне на Николаевском бульваре Дегаев обмолвился: из Москвы в Одессу едет Фигнер. Вера могла узнать Окладского. Тем более, накануне своего ареста контрашпирон Капелькин успел передать Тигрычу и Фигнер пухлую тетрадь с предательскими показаниями Ванечки. Окладский отбил телеграмму Судейкину.

Что ж, медлить нельзя. Штабс-капитан Дегаев нужен был позарез инспектору секретной полиции — для одной хитроумной придумки, о которой подполковник до поры никому не говорил. Из Петербурга в Одессу срочно отправился летучий отряд Елисея Обухова.

Все случилось густой южной ночью, когда в приоткрытое окно (ах, неосторожно! где строгая школа Дворника?) нелегальной квартиры врывается сладковатый запах цветущей магнолии, когда немолчно пели цикады и подремывали высоко в ветвях серые горлинки, когда молодой революционер Сергей Дегаев, пряча под тяжелые брови восторженные карие глаза, вслух читал товарищам только что снятую со станка прокламацию собственного сочинения; он назвал ее «Русскому обществу», и теперь читал с влажного еще листа, сочно играя голосом, несколько подражая сестре, пробующей себя на сцене.

«Где же твоя готовность стоять за великие истины — свободу, правду и добро, где твои силы? — строго вопрошал Дегаев виновато бледнеющих соратников. — Где же вы, отцы, товарищи, братья и сестры замученных, повешенных, — откликнитесь на зов наш!»

Откликнулись, да только жандармы. Заслушавшиеся революционеры не сразу разобрались, что к чему. В дыме прокуренной комнаты почудилось многим: вот-де явились на

зов отцы и братья погибших, нетерпеливо стучатся в дверь, выбивают ее, дабы скорее отомстить тиранам, примкнуть поспешно к борцам за народное счастье. Удивились только, одурманенные свинцовым духом печатни: чего это пуговицы у пришедших так блестят, и кокарды на фуражках, и сапоги, как на подбор, и шашки о пол побрякивают.

Поняли, да поздно: с барышнями скоро справились, прытким студентам и рабочим треснули по шее, выдирая револьверы вместе с карманами. Лишь одного — чернявого, с мускульной силой бойца — едва не упустили: успел, злодей, стрельнуть из «бульдога». Прямо в Обухова метил, но тот прыгнул; прожужжала пуля вполлинии от уха, шепнула — смертное, тоскливое. А вполлинии — это, по-новому, чуть больше миллиметра будет.

Обухов рассердился. Своим коронным ударом выбил револьвер из руки упрямого террориста, догадавшись в горячке: это и есть штабс-капитан Дегаев. Но и социалист оказался ловким знатоком английского бокса: уже безоружный так стукнул Елисея, что в голове у того ослепительно вспыхнуло, и на правый глаз стал напоззать лиловый кровоподтек.

И все же и его, Дегаева, взяли. Связанного по рукам и ногам, привезли в жандармское управление. А вечерним поездом в Одессу прибыл подполковник Судейкин.

— Славный у вас братец, Сергей Петрович! — с порога начал инспектор. — Только Володя напрасно меня морочил. И беседы мы вели, и в Женеву я его на казенные средства посылал...

— При чем тут мой брат? — глянул исподлобья штабс-капитан.

— Да как же при чем? Как же?! — театрально всплеснул могучими руками Георгий Порфирьевич. — Вы с братцем внуки самого Полевого Николая Алексеевича, литератора! Что за прелесть его роман «Клятва при гробе Господнем»? А повесть «Блаженство безумия»? Как интересно: опять безумие. Но сам Чезаре Ломброзо полагал, что у революционеров...

— Меня это мало занимает, — буркнул Дегаев.

— Напрасно! Хорошо, вернемся к вашему именитому деду, — согласился подполковник. — Тоже спорил с правительством, и журнал его «Московский телеграф» закрывали по цензурному заключению. Но после-то одумался, с Булгариным и Гречем сдружился. Ведь так, так! И опять заметался, к Краевскому кинулся... И что же — умер вскоре от нервической горячки. А вы, любезный Сергей Петрович, ужель хотели бы умереть от нервической горячки? Ох, уж эти наследственные хвори...

— Э-э... Разумеется, нет, — вздохнул штабс-капитан.

— И я говорю — нет! И я... — энергично заходил по персидскому ковру Судейкин. — А посему предлагаю вам...

О том, что в Одессе разгромлена тайная печатня и арестован ее хозяин Дегаев, Тигрыч узнал уже в Женеве. На вокзале его встретил Иван Добровольский, сотоварищ по делу 193-х, предназначенный к отправке в Ново-Белгородский каторжный централ, но скрывшийся до приведения в исполнение приговора за границей; даже жену прихватил — Марию Гейштих, пылкую акушерку-народницу, заявившую на суде: «Настоящий строй в России мне ненавистен, потому что в нем всем живется гадко!»

Но — Катя? Где же она?

Оказалось, Катюша дважды приезжала на гарэ (на станцию) встречать мужа; очень беспокоилась, что его нет. И Плехановы, и Вера Засулич, и Добровольские были уверены: Льва взяли на границе. Долгая спячка Тигрыча в Вене перепутала все их расчеты. Боялись — не начались бы у Кати от волнений преждевременные схватки.

Обошлось. Лишь когда Лев увидел жену, когда неуклюжей походкой та бросилась к нему, а он, обнимая драгоценные трепетные плечи, прятал влажные крутящиеся глаза в ее тяжелых, пахнущих уютом волосах, — лишь тогда он почувствовал: дома, опять дома... Ощущение пленного, вырвавшегося из плена. Бродяги, добредшего до родного пристанища.

Впрочем, никакого пристанища пока не было.

Долго тряслись на конке. Гремели колеса, в темноте глухо звучал непонятный говор, мелькали освещенные витрины магазинов и пивных. А он знал одно: его никто не ловит. И это было самое удивительное.

Вздрогнул, не поверил глазам: жилище Добровольских на Террасьере — будто бы снова Россия. Будто бы вернулся в студенческие меблированные номера в Мерзляковском или на Никитской: комнаты по обе стороны длинного коридора, рваные засаленные обои, табачный дым под потолком, запах дешевой пищи, приготовляемой на лампе. Льва тут же взял в оборот сосед Добровольских по русской колонии — доктор Коробов, сутуловатый и гнутый, как корень переросшего шишкарника.

— Вижу, вижу, кто вы! — обрадовался доктор, стиснув его руку мокрыми ладонями. — Тигрыч? Из столпов? Я ждал, вы поможете.

— Но, простите... Не имею чести... — попытался освободиться, косясь на Ивана; тот подавал предостерегающие знаки.

— Они не понимают... Я один. Я издаю «Вестник Правды» — сборник материалов дела Божия на земле... — брызгал слюной Коробов. — Это... Это первый официальный орган сынов Божиих.

— В другой раз. У меня жена...

— Пустое. Все пустое, — наседали доктор. — Они болтают, а я выпускаю листки в виде писем. К редакторам, русским министрам. И Александру II писал: «Последнему Царю Российской империи — о крамоле, которой он есть корень и род ее...» Удачно, не так ли?

— Вполне, — хмыкнул Тихомиров, увлекаемый Катей к комнатам Добровольских. И зря так сказал, зря.

— Вот видите! Мы с вами многое можем сделать, — возликовал Коробов. — Я прочту.. Я написал манифест к народам России, — зашуршал он жеваной бумажкой. — Послушайте: «Божией милостью я, первенец Сиона, сын Истины...»

— Левушка, Катюша, Ваня, идите же скорее кушать меланже! — бархатно пропела из комнат Мария Эдуардовна.

Издатель «Вестника Правды» слотнул голодную слюну, на мгновение ослабил руки, и это дало Тигрычу спасительную свободу. Вслед за женой он юркнул в дверной просвет, а решительный Добровольский шелкнул замком перед носом доктора Коробова.

Какая же дрянь, эта меланже! Куча кусков и кусочков, купленных по дешевке в ближайшей колбасной. Бедность, да что там — нищета сквозила из каждого угла неприбранного жилища.

Злоупотреблять гостеприимством Добровольских, успешных родить в эмиграции троих детей, было нельзя, но и у Плехановых — ничуть не лучше. К тому же у Георга с Розалией столовалась еще и Вера Засулич, между прочим, попавшая под обаяние юного брата штабс-капитана Дегаева — Володи, посланца подполковника Судейкина; вздумалось вчерашнему гимназисту поиграть в гулячки с матерым жандармом, да чуть боком не вышло...

Бедствовали и другие эмигранты — Дейч, Эльсницы. Жили по принципу: нынче густо — завтра пусто, устраивая безалаберные шумные пирушки, если выходило подработать или взять в долг, само собой, без отдачи. Хозяйственная Катюша только за голову хваталась, глядя на все это. К счастью, скоро им удалось снять две комнаты в женевском предместье, в коммуне de Plain-Palais, у добродушной и услужливой хозяйки. Туда и перебрались, оставив Добровольских с компанией и дальше бражничать, подъезжая купленную на деньги Тихомировых провизию и радуясь, что дали приют таким

важным особам революционного мира. Наверное, это был счастливый пир. Он возвращал тоскливому прозябанию недучников давно забытый смысл.

Вот здесь-то и была собака зарыта. Истерзанный нелегальщиной Тихомиров хотел перевести дыхание, пожить частной жизнью (как все прочие люди), написать воспоминания о товарищах по борьбе, но не получилось: вокруг него, одного из великанов сумрака, идеолога «Народной Воли», развернулась целая «дипломатия». Плехановы тянули на свою сторону, выстраивая хитроумные ковы: а как бы не допустить его к другим партиям и кружкам, приручить, сделать своим. Вовсю старался и Дейч. Другие тоже не отставали: ведь — сам Тигрыч!

Но самое поразительное: такое внимание нравилось ему. Тут уж надо было признаться. Он почти наслаждался этим почитанием, плыл в его теплом облаке, словно отогреваясь после пронизанных ледяной тревогой бесконечных дней. Нет, не зря сказали о нем: в те молодые годы Лев Александрович подчас не был лишен поэзы.

А в ночь на 28 августа у Кати начались схватки.

Оставив жену на попечение хозяйки, Лев побежал, спотыкаясь, в темноте по длинной каштановой аллее, по мощеным переулкам — к дому Добровольских, к Марии Эдуардовне, поскольку других акушерок они не знали. В голове тупо засела суеверная мысль: не поспешили ли они с покупкой коляски? Ведь слышал же — не стоит этого делать до рождения ребенка.

Коляска же и вправду была хороша — на прочных рессорах, с плотным верхом. И после, когда Катюша благополучно разрешилась от бремени, они вывозили маленького Сашу в рощу, поднимались на вершину Большого Салева, и ни разу не сломались, оценив швейцарское качество. Сын улыбался, пускал пузыри, иногда капризничал, строя губки смешным корытцем, то веселя, то тревожа счастливых родителей.

В один из таких прозрачных тихих дней к ним на гору влез взмокший Иван Добровольский и, бледнея от оказанного доверия, протянул зашифрованное письмо от Веры Фигнер. Письмо через границы, рискуя, доставила в Женеву бойкая барышня Неонила Салова — из свежих, неизвестных Тигрычу агентов погибающей партии. Тут же, на вершине, он вскрыл конверт. Фигнер сообщала: через публициста Михайловского (шафера на их с Катюшей свадьбе) министр Императорского двора и уделов влиятельный граф Воронцов-Дашков ищет случая выйти на Исполком «Народной Воли» и вступить в переговоры относительно прекращения

террора — хотя бы на время предстоящей коронации Александра III, сроки которой переносятся вот уже несколько месяцев. Причина проста: правительство опасается новых выстрелов и динамитных акций, посвящающих на священную жизнь Его Императорского Величества. Два царевубийства за полгода — это уж слишком...

Самое же главное заключалось в следующем: всемогущий Воронцов-Дашков настаивал на том, чтобы его представители вели переговоры исключительно с господином Тихомировым, общепризнанным идеологом партии, возглавившим ее после ареста Александра Михайлова.

Столбцы и строки гамбеттовской криптограммы запрыгали, затанцевали перед крутанувшимися глазами в горделивом восторге. И скрыть этот восторг было трудно

«Ага, вот как! Но граф-то не только министр, а еще и преданнейший друг нового Государя. К тому же организовал тайное общество (с нас, народовольцев, пример берут!), «Священную дружину», для того и затеянную, чтобы охранять Александра III, бороться с крамолой скрытными средствами, — Тихомиров отпустил ручку детской коляски, поймал на себе вопросительный взгляд жены. — Ишь, скрытно хотят. Надеются, что мы не знаем. А нам все известно... Стало быть, бояться нас, почитают «Народную Волю» за силу серьезную. И хорошо, и славно...»

Лев подмигнул Катюше. Он опять мысленно произносил: «наша партия», «мы, революционеры»; он словно бы напрочь забыл про собственное убеждение: делать дело можно только на месте, в России. Что заниматься революциями издали, из уютной Женевы — глупо и бесчестно. Забыл, что приехал сюда не для того, чтобы «воздействовать» на покинутое отечество, а потому что был разбит, не видел смысла в продолжении борьбы.

И вот шифровка от Фигнер. От «Верочки-топни-ножкой». Выходило, что эта тайнопись снова превращала безвестного русского эмигранта Василия Игнатьевича Долинского (по поддельному паспорту) в неистового Тигрыча, бредившего заговором и переворотом.

Это оттого, что от Веры? Или она здесь ни при чем?

На него во все глаза смотрели Катюша и Иван. Сердце билось молодо и звонко.

Все случившееся потом походило на кошмерический сон. Кажется, виноват резкий порыв ветра...

Левое переднее колесо детской коляски вдруг перескочило через камень, и прекрасное, прочное швейцарское изделие стремительно покатило вниз, унося по склону малень-

кого Сашу — быстрее и быстрее. Дико вскрикнула Катя. Лев рванулся следом, всем умирающим своим существом понимая, что уже ничего не успеет сделать.

Воздух стал таким липким и густым, что сквозь него приходилось пробиваться, напрягая последние силы. Споткнулся, растянулся во весь рост Иван. Тигрыч бежал, падал, рвал брюки о камни. И снова бежал, нелепо вскидывая не раз спасавшие его ноги. В замутненном сознании тупо застряла, вспыхивала картинка: суворовские солдаты лихо съезжают по альпийскому склону... К чему это? К чему? Это ведь Суриков нарисовал...

Улыбается художник. Тот самый, что написал и «Утро стрелецкой казни». Секунды набухают, готовые вместить все: и наполненный взрывчатым студнем кровавый день — Прощеное воскресенье 1 марта 1881-го, и выставку передвижников в гулких академических залах, и картины в тяжелом багете, вздрогнувшие тогда от динамитного удара на Екатерининском, и двух мальчиков, двух братьев, зависших над новороссийской пропастью, и эту коляску, устремившуюся вниз.

Коляска катилась к каменистому обрыву. Временами она замедляла ход — колеса путались в траве, склон становился более пологим, — а затем снова мчалась, страшно подпрыгивая на бугорках.

Отменное качество — плотный верх, крепкие рессоры. Еще немного и...

Внизу вскрикнули, затем мелькнули размытые тени. Коляска остановилась. Два прогуливающих господина без лиц (Лев смотрел и не видел их), спасшие Сашу, вежливо приподняли шляпы на прощание и ушли, чтобы продолжить променады по изумрудным склонам Большого Салева.

Тихомировы долго не могли прийти в себя. Потом стали спускаться. Потрясенная Катя шла осторожно, крепко прижимая улыбающегося сына к себе. Лев катил коляску. Добровольский, потирая ушибы, рассуждал:

— Один из этих господ — шпион!

— Почему ты знаешь? — машинально спросил Лев.

— А зачем на нем калоши? Ни швейцарцы, ни французы калош не носят.

Льву не хотелось об этом думать. Ни о чем не хотелось думать.

— С твоим приездом, Тигрыч, — не унимался Иван, с удовольствием произнося его боевую кличку, — центр борьбы с деспотизмом переместился в Женеву. Нас не оставят в покое. Все эти шпионы, агенты Судейкина...

Через три дня он написал ответ Фигнер: в переговоры вступить согласен. Вскоре кокетливая Неонила повезла шифровку в Россию.

Что ж, думаю Тигрыч, должно быть, все эти воронцовы-дашковы не знают истинного положение дел в «Народной Воле». Не станем их разуверять. В конце концов, у нас есть требования. И мы их предъявим. Мы поторгуемся с правительством...

Но — Саша, Сашенька, сын, что с ним делать? Недели пролетали одна за другой, а ребенок жил без регистрации. Для записи нужны надежные документы родителей, но ни у него, ни у Кати таких не было. Тигрыч уже знал: в Швейцарии на публике называйся кем угодно, хоть самим Цезаре Ломброзо, только с фальшивым паспортом не попадайся — это уголовное преступление, карается строго.

Помогли Плехановы: познакомили с Эльсницами, эмигрантами по какому-то совершенно пустяковому делу. Александр Эдуардович и свел Льва с местным не то социалистом, не то анархистом Перроном, гражданином как раз той же самой общины — Plain-Palais, где сам он, несмотря на революционное отрицание собственности, все же таковую имел. Анархист взялся за их дело.

Чиновник в мэрии был малословен и хмур. Тихомиров слышал, что швейцарцы терпеть не могут бедных русских эмигрантов. А за что любить? Ведь по закону ребенок даже самых «беспаспортных» родителей, записанный в мэрии, тотчас приобретает право по достижении совершеннолетия стать гражданином общины, а значит — и гражданином Швейцарии. Кому ж охота кормить чужаков, поднимать, обучать голь перекатную? Сперва подумалось: наверняка замешана политика — бояться радикалов-террористов из России: а то как начнут снаряды взрывать! Вспомнил смех Плеханова: оказалось, многие соседи по кварталу были уверены, что Георга послал русский Царь исключительно для того, чтобы нарушить размеренный ход их сытой жизни...

Насчет политики он ошибался. Будь ты хоть трижды приговоренным к виселице сбежавшим башибузуком, это не имеет значения: плати деньги — запишут, нет денег — ступай себе с Богом.

— Каково име ребинонок? — с трудом перевел Перрон вопрос чиновника.

Тихомиров ответил. Спросили: какие документы удостоверяют личность родителей? Ну не мелконовский же вид предъявлять, с фотокарточкой жгучего армянина...

— Почему у этих людей нет паспортов? — еще пуше набычился чиновник.

— Почему, почему, — передразнил его нетерпеливый анархист. — Потому что нет. И все!

— А почему нет — и все?

Это была бы долгая сказка. Сказка про белого бычка, которую спорящие едва ли знали. Все решил приятный шелест ассигнаций: хорошо, что щедрый редактор Шелгунов прислал первые 100 рублей (300 франков!) — в счет еще не написанных статей для журнала «Дело». Складка на чиновничьем лбу разгладилась, уши порозовели, и деньги легким движением были сброшены в ящик стола. Сашу зарегистрировали.

— Руку даю на отсечение, — брезгливо сощурился Плеханов, — этот ваш регистратор вырос в долине верхней Роны.

— Откуда ты знаешь? — удивился обрадованный удачей Тигрыч.

— Болотистая местность, и потому среди населения распространен зоб, сопровождаемый идиотизмом, — пояснил Георг. — Хотя... И здешние тоже идиоты, только зоба нет. В своей сытости достигли предела и застыли на нуле градусов. Еще Карамзин заметил...

Однако долго в Женеве Тихомировым жить не пришлось. Саша переболел коклюшем. Врачи советовали уехать из города, где зимой нередко задувает холодный ветер. Лучшим местом для неокрепшего ребенка называлась уютная деревушка Морнэ, теплая, закрытая горами от сырых воздушных потоков, окаймленная виноградниками и огородами. Но это была уже Франция, хотя и до Женевы рукой подать. Они наняли квартиру в небольшом доме, из дверей которого можно было спускаться на прогулку в зеленое ущелье, прямо к прозрачной речке Арв.

На новом месте Тигрыча и нашло сообщение: для встречи с ним в Париже из Петербурга выезжает известный критик и публицист Николай Яковлевич Николадзе, который согласился от имени правительства войти в переговоры с руководителем «Народной Воли».

Все, отступать некуда. Мелькнула беспокойная мысль: а не ловушка ли это? Прогнал прочь: не так-то просто вывезти из Франции стреноженного человека, да еще с кляпом во рту. Потому что без кляпа он будет кричать. И очень громко. Таких криков свободная Европа совершенно не выносит.

Он и сам знал, что следовало потребовать от правительства. Но в Париже жила член партийного Исполкома Мария Оловенникова, по первому мужу Ошанина, по второму Баранникова, а по третьему — Полонская. Дворник считал, что эта богатая орловская помещица не любит никого; однако

при встрече с Тигрычем она тихо плакала, вспоминая второго супруга, своего сильного и ласкового Савку, вместе с Кравчинским убившего шефа жандармов генерала Мезенцева. Теперь Савка погибал на бессрочной каторге. С Машей Лев и решил посоветоваться.

Словом, в Гранд-Отель к остановившемуся там Николадзе он шел во всеоружии.

Знаменитый критик ждал его в отдельном кабинете ресторана. Сидел важный, натянутый как струна. Тихомирову вдруг стало весело. «Николадзе, нидворадзе. Ни кола, ни двора...» — посмеивался, помнится, Михайловский, намекая на крестьянские корни горячего грузина. Правда, посмеивался в его отсутствие: опасался — может и зарезать, поскольку бесстрашный журналист мнил себя князем древних кавказских кровей.

Николадзе и в самом деле был не из робкого десятка. Как и Тигрыч, посидел в Петропавловке (еще в 1861-м, когда Лев в гимназию ходил), жил под гласным надзором полиции, о тифлисских волнениях корреспондировал в «Колокол», уехал за границу, дружил с Чернышевским и Герценом, издавал журнал «Подпольное слово», нападал на самодержавие в газете «Обзор», снова был посажен и сослан. Если цензура запрещала его статью, он ломился в квартиру цензора, вынужденного запираяться на ключ. И бранился на всю улицу.

Выходило, что сейчас Тигрычу жал руку человек их круга, свой, пользующийся крупной репутацией в русском радикальном мире. И то, что именно его граф Воронцов-Дашков (разумеется, с ведома Царя) упросил быть посредником на переговорах, значило многое. Хотя бы то, что высшие сферы по-прежнему считают ИК «Народной Воли» таинственной грозной силой, справиться с которой они никак не могут. Пусть же революционер потолкует с революционерами. В конце концов, «Священная дружина» просит. Да что там — сам Государь...

Конечно, Государь не просил. Так хотелось думать. И потому у Тигрыча голова снова пошла кругом.

— Они знают: вы автор того самого письма Исполкома к Александру III, — разлил по бокалам вино Николадзе. — Вы соглашались прекратить террор на известных условиях. Но эти условия...

— Что, не подходят? — улыбнулся Лев.

— Граф заявил, что выполнение требований революционеров — в сущности, отказ от самодержавия. Это неприемлемо. Министр ставит вопрос: нельзя ли прекратить террор на более исполнимых условиях? Хотя бы до коронации...

— Полагаю, это возможно, — поиграл для солидности бровями Тигрыч.

— Я сказал то же самое Воронцову-Дашкову, — пригубил вино Николадзе. — Ибо вопрос в уступках, которые готова сделать власть.

— Надеюсь, они понимают, что политические убийства порой составляют лишь акт самозащиты, — произнес Тихомиров чужие слова. — Особенно от шпионов охранного отделения, агентов Судейкина...

— Мы одинаково мыслим! — просиял Николадзе. — Когда я заявил об этом Воронцову, тот ответил: шпионы не в счет, пусть сами берегутся. Требуется прекращение террора лишь против царской фамилии и правительственных лиц. Вопрос в том, что захочет Исполком за такую уступку? Вы можете ответить?

«Боже мой, да нам, народовольцам, просто подарок валится с неба! — забилося сердце Тигрыча. — Нам, которых в сущности уже нет. Власти предлагают отказаться. От чего? От террора. Но на террор давно не осталось никаких сил. Это все равно, что запрещать беззубому жевать грузинский шашлык, обожаемый Николадзе. Что за нами, за партией? Блеф, пустота, фата-моргана? И за эту фикцию можно выторговать многое...»

— Наши требования заключаются в следующем, — почти торжественно произнес идеолог «Народной Воли». — Во-первых, политическая амнистия. Исполнительный комитет желал бы немедленного освобождения крупного революционного деятеля. Положим, Александра Михайлова (Саша, дорогой, как ты там, в равелине?), или Чернышевского. На крайний случай, Нечаева... Но сразу же!

— Я передам, — кивнул Николадзе.

— Еще мы требуем... — Лев жадно осушил бокал. — Требуем свободы печати и мирной социалистической пропаганды. Еще. Кто-нибудь из правительства... Пусть сам Воронцов — внесет один миллион рублей на имя благонадежного третьего лица в Париже.

— Такое лицо есть, — усмехнулся посредник, покосившись на дверь. — Бороздин, из «Дружины». Шпионит за мной.

Это мало интересовало Тихомирова. Он продолжил:

— Деньги возвратятся правительству, если наши условия будут выполнены. Если нет, то сумма уйдет в распоряжение «Народной Воли». Все пока.

Тигрыч встал и, откланявшись, вышел из кабинета. Проходя по залу, он поймал на себе пристальный взгляд молодого господина в пенсне, попивающего кофе за столиком у окна. Показалось, что они где-то встречались. Где, сразу вспомнить не удалось.

Молодо, с легким дыханием Лев поднялся к улочкам Мон-мартра. Вечереющий Париж плыл перед ним в сиренево-золотистом осеннем мареве. Радость прибавляла сил.

Да, они с Машей Оловенниковой не террористы. И хорошо, что партия в России — мальчишка на мальчишке — хотя бы временно откажется от убийств. Зато выйдут из тюрем десятки испытанных бойцов. Эта мысль — стать орудием освобождения товарищей — была для него невыразимо отраднa. А то, что приходится рисковать, — такая ерунда. Он делает это ради друзей. Потому что... Да потому что — «нет уз святее товарищества...» Прав Гоголь, прав.

И еще одна мысль будоражила Тихомирова: вышедшие из заключения соратники, разумеется, были бы благодарны ему; значит, с ними проще договориться и, прекратив террор, вернуться к идее заговора, государственного переворота с целью захвата власти, чтобы затем передать ее народным представителям. Стало быть, не все пропало?

С Николадзе они почти сдружились, виделись каждый день. Иногда спорили. Пылкий публицист критиковал Герцена, хвалил Чернышевского, отвергая теорию самобытности России, особой миссии «нового славянского элемента» по отношению к «гнилому Западу». Лев горячо возражал.

Однако в субботу он не узнал всегда оживленного грузина. Николадзе был мрачным, встревоженным. Через надежных людей ему передали записку: «Немедленно прекрати переговоры и возвращайся в Петербург. Иначе тебя ждут крупные неприятности. Поспешите...»

Николадзе уехал. Рухнули надежды.

Но что же случилось, что? Тихомиров терялся в догадках.

Правда, Вера Фигнер прислала радостную шифровку: арестованный в Одессе отставной штабс-капитан Дегаев сбежал из-под стражи.

Глава двадцать седьмая

Загадка стремительного отъезда Николадзе раскроется только к марту 1883 года.

А пока... А пока — чужая сторона потихоньку прибавляла ума. Тихомировы зимовали в тихой Морнэ, гуляли с малышом по берегу Арва, отражающего безмятежное французское небо, Катя ловко хозяйничала на небольшой, но опрятной кухне, радуясь, что шелгуновских денег вполне хватает; даже еще остается, чтобы дать кому-нибудь в долг. А таких среди эмигрантов было немало.

Порой Льву казалось, что он попал на какой-то странный остров с людьми, потерпевшими кораблекрушение. Безде-

нежье, раздоры между группировками и кружками, взаимная подозрительность, наветы друг на друга.

Он сразу заметил, что эмиграция расколота на две неравные части. К малой принадлежали те, кто сумел приспособиться, врасти в европейскую жизнь. Эти люди знали языки, имели твердый доход и связи в либеральных кругах здешнего общества, брезгливо сторонились всех прочих обитателей русской колонии.

Взять хотя бы прижимистого князя Петра Кропоткина, которому даже под замком в крепости были изрядные послабления: и бумагу для ученых трудов тотчас дали, и брат Государя его навещал, и побег друга скоро устроили — целое действие разыграли, с мазуркой, шариками воздушными, с «медвежатником» и жеребцом Варваром... Или Сергея Кравчинского. Тот просто купается во всеевропейском обожании. Как же — жандарма Мезенцева польским стилетом зарезал! И скрылся. Теперь романы сочиняет. Деньги получает от издателей. И про него сочиняют. Какая-то юная англичанка, в кудряшках вся, вокруг вертится. Говорят, впечатление собирает для книжки. Наверное, уж в любовницах... Как ее — Этель Войнич? Вроде, и название придумали: «Овод», большая муха навязчивая, кусачая... Еще есть — Николай Жуковский, но тот постарше, из эмигрантов еще герценовского круга.

А остальные? Остальные — по отцовской поговорке: и наго, и босо, и без пояса. А прибавьте к нищете, скитаниям теоретические разногласия и политические амбиции, — такой гремучий студень получится, какой Кибальчичу с его черным динамитом и не снился.

И среди всего этого приходилось жить.

Настойчиво набивался в друзья Лева Дейч, с его коммерческой жилкой, мечтающий об издательском деле, о выпуске революционной литературы. Хотел заработать на именах — Плеханов, Аксельрод, Тихомиров. Это сулило неплохой доход, денежные поступления из России. Тигрыч отказался: ведь он принадлежал к «Народной Воле», в которой Георг с Дейчем не состояли. Отношения охладели. И хорошо: не мог забыть Тихомиров Чигиринского дела, когда Стефанович с Дейчем стряпали манифесты от царского имени; самозванства не терпел...

И тут откуда-то снова возник бывший соратник по партии Иохельсон — с деньгами и идеей регулярно выпускать заграничный «Вестник «Народной Воли». Конечно, деньги были сомнительного происхождения, но об этом старались не думать. Тигрыча пригласили поучаствовать в деле. Он поспешно согласился. И вот почему. Во-первых, гонорары из Рос-

сии стали приходиться с задержкой: над «Делом» сгущались цензурные тучи, журнал то закрывали, то открывали снова; угадывалась твердая рука самого Победоносцева. Лев нервничал: рушилось материальное благополучие семьи. Работа в новом издании сулила хоть какие-то деньги.

Но это не главное. Он понимал тогда: доставка в Россию хорошо изданного журнала «Народной Воли» всколыхнет общество, испугает успокоившуюся власть, станет веским аргументом для возобновления неожиданно прерванных переговоров. Лев снова надеялся встретиться с Николадзе. И верил, что сможет освободить друзей...

В эти дни он редко бывал дома. Колесил между Морнэ, Женевои и Парижем. Совещались с Машей Оловенниковой, Плехановым, с приехавшим из Лондона Кравчинским и, разумеется, с великим Петром Лавровичем Лавровым — с тем самым, который под именем Миртова до слез потряс «Историческими письмами» юную, жаждавшую жертвенного подвига Россию. Как же ими зачитывалась курсистка Сонечка Перовская. Называла Евангелием революционной молодежи...

Это случилось в прогретый солнцем мартовский день, когда все вокруг куда-то уплывало, струилось — и оживающие каштаны на бульваре Port Royal, и бредущий под ними безносый шарманщик, и торопливые прачки с корзинами белья, и заглядывающие под дамские шляпки праздные франты, и быстроногие разносчики газет, и позевывающие полицейские с тяжелыми саблями, даже узенькие тротуары перед домом на Saint Jacques, где отшельником жил Петр Лавров. В его квартире и правили статьи для первого номера «Вестника».

Тигрыч еще не остыл от стычки с Кравчинским — едва до драки не дошло. Пока они сидели в гостиной, Сергей в кабинете шарил по полкам, выдирая из книг и журналов целые страницы, касающиеся внутренних дел России: материалы собирал для литературной карьеры в Лондоне. А выдирать было что: у основателя народничества накопилось более 10 тысяч томов.

После скандала (при этом Лавров защищал Кравчинского) Мавр ушел, хлопнув дверью. И тут ворвалась Оловенникова: в Париже объявился беглый Сергей Дегаев! Теперь отважный штабс-капитан ищет встречи с Тихомировым, и только с ним. Маша смотрела на Льва сияющими глазами: она любила героических людей.

Встретились. Говорили много, прогуливаясь то по мосту Менаж, то через площадь Маза шли к набережным Аустерлиц и Сен-Бернар. Дегаев был все тот же, невзрачный, но с

мягкой улыбкой, оживляющей его тяжеловатое лицо. Таким Тигрыч помнил его по нечастым встречам в их квартирe-салоне, где тон задавала матушка, впрочем, и сестры не отставали — Лиза музицировала, Наташа не только декламировала свои поэмы, но и спиритизмом баловалась, правда, без особых чудес, зато многочисленные ее поклонники находили барышню весьма и весьма сенситивной. Даже седовласый Лавров вспыхнул, когда вспомнили про это семейство: неужто и в самом деле старик был когда-то влюблен в Наталью?

Тихомиров засыпал штабс-капитана вопросами о России. И более всего — об арестах, их стало чересчур много. Десятого февраля взяли Веру Фигнер. Здесь Дегаев сбился — в первый раз. «Но как же он убежал? От хитреца Судейкина? И почему так легко вывернулся из дела о подкопе под Малой Садовой? И освободили его под ничтожный залог — в две тысячи?»

Лев переспрашивал, слушал ответ и снова, и снова возвращался к началу: как сумел уйти? Вспомнились слова Перовской: Дегаев — единомышленник, но не товарищ. Не товарищ... Нет, ерунда. Надо знать Сою... Ведь он, по словам Фигнер, немало сделал для «Народной Воли».

В сиреновой дымке мартовского Парижа Тигрычу виделась Одесса, 14 января нынешнего года. Вот по вокзалу конвоируют Дегаева; тот оглядывается и вдруг, столкнув унтера в снег, бросается на второго жандарма, швыряет в глаза табаком, и покуда один барахтается в сугробе, а другой кричит от боли, успевает скрыться в толпе. Ему удастся добраться до Харькова, где «Верочка-топни-ножкой» по сути передала беглецу свои полномочия члена Исполкома, раскрыла неизвестные явки.

Тихомиров переводит разговор на другую тему, словно бы забывает о побеге удачливого штабс-капитана. Но через два дня опять выспрашивает о том же. Теперь откуда-то появляется ночь, широкая площадь, извозчик, на котором жандарм везет Дегаева. Улучив момент, Сергей выпрыгивает на мостовую, прячется в подворотнях.

То вокзал с табаком в глаза конвойному, то просто площадь... Штабс-капитан путается, забывает, что сказал. Похоже, какая-то тайна мучает его.

— Положение партии безнадежно, людей нет. Может быть, нам и вправду выгоднее договориться с правительством? Как ты думаешь? — огородил вопросом Тигрыч; он начал игру, приоткрыл карты, не называя имени Николадзе.

— Что?! — замер на набережной Дегаев. — Откуда? Откуда ты знаешь?

— О чем знаю? — насторожился Тихомиров: «Неужели в точку угодил?»

— О том, что я... Что я... Я — агент подполковника Судейкина. Он завербовал меня. Я попался... — почти прокричал штабс-капитан.

«А ведь он и вправду похож на вываренную тряпку...»

Тихомиров молчал, потрясенный результатом своей простейшей игры. Рука дрогнула в кармане, пальцы стиснули рукоятку «бульдога». Дегаев заметил это движение. Опустил голову, лицо его стало серо-зеленым, точно волны Сены под мостом Менял.

— Так это ты всех выдал? — спросил Лев тихо.

— Да. Я хотел...

— И Веру Фигнер?

— Тоже я, — кивнул Сергей. — Понимаешь...

— Не понимаю. Вы ведь с нею большие друзья, — сердце Тигрыча сжалось от злой тоски. — Она втащила тебя в Исполком. Она...

— Все полномочия были уже у меня. Фигнер только мешала. Притом Судейкин обещал ее не арестовывать, — пролепетал жандармский агент.

Что же делать? Конечно, надо убить его! Это желание словно опалило Тигрыча изнутри. Он осмотрелся. Вокруг все в той же дымке мерцал, жил, звенел конками Париж, которому не было никакого дела до двух русских эмигрантов, беседующих на набережной Сен-Бернар.

Разумеется, убить! Сбросить тело предателя в реку. Никто не заметит. Нужно лишь улучить подходящий момент...

Дегаев вдруг порывисто повернулся к нему, вцепился в рукав пальто, как намертво вцепляются в брошенный круг утопающие. По некрасивому широкому лицу текли слезы.

— Послушай, Тихомиров! Послушай... — захлебывался он отчаянной скороговоркой. — Все расскажу, все. А тогда судите меня. Отдаюсь на вашу волю... Знаю, здесь Герман Лопатин, Караулов. Соберетесь, вынесете приговор. Не могу я...

«Все ему известно. Мерзавец! Сколько, поди, всякого шпионья с собой привел...» Лев еще раз огляделся по сторонам. Нет, все спокойно.

Дегаев заговорил. Тихомиров погрузился в эту жуткую исповедь. Он слушал изменника молча, боясь малейшим движением лица, неосторожным вопросом спугнуть его откровенность; только бешено вращались глаза и колотилось сердце. Стоял окаменевший, чувствуя, что не может тронуться с места; порой казалось, что его засыпают булыжниками.

Так что же случилось в красавице Одессе на излете декабря 1882 года?

На столе дымится чай, светятся цедрой дольки лимона, а Дегаев никак не может понять, почему подполковник Судейкин, который, по слухам, к министрам запросто заходит, так много тратит времени на него, безвестного штабс-капитана? Вот жандарм склоняется над столом и, перелистнув страницу, печально вздыхает:

— Что же он пишет, наш господин Чичерин! «Истреблять террористов как отребье человеческого рода, не считаясь с нормами законности, ибо всякое старание держаться пути закона будет признаком слабости». И это городской голова, правовед, профессор! До чего же мы дошли... И вы, радикалы, тоже хороши!

Георгий Порфирьевич обхватил голову большими белыми ладонями.

— Не правда ли, — продолжил он, — во главе русского прогресса теперь революционеры и жандармы. Вы и мы. И мы с вами скачем верхами рысью, потом на почтовых едут либералы, тянутся на долгих простые обыватели, а сзади в серой пыли пешком идут мужики, отирают пот с лица и платят за все прогоны... Мне жаль мужика. Ибо... Ибо по складу я сам народник.

— Очень интересно, — усмехнулся Дегаев.

— Ах, что за улыбка — сардоническая, вольтеровская! Впрочем, Вольтер тоже посидел, в Бастилии. Да я не об этом. Вы революционер-народник, я — жандарм-народник. Философ один, умник, утверждал: противоположности сходятся, перетекая друг в друга. А? Перетечем, Сергей Петрович? На благо России...

Быстрые темные глаза Судейкина заискрились дружелюбным весельем, крутые плечи бодро задвигались под мундиром. Казалось, еще мгновение и инспектор заключит подавленного народовольца в товарищеские объятия. Понятно, не сказал подполковник, что написал секретный циркуляр, уже легший на столы министра внутренних дел графа Толстого и директора Департамента полиции Плеве. И что же он предлагал? Да простое: возбуждать распри между революционными группами; распространять ложные слухи, удручающие революционную среду; передавать через агентов, а иногда с помощью приглашений в полицию и кратковременных арестов, обвинения наиболее опасных революционеров в шпионстве; вместе с тем дискредитировать революционные прокламации и разные органы печати, придавая им значение агентурной, провокационной работы.

Нравственно ли это было? Мучила ли Георгия Порфирьевича совесть? Прежде, по молодости — кадетской, благород-

ной — непременно замучила бы. Но перейдя офицером в корпус, столкнувшись с нигилистами-террористами, в кровавом мятежном упоении сорвавшимися с цепи, всегда бьющими в спину, подло, исподтишка, он изменил мнение, он изменился сам. Так меняется солдат от боя к бою.

А это была война — без всяких сомнений. Жестокая, безжалостная. Ее начали революционеры, и отступать они не собирались. Бомбисты упрямо шли к цели: через убийства многих и многих, и главное — через смерть православного Государя достичь дерзкой мечты — республики, парламентской говорильни, где каждый шельмец только и думает в горделивом ослеплении: а не порали и ему поправить страной? (Ужас: столько крови для такого в сущности пустяка!). Но не одолеть врага лишь в открытом сражении. И в тыл, в штабы всегда засылали лазутчиков; ползли осторожные пластуны, перехватывались секретные донесения и пакеты, разгадывались хитроумные шифры — дабы знать, чем дышит противник, что затевает, куда направляет удар. Это было для Георгия Порфирьевича, как открытие. И с тех пор он особенно крепко жал руку начальнику «черного кабинета» Антону Ивановичу Лидерсу, придумывающему новые устройства для вскрытия подозрительных писем. Читать чужие письма дурно, кто ж не знает. А добыть, распечатать конверт с тайной вражеской, злокозненной — доблесть.

К тому же революционеры всегда наступали. Правительство оборонялось. Этому Судейкин положил конец.

Бунтовщики внедрили в III Отделение своего шпиона Капелькина, он начал внедрять в их подполье своих людей. Они готовили покушения, он готовил аресты. Они кричали, что это провокация, он отвечал тем же: это вы, господа, провокаторы — толкаете простодушный народ на пугачевщину, чтобы он порушил то, что сам же творил почти десять веков. (Это про русское царство). Не унимались: бедно живет крестьянин, дети ползают по земляному полу. Инспектор играл желваками: вам бы, молодым, и ринуться в деревни, в артели сбиться, и не книжки богохульные подсовывать, а полы деревянные у мужиков стелить. Ну, к примеру. Эх, не пойдете. Поскольку дело-то негромкое, каждодневное, и славы не принесет. Никакого подвига, никаких «алтарей свободы», «идеалов», «праведного мученичества». И карьеры никакой. Да, да, страшной, кровавой, но — карьеры. Мгновенной причем...

Судейкин покосился на Дегаева. «Карьера... Непременно клонет! Вся семейка у них такая. Дух тщеславия...»

— Разумеется, вашего брата Володю я отпущу от себя, — с деланной рассеянностью произнес подполковник. — Только мы с вами должны...

— Что — должны? — заерзал на стуле штабс-капитан.

— Мы должны, — почти заговорщицки улыбнулся жандарм; сделал актерскую паузу и продолжил: — Должны встать во главе революционного движения России. Вы — во главе подпольного, я — надпольного, если так можно выразиться...

Откуда-то наплыли тучи, с Сены потянуло зябким ветром. Тихомиров не замечал холода. С напряженным вниманием, перемешанным с брезгливостью, точно ему снова предлагали съесть мышь, он слушал предателя, стараясь не пропустить ничего.

«Довольно! Я не могу.. Вот полицейский отвернется, и я выстрелю в эту гадину. Прыгну в конку. И — все, все! Бедная Вера...»

Но он не стрелял. Кошмарная исповедь продолжалась.

Предложение инспектора секретной полиции потрясло Дегаева. На третий или четвертый день подполковник почти бегал по кабинету, озаренный вдохновением, не уступая в актерской игре великому Андрееву-Бурлаку в его лучших ролях.

Выходило, что Судейкин был одинок в жандармских кругах, как Дегаев был одинок в революционном подполье. Ни одного, ни другого не пускали на первые роли, которые они давно заслужили. Поэтому и следовало соединиться. Воздействуя, с одной стороны, на правительство, с другой — на революционеров, они многое сделают для развития России.

Пока же, к несчастью, все добрые порывы инспектора пресекаются. Он не очень-то верит министру внутренних дел и директору Департамента полиции, которые не дают возможности попасть Судейкину к Государю — с превосходным планом по искоренению крамолы; этот граф Толстой, этот фон Плеве — ничтожные завистники, самовлюбленные бездарности, считающие подполковника обычным парвеню. Вот почему он так надеется на Дегаева, деятеля умного и сильного. Несправедливо, когда соратники, не способные подняться до новых идей, держат его в черном теле.

— Я хочу поручить вам, Сергей Петрович, — жарко зашептал на ухо народовольцу Георгий Порфирьевич, — сформировать отряд террористов. Да-да, не удивляйтесь! Об этом отряде должны знать только мы с вами.

— Террористов? Как же?.. — вскинулся Дегаев. — Вы же боретесь с ними...

— Ах, какой вы недогадливый! Тайный отряд. Под вашим контролем. И вы устраиваете покушение на... На меня! — широко улыбнулся Судейкин. — При этом небольшая рана не повредит. Я выхожу в отставку. И тогда — снова ряд тактов...

— К чему это?

— Как к чему? — пожал плечами инспектор. — Все просто: правительство напугано, Государь волнуется. Ушел Судейкин, и революционеры опять подняли голову. Куда пойдут? Да ко мне, к единственному спасителю. Вернуться попросят. И я вернусь. И уж, поверьте, попрошу у Царя чего душе угодно. На место Толстого попрошусь, в министры...

— А я? — неожиданно для себя спросил Дегаев.

— Вы? Так уж... Товарищем министра внутренних дел станете. Я сумею убедить Государя в вашей необходимости. А вообще-то...

Подполковник снова зашептал, с опереточной игривостью оглядываясь на дверь.

Он ценит Дегаева, а посему предлагает ему план совместного тайного управления Россией — ни больше ни меньше. Постепенно Судейкин делается диктатором. Разумеется, штабс-капитан — его правая рука. Вместе они будут управлять всеми делами, и уж тогда — Царь, министры, революционеры, даже Победоносцев окажутся в их распоряжении. Кукловодам лишь остается дергать за ниточки...

«Боже мой! — закрубились сладкие, давно чаемые грезы в горячей голове члена Исполкома. — Как жаль, что нас не слышит маменька! Она верила, что у меня сложится необычная жизнь. Кажется, сбывается...»

На пятый день фантазмагорических бесед он дал согласие на сотрудничество. Тотчас же к нему привезли жену; в камере накрыли роскошный стол на два куверта. Был сочельник. Между сменой блюд Дегаев написал прошение — о зачислении на службу в охранное отделение с окладом 300 рублей в месяц.

Ему устроили побег. Штабс-капитан покатил по стране — вроде бы собирать боевые силы, приводить в порядок провинциальные кружки.

Неужели, неужели свершилось: после ареста Веры Фигнер он делается по сути владыкой революционной России! Как же славно они с инспектором придумали: учить уму разуму опытных партийных деятелей, привлекать новых, по мере необходимости раскрывать и уничтожать организацию по частям, и тут же руками (бомбами, кинжалами) террористов устранять мешающих Судейкину лиц из высшей администрации. Получилось нечто неслыханное в истории революций. Круг замкнулся. Охотник становился творцом добычи. Все радикальское подполье отныне было в руках охранного отделения, которое ловко руководило им, даже цензурировало нелегальную печать. Решили возобновить издание «Листка «Народной Воли»...

У Тихомирова потемнело в глазах. Достал из кармана мятую газету.

— Так это... Это... Тоже дело рук Судейкина? — тыкал «Листком» в искаженное страхом лицо предателя.

— Да. Инспектор дал деньги. Все статьи он правил сам.

— Ужас. Какой ужас! — вышептал Тигрыч одними губами. — Ты ему сказал, что силы «Народной Воли» истощены? Дегаев молча кивнул.

«Вот оно что! Теперь понятно, почему вдруг прервались переговоры с Николадзе. Надеяться не на что — они не возобновятся. Зачем говорить с поверженным противником? Ему надо просто диктовать условия... Как жаль, что никого не вытащили из тюрьмы...»

Больше в центре Парижа они не встречались: Лев боялся, что не совладеет с собой и просто убьет негодяя, попадет в полицию. А выведал он у Дегаева еще не все.

Они бродили в окрестностях Морнэ, порой поднимались в гору, и Тихомиров думал: а не пойдет ли штабс-капитан на попятную? Да, он струсил, оказавшись вдали от своего покровителя. Конечно, он чувствовал, что товарищи по партии начинают его подозревать, и добром это не кончится.

А если это минутная слабость, и страх пройдет? К тому же, как выяснилось, Судейкин поручил штабс-капитану выманить Тигрыча из Франции на немецкую территорию, где идеолога «Народной Воли» должны были арестовать и доставить в Россию. Но жандарм мог сказать и так: не удастся выманить — тогда убить. Разве предатель все откроет?

Дегаеву нужен был лишь легкий толчок, чтобы сбросить Тихомирова с обрыва, схоронив вместе с ним тайну своей измены. Но и Тигрычу хватило бы такого же движения...

Теперь они шли, осторожно поглядывая друг на друга, зорко следя за каждым движением спутника, не приближаясь вплотную, но и не удаляясь слишком далеко. Главное — не допустить, чтобы кто-то очутился сзади, а еще лучше — держать собеседника в поле зрения.

В расщелинах начинала пробиваться яркая трава, и Лев узнал ее: это был душистый чобор, который он так любил рвать в детстве у себя дома. Тронул трепетными пальцами нежную зелень, на мгновение освобождаясь от напряжения. И тут же вздрогнул: Дегаев стоял за спиной.

— Этот мерзавец кругом обманул меня! — пустил фистулу штабс-капитан. — Государю так и не представил. Показал только Победоносцеву и фон Плеве. Уверен, Судейкин хочет сделать меня обыкновенным шпионом. Я... Я ему отомщу!

«Ясное дело: обыкновенным шпионом быть не желает. В

необыкновенных мечтал состоять... Эх, столкнуть бы его, разозжить голову о камни. Вон они, рядом, внизу...»

Тигрыча трясло, точно в лихорадке. Ему стало страшно. Страшно, потому что он был совсем один. И нужно решать, искать выход. Нет надежных друзей, не на кого опереться. Но как же разнеживающе пахнет домом весенняя трава на чужих скалах! Почему, ну, почему нельзя просто жить? Ведь по такой же травке неслась к обрыву коляска с маленьким Сашей...

А что если это был какой-то знак — таинственный, еще невнятный для его блуждающего ума?

Нет, убивать иуду нельзя. Тогда Судейкин тотчас арестует всех, кто остался на свободе в России. Адреса и явки ему известны благодаря Дегаеву, главе нового Исполкома, «соломенного» — именно, именно! Вроде, есть комитет, да подставной, ненастоящий, из сена-соломы. А начнешь извещать товарищей, пройдет не один месяц. Слухи дойдут до полиции, и все одно — пересажают.

Мысли роились. Виски ломило от напряжения. Не хватало чего-то важного, чтобы развязать эти путаные узлы.

— Я должен... Нужно сказать... — мертвым голосом произнес штабс-капитан. — Многое из того, о чем я сообщил Судейкину, хранится не в его кабинете. А только... Только в его памяти. Он не вполне доверяет бумагам. А память у инспектора отменная.

Вот оно! Вот! Это многое меняет.

— Что ж, тогда... — Тихомиров сжал в кармане холодный ком револьвера; помолчал, наезжая вращающимися глазами на сникшего Дегаева, и сказал, словно шагнул с обрыва: — Ты должен убить Судейкина. Этим ты хоть как-то искупишь преступление. И не смертью своей, а спасением тех, кого предал.

Наступила тишина, глухая, как на дне пропасти. Над крышами Морнэ прозрачно поднимались каминные дымки. Деревня лежала внизу, словно на ладони. Тигрыч безотчетно нашел взглядом свой домик: наверное, Катюша кормит Сашу; дело жизни крошилось, рассыпалось, оставались только они — жена и сын. Так? Возможно, возможно. Не хотелось думать об этом.

— Хорошо, я согласен, — почти простонал штабс-капитан.

— И еще. Если ты этого не исполнишь, то знай: я немедленно опубликую о твоём предательстве. Надеюсь, ты понимаешь: поверят мне, Тигрычу, а не тебе. Ты будешь уничтожен. Судейкин выбросит тебя, как... Как вываренную тряпку.

— Я все сделаю. Только...

— Что — только? — раздраженно спросил Лев.

— Прощу, никому не говори... Ну, про все это, пока... Пока я не исполню, — пролепетал Дегаев.

— Договорились, буду молчать. Потом ты вернешься, и мы будем тебя судить. Состав революционного суда я определю сам, — отрезал Тихомиров. — Если тебе сохранят жизнь, поможем скрыться.

Через неделю штабс-капитан уехал в Россию. Никто из эмигрантов не посмел спросить о результатах этих тайных встреч. Ведь сам Тигрыч, а он уж дело знает...

Глава двадцать восьмая

Плеханов влез на крутую гору, и теперь не мог спуститься; звал на помощь. Но Тигрычу совсем не хотелось выручать марксиста. Накануне вечером тот вдруг заявился в Морнэ с вечно растрепанной Верой Засулич; гости переночевали у Тихомировых, а утром все вместе отправились на прогулку.

Засулич, как и положено первой русской террористке, скинула башмаки, веселилась, скакала полной оборванкой по склонам, пугая чинных прохожих. А у Льва ныло сердце от хитрости Георга. Нет, даже подлости.

В эти летние дни они вместе заканчивали подготовку первого номера «Вестника «Народной Воли». И тут Плеханов полез в бутылку: стал требовать слияния двух фракций — народовольческой и своей, социал-демократической; настаивал на публикации в журнале официального объявления об этом событии — с изложением принципов нового объединения. Старые народовольцы наотрез отказались: идей Маркса не разделяли, знали и о том, что автор «Капитала» не раз писал: его теория не вполне пригодна для России. К тому же сам Плеханов высмеивал соратников Тигрыча, называл их бланкистами, вечными заговорщиками.

И вдруг — объединиться. С чего бы это?

Причины Тихомиров понял на прогулке. Ведь ясно же: деньги будут давать под марку «Народной Воли», а не под плехановцев, неизвестных в европейской революционной среде. И это несмотря на кризис, переживаемый партией. Объединившись, фракция Георга станет на страницах журнала проводить свои принципы, бодаться с народовольцами. Славно получается: есть-пить на чужие деньги, да еще и в тарелку благодетелю плюнуть. Умно, изворотливо придумано — тут чувствовалась сметливая рука финансового пройдохи Левушки Дейча.

Тигрыч настаивал: «Вестник» должен быть органом объединения всех русских революционеров, а не полтора десятка эмигрантов. И здесь они тоже расходились с Георгом.

Плеханов вспылил и кинулся в гору, в густые колючие заросли — гнев развеять. И — попался. Подталкиваемый шумной Засулич, Тихомиров полез выручать оппонента.

Впрочем, все это мало занимало его. Из Петербурга приходили вести: инспектор секретной полиции Судейкин жив-здоров, Дегаев не решается, медлит с покушением.

Лето промелькнуло, затем осень. Следовало ускорить дело. В Россию послали бесстрашного Германа Лопатина, когда-то устроившего дерзкий побег Лаврову из северной ссылки. Кроме того, в Питер прибыли молодые горячие южане Николай Стародворский и Василий Конашевич — в поддержку заматавшемуся Дегаеву.

Подполковник ни о чем не подозревал. Он был доволен штабс-капитаном. Он был доволен также и своим новым сотрудником Петром Рачковским, так похожим на него самого в юные годы.

Для встреч с Дегаевым инспектор снял трехкомнатную квартиру в доме, выходящим одним фасом на Невский, другим на Гончарную. Отсюда в первых числах декабря провожали за границу жену штабс-капитана Любовь: с фальшивым паспортом она отправлялась в Париж — присматривать за эмигрантами, и в первую голову — за Тигрычем.

В тот вечер Георгий Порфирьевич был в ударе. Еще бы! Разгромлен нелегальный кружок офицеров-вольнодумцев, арестована новая динамитная мастерская, разоблачен невероятный заговор Сергея Нечаева, и где — в тюрьме, под замком! Соблазнил, висельник, беседами караульных солдат, вознамериваясь поднять восстание в Петропавловской крепости в момент приезда Государя. И помог Судейкину не кто иной, как вальяжный народоволец Леон Мирский (а ведь стрелял в шефа жандармов Дрентельна!), давно работающий на него. Также исправно действовало основанное инспектором «Общество борьбы против террора», куда он привлекал студенчество.

Что ж, усилия не пропали даром: бомбисты наголову разбиты. Коронация Александра III прошла в Москве без сучка и задоринки. Ни угроз, ни выстрелов, ни снарядов с гремучим студнем. Государь милостиво удостоил подполковника аудиенции и вручил при этом 15 тысяч рублей наградных.

Судейкин был на седьмом небе. Пил шампанское. Дегаев же сидел за столом темнее тучи.

— И чего вы боитесь, драгоценный Сергей Петрович? — тербил жандарм своего агента. — Думаете, соратники дога-

даются, кто их выдал? Знаете ли... — он весело забросил в рот виноградину. — А вы убейте шпиона Шкрябу. От него уж никакая мне пользы. Или этого... Поммера, а? Проследите, покажите перед революционерами его измену и — бах-бах! Тотчас вернете доверие. Все одно — выдохся он. Раз, и помер Поммер! Ха-ха! Правда, поговаривают, он женат на кузине самого Льва Тихомирова, Тигрыча. Слыхали?

Инспектор вдруг впился трезвым ледяным взглядом в ускользающие под брови глаза Дегаева. Но это длилось мгновение.

— Шучу, Сергей Петрович! Шучу! — снова расплылся в обворожительной хмельной улыбке. — Разве вы можете убить? Это, голубчик вы мой, прерогатива Господа Бога. Живить да мертвить.

— И палача Фролова, который народовольцев казнил, — хмыкнул штабс-капитан.

— Да вы балагур, однако! — рассмеялся Судейкин. — Впрочем... Мучает меня один вопрос. Вопросец, я бы сказал. Очень интересный. И стал я задавать его себе, как только за революционеров взялся. А вскоре с мудрецом у ворот монастырских свел случай...

Тем временем в двух шагах от тайной жандармской квартиры в скобяной лавке Стародворский и Конашевич покупали тяжелые ломы. После отправились в мастерские на Патронный, где тугоухий любитель жареных мышей Зборомирский укоротил каждый лом до аршина и, примерив железо к руке («теперь по полпуда будет!»), вернул обрубки народовольцам. Зборомирский был счастлив: он нужен, про него вспомнили!

Покушение наметили на 16 декабря. Герман Лопатин утвердил дату.

... — А он, представьте себе, из монашествующих, — Судейкин стоит в передней и никак не может проститься со своим агентом. — И я ему про революционеров, про этих озлобленных мальчишек, на священную жизнь посягающих. И жаль их, но и... Я ведь и сам отец, да что же делать с ними? А он мне...

Подполковник за лацкан притянул к себе Дегаева и заговорил — жарко, торопливо. О том, что открыл ему таинственный инок у стен обители. О лукавстве писателя Толстого — в его непротивлении злу насилем. Ибо мышьяк отравляет, но мышьяк и вылечивает. И если кто-то рвется к убийству, а другие («Мы с вами, Сергей Петрович!») скрутят его, то это не насиле, но благодеяние духовное. Да, физическое пресечение неприятно, однако смешно думать,

что все неприятное — есть зло, а все приятное — добро. Как правило все наоборот: зло приятно, добро — нет.

— Интересно, не правда ли? Вы следите? — дышал инспектор в лицо штабс-капитану. — И сказано было еще: тело бомбиста-метальщика есть территория его злобы. С какой же стати мы должны трепетать перед ним, если революционер сам не трепещет перед лицом Божиим? А? Как просто. Тело злоумышляющего — его орудие. Но ведь тело-то не выше души, не священнее духа. И церемониться с ним — духовное дезертирство и самораствление. А посему — пресечь, пресечь! Силою праведной. Понимаете?

Подполковник оттолкнул от себя Дегаева. Развернулся на каблуках. Улыбнулся таинственно:

— Пословицы я русские полюбил. Слышали ли? Целовал ворон курочку до последнего перышка...

Дверь за ним захлопнулась.

Спустя три часа в квартиру осторожно постучали. С тяжелыми сумками вошли Конашевич и Стародворский. Ломы спрятали. Один обрубок — в спальне, другой — в кухне. Пошептались с Дегаевым. Разошлись.

16 декабря в пятом часу пополудни Георгий Порфирьевич сам позвонил в дверь. Подполковник появился не один — с племянником, молодым офицером Николаем Судовским. Судейкин по-хозяйски, не задерживаясь в передней, быстро прошел в залу, небрежно сбросил пальто на диван. («Вот и хорошо: у него в кармане остался револьвер!»). Рядом пристроил массивную трость: Дегаев знал — в рукояти спрятан отточенный стилет. Племянник же замешкался у зеркала; вешал шубу, причесывался, поправлял усы. Красавец, привык всем нравится.

— Я от вас записку получил. Что же вы, Сергей Петрович, хотели мне сообщить? — развернул жандарм атлетические плечи. — Да на вас лица...

Он не договорил. В руке у агента вдруг запрыгал «бульдог», грянул выстрел. Дегаев целил инспектору в грудь, но пуля вошла в живот, рядом с печенью. Тот взревел. Из спальни в гостиную с ломом в руках влетел кудлатый Стародворский, размахнулся, однако Судейкин увернулся от удара, ткнул напавшему кулаком в серое лицо и, пошатываясь, зажимая рану, метнулся к передней с криком:

— Коко! Скорее! Сюда! Бей их из револьвера!

Но племянник уже лежал на полу без памяти. Путь к двери преградил Конашевич. Жандарм замешкался, морщась от боли, и в эту же секунду догнавший его Стародворский обрушил на голову страшный удар ломом, от которого инспектор рухнул под ноги пытающегося сбежать Дегаева.

— Ну же! Все?! — визжал пробивающийся к дверям штабс-капитан; он смешно поднимал колени, словно шел по болоту.
— Все! — прохрипел Стародворский. — Не видишь?..

Судейкин вдруг дернулся, вскочил на ноги и, с утроенной силой боднув по-бычьи Конашевича окровавленной головой, кинулся к ватерклозету; успел вбежать, да запереться не смог, и теперь слабеющими руками пытался удержать дверь изнутри. Ловкий Стародворский вставил ногу между косяком и дверью, тянул ее на себя, нанося удары ломом по разбитым ладоням, запястьям спасающегося инспектора. Силы были неравные. Наконец, раненый, оглушенный подполковник разжал искалеченные пальцы. Рывком вытащив несчастного в переднюю, обезумевший народоволец принялся колотить его скользким от крови ломом по виску и затылку. Умиравший Георгий Порфирьевич опрокинулся назад, в ватерклозет, заполнив его своим огромным телом. Но и здесь, в тесноте, прыгал тяжкий железный обрубок, кроша в брызги голову, ломая ночную вазу. Осколок отскочил, поранив лицо убийце. Теперь по его щеке тоже текла кровь.

Судейкин был мертв. Чудом остался в живых Николай Судовский; он-то и расскажет обо всем следствию. Но это уже мало интересовало Конашевича и Стародворского. Побросав ломы, толкаясь на лестнице, они бросились вон, чуть было не сбив в подворотне запасного унтер-офицера Суворова, агента охраны, проживающего под видом лакея у Дегаева и отправленного им за покупками в провиантские склады. Унтер и запомнил расхристанных, испуганных людей.

Сам же штабс-капитан скрылся еще раньше. В колких от летящего снега сумерках он бежал по городу, не узнавая его домов и двorcов. Он закрывал глаза и видел кровавое пятно на полу, он открывал глаза, и липкие страшные струи стекали по белым дорическим колоннам особняков. Объятое ужасом сердце норовило выскочить из горла. Ноги отказывались нести. Чтобы перевести дыхание, Дегаев прислонился спиной к стене большого серого дома. Над его головой уютно светились вечерние окна.

Вспомнилось, ударило в виски: «Целовал ворон курочку до последнего перышка. Ох, целовал...»

И вдруг ему почудилось... Нет, он явственно услышал детский плач — откуда-то сверху, из теплого желтого света. Плач был горьким, безутешным.

«Откуда? Мне показалось. Это все нервы... Это ветер...»

Конечно, никакого плача. Тоскливо посвистывала, шелестела поземка. Но все было, было! И плач был...

Потому что в теплой детской спальне от неясного испуга пробудился Сереженька Судейкин, поздний ребенок Георгия Порфирьевича. Мальчик проснулся от страшного сна, который он тут же забыл, и теперь, всхлипывая, успокаивался на руках у доброй и теплой няни. Он не забудет только лилово клубящиеся тени по углам, серые тона старинных гобеленов, блеск серебра и золота багета и, наполненный сказочным ужасом, шум ветра за полуночным окном. Он станет потом знаменитым художником, художником «Голубой розы», и на его романтических картинах, на театральных декорациях оживут, словно всплывая из тревожной прапамяти, те же краски, причудливые силуэты, которые приносят повторяющиеся горькие сны. Сны неутешной боли и сиротства...

Подполковника отпевали в церкви Мариинской больницы. Народу было много.

Государь начертал на докладе министра внутренних дел графа Толстого: «Я страшно поражен и огорчен этим известием. Конечно, мы всегда боялись за Судейкина, но здесь предательская смерть. Потеря положительно незаменимая...» Императрица пристала на могилу венков — белые лилии, переплетенные надписью: «Честно исполнившему свой долг до конца».

Не смолчала и дышащая на ладан «Народная Воля», опубликовав бодрое заявление ИК относительно казни инспектора охранного отделения. По всему выходило, что партия специально бездействовала, милостиво позволив правительству принять благодетельные для России меры, да вот, не оправдало правительство доверия террористов, и поэтому по решению Комитета Судейкин, этот сеятель политического разврата, был убит. (Ох, умели подпольщики пыль в глаза пустить!) Писали и о предательстве Дегаева. По мнению народовольцев, только взаимное истребление этих двух достойных друг друга деятелей могло хоть как-то успокоить возмущенное нравственное чувство.

Тем временем Дегаев благополучно добрался до Парижа. Как и обещал Тигрыч, изменника судила революционная «тройка» — Герман Лопатин, Василий Караулов и сам Тихомиров. Заседание было коротким. Лев зачитал решение: «Вынужденный горькой необходимостью преодолеть нравственную брезгливость и законное негодование и воспользоваться услугами Дегаева, ИК нашел справедливым заменить ему смертную казнь безусловным изгнанием его из партии с запрещением ему, под опасением смерти, вступать когда-либо на почву русской революционной деятельности. ИК пригласил»

шает всех членов партии «Народная Воля» следить за точным выполнением этого приговора...»

— Поставь подпись, — тихо сказал Тигрыч.

Рука штабс-капитана дрогнула. Перо порвало бумагу. Подпись вышла хуже, чем на прошении «его благородию господину Г.П.Судейкину от потомственного дворянина» о зачислении в штат охранного отделения.

— В России тебе не бывать. И в Европе тоже, — с нарастающим отвращением выдавил Тихомиров. — Вы с женой уедете в Америку. Навсегда.

Катюша волновалась, протестовала, но заграничный центр постановил: сопровождать чету Дегаевых до Лондона должен сам Тигрыч. А он посмеивался: вот, мол, сподобился роли конвойного; прежде-то все было наоборот...

Катя думала, что на борту парома, оставшись со Львом один на один, изменник непременно сведет счеты. Но тот был подавлен, молчалив. Лишь сказал, задохнувшись от ветра:

— Пойми, Тигрыч, я же поверил... Если объединить энергию революционеров и правительства. Лучшие силы... Представь: тюремная камера, тускло освещенная лампой, и мы с женой за столиком в сочельник... Мы плачем и мечтаем о будущем. О будущем России...

Тихомиров отвернулся. Паром подходил к английскому берегу.

Спустя три дня тяжелый пароход британской компании увез Дегаевых в Южную Америку.

Пришлось пойти в портовые грузчики, жене — в прачки, посудомойки. Потом они переедут в США, где штабс-капитан сделает блестящую профессорскую карьеру: отставной артиллерист был всегда хорошим математиком. Теперь его зовут Александр Пелл, он получил докторскую степень в университете Южной Дакоты. Правда, этот жуткий русский акцент... Зато его обожают студенты, с которыми он играет в американский футбол. Ребят поражает его доброта: «Доктор Пелл занимает исключительное место в наших умах и сердцах...» Он становится деканом. Проходит время, и умирает жена. Но в этого странного русского влюбляется одаренная студентка Анна Джонсон, дочь шведских эмигрантов. В 1907 году почти пятидесятилетний профессор женится на своей юной ученице. Они переезжают в Чикаго, преподают в университете.

Размеренную жизнь нарушила лишь та поездка в Нью-Йорк...

В Метрополитен-опера давали «Петрушку» Игоря Стравинского. В программе значилось имя художника декора-

ций: Сергей Судейкин. Лиловые круги поплыли перед глазами доктора Пелла.

— Тебе плохо, дорогой? — сжала его руку Анна.

Не отвечая, он вышел в фойе. На стенах висели картины: лиловые, серые, малахитовые тона. И это наплывающее разноцветье почему-то заставило колотиться сердце. Сюжеты напоминали сон — давно отлетевший, не отпускающий, с примесью близкой смерти. Он почти услышал шелест поэмки и детский плач. Наверное, это был плач ребенка, которого у него никогда не было. Или совсем другого. Пелл не знал.

— Этот художник... Анна, где его найти? Я должен... — метался среди причудливых картин профессор, пугая жену русскими словами.

С первым инсультом его увезли прямо из зала оперы.

Александр Пелл умер в Бринморе в 1921 году. В некрологе говорилось о его отзывчивости и верности долгу. Анна Джонсон-Пелл надолго пережила мужа и даже учредила стипендию его имени в университете Южной Дакоты — для особо одаренных студентов, специализирующихся в области математики, которая существует и по сей день.

Стипендия имени двойного агента? Имени двойного предателя?

Впрочем, какое дело математике до революций, до борьбы с ними?

Нет, Тихомиров спешил не зря: пароход с Дегаевыми еще не успел скрыться в английском тумане, как из Петербурга в Европу срочно выехал один из лучших агентов погибшего подполковника, бывший революционер Петр Рачковский. Сам директор Департамента полиции фон Плеве поручил ему настичь жену убийцы Судейкина, а через нее выйти на след Дегаева. Неплохо было бы и Тихомирова прищучить: арестованный Николай Стародворский уже признался, что идея расправиться с инспектором принадлежит неуловимому Тигрычу. К тому же способный ученик Георгия Порфирьевича лично был знаком со сбежавшим идеологом «Народной Воли».

А Тихомировы тем временем перебрались в Париж. И перемене этой были рады. В Женеве дышалось тяжело; от безысходности болело сердце.

Сперва застрелилась Соня Бардина, осужденная по «процессу 50-ти», на котором произнесла фразу, ставшую крылатой: «Идеи, господа судьи, на штыки не улавливаются!» Потом вместе выпили опия супруги Франжоли и Завадская — разочаровавшиеся, уставшие от недугов и нужды революционеры.

В Париж — это к Маше Оловенниковой, к Лаврову, с которыми все более сближались в работе над «Вестником», и подальше от Плеханова, Дейча, с их надоевшим мелким шельмованием.

С одной квартирой его надули: хозяин взял триста франков, но проживающая там девица вдруг расхотела съезжать. Хозяин заявил, что камелия эта ему не платит, и он предлагает взыскивать с нее. По народовольческой привычке схватился за «бульдог», но старый плут чуть не помер под дулом. Пришлось махнуть рукой: не судиться же ему, бесправному беглецу-эмигранту..

— Что делать, сударь, иностранцы всегда платят дань Парижу, — разулыбался очухавшийся хитрец.

Начинался новый период его жизни. Он поймет за четыре года, что ни один город — ни Петербург, ни Москва, ни Ростов, ни десятки других — не повлиял на него, как Париж. Тихомиров приехал сюда одним, уехал совсем другим.

Они поселились на авеню Рэй, в окраинном районе, выходящем прямо к парку Монсури. Здесь было хорошо гулять с сыном. И квартиру удачно выбрали: небольшую, из четырех комнат, с чистой кухней. Но тревога не оставляла. Два дня назад консьержка Маши Оловенниковой, забавно тараща косоватые глаза, рассказала о шпионе. А то, что это был шпион, не подлежало сомнению: выспрашивал, не бывает ли у квартирантки седой, высокий господин (похоже, Лавров), и еще — коренастый, с бородой и крутящимися глазами (это, конечно, он, Тигрыч!). Обещал платить по сто франков в месяц. Консьержка прогнала его. Это она так сказала. А там уж, кто знает?

Затем — смерть Тургенева: Лев на вокзале, несет венок. И тут же в Германии арестовали и выслали в Россию скандального Дейча. В Париже участились случаи холеры, надо бы отвезти жену с Сашей за город, но в кошельке ни франка; в «Отечественные Записки» написал, потребовал деньги за статью — нет ответа, молчит, не высылают гонорар и Шелгунов. И у Оловенниковой не взять: сама перебивается с хлеба на воду. Неожиданно выручил старик Лавров: дал 500 франков.

Продолжение следует

*О состоянии русской нации
и путях выхода
из либерального тупика*

Александр ПОЛЕТАЕВ

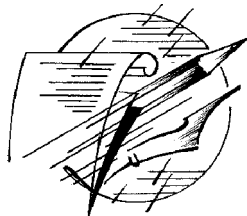
КРУГ ЗАМКНУЛСЯ

Отсутствие в современной России ясно обозначенной властями идеологической платформы и перспективной социально-экономической модели развития до сих пор мешает нам всем надежно планировать свою жизнь, какую бы социальную нишу мы ни занимали.

Лозунги перестроечной смуты вроде того, что «разрешено все, что не запрещено», развязали руки разномастным негодьям. Управляемая вседозволенность помогла появиться когорте нуворишей, называющих себя «элитой», или «новыми русскими». Понятно, что, помимо этой группы деляг, в российском обществе всегда были и есть честные, талантливые, трудолюбивые предприниматели, сумевшие стать успешными вопреки всем проблемам первых лет перестройки.

Современный экономический кризис со всей отчетливостью показал, что наша экономика еще полностью зависит от мировых цен на нефть, газ, металл, уголь и другие природные ресурсы, за счет экспорта которых удавалось преуспевать стране в последнее десятилетие. Вывод экономики России из односторонней экспортно-сырьевой ориентации остается еще одной неотложной национальной задачей.

Бойкие обозреватели заглядывают вперед (или вниз?), пытаются увидеть

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

некое гипотетическое дно кризиса, предполагают, когда мы все от него оттолкнемся и поплывем дальше к лучшей жизни.

Кризисные явления в российской экономике имеют иные, гораздо более многочисленные и глубокие причины и следствия по сравнению с проблемами, возникшими в развитых странах. Наша экономика жестко завязана на игровой рынок сырьевых товаров, а кредитная подпитка почти всех видов российского бизнеса также идет в основном с Запада.

Но и там давно уже накапливались свои системные финансово-экономические проблемы, в том числе и в банковской сфере. Когда к концу 2008 года они вышли на поверхность в России, оказалось, что отечественным первопроходцам капиталистического развития не на кого опереться, кроме как на собственное государство.

Тем самым круг российских социально-экономических экспериментов, начатых почти 20 лет назад, замкнулся. Чем принципиально отличается государственная помощь отстающим колхозам при социализме от раздачи, уже в наше время, колоссальных бюджетных средств крупным банкам и частным монополиям, понять было нелегко.

Тогда, в начале 90-х, на заре перемен, наша страна оказалась на участке исторического бездорожья со всеми его «преlestями» и недостатками. Отсутствие традиций общенациональных дискуссий и механизма принятия решений на их основе, возрастающая закрытость новых «демократических» правителей еще более усугубили ситуацию.

К тому же оставшаяся позади социалистическая модель экономики и общественного устройства имела свои, всеми хорошо понимаемые и долгое время большинством народа использовавшиеся практически плюсы в сфере образования, здравоохранения, социальной защиты, жилищного строительства. Многие россияне эти социальные преимущества, наверное, помнят и тоскуют о них. Понятно, что об убогом социалистическом снабжении продуктами и твердолобом однопартийном всевластии наши люди вспоминают с неприязнью.

В первые перестроечные годы народом был сделан выбор только лишь «против», но ему, в силу объективных обстоятельств, не был предложен для всех понятный и подробно проработанный выбор «за».

Несомненно, что при выборе нового алгоритма социального, экономического и политического развития многим в российском обществе придется отказаться от сладких, но обманчивых иллюзий всеислжности рыночных механизмов, которые якобы способны благодетельствовать всех. Прак-

тика постперестроечных лет убедительно доказала практическую неадекватность подобных тезисов. Демонтаж социалистической экономики и общественных институтов проходил под туманными лозунгами аморфной либеральности и какой-то иной, невиданной нами ранее «новой» демократии.

Да и о демократии, которой якобы кому-то не хватает, нам с вами придется поразмыслить более трезво. Что такое на практике демократия в нынешнем мире всепроникающего военно-политического, блокового доминирования, экономического и финансового монополизма? Скорее всего это некий неясный феномен, используемый в качестве политической дымовой завесы, прикрывающий истинные цели покровителей отдельных фигур нашей оппозиции. Либерализм — еще один, навязываемый нам Западом фетиш. Сторонники этой политической и экономической доктрины подчеркивают приоритет прав и свобод человека. За либеральную идеологию ухватились и наши доморощенные олигархи, призеры сверхлиберальной российской приватизации.

Однако на практике и современный либерализм, и демократия для избранных — всего лишь инструменты западной экономической элиты. Олигархический монополизм переигрывает законодательство почти любой из стран Запада. Это видно на примере громких финансовых скандалов и банкротств крупнейших корпораций (Enron, WorldCom). Почти во всех этих случаях, как выяснило следствие, речь идет не об ошибках, а о заведомых подлогах и коррупции.

Компьютерные коммуникации позволяют проводить различные сделки с депозитами и другими материальными активами почти мгновенно, находясь в любом уголке мира. Финансовые пузыри в сфере ипотечных займов и ничем не обеспеченных ценных бумаг стали спусковым механизмом нынешнего экономического кризиса. И перспективы выхода из него пока туманны. В любом случае проделки недобросовестных участников свободного рынка оплачиваются за счет простых налогоплательщиков. 24 августа 2005 года издающаяся в США русскоязычная газета «Еврейский мир» писала, что «жирными котами» Америки в первую очередь можно считать руководителей крупных корпораций, инвестиционных банкиров и управляющих разными фондами. Если в 60-х годах XX века «жирные коты» зарабатывали в два раза больше президента США, то сейчас они получают в 62 раза больше него, то есть без малого по 25 млн. долл. в год. Периодически «жирных котов» берут за загривки, но для этого нужен скандал, от которого страдают инвесторы их компаний. Так произошло с крупной корпорацией WorldCom,

банкротство которой считают самой крупной бухгалтерской аферой в истории США — руководители корпорации обо-брали вкладчиков на 11 млрд. долл.

Напомним, что совсем недавно и наши российские банковские «котики» любили заключать персональные компенса-ционные контракты с условиями оплаты их тяжелого труда по формуле «три по десять», т.е. три года по десять милли-онов, и не рублей, а долларов. Именно в годы такого стран-ного благоденствия для «избранных» российские корпора-ции сумели назанимать на Западе почти 350 млрд. долл. Не-понятно только, в чем заключался профессионализм менед-жеров этих корпораций. Наверное, в умении брать в долг?

В России в начале 90-х годов прошлого столетия под при-крытием лозунгов псевдodemократических преобразований, не подкрепленных твердой законодательной базой и эффек-тивной практикой силовых ведомств, вырос уровень преступ-ности. Маргинальная молодежь и их старшие «наставники» быстро создали организованные преступные группировки, установившие уголовный террор против представителей на-рождающегося малого бизнеса, которые наивно поверили в светлое рыночное завтра.

Таким уродливым образом у нас проявилась постсоциа-листическая социальная конкуренция.

Как показывают статистические данные, в первые годы перехода от плановой к рыночной экономике страны Вос-точной и Центральной Европы столкнулись с катастрофи-ческим снижением общественного производства, приведшим к ярко выраженной социальной дифференциации населения. Спад производства, высокий процент безработных, неадек-ватные системы социального обеспечения, рост социально-го неравенства, преступности и общей бедности — вот лишь некоторые черты процесса так называемой «транзиции».

Торопливый слом социалистической модели государствен-ности, проведенный почти единовременно во многих восточ-ноевропейских странах, сопровождался пропагандистски-ми предположениями о том, что лучшее нас ждет впереди. Часть из этих стран, в надежде на лучшее будущее, вошла в Европейский Союз и блок НАТО. Наверное, пока рано об-суждать промежуточные результаты такой геополитической переориентации.

Мы должны помнить, в первую очередь, о своей Родине. К сожалению, в нашей стране до сих пор нет четко заявленной программы дальнейших шагов по реформированию государ-ства для достижения понятных всему населению долгосроч-ных целей. Патриотические силы России обязаны разрабо-

тать и предложить такую программу. И это тоже одна из важнейших национальных задач. В ходе выполнения этой программы, по нашему мнению, должны быть найдены алгоритмы решения самых важных для российского общества проблем.

Мы имеем в виду практически вещи, без которых трудно жить: надежно функционирующую государственную систему трудоустройства и создания рабочих мест на селе и в городах; обеспечение возможности приобретения семейных домов как основной формы жилья в России на разумных и доступных условиях (в первую очередь молодыми семьями); отработку и запуск эффективного механизма социальной конкуренции и сотрудничества как основы российской модели модернизации; создание эффективной и справедливой системы использования природных богатств страны и ее производственного потенциала. Только решение этих вопросов позволит вернуть россиянам социальную перспективу, утраченную в ходе затянувшихся либеральных экспериментов.

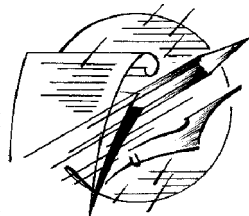
КЛАДБИЩЕНСКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ

Нынешние власти в России очень гордятся их основным и единственным достижением — стабилизацией нашей жизни после бурных и страшных 90-х.

Сегодня ясно, что роль стабилизирующего фактора в экономической сфере в РФ сыграли устойчиво высокие цены на нефть и газ в мире, благодаря чему правительству удалось освободиться от кабальных долгов и слегка улучшить положение в социальной сфере, даже иметь некий задел к новому обострению кризиса в стране и в мире. Повезло! Но кому?

Прежде всего олигархам, которые практически задаром слезались в одночасье долларовыми миллиардерами; повезло демагогам, то есть правительству РФ и Госдуме, с достижением некоторой стабилизации. Но вряд ли народам РФ, ибо обнищание и вымирание населения стабильно продолжаются и поныне. Обрушение промышленности, ВПК, образования, науки продолжаются — реформирование было сведено к приватизации, по сути, к раздаче государственной, то есть всенародной, собственности задаром, как с той же Саяно-Шушенской ГЭС, а новые собственники с инвестициями не торопятся, они попросту легкие сверхприбыли вывозят за границу, как всем известно.

Напрасно Путин грозит Потанину и Прохорову генпрокуратурой, объявится

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

третий, которому все достанется — тоже задаром, под некие обязательства. Олигархи — его порождение, он (Путин) и сам — порождение олигархов, он их первый стратег, а его главный идеолог — Чубайс, которого ему приставил не Ельцин, а более могущественные силы, как нетрудно догадаться. Если приватизация в странах Запада — форма достижения эффективности бизнеса, то в РФ, как поведал Чубайс, приватизация имела своей целью уничтожение «коммунизма».

Едва Чубайс покончил с энергетикой как народным достоянием, он тут же встал во главе госкорпорации по нанотехнологиям. Чем он занимается там, ясно: борьбой с «коммунизмом», то есть с прорывными проектами. Война Чубайса с «коммунизмом» давно превратилась в подрывную деятельность против России.

Слыша критику в свой адрес и его партии, председатель Госдумы Б.Грызлов заявил: мол, «ЕР» — основа стабилизации, а стабилизация — инструмент модернизации. А теперь давайте посмотрим, что стоит за этой стабилизацией. Россия занимает:

- 1-е место в мире по абсолютной величине убыли населения;
- 1-е место в мире по количеству самоубийств среди пожилых людей;
- 1-е место в мире по числу разводов и детей, рожденных вне брака;
- 1-е место в мире по числу детей, брошенных родителями;
- 1-е место в мире по количеству самоубийств среди детей и подростков;
- 1-е место в мире по смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы;
- 1-е место в мире по числу пациентов с заболеваниями психики;
- 1-е место в мире по объемам торговли людьми;
- 1-е место в мире по количеству абортот и материнской смертности;
- 1-е место в мире по объему продаж крепкого алкоголя;
- 1-е место в мире по потреблению спирта и спиртосодержащей продукции;
- 1-е место в мире по темпам роста табакокурения;
- 1-е место в мире по числу курящих детей;
- 1-е место в мире по темпам прироста ВИЧ инфицированных;
- 1-е место в мире по количеству авиакатастроф (в 13 раз больше среднемирового уровня);
- 1-е место в мире по числу миллиардеров, преследуемых правоохранительными органами;
- 1-е место в мире по количеству ДТП;
- 1-е место в мире по физическому объему экспорта необработанных алмазов;

-
- 1-е место в мире по разведанным запасам серебра;
 - 2-е место в мире по разведанным запасам золота;
 - 2-е место в мире по разведанным запасам платины и первое место по ее экспорту;
 - 2-е место в мире по уровню бюрократии;
 - 2-е место в мире по числу долларовых миллиардеров (после США);
 - 2-е место в мире по числу самоубийств (после Литвы);
 - 2-е место в мире по числу убийств на душу населения (после Колумбии);
 - 2-е место в мире по экспортным поставкам вооружений;
 - 2-е место в мире по распространению поддельных лекарств (после Китая);
 - 2-е место в мире по объему производства порнофильмов;
 - 2-е место в мире по числу детей, усыновленных в США;
 - 2-е место в мире по численности мигрантов;
 - 2-е место в мире по количеству заключенных на 1000 человек (после США);
 - 2-е место в мире по числу людей, ищущих убежища на Западе (после Сербии);
 - 2-е место в списке стран, обладающих наибольшим количеством стрелкового оружия;
 - 2-е место в мире по числу журналистов, убитых за последние десять лет (после Ирака);
 - 2-е место в мире среди производителей пиратских дисков;
 - 3-е место в мире по числу угонов автомашин;
 - 3-е место в мире по распространению детской порнографии;
 - 3-е место в мире по количеству тоталитарных сект;
 - 62-е место в мире по уровню технологического развития (между Коста-Рикой и Пакистаном);
 - 65-е место в мире по уровню жизни;
 - 70-е место в мире по использованию информационных и коммуникационных технологий;
 - 72-е место в мире по рейтингу расходов государства на человека;
 - 97-е место по доходам на душу населения;
 - 120-е место в мировом рейтинге экономических свобод;
 - 127-е место в мире по показателям здоровья населения;
 - 134-е место в мире по продолжительности жизни;
 - 147-е место по степени свободы прессы (из 168);
 - 159-е место в мире по уровню политических прав и свобод;
 - 175-е место в мире по уровню физической безопасности граждан;
 - 182-е место по общему коэффициенту смертности среди 207 стран мира.

Разумеется, картина состояния нашей страны и без этих показателей нами осознается как катастрофическая. Если это состояние говорит о стабилизации, то она подобна свободному падению с возгласами президента Медведева: «Россия, вперед!»

Если это стабилизация, то кладбищенская стабилизация, с разгулом властных и криминальных структур в сумерках ночи и среди бела дня. В поездках на дачу в последние годы я наблюдал, как забрасывались обширные поля. Затем из-за роц с неприметными могилами стали выходить кресты на заброшенные земли, и за короткое время протянулись на километры. Не только деревья, даже кусты еще не успели взойти и разрастись вдоль этих кладбищ на сельскохозяйственных угодьях. Это как поле битвы, на котором остались одни могилы. А сколько таких разросшихся кладбищ по всей России! С превращением ритуальных услуг в бизнес не менее прибыльный, чем проституция, наркоторговля и торговля людьми.

И это все происходит не где-то в Африке или Южной Америке, как нас ужасало раньше. Налицо все прелести колониализма и неоколониализма под лозунгами «свободы», «рынка», «демократии». С достижением стабилизации, объявленной ныне «инструментом модернизации», под которой имеют в виду лишь дальнейшую приватизацию (как форму борьбы с мифическим «коммунизмом»), вплоть до коммерциализации воспитательного и учебного процесса в школах, что выдают за реформу под названием «Наша новая школа». Образование и наука в РФ обрушены, как промышленность, армия, флот.

Но борьба с «коммунизмом» продолжается. По сути, идет война против России, ее великой истории и ее ренессансной культуры. Хотят подчистую извести русскую национальную культуру, да и с самой Россией хотят покончить, с ее непокорным народом, чтобы завладеть ее несметными природными ресурсами.

Чтобы это называть стабилизацией, надо быть циником. Нельзя больше этого терпеть. Сознание этого должно расти и шириться до взрыва всенародного гнева. Кладбищенская стабилизация живым не нужна. Люди уходят, но страна и народ должны жить, Россия указала миру перспективу развития человеческой цивилизации и культуры, без нее у человечества нет будущего. Земля без людей. Космос без человека — это кладбищенское безмолвие и вечный мрак, даже без звезд, ибо их будет некому видеть.

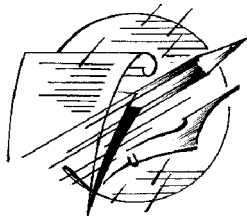
ПРИГОВОР ЛИБЕРАЛИЗМУ

Люди и нелюди

Кем могли вырасти дети, которых воспитывали в духе «все позволено»? Правильно: скотами. В 2002 году в Нью-Йорке в день Успения Пресвятой Богородицы в соборе святого Патрика было совершено подлейшее святотатство. В нише вестибюля собора мужчина и женщина Б.Флоренс и Л.Харпер под комментарии репортера радиостанции WNEW совершили половой акт.

Удар по христианству в данном случае наносится сознательно: в святом месте, где в первую очередь в человеке осуждаются скотские инстинкты, где человека пытаются вырастить до божественного благородного состояния, где скромность — одно из главных качеств души, растоптано парой-тройкой скотов, для которых нет ничего прекрасного, а значит, святого.

И это состояние либерального развращения охватило часть западных народов. Парад любви в Берлине летом 2001 года собрал 800 тысяч молодых участников. Толпа полуголых людей прошла по центральным улицам города. Подобные ежегодные парады собирают до 1 млн. участников, которые в разгуле страстей и наркоопьянения таким образом «самовыражаются». Такую

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

же картину можно наблюдать в Англии, где члены движения «Свобода быть самим собой» появляются в Лондоне в голом виде. Они считают подобное поведение способом самовыражения личности. В штате Невада в США на месте высохшего озера ежегодно в сентябре проводится фестиваль «Горящий человек». В этот день там все «самовыражаются», как хотят. Пьянство, наркомания, половой разгул — типичные действия. Сотни голых жителей города Мехико в 2007 году легли на площади для позирования американскому фотографу.

Либеральное растление коренных народов Запада, распад института семьи как основы существования народа достигло масштабов, угрожающих самому существованию этих народов и созданных ими на основе христианской культуры государств. Удар по системе отношений, основанных на культуре взаимопомощи, наблюдается во всех сферах жизни. В Италии, в сердце католицизма, открыли первую в мире школу профессионального секса. Арт-директор М. Бонера в ответ на вопрос, если студенты решат заняться сексом при широкой аудитории, они смогут это сделать, ответил: «Запрещать им никто не будет».

На полном «раскрепощении» делают свои деньги те самые проповедники-разрушители. В праздник Нового 2003 года рекламщики в Германии предлагали людям раздеться догола, пробежать к нужному магазину и выиграть приз в 4 тысячи евро. Нашлось немало желающих. Не отстали от некоторых раскрепощенных немцев и наши рок-звезды. А в июне 2005 года в г. Нюрнберге на рок-фестивале группа «Ленинград» — единственный участник от России — во время выступления разделась догола и спела свои коронные матерные песни.

Впрочем, наши либералы давно переплюнули, вернее, заплели своих учителей. Дело дошло до полного падения. «Комсомольская правда» в статье от 1.11.06 «За 10 000 рублей занялись любовью на сцене», поведала о сексуальном развращении в ночном клубе Мурманска, где за 10 тысяч рублей на сцене две пары занимались сексом на глазах довольной публики, и о случае в центре Екатеринбурга, где два гомосексуалиста на улице в окружении любопытной толпы занимались мужеложством. Даже либеральная «Комсомолка» не удержалась и трижды употребила слово «скотство».

И плоды либеральной культуры оказались поразительными. По заказу финансовой компании Northwestern Mutual социологическая служба провела опрос среди американцев с просьбой указать пять «смертных грехов». Ни убийство, ни прелюбодеяние в пятерку не вошли.

В моей родной Волгоградской области по итогам работы ГУВД в первом квартале 2007 года отмечено: «Особое внимание обращает на себя то обстоятельство, что преступные посяательства совершают ранее законопослушные слои населения, в том числе и представительницы слабого пола. За совершение различных преступлений задержано более тысячи женщин».

Таким образом несовершеннолетние, воспитанные в 90-х годах в духе либеральной вседозволенности, а также раскрепощенные женщины, теряют присущий им человеческий облик. Женщина — оплот более мягких и благородных качеств человека в условиях либерализма становится вровень, а нередко и превосходит мужчину в жестокости. И мир становится с ног на голову.

Народные обвинители либерализма очень точно видят и указывают на главное Зло, которое несет с собой эта система. Профессор Московской духовной академии Михаил Дунаев считает: «Если поглядеть на практику нынешних ревнителей свободы, то обнаруживается, что свобода понимается как вседозволенность, как возможность полного самовыражения... И никаких иных законов, кроме самовластно установленных, человек-гуманист не признает и тем обесмысливает само понятие греха. Собственному произволу открываются неограниченные возможности».

Со священником согласен и светский человек, который в отличие от многих своих коллег, не потерял чувства собственного достоинства. Главный редактор газеты АиФ Николай Зятков в статье «Наш «Гитлер» и их «кровавый студент» (25.04.07.) писал: «23-летний студент, выходец из Южной Кореи, убил 33 человека. Сам преступник застрелился... В Иркутской области бандит по кличке «Гитлер» убил пятерых стариков... Что же заставляет людей превращаться в зверей? Думаю, что человечество увлеклось материальным, что забыло о главных законах жизни — о нравственных, человеческих».

К счастью, наша Русская Православная Церковь четко, однозначно и публично осуждает зло либерализма. Наша Церковь выступила в защиту будущего России, в защиту молодого поколения. В Декларации о правах и достоинстве человека 10-го Всемирного Русского Народного Собора отмечено: «Мы различаем две свободы: внутреннюю свободу от зла и свободу нравственного выбора... Права и свободы неразрывно связаны с обязанностями и ответственностью человека... Существуют ценности, которые стоят не ниже прав человека. Это такие ценности, как вера, нравственность, святости, Отечество».

Абсолютно правы народные обвинители либерализма: с ним не может быть никакого согласия и примирения. Либерализм — абсолютное зло! И он принес нашему народу неисчислимые страдания, беды, горе.

Вот они, итоги либерального «воспитания» в России:

— В различные секты в России вовлечено до 5 млн. человек. 70% из них — молодежь от 18 до 27 лет.

— На 1000 браков в России приходится 800 разводов.

— За последние 10 лет в России родились вне брака 3 991 570 детей.

— Сегодня в России 700 851 сирота, то есть больше, чем после Великой Отечественной войны — 678 000 детей. Из числа детей-сирот становятся самоубийцами — 10%, алкоголиками и наркоманами — 40%, преступниками — 40%.

— Количество детей-наркоманов — 600 000.

— За последние 18 лет численность русских уменьшилась примерно на 18 млн. человек. Эти цифры сопоставимы с потерями СССР в Великой Отечественной войне.

— Сейчас в России 2,4 млн. беспризорных детей, что в 3 раза больше, чем после Великой Отечественной войны.

— Низкообеспеченные, бедные и маргиналы в России составляют 65% населения.

— В 1990 году потребление уценного алкоголя на душу населения составляло 5,38 л. В 2005 году — 9,7 л. **То есть потребление за 15 либеральных лет выросло в 1,8 раза.**

Всемирная организация здравоохранения обозначает опасный для любой страны рубеж алкоголизации в 8 литров.

— По сообщению главного психиатра России, директора Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского Татьяны Дмитриевой, 7% здоровых людей в России страдают от глубоких депрессий, вызванных кризисными ситуациями и стрессами, а у 40% есть психические расстройства. Ежегодно совершается 60 тысяч самоубийств, за психологической помощью обращается 8 млн. человек, из которых 300 тысяч — тяжелобольные и 500 тысяч — шизофреники. На Западе эти показатели еще хуже.

Террор против народов

Один из идеологов и практиков российского либерализма все тот же Михаил Ходорковский открыто признался в том, что российские либералы и олигархи проводили сознательную политику уничтожения русского народа. Незадолго до окончания следствия Ходорковский вдруг решил покаяться в содеянном и подтвердил в газете «Ведомости» по поводу крушения либера-

лизма в России: «Для многих наших предпринимателей, сделавших состояние в 90-е гг., Россия — не родная страна, а всего лишь территория свободной охоты... Пришла расслабленная богема, даже не пытавшаяся скрывать безразличия к российскому народу... Многие из либералов первого ельцинского призыва... думали об условиях жизни и труда для 10% россиян, готовых к решительным жизненным переменам в условиях отказа от государственного патернализма. А забыли — про 90%... Они всегда говорили, не слушая возражений, что с российским народом можно поступать как угодно».

По сути, это был настоящий террор, развязанный представителями нацменьшинств, оказавшихся у руля экономики государства в 90-е годы. Ходорковского поддержал его соплеменник главный идеолог СПС Леонид Гозман, который в 90-е годы был активным советником и реформатором в правительстве Гайдара, советником Чубайса, научным сотрудником Международного центра Вильсона в Вашингтоне: «Либеральные реформы проклинаят 90% населения. Неважно. Зато мы в них верим».

Активными проводниками подобной политики являются так называемые правозащитные организации, которые, по сути, есть проповедники-разрушители, ибо они поддерживают любые действия по расшатыванию и уничтожению «скреп», которые объединяют людей в народ, сохраняют государство. Они начали представлять реальную угрозу не где-нибудь, а в самих США. Ученые из аналитического центра American Enterprise Institute считают: «Необычайный рост активности неправительственных организаций (НПО) в сфере защиты либеральных ценностей угрожает независимости конституционной демократии». НПО были обвинены в узурпации власти национальными и сексуальными меньшинствами. По сути, американские ученые поняли, что против их народа развязан настоящий этнический терроризм, которые рано или поздно уничтожат американскую демократию, а с ней и государство в целом. И с либералами там собираются бороться самым жестким способом. В штате Орегон был подготовлен законопроект, приравнивающий пацифистов к террористам. Террористом там объявляется человек, «участвующий в акции, хотя бы один участник которой намерен помешать деятельности бизнеса, транспорта, школ, правительства или свободных собраний». Им грозит 25 лет тюрьмы.

Либерализм — это идея, где «Бога нет, все позволено», это идея самоуничтожения. И плоды этого самоуничтожения можно наблюдать сегодня на примере народов Запада, которые, погрязнув в личном эгоизме, во-первых, перестали раз-

множаться, а во-вторых, столкнулись с инородным религиозно сплоченным исламским меньшинством. И последние уже сегодня по факту предъявили Западу ультиматум: либо мы выходим «наверх» общества, то есть постепенно превращаемся в правителей, либо вы будете уничтожены, а мы все равно будем править.

Кому выгодна система либерализма? Только мировым национальным финансово-промышленным корпорациям, то есть **структурам мирового правительства**. Именно оно, навязав либерализм, развязало мировой этнотеррор против могучих народов мира и их государств. Уничтожение последних есть завершающий шаг на пути превращения национальной личности в общечеловека, который в жизни ориентирован исключительно на материальные стимулы.

Опорой мировому правительству в деле уничтожения крупных коренных народов мира являются существующие в каждом народе меньшинства: национальные, сексуальные, социальные. В 60-х годах они впервые в истории человечества, сумев объединиться, победили под лозунгами «свободы и прав личности». В итоге именно эти меньшинства оказались в привилегированном положении. Они защищены особыми законами, они особо финансируются. Им даны привилегии в получении образования, открыт доступ к вершинам власти, бизнеса, культуры. И все это за счет коренных народов.

Именно ими был развязан и ведется до сих пор самый настоящий террор против христианской культуры. При этом коренным народам «прививается» либеральная культура отношений, основанных на приоритете эгоистических интересов личности, то есть ведущая к разобщению, ослаблению и самоуничтожению коренных народов.

Социальный, гомосексуальный, этнический терроризм — это навязывание своих ценностей и интересов организованными представителями меньшинств коренному большинству во всех сферах жизни государства.

Типичные примеры этнического терроризма на Западе и в России — это «деятельность» этнических террористов. Взрывы, уносящие десятки, сотни жизней ни в чем не повинных людей, например, июльские 2005 года взрывы в сердце либерализма — Англии, наркоторговля, уничтожающая молодое поколение коренных народов, невиданное растление молодежи под лозунгом «свободы» — это лишь часть типичных примеров этнотеррора. Убийца голландского режиссера Тео ван Гога 26-летний исламский экстремист марокканец Мухаммед Буйери на суде заявил, что не раскаивается в содеянном. По его утверждению, он убил бы своего отца за оскорб-

ление Аллаха. Буери семь раз выстрелил в ван Гога, ехавшего на велосипеде. Затем дважды ударил его ножом и приколол к телу письмо-обращение к мусульманам защищать ислам. По сути, это первое публичное ритуальное убийство в Европе. Это демонстрация силы. Сегодня мусульмане в Голландии, фактически составившие новую религиозно-этническую общность, по численности достигают половины населения. Они не ассимилируются, создают свои школы, учат свой язык, не вступают в брак с коренными голландцами. И подобная ситуация характерна для всех либеральных стран Запада и для России.

Гомосексуальный терроризм — особый вид насилия над нормальными людьми. Существует целая, уже всемирная сеть гомосексуального насилия, когда организованные гомосексуалисты, имеющие свои фирмы, свои «коллективы», демонстрируя свои силы в ежегодных парадах «гомосексуальной гордости» в столицах западных государств, практически безнаказанно, ибо либеральные законы их защищают, насилуют малых детей, молодых людей. Например, В США Дэффри Денмер убил 17 мальчиков, которых он «снял» в барах для гомосексуалистов. Приводил жертвы домой, накачивал наркотиками, убивал спящих, насиловал труп, расчленил, съедал несколько кусков кровоточащего мяса. В холодильнике у него нашли отрезанные головы и половые органы жертв.

В той же Англии нормальные люди, видя, что либеральные законы защищают насильников, ибо их чрезвычайная мягкость, по сути, наказанием не является, начинают творить справедливое правосудие без «несправедливого» суда. Так, в 2000 году в Уэльсе педофилом была изнасилована, а затем убита маленькая девочка. В ответ журналисты медиамагната Мэрдока напечатали список имен 49 педофилов из 120 тысяч, состоящих на учете. Разгневанные люди громили и поджигали дома педофилов, избивали тех, кто оказался в «черном списке». В школах Великобритании была проведена частичная проверка, результаты которой ужаснули общество. Выяснилось, что в нескольких десятках школ педофилы прочно обосновались. Только тогда объяснилась мотивация самоубийств полутора десятков детей, изнасилованных педофилами.

Социальный терроризм — это террор социальных низов, не желающих трудиться в принципе, и их противоположной крайности — сверхбогачей-олигархов, о которых древнеримский философ Сенека сказал: «Те, кому мало их богатств — худший род бедности». К этой группе необходимо добавить особую группу — преступников. Они умышленно и открыто выступают против демократических ценностей своего народа. Они

всегда были источником смут, мятежей, восстаний. Либерализм дал им возможность под лозунгом «прав и свобод», «милосердного отношения», фактически безнаказанно творить зло. Для социальных низов либерализм дал возможность не трудиться вообще, сносно существовать на самые разные социальные пособия, на которые сейчас существуют и различные национальные общины. Из бюджетов разных уровней им выплачивается «дань» в виде различных дотаций и пособий. Например, в принятом волгоградскими областными властями законе «О национальных отношениях на территории Волгоградской области» в статье 14 властные органы области «предусматривают ассигнования для финансовой поддержки программ, мероприятий, реализуемых общественными объединениями в сфере культуры, образования, информации», а также предоставляют льготы по налогам и сборам, арендной плате и т.д. За чей счет «доброта»? За счет коренных жителей, с которых собирают завышенные налоги, чтобы через областной бюджет отдавать эти деньги организациям мигрантов. Где же здесь справедливость, где демократия?

Как следствие столь несправедливого положения на Западе наблюдается резкий рост националистических настроений среди коренных народов. Сейчас во многих западных странах националистические партии занимают 2—3-и места по количеству депутатов в государственных парламентах. В ответ на теракты в Лондоне в июле 2005 года разъяренные британцы сожгли 6 мечетей, разгромили принадлежащие мусульманам магазины, дома, машины, убили пакистанца Камала Батта. Европейцы впервые столкнулись с фактом массового террора, совершенного родившимися и выучившимися на Западе представителями этнических и религиозных меньшинств. Точно так же реагировали на теракты коренные голландцы, которые разгромили мечети, магазины, дома представителей меньшинств.

Народный обвинитель либерализма — великий русский философ Константин Леонтьев напророчил еще в конце XIX века, что либерализм несет гибель европейским империям и крупным государствам: «Для ниспровержения последних остатков прежнего государственного строя Европы (1874 год, после которого в течение 50 лет европейские народы действительно разрушили свои культуру, империи, основы прежней жизни. — С.Н.) не нужно ни варваров, ни вообще иноземного нападения. Достаточно дальнейшего разлития и укрепления безумной религии эвдемонизма (читай: либерализма. — С.Н.), которая символом своим объявила: благосостояние — мораль человечества».

Леонтьев указал на главную причину разрушения государств: «Все, что усиливает личную свободу большинства, не есть основа, а большее или меньшее расшатывание основ жизни... Если уже нигде на земном шаре невозможны более ни новый культурный тип, ни крепкая сословность, ни покорность теократии, то все человечество осуждено сперва на демократическое всесмещение, а потом на медленное вымирание (как сейчас вымирают благополучные с материальной точки зрения народы Запада. — С.Н.) или внезапную гибель... «Хлеба и веры!» — хотя бы ценою новых видов рабства, будут скоро кричать все народы Европы. Счастлив и могуч будет тот народ, у которого вера и причина к повиновению будет сильнее, чем у других... Государство держится не одной свободой и не одними стеснениями и строгостью, а неуловимой пока еще для социальной науки гармонией между дисциплиной веры, власти, законов, преданий и обычаев, с одной стороны, а с другой, той реальной свободой лица, которая возможна даже и в Китае, при существовании пытки... «Не делай того, что запрещено, если боишься пытки... а если не боишься — как знаешь». Этот выбор был во все времена, и люди действительно выбирали... Если можно жить и действовать при подобных условиях, то как же было бы не жить и не действовать спокойно при учреждениях новых и столь мягких?! (либеральных свободах. — С.Н.). Однако мы видим, что нигде люди на этих мягких учреждениях остановиться не могут, и все цивилизованное человечество теперь несметной толпой стремится в какую-то темную бездну будущего... бездну незримую еще, но близость которой уже на всех мало-помалу начинает наводить отчаяние и ужас!»

Корень Зла

Большая ошибка или обман заключается в распространенной идее, будто либерализм — это результат тизисчетной борьбы прогрессивных людей за «свободу» для всех. На самом деле, **либерализм — это система ценностей, основанных на приоритете эгоистических интересов личности. А это означает, что победа либерализма — это победа эгоистического в человеке, это победа эгоистов в народе и государстве.** В 90-е годы вице-премьер в правительстве Гайдара, а затем руководитель Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Александр Шохин, словно поумнев, заявил: «Либералы по определению — эгоисты».

Либерализм не имеет ничего общего с демократией, при которой каждый в той или иной мере подчиняет свои интересы общепринятым объединительным нормам жизни.

Победа либерализма в той или иной форме во все времена в любом народе обозначала последний этап существования самого народа. Это этап его гибели.

Так, в Древнем Риме в начале его истории народ разделялся на два главных сословия: патрициев и плебеев. Патриции были военными вождями, рабовладельцами, крупными собственниками. Плебеи были бесправны в этих сферах, постоянно боролись за «права». В 494 году до н.э. была учреждена должность народного трибуна (сейчас — «правозащитники») для защиты интересов плебеев, допуска к консулату в 326 г. В конце концов патриции и плебеи были уравнены в правах. Произошло слияние патрицианской и плебейской верхушек в новую аристократию — нобилитет. За редким исключением к нобилитету принадлежали все вожди так называемой «римской демократии». Новая аристократия была вполне либеральна по тем временам: проводились выборы в народное собрание. Но благодаря своему численному перевесу плебеи со временем пришли к власти в Риме. Возникла реальная угроза самоуничтожения народа.

Попытка созидателей спасти государство от гибели привела к установлению режима единоличной власти. Патриций из рода Юлиев Гай Юлий Цезарь положил начало императорскому правлению в Риме, которое должно было остановить дальнейшую либерализацию в управлении народом и государством. А расчистил дорогу Цезарю диктатор из патрициев Луций Сулла, который установил диктатуру над плебеями от власти «для составления законов и упорядочения государственного строя». В Риме через проскрипции — списки лиц вне закона, была проведена чистка власти от плебеев в учреждениях власти. Жертвами террора оказались 4,7 тысячи римских граждан. Одной из главных целей действий Суллы — закрыть путь для политической деятельности популяров (сейчас «популистов»). Народные трибуны были лишены почти всех прав.

Через три века после соглашения патрициев и плебеев Сенека отметил кризис императорской власти и полную победу генотипа разрушителей. Сенека в период упадка Римской империи отмечал замещение прежней аристократии людьми низменными: «Мы убедились, что «святоотатство, и кража, и прелюбодейство теперь считается за благо. Сколько людей не краснеет, украв, сколько хвастается прелюбодеянием? За мелкие святоотатства наказывают, за крупные награждают триумфом... Наша душа — то царь, то тиран. Царь, когда стремится к честному, заботится о здоровье порученного тела, не требует от него ничего грязного, ничего постыдного; а когда она не властна над собой, жадна, избалована, тогда получает ненавистное и прокля-

тое имя и становится тираном... Одержимому недугом человеку не так отраднo обилие улаждающих вещей, как горько то, что не всю эту роскошь он может пропустить через глотку и утробу, что не со всеми распутными бабами и юнцами может переспать; он печалится, что упускает немалую часть своего счастья от того, что тело так мало вмещает... Наслаждение — это благо для скотов. И ты причисляешь пусть не к мужам, но хотя бы к людям того, для кого высшее благо состоит из вещей приятных: лакомств, красок, звуков? Прочь его из прекрасного разряда существ, второго после богов, — к бессловесным скотам, ибо сам он животное, довольное кормом».

Точно так же в наши времена наверх вырвались люди низменные, проповедники из которых создали теорию, а аристократы-разрушители систему практического либерализма.

И подобная схема разрушения крупных государств типична вовсе не только для древнего Рима и его времен. Она одинакова во все времена для всех крупных народов: требование расширения «прав и свобод» при полном отсутствии необходимости исполнения долга и ответственности перед народом и государством. Например, во Франции в XVI — XVII веках произошли такие же изменения в составе господствующего сословия, что и в Древнем Риме. Основная часть родовитого так называемого «дворянства шпаги» разорилось, их заменили выходцы из третьего сословия — буржуазия, которая буквально скупила должности с дворянскими привилегиями. Она влилась в дворянство в качестве новой прослойки «дворянство мантии». А затем со временем возникли требования ликвидации привилегий духовенства и дворянства, уничтожения феодальных порядков, требование «свобод», выборов в Генеральные штаты. 17 июня 1789 года депутаты третьего сословия объявили себя Национальным собранием, а 9 июля — Учредительным собранием.

Лишь США строились не высшей аристократией, а лавочниками из третьего сословия. Естественно, они могли и построили государство-лавку, которое в историческом времени будет разорвано еще быстрее, чем государства создателей-аристократов.

И в Древнем Риме, и в феодальной Франции, во всей Европе расцвел свой этап либерализма. Генотип разрушителей-людовиков оказался наверху жизни.

Культура генотипа либералов создает культуру распада личности, ее ниспровержение в животность, в инстинкты поведения. Эксгибиционист видит в «свободе самовыражения» возможность показать свой голый зад и перед. Садист считает за свободу возможность мучить людей. Маньяк видит в свободе — свободу получать удовольствие от убийств людей.

Гомосексуалист — свободу насилловать тех, кто ему понравится. И т.д. и т.п. Словом, для либералов свобода — это удовлетворение своих похотей, инстинктов, то есть своих болезненных желаний, жизнь по своей генетической программе. **И они никогда не будут жить как нормальные люди.**

И ничто уже не удерживает людей в общности, кроме будущего вождя-диктатора. А появится он, как это ни удивительно, из «либеральной» армии. Типичным примером проникновения низшего генотипа разрушителей, а также **мутагенов**, то есть людей с мутационными изменениями, и **иногенов**, то есть инородцев, во власть может служить нынешняя армия США. Пентагон и ФБР вынуждены публично признать, что в армии США процветают группировки гангстеров, которые имеют тесные связи с гангстерскими бандами Чикаго, Детройта, Лос-Анджелеса и др. До войн в Афганистане и Ираке в армию США проводился жесткий отбор. Однако после начала войн количество желающих умирать за «свободу во всем мире» резко сократилось. Сам факт уже является подтверждением слабости наемной армии, ее низкой боеспособности. Соответственно, в армии США снизился уровень требовательности к наемнику. Один из десяти рекрутов — выходец из криминальных кругов. В казармах либеральной армии США уже возникают очаги тоталитарного будущего. Там процветает насилие, борьба гангстерских группировок за фактическую власть в подразделении, значительно увеличилось число нападений на офицеров. Не за горами — столкновения на расовой и национальной почве.

Подобная ситуация в либеральной армии неизбежно приведет к фактическому подчинению армии мафиозным кланам США с дальнейшим осложнением внутреннего положения в государстве. **Хаос неизбежен.** И подобная картина будет типична для армии России через 5—10 лет. Так что армейская дедовщина покажется детской игрой.

Как это ни удивительно, но такое же положение дел было в армии Древнего Рима в его либеральные времена, когда плебеи во все большем количестве стали прорываться во власть. Вначале всеобщий призыв заменили на наемничество из числа коренных римлян. Потом после расширения государства, включения многих племен, раздачи им гражданства, в армию Рима попали мутагены, иногены, криминал. Наемники из армии начали ставить во главе государства своих солдатских императоров, глубоко чуждых интересам римлян. В итоге несильно организованные варвары разрушили Рим. Для нас это означает только одно: либеральные государства находятся на последнем этапе своего существования. Их гибель неизбежна.

Спасение — в ликвидации либерализма. Если этого не сделают сами коренные народы, либерализм будет истреблен более духовно и культурно крепкими исламскими народами. Мирное существование разных генотипов людей в любом народе возможно лишь при условии наличия жесткой власти.

От редакции.

Подведем некоторые итоги нашей дискуссии. Практически все участники выразили свое крайне отрицательное отношение к либерализму как государственной идеологии, как системе взглядов на мир и как агрессивно навязываемой нам диктатуре ценностей, чуждых русскому образу жизни, русской ментальности. Но где выход, как избавиться нам от этой всеразлагающей заразы, ведущей наше государство даже не просто в бессмысленный тупик, а к краю небытия, к смертельной пропасти?

Авторы дискуссии по-разному видят возможные пути дальнейшего существования России — в виде православной монархии (М. Лемешев), с помощью христианского социализма (Н. Сомин), через возрождение окультуренной советской системы (С. Кара-Мурза) и как Русского национально-государства (А. Савельев). Все эти формы нашего бытия логически обоснованы и имеют конструктивные стороны для формирования будущей внутренней политики государства и строительства Великой России, каковой она, по мнению всех участников дискуссии, должна быть по определению. Но тот путь, которым она идет в настоящее время, ведет ее к деградации, вырождению и гибели. На этом пути состояние государствообразующей русской нации плачевно, трагично и даже катастрофично. Единственный способ увести Россию с этого гибельного пути, по убеждению авторов дискуссии, — смена власти, игнорирующей интересы русского народа, составляющего большинство российского населения.

Собственно, вновь мы пришли к тому же выводу, к которому неизбежно приходили русские мыслители в разные времена: **любая общественная формация имеет право на существование и способна вести страну к процветанию, если во главу угла внутренней и внешней политики она ставит национальные интересы своего основного народа.** Ясно и то, что для т.н. «либеральной» системы такая политика всегда будет чужда*.

* Заявленная дискуссия на этом не заканчивается. Вновь поступившие материалы на данную тему будут и далее публиковаться в журнале.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

РАССКАЗ

В печной трубе волком выл декабрьский ветер, пригоршнями кидал мокрый снег в окна, и тот стекал по стеклу горячими слезами. Близился Новый год, время, настоящих холодов давно приспело, а на дворе не поймешь что: то ли осень не хочет уходить, то ли зима загуляла в краях неведомых.

В избе, бывшей когда-то обыкновенной пятистенкой, но переделанной на городской лад, в комнате-кухне, куда выходит черный зев русской печки, у маленького телевизора сидели двое: Елизавета Ивановна и Кузьма Афанасьевич Дрожжины, семидесятилетние старики. Ветер раскачивал и трепал телевизионную антенну — и на экране прыгало изображение, попеременно становясь то цветным, то черно-белым, иногда пропадал или становился невнятным звук, или экран застилала снежная пороша.

Шла передача местного телевидения под названием «Чудесная поляна». Упитанный мужчина почтенного возраста, лысоватый, при усах, топтался вокруг стола, на котором громоздились коробки, и восторженным голосом выкрикивал:

— Итак, перед вами пять вариантов ответа: Авачинский, Везувий, Кракатау, Попокатепетль и Фудзияма. Вопрос: извержение какого из

ПРОЗА

названных вулканов в позапрошлом веке было наиболее сильным? Приз за правильный ответ... стиральная машина! На размышление — одна минута! Время... пошло! — И резко взмахнул рукой.

Четыре женщины, возраст которых был искусно снижен лет на десять обильной косметикой, и один мужчина в красном галстуке тупо взирали на большой экран, на котором текла куда-то огненная лава, вздымались тучи пепла и летели огромные булыжники. Вокруг них амфитеатром сидели зрители и тоже пялились на экран в ожидании чего-то невероятного. Огромный циферблат равнодушно отсчитывал секунды. Время стремительно таяло.

Мужчина в красном галстуке встрепенулся первым, поученически поднял руку и произнес не слишком уверенно:

— Мне кажется... Везувий.

— Есть первый ответ! — в восхищении вскричал ведущий и даже подпрыгнул от возбуждения, которое его распирало. — Кто имеет другое мнение?

— Мне кажется... кажется, что это... этот самый... — и женщина лет тридцати показала на экран со светящимися надписями. Затем набрала воздух и выкрикнула так, как на пустынной ночной улице кричат «Караул!»: — Фудзи-я-яма!

— Фудзи-я-яма! Бра-аво! Осталось одиннадцать секунд! Кто еще? — вскинул вверх руки ведущий от переполнявших его чувств.

— Кра... Крака-тау! — почти прошептала одна из трех еще не выступавших женщин в парчовом платье с открытыми плечами. И даже рот открыла от страха.

— Краката-аууу! Ура! Краката-аууу! Время кончилось, дамы и господа! Посмотрим правильный ответ. Ита-ак... итаааак! Что там у нас с экраном? Что, в конце концов, у нас с экраном, господа? Ах, у нас с экраном ничего, у нас на экране рекламная па-ааа-у-зааа! Подождем правильный ответ!

Господа еще шире открыли рты и вытянули шеи. На экране молодой человек брился необыкновенной бритвой, необыкновенная молодая женщина терлась щекой о его необыкновенно чисто выбритый подбородок. Затем другой молодой человек чистил зубы необыкновенно полезной пастой, а необыкновенно очаровательная женщина вдыхала выдыхаемый им необыкновенный аромат, и по-кошачьи жмурилась от необыкновенного удовольствия. И только после этого экран поморгал-поморгал, и вместе с кипящей лавой и пеплом из кратера стали вылетать буквы, покрутились и выстроились в слово.

— Ответ на экране! — взвизгнул ведущий от восторга. — Кра-ка-та-у! Браво! Госпожа Липская, стиральная машина ваша! Аплодисменты победителю второго тура!

Женщина в парче взвизгнула громче ведущего и захлопала в ладоши. Остальные похлопали приличия ради победительнице, вовсе не разделяя ее восторга, и понуро побрели на трибуны амфитеатра...

И в тот же миг на экране телевизора в избе снова рассыпался белый снег. Затем экран и вовсе погас, а вместе с ним погасла и тусклая лампочка под потолком, и лишь в черной утробе печи светились красные угольки.

— Ах, чтоб их черт! — произнес Кузьма Афанасьевич, имея в виду тех, кто командует столбами и висящими на них проходами.

Елизавета Ивановна молча вынула стекло из керосиновой лампы, чиркнула спичкой, подожгла фитиль, водрузила стекло на место — и черные бревна, все в длинных и глубоких трещинах, с торчащими из пазов клочками мха, осветились красноватым светом.

— Эх, скажи на милость, какие деньжищи крутятся на этом телевидении, — вздохнул Кузьма Афанасьевич, принимаясь скручивать сигарку из туалетной бумаги. — Пришел, значит, угадал и получи вещь. Не пахал, не сеял, а урожаем собрал. Чудно, ей-богу, чудно. — Помолчал малость, выпускающая из себя дым в печную прорву, и продолжил: — Тут вот на пенсию кое-как, стал быть, а там, понимаешь ли... такое дело. Дуриком попал пальцем в небо — и на тебе стиральная машина. Или еще что. Выучи всякие там премудрости, ходи, значит, на эти игрища и выигрывай. Или, положим, по знакомству. Этот-то, с усами который, в накладе небось не остается.

— А то, — поддакнула Елизавета Ивановна. — Знамо дело. У них там все схвачено. Все, значит, сродственники и кумовья. А как же. Нынче без этого никуда. Одно слово — мафия.

— То-то и оно, — согласился Кузьма Афанасьевич и поскреб у себя в затылке.

Ветер между тем взъярился до такой степени, что за стеной стал слышен топот козых копыт и жалобное блеяние.

— Животные, а тоже беспокоятся, — вздохнула Елизавета Ивановна. И спросила у самой себя: — Аль пойти успокоить?

— Всю ночь не находишься, — зевнул Кузьма Афанасьевич. И вдруг приподнялся на стуле, приблизился к окну и даже приложил к уху ладонь. — Никак опять волки? Слышь, баба? Слышь? То-то же козы забеспокоились. А с ветру — чего бы это они вдруг? А? С ветру-то...

Елизавета Ивановна тоже прислушалась, затем мелко-мелко закрестилась на чернеющую в углу икону. Заворчал и старый кобель Темка, спавший в углу за печкой.

— Что, Темка, волки или что? — спросил Кузьма Афанасьевич, заглядывая теперь за печь.

Темка приподнялся на передние лапы, зевнул во всю пасть, клацнул зубами, виновато вильнул хвостом и снова лег, свернувшись калачиком.

— Почудилось, — произнес с сожалением старик. И распорядился: — Давай, Ивановна, похлебаем чайку на сон грядущий да на боковую.

Елизавета Ивановна вынула из печи чугунок с кипятком, стала готовить чай.

— Раньше-то, с самоварчиком-то, как хорошо было-то — благодать, — приговаривала она с печалью в голосе, заливая кипятком фарфоровый чайник. — Сидишь, бывалоча, а он, родимый, пытит, сопит себе да сопит, а то вдруг как запоет, как запоет, что твой соловей. А от него дух-то... дух-то какой... сосно-овый. Да-ааа... А теперь... Теперь вон и волки стали к деревне подходить: развелось их черт знает сколько... прости ос-споди.

— Да и деревни-то нет никакой, — вставил свое старик, отхлебывая из блюда. — Была деревня да вся вышла. Кто на погост, кто в город подался. Одни мы с тобой и остались. Вот отрежут нам электричество, и будем жить, как в средние века: ни телевизора тебе, ничего прочего.

— Телевизор-то... он у нас и так на ладан дышит: сколь лет-то ему — о-е-ей. Еще Пильщикове, соседи наши, живы были, когда Егорка его нам привез. Тут и со светом смотреть скоро не во что будет... — вздохнула старуха протяжно. И вдруг встрепенулась: — А ты, Кузя, написал бы письмо... на телевидение-то на это... А? Так, мол, и так, живем одни в диком, можно сказать, лесу, ни колхоза тебе, ни людей. Задай-те, мол, какую-никакую загадку... Хоть про те же самые вулканы. Или еще про что. Вдруг отгадаешь. У тебя ж семилетнее образование. В молодости ты грамотеем у нас считался. На тракторе работал, на комбайне. Пусть зададут тебе что-нибудь из нашей, из деревенской жизни. Им-то что? Какая им, к примеру, разница? Им главное — деньги истратить и чтоб смотрели и думали, что и всем так же, на дурачка, то есть, повезет. Про дурачка ты, конечно, не пиши, а про все остальное можно. На следующей неделе придет Агафонов со своей лавкой, ты ему письмо-то и передашь. А он уж знает, кому его отдать. Парень-то ушлый.

— Экая ты баба, однако: сморозишь, так сморозишь, — захекал Кузьма Афанасьевич. — Таких писем им, поди, тыщи присылают: всем на дармовщинку хочется чего-ничего хапнуть. А тут какой-то старик из какой-то бывшей де-

ревни Задубровье, в которой осталась одна изба, да и у той крыша набекрень.

— Во-от, о чем я и толкую, — гнула свою линию Елизавета Ивановна. — И про крышу тоже пропиши. Письмо-то прочитают по телевизору, Клавдия глянет, на душе кошки заскребут, уехала, родителей бросила — и хоть бы что! Уж три года как носа не кажет. А так совестно станет, глядишь — и приедет.

— Как же, прочитают! — уже стал сердиться Кузьма Афанасьевич на свою старуху. — Это же ж шо-у! Соображаешь? А что есть такое шо-у, если в упор на него посмотреть? Шо-у есть обман народных масс и развлечение, чтоб поменьше думали о всяких безобразиях. А властям надо это, чтобы думали? Не надо. А то додумаются до каких-нибудь революций. Или еще до чего. Соображать надо.

— А чего тут соображать-то? — не сдавалась Елизавета Ивановна. — Соображай, не соображай, а баба с голыми плечами стиральную машину получила? Получила. И чего тебе еще надобно? Чтоб они там совсем до голяка раздевались?

Кузьма Афанасьевич некоторое время смотрел на свою старуху, соображая, серьезно она говорит или так просто, от нечего делать? А в голове уж и мыслишка зашевелилась: а что, мол, а вдруг, мол, и тому подобное. Ну, не телевизор, а так, деньгами или еще чем. На пенсию-то уж и не купишь. Да и ту Агафонов привозит через раз, сам же ее получает по доверенности, высчитывает за свои труды и продукты. А сколько и чего, черт его знает. Потому как не проверишь. И не пожалуешься. Возит — и на том спасибо.

Неделю почти Кузьма Афанасьевич ходил в глубокой задумчивости, борясь с искушением, против которого восставали его здравый ум и опыт долгой и трудной жизни. Но искушение победило, и он достал с полки тетрадку и шариковую ручку, долго скреб ею по сухой деревяшке, чтобы исторгнуть из ее тощей внутренности фиолетовую пасту, исторг, наконец, и задумался, глядя на колеблющийся плоский огонек внутри стеклянной колбы. Потом вывел, сопя от усердия:

«Дорогой товарищ Стратотерпцев Вениамин Иосифович!»

— Ты бы к нему поласковее, — посоветовала Елизавета Ивановна, подсаживаясь сбоку. — Они любят, когда к ним ласково. К примеру, дорогой и любимый — он бы и подобрел.

— Отвяжись, старая! Не мешай! Сам знаю, что писать! Иди и занимайся своим делом, — попытался утвердиться в своей самостоятельности Кузьма Афанасьевич. И продолжил:

«Я, Кузьма Афанасьевич Дрожкин, совместно со своей супругой Елизаветой Ивановной...»

— Дрожжиной, — подсказала Елизавета Ивановна.

— А то он не понимает, что раз ты моя супруга, стало быть, тоже Дрожжина... — И прикрикнул: — Нишкни! Это дело умственное и даже, можно сказать, творческое! — И заскрипел дальше:

«...Дрожжиной очень любим ваши передачи, на которых вы так...»

— Любознательно, — опять влезла в творческий процесс старуха со своей подсказкой.

— Да что ж ты все лезешь и лезешь со своими подсказками! — возмутился Кузьма Афанасьевич. — У тебя сколько образования? Четыре класса и коридор. А у меня семь классов, у меня по изложениям и диктантам всегда четверки и пятерки были. Я, может, и десятилетку осилил бы, если бы не нужда.

— И-иии, ми-илай! Это когда было-то? При царе Горохе! Уж, поди, и позабыл все, чему учили-то.

— Не позабыл, — буркнул Кузьма Афанасьевич, зная, что ему от своей старухи не отделаться. И зашуршал по бумаге дальше: «...любознательно и завлекательно просвещаете простой народ на предмет всяких чудес и диковин», — вывел он и поставил точку. И опять задумался.

— А проживаем мы в деревне Задубровье, — подсказала Елизавета Ивановна в нетерпении, заметив, что старик полез за табаком.

«А проживаем мы в деревне Задубровье, — не стал спорить Кузьма Афанасьевич. — А в деревне осталась всего одна изба, а и та имеет крышу, которая течет от ветхости. Мы уже много лет смотрим вашу передачу, очень ей довольны и все думаем, как бы нам принять в ней активное участие непосредственно в вашей студии. Поэтому были бы рады и счастливы, если бы вы нас пригласили на телевидение, но исключительно в летнюю пору, потому что сейчас не проехать, не пройти, имея в виду полное бездорожье. Мы на многое не рассчитываем и большого ущерба вам не принесем. Нам бы выиграть, к примеру, телевизор, который у нас совсем пришел в негодность, и электрические провода все время рвутся и не чинятся со стороны властей, и дети наши, как разъехались, так носа не кажут в родной деревне, чтобы им было совестно за это, когда они нас увидят. А что касается отгадок, так мы все больше по сельским вопросам, чтобы вы имели в виду, если вам все равно, что загадывать...»

И еще долго шуршал по бумаге шариковой ручкой Кузьма Афанасьевич, приводя с подсказок Елизаветы Ивановны всё новые и новые доводы в пользу их участия и выигрыша.

«И никому до нас нет никакого дела, будто мы со старухой уж и померли совсем. Так если б и померли, похоронить-то ведь тоже надобно. По-людски если. Опять же коза с козлятами останутся, с голоду помрут. И собака, и кошка. А по телевизору передадут, глядишь, и починят, и все прочее».

Затем они порассуждали, чем закончить письмо, и вот что у них получилось:

«За сим остаемся с огромной к вам благодарностью и любовью, дорогой и уважаемый Вениамин Иосифович, а так же с последней надеждой, как есть ваши постоянные слушатели и зрители, которых мафия и бюрократия отлучают от всяких благ цивилизации и лучшей жизни».

В самом конце, совсем мелко за неимением места, приписал Кузьма Афанасьевич число, месяц и год и поставил свою закорючку. Рядом свою закорючку, высунув язык, и пыхтя от усердия, поставила и Елизавета Ивановна. Письмо было аккуратно сложено, всунуто в древний конверт, на котором изображен первый спутник.

И на другой день, провожая Агафонова, разбитного малого лет тридцати, сунул Кузьма Афанасьевич письмо ему в карман и, конфузясь, пробормотал:

— Ты там, Лександр Сергеич... это самое... тово... передай куда следует. А то, сам видишь, без свету сидим какой уж день. И вообще...

И Агафонов передать обещал. Но то ли он не передал, то ли там прочитали без внимания, а только ничего в заброшенной деревне не изменилось. Разве что на Старый Новый год пошел долгожданный снег, заноса дороги и развалины, оставшиеся от деревни, единственную избу, из трубы которой с утра пораньше курился дымок. Волки теперь по ночам подходили к самой избе, заглядывали в заиндевелые окошки, скребли лапами дверь овчарни, в которой металась в испуге и блеяли козы. Кузьма Афанасьевич снимал со стены ружье, задумчиво заглядывал в стволы, старый кобель Темка перхал осторожным лаем, потрескивала на морозе изба, потрескивали в печи дрова, и казалось, что время остановилось и больше никогда не сдвинется с места.

КРЕПОСТНАЯ

РАССКАЗ

Что привело Злату в журналистику, кто знает... Ведь еще в школе она, прочитав про полезные ископаемые в Капской области, только и занималась тем, что, сидя на последней парте, прочерчивала в атласах маршруты, как туда плыть: из Одессы через Босфор и Гибралтар, из Питера через Па-де-Кале и Ла-Манш, из Владивостока, вдоль Цусимы, огибая Азию. И уже представляла себе штормы и штили судоходного пути, неминуемые опасности, которые подстерегают при входе в алмазоносные пещеры... Жажда открытий мирно соседствовала в ее душе с другим. Хотела, смешно сказать, в монахини в недавно восстановленный, светящийся на противоположном бугристом берегу женский монастырь. И подчас сама себе говорила:

— Вон, Злата, твое место! Туда и пойдешь...

Но не пошла. Не пошла и в музыкальное училище по стопам матери-музыкантши, та отговорила ее. А пошла на факультет журналистики, с которым тоже первое время были связаны свои неудобства: просто не выносила царящей там чуждой ей атмосферы. Но это было только сначала, а потом привыкла и втянулась.

Вот тут-то она и познакомилась с Тимуром Негадаевым — дипломни-

ПРОЗА

ком юридического факультета. Чтобы попасть на журналистику, надо было пересечь длинные юрфakovские коридоры с постоянно галдящими и курящими прямо у аудиторий студентами-правоведами.

Однажды с ней заговорили:

— Вы не могли бы проверить ошибки в моем дипломе?..

Она еще не успела толком сообразить что ответить, как белокурый студент уже всучил ей пухлый том в переплете. Предположения дипломника оправдались — ошибок оказалось предостаточно. Когда она отдавала папку со множеством карандашных пометок на каждой страничке, косо посмотрела на выпускника:

— Я не пойму, вы смеетесь надо мной или на самом деле ваша грамотность на уровне, как это у вас, юристов, ниже низшего...

— А вы угадajte, — скривился Негадаев и поспешно добавил: — Я вас хочу отблагодарить...

В кафе идти она не согласилась, но против того, чтобы прогуляться, ничего не имела.

— Я только оденусь, — бросила, свернув на лестницу.

— Злата... Зла-та...

Произнес ее имя, так часто на протяжении года вертевшееся на языке. Он следил за ней давно. Сначала никак не мог найти повода, чтобы приблизиться. И вот только недавно осмелел.

Она сбежала в раздевалку и вскоре появилась в своем бледно-сером, под весеннюю пору, пальто.

— Только мне надо в библиотеку заглянуть, — произнесла.

— Все в наших руках...

Они окунулись в солнечную прохладу сквера. Ее близкие русые волосы, удивление в ямочках щек и блеск в васильковых глазах умиляли. Он что-то спрашивал, она что-то отвечала. Вдыхал ее всю, такую светлую, с порывистым шагом, юную — он был старше ее на несколько лет, да и выглядел не по годам взрослым.

День покатился в смене впечатлений. То, на что ранее, проходя мимо, не обращал никакого внимания, теперь неожиданно озарилось. И ни в какую библиотеку они в этот день не попали.

Когда у излобья холмистой набережной он помог ей подняться на троллейбусную подножку, она улыбнулась:

— За книжками успею завтра...

Вскоре он распределился в прокуратуру и покинул университет. Несмотря на зудящее желание зайти на факультет журналистики, приглушал этот зуд и обходил стороной мажорский корпус.

Злата проходила практику в популярном еженедельнике, где на нее сразу обратили внимание, и ей, еще студентке, предложили сотрудничать в газете. Темы, на которые она стала писать, касались культуры. Многие на факультете и не предполагали, что под псевдонимом «Луговская» печатается их сокурсница. К окончанию учебы Злату уже ждал кабинет со старинным шкафом, скрипучими креслами на металлических ножках и телефоном на громоздком столе.

Ее журналистские дороги пролегали по городу и его окраинам. О поездке в соседний край, не говоря уже о ближнем и дальнем зарубежье, и тем более об Африке, не приходилось и думать. Корреспондентские хлопоты вскоре напрочь вытеснили из ее повседневности всякие упоминания об алмазных мечтах.

Со временем к молодой журналистке пришла известность, ее уже печатали не только местные, но и столичные издания, она получала премии за публикации.

И все было бы ничего, если бы одним промозглым утром к ним в редакцию не пожаловало начальство, за спинами которого маячил неказистый малый с бегающими глазами. Наспех собранным журналистам представили нового главного редактора, в котором Злата узнала Негадаева.

«Как он изменился, — подумала она. — Стал ростом ниже, плешив и лицом помят...»

Дотошные журналисты раскопали досье своего очередного шефа: после университета корпел в прокурорских помощниках, потом в администрации совершил головокружительную карьеру и возглавил инвестиционный комитет, но не удержался и вот загремел в газету...

Назначение правоведа взбудрило пишущую братию: шеф теперь у них юрист, законник и сможет не на словах, а на деле защитить их самих и их болтающийся на волнах перипетий еженедельник.

Злата заглянула к новоиспеченному главному:

— Тимур, примите и мои поздравления...

— Ах, это вы, Злата... А я еще сомневался... Если бы вы знали, как я теперь рассчитываю на вас...

С этого дня Злата, не считаясь со временем, дотемна засиживалась в редакции и знакомила главного с азами журналистики. Они могли часами разбирать сваленные на столе материалы. И чем дольше они задерживались, тем больше она убеждалась в том, насколько далек от журналистики Негадаев.

Однажды он попросил:

— Злата! Я вам так обязан... И на этот раз вы мне уже не откажите...

В ресторане, смеясь над новыми русскими за соседними столиками, опрокидывающими водку стаканами и не понимающими всей прелести гранатового напитка, пили подогретый кагор. Она смотрела на него и что-то для себя решала. Когда пригласил на танго, вышла под купол света с лепниного потолка и мягко положила ему на плечо руку. Он, смотря куда-то в сторону, заговорил:

— Если бы ты знала...

Вспомнил про их студенческую прогулку по городу, упомянул про то, как потом искал встречи, и как, уже работая в администрации, все не решался заглянуть на журналистский факультет.

— Скажите, а почему вы меня тогда стали избегать?

— Избегать?.. Зачем ворошить прошлое...

Вернулись за столик. Допили бутылку кагора.

Между столиками, раздражая, носились с подносами официанты, в центре зала выплясывали, махая руками, мужики.

Злата стала собираться: сняла сумочку со спинки стула.

— Мне уже пора... Спасибо вам, Тимур Владиславович. Мои уже, небось, волнуются.

— Я вызову машину, — ухватил ее рукав, другой рукой доставая из пиджака сотовый телефон.

— Нет-нет, не надо, — отцепила его хваткие пальцы.

Замшевые сапожки заспешили к гардеробу.

Больше она не задерживалась на работе, а сразу спешила домой. С неприятным для себя чувством понимая, что поступает не лучшим образом: не оставляют вот так на переправе. Но ничего поделать с собой не могла. Если бы продолжила занятия, то неминуемо они переросли бы в другое, а вот этого, другого, она и не желала. С гнетущим сожалением наблюдала за тем, как Негадаев растрчивал и то небольшое, что она с таким трудом дала ему.

Ее коллеги стали конфликтовать с главным, обсуждая глупость многих решений шефа и делая замечания, а тот, вместо того чтобы поправиться, только ершился. Ему говорили, что работа у журналиста творческая, требует поиска темы, ее разработки, быть может, с недельным и более длительным отсутствием в редакции, а он насаждал обратное: каждодневное с утра до вечера сидение за столом, а если и отлучки, то только с личного редакторского вedomа. Ему никак было невдомек, что по телефону хорошей статьи не подготовишь...

И нашла коса на камень...

Лицо газеты блекло, ее тираж падал, журналисты волновались, и их возмущение выплескивалось на планерках, пре-

вратившихся из обсуждений в накачки и раздачу нарядов: ты напиши про это, ты — про то...

После того, как шеф на очередной летучке резко осадил непокладистых газетчиков, Злата не выдержала:

— Тимур Владиславович! — встала и вышла вперед. — Неужели вы не видите, во что превратилась наша газета? В сборник объявлений: «На ярмарке распродажа зимнего пальто...», «В театре встреча с экстрасенсом...» Куда делись настоящие материалы, которыми славился наш еженедельник?.. Я понимаю, что вы, Тимур Владиславович, не в упрек вам будет сказано, далеки от журналистики, но мы все когда-то были в вашем положении... И раз уж судьба забросила вас в редакцию, то вникните, наконец...

Злата еще говорила, а перед глазами Негадаева замаячила тень не столь отдаленной заварушки в инвестиционном комитете, откуда его попросили как раз после того, как подчиненные осмелились его критиковать. Он тогда ослабил вожжи, не приструнил вовремя, и распolzшился по мраморным этажам администрации слухи решили его судьбу.

Уходя головой в плечи, Негадаев еле дождался окончания планерки.

— Нет уж, этот номер больше не пройдет, — проговорил он вслед шумно повалившим из кабинета журналистам.

— Луговская, вас к главному! — окрикнули из приемной.

Злата направилась к массивной двери, думая, что редактор прочувствовал ее озабоченность и встретит приветливо. Но главный с ней даже не поздоровался, а протянул листок:

— Читайте...

Взяла приказ:

— Мне выговор?.. За что?..

— Там написано.

— «За срыв задания»... Это какого же, позвольте спросить?

— А об овощной базе я вам поручал писать?

— Я ведь пишу о культуре...

— Не знаю, не знаю...

С горящими щеками Злата покинула кабинет. За всю журналистскую жизнь ее ни разу не только не наказывали, но не ругали и даже не журили. А тут — сразу выговор!

Так что же это?.. Месть?.. Но ведь она выступала с благими намерениями. Она и в мыслях не желала чего-то плохого... Или нет?.. Может, за всем этим кроется другое... Ведь не вызвал же главный никого, кто ругал его гораздо резче... А только ее...

Злата вспомнила, как неделей ранее сдала Негадаеву ста-

тью о восстановлении городских храмов, и вернулась в кабинет:

— А можно у вас, Тимур Владиславович, спросить, почему мой материал о церквях вы не пускаете, а про овощную базу требуете?

Он и на этот раз не отвел глаза.

— А кто в редакции начальник?

— Вы... — опешила Злата.

— Тогда кто кому вопросы задавать вправе: я или ты?.. — произнес, подчеркивая последнюю согласную.

Злата выскочила из кабинета и, не задерживаясь, прогремела каблуками по коридору и лестнице, сбежала на заснеженную улицу. Посмотрела на заостренный стержень свисшей сосульки и ринулась через дорогу, не обращая внимания ни на сигналы, ни на шум тормозов, ни на крепчающий мороз.

На следующей летучке Злата взорвалась:

— Вы не только не профессионал, не журналист, Тимур Владиславович, а вы *чиновник!* И позвольте вас спросить, зачем же с чиновничьим рылом да в калашный ряд?..

— Злата, Злата, — полетело по провалившемуся в тишину кабинету.

После этого ее выступления многие втихаря жали ей руку, но кое-кто и стал сторониться.

А перед Негадаевым встал вопрос: что делать? Либо идти на попятную, повести диалог с журналистами, либо на корню задушить возмутительные ростки. И ладно бы конфликтовали с ним безразличные ему люди, а то нет, в первом ряду их Злата. Его несостоявшаяся любовь... Обозвавшая его таким обидными словами...

«Раз я не профессионал, не журналист, а чиновник, то испей, моя крошка, чинушной баланды...» — думал Тимур.

В течение дня были пересмотрены должностные инструкции: у Златы забрали культуру и отдали сельское хозяйство.

Мать Златы отшатнулась от распахнутой двери:

— Что с тобой, доча?

— Мелкие гадости, — Злата скovyрнула с ног ботинки и, пробежав босиком по коврику в свою комнату, завалилась на диван.

Она никак не ожидала такого поворота событий. Таких шагов главного редактора, мужчины. Лежала. Ее трясло. Рыдая, она вспоминала подслащенные негадаевские глаза, ликующие от ощущения власти...

Мать постучала в дверь и склонилась над дочерью:

— Помнишь, Злата, я тебе про Моцарта говорила?.. Если бы ты пошла по музыкальной линии, то не имела бы и того, чего имеешь... Недавно моя подруга заходила: филармонию закрыли. Всех на улицу..

— Замолчи, мама! — чуть не взвыла Злата.

Она не могла никак решить для себя: покориться — и тогда все ее труды насмарку, — либо бороться...

Негадаев дождался ее прихода. Оглядел плавающим взглядом, провалился поудобней в кресло и спросил:

— Ну, как? Будем дальше тягаться?

В кабинет кто-то заглянул и быстро закрыл дверь. Злата стояла, не зная, что и сказать. Все подготовленные слова вылетели из головы.

— Тимур Владиславович... Я погорячилась, — выдавила из себя. — Я бы хотела вернуть себе искусство... Я не могу без театра...

— И это все?..

Злата посмотрела на холеное, по-прокурорски самодовольное лицо главного, и о многом пожалела. Больше она не унижится! Больше он от нее не дождется ни одного слова!..

Ветерок от захлопнувшейся за ней двери смахнул челку с негадаевского лба.

Коллеги, наблюдая за борьбой главного с непокорной журналистской, подыскивали места в других редакциях и перебежали туда, а кое-кто ложился на дно в ожидании, чем все это закончится. На пустующие должности Негадаев принимал исключительно проверенных людей. Так, в вакантном кресле ответственного секретаря оказался некто Кнышев, которого за рост сразу окрестили Метр с кепкой. У него было всего одиннадцать классов образования, и почему такого неуча взяли на столь важный пост в газете, загадкой было для кого угодно, только не для сотрудников редакции. В кадровики перевели уборщицу — гром-бабу тетю Дусю и первую негадаевскую стукачку... В коменданты попал выгнанный из милиции вытрезвительский старшина Евсей, который теперь пропадал со спецзаданиями.

А Злата осваивала совсем неведомый ей участок. И вперемешку с аграрными заметками продолжала писать о культуре. Но дорогие ее сердцу статьи пропадали. Доходило до смешного: другие газеты и журналы печатали ее репортажи по искуству, а свой еженедельник — нет.

Когда одним декабрьским днем она перебирала бумаги в шкафу, где скопились собранные годами материалы свои и

других авторов: книжки, фотографические карточки, рукописи — своеобразный архив, к ней зашел Метр с кепкой и нахохлился:

— Вам надо освободить помещение!

— Как это освободить? — удивилась Злата.

— С сегодняшнего дня оно — мое.

— Пойдите... Но ведь у вас есть свой кабинет...

— Его отдали фотокоору...

— Хм... А я при чем, что отдали...

— В общем, вам срок до вечера, а там решайте...

«Новые происки», — подумала Злата и продолжила просматривать полки.

После обеда Метр с кепкой впрыгнул:

— Ты еще не убралась?

— С какой это стати... — Злата опустилась в кресло. — Я в этом кабинете просидела без малого десять лет, и должна вам его освободить?

— Ну, ну, — тот запрыгал на одной ноге, — я вас выкину... — подскочил к столу.

— Только попробуй! — Злата поднялась с кресла.

Метр с кепкой схватил ключи со стола и вывалился из комнаты. Пробежал по коридору в одну сторону, в другую и, захлопнув дверь, закрыл Злату в кабинете на замок.

— Это что еще за хамство?!

Злата попыталась открыть дверь. Бесполезно. Стала стучать. Подойдя к окну и, посмотрев с третьего этажа на заваленный снегом тротуар, подалась к телефону. Только набрала номер, как связь оборвалась. Отключили...

Сколько потом ни стучала в дверь, сколько ни звала, никто — сотрудники, как мыши, попрятались в норы — не подошел и не поинтересовался, что там случилось...

Ее, всю обессилевшую, заплаканную уже поздно вечером отомкнул пришедший проверять помещения вахтер.

— Я прошу вас разобраться с хулиганством Кнышева, он вчера закрыл меня в кабинете, — взволнованно говорила Злата.

— Не понимаю, зачем надо было закрывать, — протянул Негадаев и склонился к микрофону. — Кнышев пусть зайдет.

Выслушав ответ секретаря, Негадаев повернулся к Злате:

— Ну, он малость погорячился... Но ведь кабинет-то теперь его и все равно надо освободить...

— А где я буду сидеть?

— В репортерке.

— Но, позвольте, там шесть человек и на всех один телефон.

— Вот и чудненько...

При слове «чудненько» у Златы от прыгнувшего давления шелкнуло в ушах. Она вышла и, пройдя к себе, опустилась в кресло. У нее было желание бросить все и отдаться течению. Но что-то не позволяло поступить так. Ее выкидывали, как нашкодившего котенка, и она должна соглашаться?.. Нет уж... Хотя она женщина... Хотя ей одной приходится с мужиками, она не сдастся...

Пришла в себя: в дверях Кнышев, кадровичка, фотокорреспондент. И началось: Злату выставили в коридор, вслед ей из шкафа полетели книжки, папки, фотоальбомы.

Она кричала:

— Что вы делаете?.. Что?..

Бросалась назад, но фотокор грудью преграждал дорогу, а Метр с кепкой всю орудовал в шкафу, в ящиках стола, ему помогала гром-баба, а из глубины опустевшего коридора наблюдал за всем происходящим подбоченившийся барин-редактор.

Злату закачало, и она упала.

Лежала на больничной койке. В глазах ее плавали стол, шкаф, книги, папки, вытянувшееся лицо Метра с кепкой, сытая спина Негадаева.

— Бандиты... бандиты... — бубнили губы.

Она бы и не поверила во все происшедшее, если бы не синяки на руках, не боль между лопатками, не ломота в затылке и не навязчивые видения...

Или все это только наваждение... Посещавшие ее мать и коллеги ничего толком объяснить не могли, а переданные кадровичкой мандарины с печеньем говорили как бы и об ином.

Лишь после выхода с больничного она поняла, что на самом деле случилось: в ее кабинете восседал самодовольный Кнышев, в коридоре у батареи кучей валялся ее архив, а в репортерке у окна ее ждал пустой обшарпанный стол... Вынужденно прошла за него и села — за окном мело, из щели в раме несносно дуло... Уже на следующий день она простыла на сквозняке, через другой у нее поднялась температура, и она слегла снова.

Только опять появилась в редакции, как пригласил к себе Негадаев:

— Вам срочное задание... Надо написать про свиноферму в Кагановке... Репортаж с выездом на место...

— Но ведь я еще не выздоровела...

— Надо, Златочка, надо... Вас и так сколько не было и сельское хозяйство оказалось в загоне... Если сейчас поедете, то к вечеру вернетесь... Автобус с автостанции отходит через час...

После командировки промерзшая Зла слегла с воспалением легких.

— Ну что, детка, долго упорствовать будешь? — в горячке снилось ей негадаевское лицо. — Али сдашься, и тогда у тебя будет все, чего душа пожелает...

— Нет, нет, — она кричала в бреду и отмахивалась руками.

А когда вновь заняла место в репортерке, то над ней нарочито склонилась гром-баба:

— Проваливай!

Злата пошла к Негадаеву за объяснениями. А тот на нее напустил для пущей важности коменданта, что якобы она украла репортерский диктофон. Вызвали милицию, и Злата, глухо кашляющая, что-то доказывала лапавшему ее при досмотре взъерошенному капитану...

Еще несколько дней ютилась в холле редакции, никем не замечаемая и никем не спрашиваемая, и — пропала. Никто из сотрудников не стал интересоваться бывшей коллегой. О ней лишь напоминали редкие посетители газеты, приходившие за своими материалами или книжками, которые когда-то отдали Злате. Рылись в бумагах у батареи и уходили.

ПОМИНАЛЬНЫЕ СВЕЧИ

РАССКАЗ

Егор в церковь не ходил. Не то, чтобы был безбожником, родители его даже крестили втайне от советской власти, а как-то стеснялся молиться при всех, что ли. А церковь в селе Баньки была красивая. Белая, высокая, открывалась взгляду с косогора сразу, как завернешь за Зайчью балку. Смотреть на нее было хорошо, покойно. Егор так и делал — придет на целое воскресенье с нехитрой снедью, сядет на травку, стащит кирзу, вытянет ноги, не спеша закурит папиросу и смотрит, любуется. Сизый дымок после каждой глубокой затяжки вился к небу и растворялся в голубом воздухе, не долетая до облаков. Егор в детстве думал, что облака — это дым, который получается от заводских труб, всяких выхлопных газов, ну и табака, конечно. Поэтому когда бабушка рассказывала, что Боженька — на облаках, маленький Егор уже тогда не верил. А вообще-то Егор верил, что Бог какой-то точно есть. Молитв он никаких не знал, поэтому просил у Бога что-то своими житейскими словами. Многого не просил, и никогда для себя, даже когда у него обнаружили опухоль. Сестра с мужем Макаром помогли тогда деньгами — на обследование в какой-то дорогой московской больнице. Ничего, обошлось, опухоль была

ПРОЗА

не злокачественной. Деньги Егор отдавал почти весь год — с зарплаты тракториста не разгуляешься. Сестра заходила к нему в каждый день зарплаты, пересчитывала рубли, совала за вырез платья и уходила, не оставаясь на чай. Макар, правда, ни разу про деньги не напоминал. Сеструха, видно, строго-настрого запретила. К деньгам Макар вообще доступа не имел по известной причине — пьянка. Но пил Макар не запойно, не по-черному, а со смыслом. Если подходил случай — всегда приглашал друзей — не на выпивку, а, как он говорил, — на разговор. Макара мучило много разных вопросов — от Бога до олигархов. А когда разговор затухал, Макар толкал Егору гармонию. Егор играть умел и, хотя пел негромко, не звонко, но зато с сердцем. Песни он знал почему-то только грустные, протяжные.

Купола слепили полуденным солнцем, воскресный народ шел к церкви.

— Эй, дядя Егор, пошли с нами в храм, грешник небось! — окликнул чей-то веселый девичий голос.

Егор повернулся на зов — то была Семенова старшая дочка Марина. То, что молодежь потянулась к Богу, Егор одобрял. Может, мода такая у них, и не серьезно, а все одно — полезно. Полезней, чем по дискотекам всяким шляться. Егор махнул рукой — потом, мол, как-нибудь. Особенных грехов за собой Егор не знал — жил всегда просто, без хитроумия. Вон сестра — в город каждые выходные ездит, торгует на рынке. Когда с наваром приезжает — веселая, в гости может позвать, за столом хлопочет, а глаза у самой на месте не стоят, прыгают. Торговля — дело для души непростое. Тут обвесишь, тут не докладешь, по другому нельзя. Вот кому в церковь каждый день ходить надо да толстые свечи ставить — есть на что. Да и Марина на зиму в город уезжала, что там делала — неизвестно, но деньги родителям высылала исправно — Семен сам говорил. По селу ходило что-то смутное, бабы на Марине разговоры прерывали с каким-то нехорошим переглядом — не зря, мол, в церковь ходит, кается за что-то, чего в городе делает. Но Семен был мужик справный, справедливый, его сплетнями обижать никто не хотел. А что в Марине было что-то шальное, Егор тоже чувствовал.

В город сам Егор не ездил уже давно, как развелся с женой. Детей — сына и дочку бывшая забрала себе. Нашла себе нового мужа — из городских, моложе себя. Егор его никогда не видел, но зла в сердце не держал — взял бабу с прицепом, даже с двумя. Такое не каждый сделает. Жена ему не писала, детки были еще маленькие, поэтому почти никаких вестей о них Егор не получал. Почти — потому что сестра к ним раз

заезжала в городе, навещала по-свойски, или по делам каким. Егор точно не знал. Сестра сказала — живут неплохо, муж — инженер в какой-то строительной фирме, зарабатывает. Сказала с уважением, значит, точно не мыкаются. Ну, и слава Богу, главное — чтоб детей любили да ноги поставили. Вырастут, навелят и его как-нибудь. В том, что дети его не забудут, Егор был уверен — родная кровь, как ни крути. Вот за детей и просил в основном Егор у Бога, и жену поминал, и даже ее мужа, Володю. Больше у него родных не было, кроме сестры. Родителей уже лет пять, как схоронили — сначала бату, потом и мать преставилась. Жить без бати она долго уже не хотела, так и говорила — пойду вослед скоро, уж плохим словом не поминайте, тяжело мне без него, сердце не дышит. Внуков не дождалась. Надо было уже собраться, взять сеструху да сходить в следующее воскресенье на погост — посидеть, могилку подправить. Один раз сестра может рынок и пропустить, не зачахнет, небось, торговля-то.

Егор отпил молока из крынки, отломил душистую горбушку, лег на клевер и стал смотреть в небо, откусывая по маленькому кусочку. Облаков почти не было, взгляд ни обо что не спотыкался, можно было смотреть насквозь — до слез. «Только синь сосет глаза», — вспомнилось. По-другому и не скажешь. Егор любил Есенина, почти все песни на его стихи пел, даже иногда для самого себя пел, когда общества не было, для души.

С речки потянуло холодком. Воскресный день пошел на убыль, в воздухе голодно зазвенели комары. «Скору последнюю да пойду», — решил Егор. По селу стали зажигаться окна. Егор курил и думал, что домой-то его не тянет. Изба — старая, уютная, обжитая, для одного просторная пятистенка, но не тянуло. Была б книжка какая душевная, Шукшин там или Лесков, почитал бы на софе, даже перечитал бы, но все книги забрала жена. Для чего забрала, неизвестно, сама-то не интересовалась. Из принципа, наверное. Была библиотека в селе, да закрыли давно, — денег у властей на содержание не хватало. Не ездить же в город за книжками, засмеют.

У калитки его встретил мрачный Макар.

— Закурить есть?

— Папиросы.

— Давай. — Макар продул гильзу, замял зубами кончик, затянулся. — Тут вот какое дело, Егор. Твоя сестра, моя жена, ну Алевтина, в общем...

— Ну?

— Не приехала сегодня.

— А чего?

-
- Да бес ее знает, чего. Первый раз такое.
— Может, на электричку опоздала?
— Чтоб Алевтина да опоздала? Ты чего, шурин?

Действительно, Алевтина представляла собой образец порядка. Сбить ее с панталыку, заставить потерять голову хоть на минуту не могли никакие обстоятельства. Даже когда умирали родители, Алевтина рассудочно хлопотала по всем принятым в таких случаях делам — и справка от доктора, и кладбище, и заупокойная служба, когда Егор пребывал в каком-то ступоре и больше мешался Алевтине, чем помогал. Единственное, в чем Алевтина была бессильна — не дал им Бог детей с Макаром. Но и этот недогляд Всевышнего Алевтина упорно исправляла — нашла необходимые связи, съездила по докторам. И Егору с обследованием смогла помочь.

— Чего-то на сердце скользко, — Макар в задумчивости покачал головой.

— Да не журишь, может зашла к моей бывшей, задержалась там, завтра приедет.

— Чего ей у Ленки делать?

— Нда...

Закурили еще по одной. Домой Макару тоже идти не хотелось. Вечерялось бы невесело.

— Не случилось ли чего, — Макар задумчиво смотрел в землю.

— Да чего с ней может случиться, — возразил без уверенности Егор.

— Всякое бывает.

— Приедет завтра, куда денется.

Алевтина не приехала ни в понедельник, ни во вторник. В среду Макар с Егором поехали в город на поиски. Пока Макар поднимался к Лене, Егор сидел в палисаднике у подъезда и смолил одну сигарету за другой. Он очень хотел повидать детей, да и Лену, признаться тоже, но в последний момент заробел. Егор представил себе Ленкин сухой ревнивый взгляд за спиной, когда он подойдет к детишкам. Что она им рассказывала про него, неизвестно. Для них он уже, наверное, не папа, а дядя Егор. Только душу травить. Да и подарков никаких для детишек не взял — не до подарков было. Егор представлял, как за два года подросли Машенька и Никитка. У Машутки, небось, уже коса — русая, тугая, а Никита Егорыч — в школу ходит с большим ранцем.

Макар вышел мрачнее тучи — Алевтина у Лены не оставалась и вообще не объявлялась. На рынке Алевтину знали, но тоже ничем помочь не могли — закрыла торговлю в воскресенье вечером и попрощалась. В милиции заявление о

пропаже человека принимать не хотели, срок, мол, не вышел, да и заявление нужно было подавать в сельском отделении. Макар было всплыл, но Егор вмешался. Еще не хватало загреметь в кутузку.

— Куда теперь? — спросил Егор на крыльце.

— Нет, ну ты понял, какие менты у нас — лишь бы ничего не делать, сволочи. — Макар оглянулся на дверь. — Надо ж сказать такое мужу, что его жена загуляла.

— Сам-то, поди, не женатый, вот и брякнул.

— У него не жены нет, у него совести нет. Если б у этого козла кто-нибудь из близких пропал, он, небось, бумажки-то свои бросил бы ко всем чертям, с огнем искал, — не унился Макар. — Молодой, а душой зажил уже. Начальство надо ждать. Может, и выйдет что.

— Может, и выйдет.

Макар оказался прав. Начальство в лице испитого майора подкатило где-то через полчаса на милицейском «Уазике». Майор не стал отмахиваться от сбивчивого рассказывавшего Макара, пригласил в кабинет. По сводкам в городе за эти дни было совершено три убийства, одно — женщины Алевтининых лет. Личность женщины не установили — ни документов, ни сумочки при ней не оказалось. На опознание в морг их повез тот самый лейтенант, который отказался брать заявление. Ехали молча.

Когда с трупа снимали простынь, Егор хотел отвернуться, он уже понял. Убитой оказалась Алевтина. Макар, не мигая, смотрел на пожелтевшее лицо со следами кровоподтеков. Глаза были не закрытыми, а какими-то заплывшими.

— Она? — полуутвердительно спросил лейтенант.

Ему никто не ответил. Макар затрясся и сжал кулаки.

— Кто это сделал? Кто это сделал? Убью подонков, разорву, своими руками разорву! — Макар сжимал и разжимал пальцы.

Егор стоял, как окаменевший. Слез не было. Если слезы — из сердца, то сердце у Егора сразу затвердело, оплавившись, как стекло после взрыва.

Лейтенант, стараясь не показывать равнодушия, накрыл тело простыню.

— Протокол опознания надо подписать, граждане. Кто из вас родственник? Родственник кто, граждане? Он? — лейтенант кивнул на Макара.

— И он, и я — родственники, — услышал себя Егор как бы со стороны.

— Тогда пройдемте... пожалуйста.

На отпевание собралось все село. Даже Ленка приехала из

города, узнала как-то. Отец Савватий пел красиво, даже величественно, все исправно крестились, кто-то перешептывался. Егор стоял со свечкой в левой руке, правой неумело клал кресты. Воск стекал по руке, но Егор ничего не чувствовал. Небритый, почерневший Макар стоял у самого гроба, на обострившихся скулах ходили желваки. Отпевание кончилось. Перед какой иконой надо ставить свечку за упокой, Егор не знал. Какая-то бабушка понятиво указала на Голгофу, Егор опалил свечку снизу, поставил. Свечей было много — Егор почему-то их посчитал. Вышло — двадцать три. Чьи-то двадцать три души горели в этих свечках, а теперь к ним присоединялась сеструхина — двадцать четвертая. Егор взял еще свечей, поставил за родителей. Теперь их было двадцать шесть.

«Когда за меня поставят, сколько их тут будет гореть?» — почему-то подумалось Егору.

Поминки были богатые — все село столы строило. Сидели на улице — погода была ласковой. Макар внимательно слушал каждого говорившего, бабы после слов терли платками глаза, потом продолжали негромко лопотать о чем-то своем.

— Пойду, покурю, — ни к кому отдельно не обращаясь, сказал Егор.

Курили и за столом, но Егора никто не удерживал. Только Макар понимающе посмотрел, как бы оставаясь за столом и за него тоже.

Егор сел на свое место на клеверном лужку, закурил папиросу и стал глядеть на церковь. Теперь в ней было что-то еще, что раньше Егор не замечал. Так же купались в пронзительном небе купола, так же сверкали, но что-то было и новое. Только когда солнце зарделось к вечеру, Егор понял — что. Это был свет от свечек, особенно от тех двадцати шести свечек, что горели сейчас там, на каноне. Купола не только блестятели отраженными лучами, но и светились изнутри, от маленьких огоньков надежды, любви и печали, из чего, в сущности, и состоит наша короткая жизнь. От сердца чуть отлегло, и Егор первый раз за последние дни улыбнулся.

СПАСЕНИЕ

РАССКАЗ

Пассажиры поездов, идущих из Москвы на восток, могли видеть на одной из станций за костромским Галичем Саню Озерова, частенько толкающегося около вагонов среди старух-торговок, только где же его запомнить, если нынче множество таких попустившихся мужиков, неприметных, кой-как одетых, небритых. Озеров тоже редко бреется, лицо заросло черной с проседью щетиной, веки набухли, а глаза подернуты нездоровым, влажным блеском. Кажется, все лето он не снимает с себя выгоревшую штормовку, резиновые сапоги и кепочку, бывшую когда-то белой. Ему около сорока пяти, а поди определи его возраст, если другой и в шестьдесят выглядит гораздо крепче.

Поначалу стыдно было оказаться в компании торговок, сидеть с ними на лавочке в ожидании поезда, суетиться, перебегая от вагона к вагону. Первый раз появился около поезда с корзиной брусники, потом поспела клюква, а дальше, когда обвыкся с такой необходимостью, в ход пошло все: зеленый лук, огурцы, вяленая рыбка, простенькие пирожки, испеченные матерью, с луком, с грибами, с капустой.

Но было и вознаграждение за эти унижительные хлопоты. С пустой корзиной, с вырученными деньжонками

ПРОЗА

Саня (так привыкли звать его станционные жители) бодро устремлялся через вокзальную площадь к магазину, где с утра до вечера обитали подобные ему приятели, оттесненные новыми порядками на обочину жизни. С некоторыми вместе учились в школе, гоняли на велосипедах, мечтали покинуть свою захолустную станцию, чтобы добыть счастье в больших городах.

После школы Саня Озеров махнул аж в Ленинград, но засыпался на первом экзамене в институт, пришлось отступить. А следующим летом принесли повестку из военкомата, сказали, что осенью призовут в армию, поэтому решил погулять, как положено допризывнику.

Однажды катался на отцовском мотоцикле, догнал за переездом девчонку из деревни Кувакино, Валу Садовникову, которую мало знал по школе, поскольку она была моложе года на два. Все, вроде бы, считал мелюзгой, а тут вышагивает статная, загорелая. С улыбочкой глянула на Саню иссиня-небесными глазами, так что его будто током проняло. «Боже мой, да в таких глазах утонуть можно!» — воскликнул он про себя, а вслух предложил:

— Садись, довезу!

Она ловко примостилась у него за спиной, стараясь осторожней прикоснуться к нему.

— Держись крепче, а то упадешь! — кричал он, немного поворачиваясь к ней и ощущая ее дыханье ухом и щекой. И так приятно было газовать по проселку, такой восторг был в груди, что и не заметил, как доехали до Кувакина.

— Останови, — попросила Валя.

Саня придержал ее за руку, его притягивали к себе глаза, покоряющие какой-то мечтательной поволокой: таким бывает ясное утро, еще не совсем освободившееся от легкой туманной дымки. В то время и сам он был парень приметный, девчонкам нравился веселый взгляд его черных глаз, спортивная подтянутость: он всегда отличался на школьных соревнованиях, а таких замечают.

— Давай вечером еще прокатимся, — сказал Саня.

— Не знаю...

— Чего не знать-то? Приходи сюда, я подъеду часиков в девять.

Это было самое памятное лето в Саниной жизни, пролетевшее как один праздничный день. Гоняли на мотоцикле по окрестным проселкам, береговым речным тропинкам, купались, загорали, по вечерам ходили в железнодорожный клуб на танцы, прогуливались по перрону или прятались на самой укромной лавочке под акациями. Мимо стучали поезда, по-прежнему тревожа сердца позывом в дальнюю дорогу.

Часто вспоминает Саня, как ездили перед отправкой в армию по клюкву: уродилось ее в то красное лето видимо-невидимо. От станции на делянки ведет узкоколейка, по которой вывозят на платформах лес. Утром мотовоз тянет пустые платформы и вагончик для доставки на лесосеку рабочих. В этом вагончике достаточно места и тем, кто едет по бруснику или клюкву на болото, да еще по пути присоединялись кувакинские, и среди них — Валя. Саня подсаживал ее на последнюю платформу, взбирался сам, и они, свободно расположившись вдвоем, продолжали путь, чувствуя себя счастливыми путешественниками, отправившимися в неведомую страну. Впереди, пугая лесную тишину, утробно урчал мотовоз, поскрипывали платформы, лениво мотавшиеся за ним. Вначале спину покалывал утренний холодок, летящий навстречу по просеке, но земля набирала тепло, и было приятно сидеть, свесив с платформы ноги, и чувствуя близость друг друга.

И настал последний клюквенный рейс. Саня с Валею уединились, не откликаясь на ауканье, не умолкавшее над болотом. Они напали на нетронутые ягоды, и потому корзины скоро были полны крупной рдяной клюквы. Теперь можно было отдохнуть, сидя на мягком мху в сосновом редколесье. Что могло быть отрадней этих минут, дарованных для любви? Они были тем трогательней и дороже, что надо было надолго оставить родную сторону с ее чистыми лесами, с приветливым теплым небом, омывавшим высокие кроны сосен. Надо было расстаться с Валею. Что ж, не одним им предстоит такое испытание. Всегда так было: солдат служит, невеста ждет.

Они смотрели друг на друга с неутолимым восхищением, им казалось, ничто и никогда не сможет помешать их любви, и не могла омрачить ее предстоящая разлука, наоборот, в долгом ожидании встречи, в переписке представлялась заманчивая романтика.

В то время про дедовщину в армии и разговора не было, поэтому призывники отправлялись на службу легко, без всяких опасений. Не тревожились и их родители.

В день отъезда на станцию прибыли парни со всего района, взбудоражили обычно тихий вокзал; не обошлось без гармошки и песен. Захваченный общим настроением Саня Озеров тоже бодрился. Протиснувшись к приспущенному окну вагона, он, с улыбочкой, махал Вале, пока ее бордовая курточка не затерялась среди провожающих.

Службой Саня не очень тяготился, поскольку был непри-

хотлив, как большинство станционных ребят, выросших почти в деревенской обстановке. Жил ожиданием Валиных писем. Когда на тумбочке у дневального появлялась почта, Саня торопливо отыскивал глазами свою фамилию на конверте, написанную красивыми округлыми буквами, и тотчас бегло прочитывал письмо, ожидая каждый раз найти в нем новое подтверждение Валиной любви. Друзья-сослуживцы, не получавшие писем от девчонок, завидовали ему.

Однако судьба переменчива, да и служба длительна: в то время служили три года. Валя стала отвечать ему без прежней искренности, сухо и коротко, как бы по необходимости, и наконец прислала последнее письмо после продолжительного молчания, в котором призналась, что собирается выходить замуж.

Мир потускнел для Сани Озерова. Казалось, и сама жизнь потеряла всякий смысл. Днем и ночью думал о Вале. Сыграют отбой, приятели беспечно захрапят, а он увидит ее загорелое лицо, спокойные небесно-чистые глаза, почувствует под рукой мягкий шелк ее волос; вспомнится ему терпкий привкус ягод на ее губах.

Но, как говорят, час терпеть, а век жить. Пришлось Сане смириться со своей потерей. И вот настал день, когда поезд понес его назад к своей лесной станции. Вместе с ним ехали другие дембели, на радостях кутившие всю дорогу. Саня не отставал от них, но вдруг наваливалась тяжесть, и он выходил покурить в тамбур, стараясь уединиться. «Эх, Валя, Валя! Что же ты так поторопилась?» — в который уж раз вздыхал он и, прижавшись лбом к холодному стеклу дверей, тупо смотрел на проплывавшие увалы или в темноту, если был вечер.

Отметив возвращение с родителями и друзьями, на другой же день потопал в Кувакино, хотя, если рассудить здраво, никто его там не ждал.

На краю деревни встретил старуху, спросил:

— Бабушка, скажи, пожалуйста, Валя Садовникова у родителей живет или уехала куда-то?

— Нет, батюшка, никуда не уехала, вон в том доме живет: как вышла замуж, так и купили оне эту избу Сафроновых.

— Муж-то ее здешний?

— Колька Старостин из Евдокимова, он газ развозит на машине по совхозу. А сам ты, чей будешь?

— Со станции.

— Постой-ка, вроде я тебя видывала? Не ты ли катал Вальку на мотоцикле?

— Я.

— Понятно... Больно долго ты сватался, парень.

Саня не стал объяснять старухе, что да как получилось, направился к дому, где жила теперь Валя. Сначала просто прошел мимо, потом, набравшись решимости, толкнул калитку.

На крыльце появился русоволосый детина, упирившийся головой в косяк; он как будто специально поджидал Саню.

— Здорово, земляк! — не смутился Саня. — Валя дома?

— Нет. А тебе что за дело до моей жены?

— Я ее школьный товарищ, хотел поздравить с замужеством да посмотреть на счастливого человека, мужа ее. Повезло тебе, — с грубоватой откровенностью высказался Саня.

— Ну, посмотрел и двигай обратно, — нахмурил брови Колька, не считавший нужным церемониться с непрошеным гостем. Он даже тронул своей лапой Саню за плечо.

— Напрасно это ты, приятель! — взъерепенился было Саня.

— Топай, топай! А то еще раз не повезет, — уже пригрозил хозяин дома и, не желая продолжать разговор, захлопнул двери.

Как оплеванный возвращался Саня из Кувакина. В этот день он сильно напился, ко всем приставал, слоняясь около вокзала. Кончилось дракой и кутузкой в транспортной милиции.

Ничего не оставалось Сане, как во второй раз попытаться устроиться в городе. Теперь не стал замахиваться слишком высоко, закончил ПТУ и устроился аппаратчиком на химзаводе. Все пошло своим чередом: сначала жил в общежитии, женился, а когда родился сын Витька, получили свою квартиру.

Незаметно отбухал на заводе лет двадцать, думал работать и дальше, до пенсии, но началась эта разруха в стране, и завод тоже не уцелел, растащили его на какие-то малые предприятия. Началось сокращение штатов, а Саня, как страдающий вредной привычкой выпить, оказался одним из первых кандидатов на увольнение.

После завода перебивался случайными заработками, обстановка в семье стала нервной, потому что началось безденежье. Участились скандалы с женой.

— Саша, я устала так жить, — жаловалась она. — Денег только на хлеб хватает, а ты пьянствуешь, совсем опустился. Вчера, смотрю, с такими подонками стоишь у магазина, что я даже подходить побрезговала. Хватит болтаться безработным, устраивайся куда-нибудь.

— Не берут.

— Правильно, потому что рыло мокрое.

Сознавая свою вину, он не стал лишний раз спорить, а, помаявшись еще какое-то время и не желая тяготить своим нахлебничеством жену, объявил ей:

— Уеду я к родителям, потому что с моей специальностью нынче в городе делать нечего.

— Можно подумать, что на станции тебе припасли работу.

— Ну, там — родные стены...

Жена отговаривать не стала, рассудив, что никуда он не денется, а она хоть какое-то время поживет спокойно.

И отправился Саня в невеселую дорогу, в добровольную, домашнюю ссылку, благодаря Бога за такую возможность, поскольку живы родители, готовые принять его в любое время. Теперь уж можно было только мечтать о той жизни, когда ездили всей семьей к родителям в отпуск; больше всех любил эти поездки Витька, сызмальства пристрастившийся к лесным походам, к рыбалке. Конечно, стыдно было появиться у себя на станции изгоем, которого отверг город, но куда податься, раз такая невезуха.

Таким-то образом и оказался Саня Озеров на перроне родной станции среди старух-торговок, промышляя копейку продажей чего-нибудь съестного.

Сегодня воскресенье и первый клюквенный рейс, специальный, без лесовозных платформ: мотовоз и два вагончика, потому что народу собралось порядочно. Конечно, ягода должна бы еще позреть, потому что конец августа, да разве нынче можно чего-то выждать в лесу: все метут подчистую. Как всегда, выручает людей природа.

Саня, нахохлившись, сидел у входа, даже подремывал, пока не остановились около Кувакина. Он сразу узнал Валиного мужа: совсем грузный стал, штормовка в плечах гляди того лопнет, седина в висках. С ним девушка-красавица, вылитая Валя, понятно, что дочь.

— Садись, — предложил Саня, подвигаясь на лавочке, чтобы освободить место. — Узнаешь? После армии я заходил к вам, а ты меня турнул.

— А-а, помню! Так бы не узнал: считай, целая жизнь прошла.

— Чего хозяйку-то не взял по ягоды? — простодушно поинтересовался Саня.

— Хозяйку похоронил этой весной, — помрачнел и свел брови собеседник.

— Неужели?! — изумился Саня. — Как это?

— Рак груди. Сделали операцию, да недолго после этого пожила.

— Да, брат... Подумать только! Хватает этот рак людей без разбору, — произнес как бы сам про себя Саня.

В самом деле, чудовищной несправедливостью представлялось то, что неотвратимая болезнь не пощадила такую женщину. «Ведь сколько всяких негодяев живет на земле до глубокой старости, а все напасти, будто специально, на добрых людей, — думал Саня. — Представить невозможно, что ее больше нет. До чего же короток человеческий век!»

Ошеломленный невероятной новостью, Саня удрученно примолк, только изредка взглядывал на Валину дочку, сидевшую чуть поодаль с корзиной на коленях, думал о том, что, может быть, в утешение родным природа так предусмотрела, как будто сама Валя продолжает жить второй жизнью. «Надо же, какое сходство! И волосы из-под платка выбиваются такие же пушистые, и широкий размах бровей, и этот загадочный туманец в глазах...» — удивлялся Саня.

На болоте он ни с кем не вступал в разговоры, как бы не слышал ничьих голосов и дальнего ауканья, отрешенно бродил между холмышками, обирая с них еще не поспевшую розовую клюкву. Он даже отстал от всех, потому что не было желания бежать куда-то в поисках более ягодных мест. Продолжал думать о Вале. Может быть, ее душа витает где-то здесь, охранительно присматривая за дочерью, сострадав мужу, видит и его, Саню, не забыла, как отдыхали они на сухом мху в редколесье перед тем, как расстаться навсегда. Он отыскал то место, погрузил, вспоминая дословно их прощальный разговор. «Почему так неудачно сложилась моя судьба? Ведь все могло быть совсем иначе», — с тоскливой безнадежностью рассуждал Саня, сознавая, что возможность какой-то достойной жизни утрачена навсегда, что так и станет перебиваться со дня на день, существуя самым примитивным способом. И не старик еще, а никому не нужен, кроме родителей. Они-то надеялись опереться на него, да получилось наоборот: он пробавляется за счет их скудных пенсий. До своей пенсии ему вряд ли и дотянуть...

Поезд еще только появляется в дорожной просеке, а торговок, дотоле судачивших о чем угодно, срывало с лавочек, будто осенние листья ветром. Все норовили занять наиболее выгодную позицию, начиналась сутолока. Саня имел одно преимущество: он был легок на ногу, успевал перебежать от вагона к вагону, хлопая голенищами резиновых сапог.

— Берите, берите клюковку! Не смотрите, что розовая, она быстро созреет. Дешевле не купите, — привычно повторял он, зачерпывая стакан ягод.

Однако покупателей оказалось мало. Выручил усатый толстяк, вывалившийся на перрон в трико и шлепанцах.

— Сыпь сюда, — не раздумывая, сказал он, подставив к ободу корзины целлофановый мешочек. Подал две сторублевые бумажки: — Хватит?

— Конечно... Спасибо, — растерялся от такой удачи Саня.

И больше того повезло Сане в этот день. Поджидали состав, прибывающий из Москвы, и когда он с грохотом и тормозным шипением, как бы отдуваясь после тяжелого бега, вкатился на станцию, Саня увидел в открытых дверях своего сына.

— Витя! — крикнул он, устремляясь к головным вагонам. Сын легко бежал навстречу с большой сумкой.

— Привет, пап!

— Здравствуй, мой дорогой!

Обнялись. У Сани было такое счастливо-смятенное чувство, как будто сын явился спасти его.

— Как это ты надумал?

— Экзамены сдал в политех и решил катануть на недельку.

— Поступил в институт?

— Ага. Приняли.

— Поздравляю! Дай-ка, я тебя поцелую, милый мой! Извини, сейчас побрею свою щетину: праздник сегодня будет у нас! Вот это сюрприз! Правильно, сквитай за то, что батьке в свое время не удалось поступить в институт. А я, видишь, подрабатываю, продаю клюкву, — извиняясь за свой бомжеватый видок, показал Саня на корзину.

— Ой, я хочу съездить за клюквой! — Витя взял горсточку ягод.

— Съездим. И по грибы ходим: белые растут. Ну, пошли, пошли! То-то дед с бабкой обрадуются!

Перешагивая через рельсы, они направились к дому, стоявшему за переездом у самой покотины. Давно Саня Озеров не чувствовал себя столь вдохновенно, весь мир окрасился для него цветом новой надежды. Верилось, что все, чем обошла его судьба, чего не добрал он в своей незадачливой жизни, сумеет осуществить его Витя. В нем, только в нем было его спасение.

КОММУНАЛЬНЫЙ БЕСПРЕДЕЛ

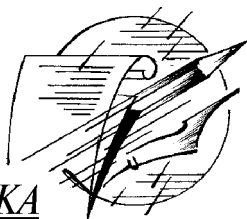
Вот уже пятнадцать лет в стране идет великая коммунальная революция. В топку реформы ЖКХ брошены миллиарды бюджетных средств, займы Всемирного банка, щедро оплачены услуги дорогих зарубежных консультантов, обучавших наших чиновников уму-разуму. Под их диктовку написаны тома рекомендаций по проведению преобразований в жилищно-коммунальной сфере, приняты многозначительные программы по переходу на качественно иной уровень коммунальных услуг. А модернизация российской системы ЖКХ, по признанию министра регионального развития Виктора Басаргина, все еще находится в начале пути.

Это значит, что сегодня, как и пятнадцать лет назад, от аварий не застрахован никто. Даже сами депутаты Госдумы.

Вода, внезапно хлынувшая в зал заседаний в середине декабря прошлого года, напомнила законодателям о том, что одобренная ими жилищно-коммунальная реформа нуждается в серьезной корректировке.

ХОРОША БЫЛА ИДЕЯ...

Вот и премьер говорит, что реформу ЖКХ надо продолжить «не только в части структурных изменений». Хорошо бы ускорить «решение назревших про-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

блем капитального ремонта, расселения аварийного фонда, внедрения ресурсосберегающих технологий». Хорошо, что об истинном смысле реформы вспомнили хоть сейчас, с большим опозданием. Как говорится, лучше поздно, чем никогда.

Но означает ли это, что уже совсем скоро, через год или через два, россияне получат совсем другой набор жилищно-коммунальных услуг? В подъездах засияют лампочки, жильцы забудут о перебоях с подачей горячей и холодной воды, перестанут течь крыши, и тепло в квартирах можно будет регулировать, как в Европе, не выходя из дома, с помощью вентилей?

Ответ на этот вопрос вы не найдете ни в одной программе. Что будет завтра, зависит от того, как поведут себя управляющие компании и товарищества собственников жилья. Они должны заменить муниципальные ЖЭКи и РЭУ.

Но им достанется хлопотное хозяйство. Износ инженерного оборудования в отрасли достиг 73 процентов, инженерных сетей — 65 процентов. Потери воды в стране составляют около 20 процентов, электроэнергии — до 15, теплоэнергии — до 40.

Потери тепла при эксплуатации энергетического оборудования и систем теплоснабжения превышают 60 процентов! (при норме 16). Количество аварий и нарушений в работе коммунальных объектов выросло за 10 лет в 5 раз. За год в среднем происходит 200 аварий на каждые 100 км сетей теплоснабжения и 70 — на 100 км сетей водоснабжения.

Целые города, даже крупные, из года в год становятся зонами коммунального бедствия.

С большими и малыми сбоями в работе коммунальных систем постоянно сталкиваются жители всех без исключения регионов России. Дело не ограничивается отдельными неудобствами. Нередко под угрозой оказывается здоровье и даже жизнь людей.

Депутат Госдумы от фракции «Справедливая Россия» Галина Хованская считает, на замену прогнивших труб, переселение людей из ветхого аварийного жилья нужны не миллиарды, которые по капле выделяет правительство, а триллионы и даже десятки триллионов рублей.

«Я одной из первых начала говорить, что старый капитальный ремонт приватизированного жилья должен проводить бывший наймодатель, то есть государство», — рассказывает Галина Петровна. По ее обращению вышло разъяснение пленума Верховного суда РФ. И после этого и был создан Фонд содействия реформированию ЖКХ. Эта мера снизила остроту ситуации. *«Изначальная идея была хороша, — продол-*

жает Галина Петровна, — но в принятом потом законе предоставление денег на капремонт обложили огромным числом ненужных условий. Из-за этого началась дикая вакханалия вокруг создания липовых ТСЖ.

Несмотря на все призывы, с конкуренцией в жилищной сфере совсем плохо. Ее на корню дают на муниципальном уровне, в том числе и в Москве, где сейчас более 80 процентов жилищного фонда находится в управлении государственных ДЕЗов. Многие квартиросъемщики не представляют, что после приватизации за ними не будет стоять ни бюджет города, ни даже управа. Это может быть просто ООО с ответственностью в 9 тыс. 600 рублей за весь ваш дом, которые они отдадут в случае нанесения ущерба». Как ни парадоксально, но закон не защищает жильцов.

Власти не скрывают, что реформа ЖКХ затевалась для того, чтобы сбросить с государства бремя по обслуживанию жилого фонда. Но почему преобразования должны вестись за счет бедного населения, добрая половина которого не в состоянии полностью оплачивать жилищно-коммунальные услуги?

Чиновники никак не хотят отвечать на этот вопрос и продолжают петь свою любимую песню: «22 процента от дохода семьи на услуги ЖКХ совсем немного», — и ссылаться на опыт европейских стран. Но неужели наши «слуги народа» не знают, что европейцы, давно обошедшие нас по уровню жизни, как это ни парадоксально, реально платят за квартиру не больше 7 процентов от общего бюджета семьи? И при этом не испытывают от своих коммунальчиков никаких неудобств.

Давайте все же и мы вспомним, что реформа ЖКХ — это прежде всего реструктуризация предприятий комплекса. Она должна повысить эффективность и улучшить качество услуг.

ЗА РЕФОРМУ ПЛАТИТ БЕДНЫЙ

Уже сегодня большинство россиян молча оплачивают 89 процентов от реальной стоимости услуг ЖКХ. Но и этого чиновникам показалось мало. Теперь на плечи квартиросъемщиков хотят повесить и оставшиеся издержки. В 2009 году коммунальные тарифы в среднем по стране выросли на 20 процентов. В 2010-м их подняли еще на 18 процентов, а в 2011-м — поднимут на 20.

Надо полагать, что нагрузка на семейные бюджеты будет еще больше, когда в ЖКХ придет бизнес. Ведь тогда ориентиром для тарифов станут не затраты, а спрос и предложение.

Такое сугубо «тарифное» понимание цели жилищно-коммунальной реформы приводит к росту затрат на содержание жилого фонда. Консервируется устаревшая и изношенная техническая база. И даже старое жилье становится все более недоступным по цене для значительной части населения.

При этом министр регионального развития Виктор Басаргин заявляет, что «тарифы растут вынужденно. Если этого не делать, кардинально ухудшится ситуация в коммунальной отрасли».

А потому в «коммунальный тариф» надо бы включить еще и инвестиционную составляющую. Это значит, что по существу потребитель должен будет оплачивать строительство новых котельных, теплосетей, водопроводов.

Хорошо, если деньги квартиросъемщиков пойдут по назначению. А то ведь, по признанию чиновников регионального ведомства, «процедура государственного контроля над изменением уровня оплаты населением услуг ЖКХ сильно затруднена». Издержки законодательства, как известно, создают хорошую почву для всевозможных злоупотреблений и махинаций.

Ведь ЖКХ — не просто конторы с бухгалтером и сантехническим персоналом. Это огромный сектор отечественной экономики. Его оборот в 2008 году составил более двух триллионов рублей. Соответственно, и доходы мошенников исчисляются огромными суммами. Например, только при злоупотреблении правом распоряжения бюджетными деньгами мошенники кладут себе в карман, по оценкам экспертов, до 65 миллиардов рублей.

Так уж повелось, что учет и контроль в нашем жилищно-коммунальном хозяйстве вещи довольно условные. И называть точные цифры здесь всегда считалось дурным тоном.

На одном из заседаний правительства зашла речь о том, что за год на счета коммунальщиков поступает примерно 320–360 миллиардов рублей. Никто не спросил докладчика: куда делись 40 миллиардов. Почему дирекции единого заказчика (ДЕЗы) берут за свои услуги кому сколько вздумается — от 2 до 5 процентов квартплаты? В ЖКХ сформировалась настолько запутанная система распределения денежных потоков, что даже правительственные эксперты не рискуют называть точные данные.

За точный учет средств коммунальной сферы не могут поручиться ни Росстат, ни министерства, имеющие непосредственное отношение к квартплате. При этом они обычно ссылаются на сложности расчетов и задолженность недобросовестных квартиросъемщиков.

Но только ли население виновато во всех бедах жилищно-коммунальной сферы? Долги перед предприятиями ЖКХ за первый квартал 2009 года превысили 200 миллиардов рублей (на треть больше уровня прошлого года). А на 1 октября 2009 года перевалили уже за 333 миллиарда рублей. Но неплатежи жильцов в этой сумме не превышают 60 миллиардов. Остальное, надо полагать, долги муниципалитетов и предприятий перед поставщиками газа, электроэнергии, тепла. Почему более существенная часть долга никого у нас не волнует?

Из-за такой своеобразной коммунальной арифметики за 15 лет реформы мы никак не можем добиться хотя бы относительной точности расчетов квартплаты и грамотно обосновать расходы на строительство дорог и прокладку труб. А, может, не хотим? Жилищно-коммунальная сфера — слишком уж лакомый кусок, от которого не могут оторваться любители поживиться за чужой счет. Они придумывают свою бухгалтерию и множество схем увода бюджетных средств.

ОДИН ПИШЕМ, ДВА... В КАРМАН

Не потому ли ЖКХ давно уже стало бездонной бочкой российского бюджета и пылесосом, опустошающим кошельки законопослушных граждан? Даже после того как правительство взяло под свой контроль тарифы на услуги ЖКХ, порядка больше не стало. Коммунальные вольности выливаются во многие миллиарды рублей, которые вынуждены выкладывать бедные жильцы.

Почему же так наглеют те, кто оказался у коммунальной кормушки? Причин тому великое множество. И одна из них — устаревшие правила, по которым все жилконторы от мала до велика привыкли начислять квартплату. Пока эти правила в силе, можно выставлять жильцам любые условия и ни за что не отвечать.

Расчеты за коммунальные услуги производятся у нас по так называемой «Методике планирования, учета и калькулирования себестоимости услуг жилищно-коммунального хозяйства». Как ни крути, но этот основополагающий для любой коммунальной конторы документ грешит недосказанностью и расплывчатостью многих формулировок. Это и дает работникам жилищно-коммунальной сферы хорошую почву для финансовых фантазий, открывает множество лазеек, по которым можно сплавлять миллионы оплаченных населением средств.

В самом определении «Себестоимость услуг жилищно-коммунального хозяйства» при перечислении природных ре-

сурсов, сырья, материалов, топлива, энергии, основных средств, трудовых ресурсов говорится о неких других затратах, в основном перечне не предусмотренных. Каких именно, определяет ЖЭК по своему, естественно, усмотрению.

Предлагают «в фактическую себестоимость услуг, кроме основных затрат, включать потери от брака, в том числе и доводомерные утечки в сетях, проведение аварийно-восстановительных работ; потери от простоев по внутривы производственным причинам; недостачи материальных ценностей в производстве и на складах при отсутствии виновных лиц...» Иными словами, даже брак в работе организаций ЖКХ узаконен и оплачивается из нашего кармана.

Кроме того, в стоимость коммунальных услуг могут включаться и представительские расходы ЖЭКов и РЭУ, о которых жильцы и не догадываются. Это и оплата труда переводчиков, и проведение официального приема представителей других организаций (включая прибывших для переговоров с целью поддержания и установления взаимного сотрудничества), затраты на буфетное и прочее обслуживание; для иностранных представителей — культурно-зрелищные мероприятия. Расходы по проведению заседания совета директоров (правления) организации и ревизионной комиссии и т.д.

Кроме того, предусмотрены информационные услуги для пропаганды Жилищного кодекса. Их рекомендуют включать в статью «Общексплуатационные расходы». Чтобы местные газеты не писали про безобразия, им тоже можно проплатить из коммунального общака. Предельная стоимость информационных, консультационных, представительских и прочих расходов на совести коммунальщиков и ничем, по сути, не ограничивается.

КАК УКРАСТЬ МИЛЛИОН

В сфере ЖКХ существует и немало других, еще более заманчивых путей наживы, хорошо известных налоговикам. Одно перечисление их занимает сотни страниц. Приведем лишь некоторые из них. Ежегодно из бюджета выделяются огромные суммы на ремонт подъездов, дорог, замену труб. Так вот, на одном лифте можно заработать до 100 тысяч рублей. Достаточно лишь у местной власти выбить деньги на ремонт лифтового хозяйства, страдающего от вандалов.

Вдобавок к этому можно проявить инициативу и сагитировать жильцов на благоустройство дворов, а в отчетах указать, что работы, мол, проведены за счет государства. На одном дворе за день можно «намыть» до 50 тысяч рублей.

Дорожные службы научились делать деньги на реагентах для очистки дорог от снега. Они высыпают на асфальт то, что осталось с предыдущей зимы и давно списано. А полученные средства распределяют между собой. На них, конечно, могут купить и новые реагенты и потом с успехом перепродать соседям втроедорога, а недостачу скрыть. Таким способом за сезон в одном городе можно «наварить» 3–5 миллионов рублей.

Зачастую махинации проводятся так, что по документам к коммунальщикам и пасущим их чиновникам не подкопаешься. Но даже отработанные схемы дают сбои. Загрешившие руки любителей коммунальной наживы простираются слишком далеко. Забывая про осторожность, они оставляют следы. Ежегодно в стране заводятся сотни уголовных дел по фактам нецелевого использования государственных денег в ЖКХ. Одно интересней другого.

Главному бухгалтеру и директору муниципального унитарного предприятия «Единый расчетно-кассовый центр города Ульяновска» (ЕРКЦ) предъявлено обвинение сразу по трем статьям УК РФ — 160, 201, 327 (хищение чужого имущества, вверенного виновному; злоупотребление полномочиями; подделка официальных документов). Не один год они дружно воровали, крутили миллионы рублей и строили дачи, покупали машины.

В ходе проверок в организациях ЖКХ Иловлинского района Волгоградской области установлены многочисленные нарушения налогового законодательства. Предприимчивые управленцы открывали счета в новых банках, чтобы перебросить денежные средства в обход расчетных банковских счетов, которые находились на картотеке.

Директор МУП ЖКХ г. Советский Ханты-Мансийского автономного округа попался на махинациях с деньгами, выделяемыми на ремонт жилых домов. А не так давно оперативники ФСБ задержали находившуюся в розыске директора компании «Волгоградские коммунальные сети» — одну из центральных фигурантов в деле о хищении миллионных бюджетных средств и платежей от населения.

Вал преступлений растет. Махинаторы научились хорошо прятать концы в воду. Но если очень постараться, то виновных всегда можно найти.

Генеральная прокуратура выявила факты расточительства бюджетных средств в Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства.

Установлено, что административно-хозяйственные расходы организации, в которой трудятся 97 человек, в 2008 году превысили 340 миллионов рублей. Только на оплату труда ее

сотрудников, включая начисления, премии и материальную помощь, было потрачено 234,9 миллиона рублей. Такая сумма сопоставима с расходами на содержание в 2008 году центральных аппаратов Роснедр, Росархива, Распатента, Росинформтехнологии и Роскартографии вместе взятых.

Проверка показала, что в 2009 году расходы на собственные нужды, запланированные Фондом, выросли еще почти на 100 миллионов рублей. Управленцы, привыкшие себе ни в чем не отказывать, хорошо погуляли на бюджетные деньги. Во время командировок снимали жилье повышенной комфортности, ездили на такси, сидели в барах, сдавали вещи в химчистку. Покупали билеты бизнес-класса и СВ. «Только на приобретение авиабилетов за 2008 год было потрачено более 3 миллионов рублей. Свыше 200 тысяч рублей Фонд выплатил за услуги ВИП-залов», — говорится в заключении Генпрокуратуры.

И что в итоге? Управленцев не разогнали. А работу Фонда продлили да 1 января 2013 года.

Нельзя сказать, что все «коммунальные» деньги бессовестно расхищались. Как следует из отчета этой организации, в 2008–2009 годах в России почти 224 миллиарда рублей было направлено на капитальный ремонт и расселение аварийного жилья. С участием средств Фонда ЖКХ отремонтированы десятки тысяч многоквартирных домов.

Но если бы к деньгам, потраченным на доброе дело, прибавились и растраниженные миллионы, то эффект мог быть еще большим.

Впрочем, растратчики не чувствуют себя виноватыми. О том, как тратить бюджетные деньги и за счет чего проводить ремонтные работы, в Законе «О Фонде содействия реформирования ЖКХ» ничего не сказано.

У депутата Госдумы Галины Хованской давно возникают вопросы: насколько эффективно тратятся бюджетные деньги Фонда? После капитальных ремонтов к ней в Госдуму приходит огромное число жалоб. «Покупается самое дешевое оборудование, иногда даже меняют хорошие трубы на эту «дешевку», — поделилась она. — Квартиры заливают из-за прорыва таких батарей и из-за некачественного ремонта кровли, сделанного непрофессиональными людьми, которые якобы выиграли тендер. Я на собственной шкуре все это испытала. И категорически отказалась от замены батарей».

КАМЕНЬ ПРЕТКНОВЕНИЯ

Аналитики уверяют, что издержки «жилищно-коммунального производства» возникают оттого, что в процессе рефор-

мы были упущены очень важные моменты. И сегодня на повестке дня стоит крайне острый вопрос: необходимость введения правового регулятора в жилищно-коммунальном хозяйстве. Если мы в кратчайшие сроки не предпримем действительно радикальные меры, то завтра наряду с обманутыми дольщиками нам придется столкнуться с обманутыми потребителями услуг ЖКХ.

Ведь на сегодняшний день деятельность УК и ТСЖ законом практически не регулируется. Да и возможно ли четко контролировать ситуацию, если законодательной базы в этой части практически не существует?

Проблемы жилищно-коммунального хозяйства выходят за рамки отрасли. Недостаточная эффективность регулирования естественных монополий, о чем не раз ставился вопрос Советом Федерации, ведет к выкачиванию из ЖКХ — через цены и тарифы — тех дополнительных средств, которые направляются на его развитие.

Одним словом, узко отраслевые меры не могут дать необходимых результатов. Реформа ЖКХ будет успешной лишь в том случае, если ее встроит в единую государственную социально-экономическую политику.

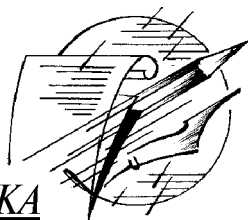
Реформу ЖКХ надо было бы начинать с реформы доходов населения. Тогда бы развитие рынка в этой сфере не наталкивалось на социальные ограничения. Рыночная стоимость услуг жилищно-коммунального сектора, даже устаревшего и изношенного, недостатки которого всем прекрасно известны, слишком высока для основной массы населения. Оттого ЖКХ и остается лишь камнем преткновения в решении многих важнейших экономических и социальных задач.

Чтобы сдвинуть этот камень с мертвой точки, премьер предлагает разработать очередную программу реформирования и модернизации ЖКХ до 2020 года. А Председатель Совета Федерации Сергей Миронов советует написать базовый закон о жилищно-коммунальном хозяйстве, который позволит избежать массовых аварий в коммунальных сетях. Этот документ должен обязать государство, местные власти и бизнес наравне софинансировать капитальный ремонт коммунальных предприятий и инженерных сетей, регулярно проводить аудит издержек и затрат энергосбытовых компаний и жилищно-коммунальных монополий по специально утвержденному стандарту. И главное — привязать тарифы на жилищно-коммунальные услуги к прожиточному минимуму и средней зарплате по России.

ДУХОВНОЕ ОСКОПЛЕНИЕ РОССИИ

Различные народы нашей планеты имеют не только генетическое происхождение. Например, происхождение американцев — отнюдь не генетическое, а юридическое. Северную Америку колонизировала разноплеменная шваль из многих европейских государств, сектанты, беглые преступники, к ним добавлялись африканские невольники, китайцы, японцы, эмигрантское отребье всех мастей, а объединяющим началом становились американские законы, и полноценными американцами оказывались люди, получившие гражданство США.

Происхождение русского народа иное. Оно не генетическое, как у евреев, не юридическое, как у американцев, а духовное. Разумеется, у русских были и многочисленные генетические предки, как же без них? Но народ родился из многих составляющих в X в. в таинстве Крещения Руси. До того были поляне, кривичи, словене, вятичи, древляне, тиверцы и пр. — отнюдь не «племена», а разные славянские народы, отличавшиеся и по происхождению, и по обычаям, и по религиозным обрядам, нередко враждовавшие между собой. Были и финские народы — меряне, мурома, нарова, ижора, чудь, весь, балтские — галинды, угорские — берендеи. Были варяги — прибалтийские славяне и скандинавы. В купель входили

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

разными, а выходили русскими. Отныне их связывала не только принадлежность к одному государству, но и общая система ценностей, общее мировоззрение, Вера.

Долгое время именно Вера являлась главным индикатором, русский ты или нет. Допустим, Ростов вплоть до конца XI в. разделялся на Чудский конец с капищем мерянского божества и Русский с православным храмом. Между собой они уживались мирно, вместе вели хозяйство, меряне повиновались княжеским властям, исправно платили подати, но в вопросах религии уступать не желали и проповедников к себе не допускали. Если же мерянин крестился, он уже считался русским, должен был переселяться с Чудского конца к единоверцам.

Аналогичное положение сохранялось позже. В XIV — XV вв. на Русь во множестве перетекали из Орды татары. Они могли сохранять свои обычаи, исповедовать ислам, в этом случае они считались «служилыми татарами», большие их общины существовали в Касимове, Юрьеве, Тарусе, Москве. А принявшие крещение превращались в русских, сливались с русской служилой знатью. Таким же образом в XVI — XVII вв. становились русскими кабардинцы, адыги, немцы, шотландцы, англичане, французы, голландцы, поляки, принимавшие Православие. При освоении Сибири и Дальнего Востока обязательного крещения для автохтонного населения не требовалось. Но те, кто крестился добровольно, бывали из разряда «ясачных» и тоже считались русскими.

Но и православные украинцы, белорусы, жившие в Речи Посполитой, называли себя не иначе как русскими. Само слово Украина понималось сугубо в прямом значении этого слова — окраина. Была «польская Украина», «московская Украина», «слободская Украина», «крымская Украина», Сибирь именовали «сибирской Украиной». Ну а Львовщина в составе Польши носила название «Русское воеводство». Повстанческие предводители Тарас Трясило, Сулима, Павлюк, Острияца, Богдан Хмельницкий призывали под свои знамена именно «русских», «за веру русскую» — так именовали Православие, четко определяя его как национальную конфессию. Подавившие восстания поляки пользовались той же терминологией, и на сеймах принимали постановления о карательных экспедициях, чтобы «всех русских вырубить».

После присоединения Украины к России возникла потребность как-то отличать ее жителей от населения остальной части страны (а это отличие было юридическим, Украине предоставили очень широкие права внутреннего самоуправления). Сперва употребляли слово «казаки», поскольку Бог-

дан Хмельницкий скопом причислил к казакам всех крестьян и горожан, примкнувших к восстанию. Позже ввели обозначение Малороссия, малороссы. И вплоть до 1917 г. в Российской империи вообще не существовало учета по национальностям. Только по вероисповеданиям. В документах указывалось «православный» — подразумевалось «русский». К ним относились и украинцы, белорусы, обрусевшие немцы, крещеные буряты, якуты и т.д.

Но и само по себе Православие периодически испытывало разрушительные влияния, причем с разных сторон. Иногда они внедрялись целенаправленно врагами нашей страны — которые тоже разобрались, что народ и государство цементирует Вера. Значит, для сокрушения России требуется расшатать и подорвать ее. А иногда такие воздействия носили случайный характер. Задолго до крещения Руси на ее территорию проникали не только христианские проповедники. Ведь в христианских странах велась борьба с ересями, и их приверженцы разбегались кто куда, в том числе и на русские земли.

В 989 г. св. Владимир Креститель послал своего дядю Добрыню для крещения Новгорода. Ожесточенное сопротивление ему организовали вовсе не язычники — народ взбунтовал «волхв» Богомил. Прозвище указывает на его принадлежность к богумилам, болгарской манихейской секте. Она объявляла, что Бог создал «высший» мир, а земной мир и людей сотворил сатана и властвует в нем. Запрещала поклоняться кресту, поучала, что церкви населены демонами, и каждый человек — вместилище демона. А чистые одни лишь богумилы. Отрицались браки, но практиковались свальные оргии. Как раз в это время в Болгарии и Византии развернулись гонения на богумилов, и некоторые сочли за лучшее отправиться на север. Как видим, для еретиков было ничуть не зазорно объединяться с язычниками против Православия. В 1071 г. два «волхва» подняли восстание возле Ярославля, с толпой в 300 человек дошли до Белоозера, зверски убивая женщин. Мятеж подавил воевода Ян Вышатич, он допросил пойманных «волхвов» о их верованиях, и рассказ, зафиксированный в летописях, опять оказывается не языческим, он в точности соответствует той же богумильской ереси.

Лжеучения проникали и из других стран. «Окном» для них стал Новгород, тесно связанный торговлей с Западной Европой. В 1310-х гг. какую-то ересь принял проповедовать новгородский протопоп Вавила, критикуя церковные уставы и порядки. К нему пристали «мнозии от причта церковна и мирян». Вавилу поддержал и тверской епископ Андрей.

Митрополит Владимирский и Всея Руси св. Петр созвал Освященный Собор, его активно поддержал московский князь Иван Калита. В результате митрополит «помосчию и заступлением князя Ивана Даниловича преодолел и прокляты того еретика» (Вавилу), «а сам иде по градам, поучая право верити, и укроти молву, а смущение диаволе прогна».

Потом в Новгороде обнаружилась так называемая ересь стригольников. Но и ее удалось быстро искоренить. А в 1470 г. новгородская верхушка решила отложиться от Руси, пригласила из Литвы князя Михаила Олельковича, и в его свите прибыл из Киева астролог и каббалист «жидовин именем Схария», оболестил нескольких священников, и возникла ересь жидовствующих. Она действовала строго конспиративно, маскировалась под православных, и одолеть ее не удавалось очень долго. Секта распространялась «по верхам» общества, старалась вовлечь иерархов церкви, высших государственных сановников. Еретики протащили на престол митрополита Всея Руси своего ставленника Зосиму, к ним примкнули богатейший боярский клан Патрикеевых, жена царевича Ивана Молодого Елена Волошанка, их сын Дмитрий.

Готовился государственный переворот. Для этого жидовствующие оклеветали жену государя Ивана III Софью Палеолог, царевича Василия, разгромили их окружение. Стараниями св. Иосифа Волоцкого и других верных защитников Православия сектантов одолели. Пришлось неоднократно собирать Освященный Собор, несколько человек были казнены, прочие отправлены в тюрьмы и ссылки. Но ересь выжила. Ее апологеты научились более тщательно скрываться, выступали под маркой «нестяжателей», «заволжских старцев». Жидовствующий Василий Патрикеев превратился в «старца» Вассиана Косого, вернулся из ссылки в Москву, при покровительстве единомышленников стал могущественным советником при великом князе Василии III. Оклеветал св. Иосифа Волоцкого, а с другими противниками вообще не церемонился. Когда священник Серапион из Заволжья доложил, что среди местных сторонников Вассиана гнездится ересь, «старец Васьян попа просил на пытку», и его запытали до смерти.

Только через 20 лет Вассиан попался на связях с боярской оппозицией, был осужден и закончил жизнь в заточении. Но секта опять уцелела, давала новые метастазы, каждый раз поддерживала заговоры, вовлекла в свою деятельность два монастыря. В 1553 — 1554 гг. целую серию Освященных Соборов провел молодой царь Иван Грозный. Однако главные

осужденные Артемий Пустынник и Феодосий Косой вообще избежали наказания, благополучно бежали за границу. Это было совсем не удивительно, ведь их единомышленники и покровители оставались в верхушке государственных структур. К жидовствующим принадлежали ближайшие советники царя Сильвестр и Адашев, претендент на престол Владимир Старицкий со своими родственниками, князь Курбский и ряд других оппозиционных бояр, архиепископ Новгородский Пимен с несколькими церковными иерархами. Лишь введением на Руси чрезвычайного режима, опричнины, и суровыми карательными мерами Иван Грозный сумел уничтожить эту заразу. Но, опять же, какие-то корешки остались...

В народной толще жило и древнее язычество. Оно постепенно блекло, вырождалось. Люди забывали смысл языческих ритуалов, и сами эти ритуалы превращались в безобидные народные обряды, разнообразившие и украшавшие русскую жизнь — колядовали перед Рождеством, устраивали кулачные бои и катания на санях на Масленицу, жгли чучело зимы, по весне водили хороводы, играли в горелки, прыгали через костры на Купалу, праздновали «зажинки», «обжинки», «осенины» и т.д. Но кое-где сохранялись и языческие учения, появлялись проповедники. В 1550 г. Стоглавый Собор отмечал: «По погостам и селам ходят ложные пророки, мужики и жонки, девки и старые бабы, наги и босы и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются», утверждают, что им являются те или иные святые, и от их имени наставляют людей.

Существовала и литература, перенявшая христианскую символику, но по сути языческая. Например, уже в XIX в. исследователи обратили внимание на «Стих о Голубиной книге». Там излагается легенда о сотворении мира. Дескать, белый свет взялся от Бога, солнце — от Его лица, луна — от груди, зори — из очей, ветры — от Духа Святого, а мир создан от Адама, камни из его костей, земля из плоти. Из Адама сотворены и люди, причем цари из головы, а крестьяне из колена. Сюжет мифа в точности соответствует гимну «Пурушасукта» из «Ригведы», где описывается сотворение мира и людей из различных частей тела первочеловека Пуруши (а языческая вера славян была близка к ведической религии древних индусов). С XV в. известны апокрифический «Апокалипсис Петра», всякие «Хождения по мукам», где явно прослеживаются орфические учения, сходные с античным язычеством. В других апокрифах однозначно сквозит учение гностиков.

До поры до времени антихристианские явления прятались отдельными очагами где-нибудь в глубинке. Светские власти туда не добирались и не замечали их, а священников вплоть до конца XVII в. избирали сами прихожане, неугодных могли выпроводить. Изменила ситуацию трагедия церковного раскола. Но только не стоит путать раскольников и старообрядчество. На разницу между ними впервые обратил внимание Петр I. В 1722 г. он побывал у гребенских казаков. До них на далекой окраине церковные реформы Никона попросту не дошли. Они великолепно несли службу, повиновались начальству, но наотрез отказывались креститься тремя перстами. Петр указал, что «расколу в них нету» и распорядился их не трогать. Этот прецедент распространился на остальные казачьи войска, и последующие цари подтверждали решение Петра. Так, Николай I в 1850 г. повелел именовать раскольниками только «вредные секты», а казаков, всего лишь сохранявших обычаи предков, называть староверами и не преследовать.

Надо сказать, что и в народе раскольников поначалу не имело массовой опоры. В 1670 г. Стенька Разин повел на Москву голытьбу под лозунгом защиты патриарха Никона, якобы несправедливо низложенного и сосланного боярами. Раскол подпитывала лишь небольшая часть духовенства и оппозиционная знать — князь Хованский, боярыня Морозова, княгиня Урусова и др., отнюдь не простонародье. Но в 1676 г. скончался царь Алексей Михайлович, и на трон взошел Федор Алексеевич, слабый и болезненный. При нем власть захватили молодые фавориты, была доломана система «народной монархии», построенной еще Иваном Грозным. Упразднилось местное выборное самоуправление. Был ликвидирован Тайный приказ, контролировавший деятельность всех государственных структур и должностных лиц. Исчезло «челобитное окно» во дворце, через которое любой человек мог подать жалобу непосредственно царю. Покатились хищничества и злоупотребления.

Федор (а не Петр) при участии сестры Софьи повел реформы по «европеизации» России. Внедрялись польские моды, обычаи, роскошь, все это ударило по крестьянам, росли налоги, усилилась их эксплуатация помещиками. Царь по примеру Запада развернул борьбу с нищими, повелев их «определять в работы». Отменил указ своего отца о невыдаче беглых, записавшихся на военную службу. А в 1682 г. Федор умер, власть перехватила его сестра Софья Алексеевна, канцлером стал ее фаворит Голицын, слепо преклонявшийся перед Западом. Софья, чтобы завоевать популярность, разда-

вала приближенным огромные награды, измерявшиеся тысячами крестьянских дворов. Вчерашние свободные крестьяне вдруг оказывались крепостными. «Европейские» реформы правительница углубила. В России было разрешено католическое богослужение, дозволен въезд иезуитов. В угоду Западу начали совершенно ненужную в тот момент войну против Турции, в походах на Крым Голицын бездарно погубил две армии.

Вот тогда-то, при Федоре и Софье, раскольников приняло массовый характер. В скиты устремились преследуемые нищие, дезертиры, беглые крестьяне. Раскол был движением не только духовным, а в первую очередь политическим, антигосударственным. Призывалось «удалятися и бегати» — не платить податей, не признавать властей, вообще исключить себя из структуры государства. Но «беганием» не ограничивались. Например, расколоучитель Кузьма Косой, устроивший Усть-Медведицкий скит на Дону, договаривался со степняками и скликал к себе всякий сброд, рассылая по стране «прелестные письма»: «За нас многие орды и калмыки, не покинет нас и Чаган Богатур, и Ногай-мурза, как пойдем на Москву, замути́м всеми...» Как видим, «неповрежденная вера» становилась лишь предлогом. Она отнюдь не препятствовала союзу с нехристями, главное — «замутить».

В 1708 г. некрасовцы вообще передались в подданство крымского хана и турок. Из них состояла личная гвардия хана и султана, в татарских набегах на Русь они шли в авангардах, показывали дороги, рубили и захватывали в рабство соплеменников. Внутри общины сохраняли «старую веру», а ради этого признавалось совсем не грешным служить врагам Отечества, резать русских. В 1807 г. на Дунае некрасовцы учинили даже массовую резню старообрядцев-липован, которые жили в эмиграции, но в очередной русско-турецкой войне доброжелательно встретили царские войска. Участвовали и в подавлении восстаний православных балканских народов...

Кроме бунтарских и изменнических, раскол породил другие гиблые течения вплоть до самоожженчества. Оно имело с «неповрежденной верой» еще меньше общего, чем предательство: ни одна христианская конфессия не приемлет самоубийство. По христианским канонам, это самый страшный грех, страшнее убийства ближнего. Самоубийца сам, своей волей отвергает душу, дарованную ему Богом. Причем жуткие «гари» вовсе не были спасением от гонителей, от карательных экспедиций. Дело обстояло с точностью до наоборот. Сперва начались самоожжения, и именно они заставили власти всерьез взяться за раскольников.

Это была особая теория, близкая манихейству. Людям внушали, что Церковь погибла, наступило «царство антихриста», он стал хозяином всего материального мира. Значит, надо высвободить душу из погибшего мира, в том числе из собственного тела. Задолго до раскола, в 1630-х некий «старец» Капитон проповедовал необходимость «самоуморения». Подобные учения получили дальнейшее развитие. А реформы Никона, призывы к потиводействию Аввакума, добавившиеся «западные» нововведения Федора Алексеевича и Софьи создали благодатную почву для их распространения. Люди были сбиты с толку, теряли духовные ориентиры, ударялись в «богоискательство» по собственному разумению, чем и пользовались изуверские учителя.

Был выработан сложный ритуал, к самосожжениям готовились задолго, в несколько этапов. Первая ступень предполагала бегство от мира. Учителя собирали большую общину желающих «спастись». Вторая ступень — крещение «в Ердане». Каждого, кто приходил в общину, обязательно перекрещивали. Иногда по мере прибытия, иногда коллективно, большими партиями. А третьей ступенью становилось «крещение огненное». Для этого совместными усилиями возводили строение, чтобы вместило всех. Иногда оно требовалось очень большое — так, в 1677 г. в Тобольском уезде сжигались 1700 человек, «добродетельные мужие, девы и отрочата». Строение обкладывали соломой и хворостом, участники обряда полностью раздевались, как для обычного крещения, и с молитвами и песнопениями предавали себя огню. Причем учителя-подстрекатели нередко уклонялись от общей участи — ведь они «обязаны» были еще задержаться в «антихристовом» мире, чтобы помочь «спастись» другим.

Раскол единого духовного целого, разброд в умах, позволяли набирать последователей не только проповедникам самоубийства. В это же время, в конце XVII в., на Руси стали распространяться секты хлыстов. Их происхождение теряется в незапамятных глубинах прошлого, но раньше они ютились где-то в глухомани, небольшими группами, незаметненько, потихонечку, а теперь получили подпитку. Хлысты использовали христианскую терминологию, однако все их «христианство» одной лишь терминологией и ограничивалось. Они сохранили остатки языческих учений и обрядов. В качестве «священной» литературы использовалась та же «Голубиная книга» и прочие подобные произведения. Бог отождествлялся с «красным солнышком». Богородица с «матерью сырой землей».

Утверждалось, что Бог живет «на седьмом небе», «пиво варит», рисовалось подобие языческого рая — на небе стоят

«грады, сады зелены». При покаяниях обращались о прощении грехов как к Господу, так и ко всей природе: «Прости, солнце и луна, небо и звезды, и матушка сыра земля, пески и реки, и звери и леса, и змеи и черви». У хлыстов запрещались воровство, блуд, пьянство, требовались дружба, гостеприимство. Но активисты сект богохульно именовались «христами» и «богородицами», утверждалось, что в них воплощается «святой дух». В секте чтили какого-то одного земного «христа», при нем обреталось двенадцать «апостолов», на роль «богородицы» выбиралась «девица краснолична», могли добавляться и «пророки». «Богослужения» представляли собой радения: люди доводили себя до экстаза плясками, кружением, били себя прутьями, палками, цепями. В некоторых сектах радения исполнялись вполне по-язычески, в чем мать родила.

Но и в целом главные ритуалы во многом повторяли древние мистерии «великих матерей» Востока, Малой Азии — например, темные магические таинства «матери богов» Кибелы, справлявшиеся когда-то в ее святилище на горе Ида. В обрядах сохранились даже следы человеческих жертвоприношений, ритуального канибализма: в незапамятные времена так поступали с избранницей, олицетворявшей богиню, хотя у хлыстов жертва стала уже символической. Ночью, около праздника Троицы, они плясали при свечах вокруг большого чана с водой, бичевали себя до крови, зывали в песнях к «богородице — матери земле сырой». Она выходила снизу, из погребца, выносила блюдо с дарами: изюмом, сладкими ягодами. Угощала собравшихся, помазывала водой. Ее саму торжественно омывали, срезали сосок и, измельчив его на частички, кощунственно «причащались плотью и кровью». Это считалось высшей хлыстовской «святыней».

А запрещение блуда ничуть не распространялось на общие оргии — после радений свечи гасились, и в темноте месились кто с кем. Забеременеть от неизвестного отца признавалось «от бога». Такая женщина объявлялась новой «богородицей», а зачатые в ритуалах дети должны были стать «христами» и «пророками». Сектантов обнаружили. Первое судебное дело прошло в 1716 — 1717 гг. Не помогло. В 1732 — 1733 гг. возникло новое большое дело, 3 человека было казнено, 116 бито кнутом и сослано. Но в 1745 г. секту вскрыли в Москве. К ответственности привлекли аж 416 человек, из них 62 учителя и «пророка». Среди подсудимых оказались все монахи Ивановского и Варсонофьевского монастырей. Развернулись поиски по стране. Хлыстов выявляли, пороли, целыми «кораблями», т.е. сектантскими общинами, ссылали

в места не столь отдаленные, но тем самым разносили заразу на новые территории.

И в этот же период, в XVIII в., верхушка российского общества стала заражаться западным «просвещением». Часть дворян задрала носы, совершенно оторвалась от «сиволапого мужичья», околачивалась по столицам, заграницам, и не обращала внимания на своих крестьян. По деревням бродили не пойми какие «старцы» и «старницы», образовывались секты неведомых направлений. Другие дворяне, наоборот, понесли приобретенную «мудрость» простонародью. Например, уже позже, в XIX в., отец известного историка Костомарова, ярый атеист, принялся учить крепостных, что Бога нет. На этом поприще он сумел достичь заметных успехов — собственные дворовые убили его и ограбили. Рассудили: если Бога нет, и после смерти «ничего не будет», так зачем же себя ограничивать? Впрочем, в отличие от барина, они все же сохранили православную душу. Совесть их замучила, они вышли на церковную папурь перед односельчанами и покаялись, сдались с повинной.

Многие помещики ударились и в масонские учения. Делились полученными «откровениями» с приближенными крепостными, и вдруг выяснилось, что они четко сходятся с... хлыстовскими. Хотя ничего сверхъестественного в таком совпадении не было. Ведь масонские теории родились на базе древних гностических и каббалистических учений, черпали «тайную мудрость» из тех же языческих мистерий Востока, Египта, античного Средиземноморья. В общем-то смычка «просвещенных» дворян-масонов и полуграмотных крестьянских сектантов вышла очень любопытной. Самые низкопробные масонские журнальчики и брошюрки мистического содержания, попадая в хлыстовскую среду, начинали играть роль «священных писаний». Бывало и так, что сам барин или барыня примыкали к секте, становились ее руководителями и «духовными» иерархами.

Это получалось выгодно для обеих сторон. Для барина его крепостные оказывались теперь «духовными чадами» — значит, будут послушными, не убегут, воздержатся воровать и отлынивать от работы. А если еще секта была экзотической, со скаканием нагишом, с общими «священными» блудилищами, хозяин имел полный набор пикантных развлечений в собственном поместье. Ну а сектанты приобретали в лице масонствующих помещиков надежных покровителей. Да и сельский священник не посмеет идти против барина, посылать жалобы церковному начальству. В результате к началу XIX в. всевозможные секты расплодились самым невероятным и

причудливым букетом: «христовцы», скопцы, богомилы, монтане, контовщики, молельщики, купидоны, ханжи, вертуны, прыгуны, телеша, ляды, дырники, фармазоны, наполеоновы дети, духоборцы, иконоборцы, жидовствующие и т.д.

И тут уж остается только подивиться, из каких стран и каких эпох все это понабралось в Россию! Скажем, монтане — раннехристианская ересь, осужденная еще во II в. Она проповедовала некий третий «завет святого духа», полное безбрачие, отрицала покаяние, а путь к «спасению» видела через самоистязание и добровольное мученичество, то бишь через садомазохизм. Иконоборцы — византийская ересь VIII — IX вв. О богомилах и жидовствующих уже говорилось. Телеша продолжали установки адамитов, чешской секты XV в., обходились на молениях без какой-либо одежды. Прыгуны были близки гюпферам, голландской секте XVI в. Уральские дырники объединили христианство с митраизмом древних гуннов, тюрков, монголов, отождествляли Бога с митраистским кульбом неба-Тенгри, молились под открытым небом или «дырой» — окном или отверстием в стене. Фармазоны напрямую восприняли масонские «мудрости» в качестве «божественных откровений».

Самой изуверской сектой были скопцы. Для мужчин они практиковали посвящение «за одной», «за двумя» и «за тремя печатями», что соответствовало частичному или полному лишению детородных органов. Для женщин одна или две «печати» означали удаление молочных желез. Еще более высокой ступенью «посвящения» и «святости» достигали те, кто принимал «печати огненные», выжигание груди раскаленным железом. Кстати, и эти обряды пришли из глубин веков, из языческих культов «великих матерей». Служителями той же малоазиатской Кибелы являлись скопцы, фанатики посвящали себя богине, жертвуя ей мужское достоинство. Другим богиням, олицетворявшим девственную природу, служили безгрудые жрицы, скреплявшие таким образом обет безбрачия.

А в России, невзирая на омерзительные ритуалы, секта эта стала самой могущественной и многочисленной. Причина была чисто материальной. Скопцы подмяли под себя меняльный, то бишь ростовщический бизнес. Изошренный ум и жадность евнухов помогали наживать капиталы, а наследников заведомо не было, деньги всех «посвященных» оставались в секте, концентрировались в руках ее тузов. Богатства собирались колоссальные (так, при аресте скопца Плотницына было изъято наличными более 18 млн. рублей — тогдашних! В пересчете по нынешнему курсу он считался бы мультимиллиардером).

Именно это обстоятельство обеспечивало успехи скопцов. За согласие «посвятиться» они выкупали на волю крепостных, предлагали желающим деньги для открытия своего дела. Окручивали и вовлекали должников, угрожая по суду засадить их в тюрьму. У скопцов действовала собственная разведка. Выискивала разорившихся хозяев, промотавшихся игроков или людей, мечтающих о дорогом приобретении. Через подставных лиц им выделяли нужные суммы и, вроде бы, «забывали», пока не нарастут проценты. А потом человек или его наследники целиком оказывались в паутине сектантов. Сократить долг можно было по определенной таксе: за ту или иную цену «посвятиться» самому, уговорить родных, знакомых.

В политике сектанты традиционно поддерживали антигосударственные, разрушительные силы. В частности, хлысты провозгласили очередным «христом» Пугачева. Скопцы тоже признали за ним столь высокий ранг, хотя взаимопонимания не достигли. Емельян Иванович выслушал делегатов, но он был несколько иного мнения о плотских радостях, и всех попавшихся скопцов, начиная с самих делегатов, приказал вешать. Зато с законными властями сектанты умели находить общий язык. Деньги ростовщиков помогали подмазывать администрацию взятками, кого-то из чиновников держали «на крючке» за долги, вынюхивали о них компрометирующие сведения. Честных служаков могли дискредитировать, купив обвинителей и лжесвидетелей. Поддерживались и прочные контакты с уголовным миром. Воры как раз через менял сбывали краденое, им предоставляли убежище, а за это они опекали сектантов, которым все-таки выпадало загреметь за решетку.

Особенно плодотворными стали связи скопцов с масонствующими аристократами. Как уже отмечалось, в учениях тех и других было много общего. Но не секрет, что сила масонов в разных странах заключалась вовсе не в учениях и не в совершенстве их организаций. Они стали «всемогущими», сомкнувшись с кругами крупных банкиров, в основном, иудейского происхождения — Ротшильдами, Варбургамы, Мильнерами и пр. В России в конце XVIII — начале XIX в. таких банкиров еще не было. В нашей стране подобную публику заменили не кто иные как скопцы. Они взялись финансировать масонские издания, клубы. А при этом сами получали высокопоставленных титулованных покровителей.

Имея столь мощную опору в «верхах», они раскинули свою деятельность очень широко. Их секты распространились по Тульской, Тамбовской, Орловской губерниям, угнездились в

Костроме, Саратове, Самаре, Томске, Москве. Влезли и в Санкт-Петербург. При Павле I в столице проживало несколько ростовщических тузов, сюда переместилась резиденция скопческого «христа» Селиванова. Они проникли даже ко двору, завербовали в секту царского лакея Кобелева. Но Павел, узнав о поползновениях скопцов, церемониться не стал, Селиванова и его присных отправил в тюрьму. «Вольных каменщиков» царь тоже не жаловал, издал указ о категорическом запрете их организаций. Хотя из масонов уже состояло ближайшее окружение Павла. Стоит ли удивляться, что это окружение вскоре убило его и возвело на престол Александра I...

Новый государь в угоду облепившим его приближенным во многом изменил политику. Объявлял амнистии, выпустил на свободу «политических», в том числе душевнобольного масона Радищева. Освободил и Селиванова — с 1802 г. он открыто жил и проповедовал в столице. Да и питерские финансовые воротилы Ненастьяев, Костров, Солодовников ничуть не скрывали своей принадлежности к секте. Молва о «пророчествах» скопческого «христа» распространялась в «высшем свете». Сам Александр I при вступлении в антинаполеоновскую коалицию не побрезговал посетить его, получить предсказания о будущем, и Селиванов убеждал его не воевать с Бонапартом.

В тяжелом 1812 г. к нему потянулись, чтобы узнать о собственном будущем, о судьбах близких, получить советы. Тянулись в горе родственники погибших, надеясь обрести в откровениях Селиванова утешение и поддержку. Немудрено, что на послевоенные годы пришелся наивысший пик сектантских успехов. Они снова проникли в придворную сферу, в их ряды «посвятился» камергер двора Елянский. Обнагледен до того, что в 1814 г. через Елянского царю был представлен проект «церкви таинственной». Предлагалось учредить в России «божественную канцелярию» и установить «феократический образ правления», при котором скопцы станут секретными советниками всех отраслей управления.

Для этого их предстояло постригать в монахи и рукополагать в священство. Сектантов-иеромонахов и «пророков» следовало приставлять ко всем начальникам, в каждый полк и каждый город. «Иеромонах, занимаясь из уст пророческих гласом небесным, должен будет секретно совет подать... во всех случаях, что господь возвестит о благополучии или о скорби; а командир оный должен иметь секретное повеление заниматься у иеромонаха полезным и благопристойным советом, не уповая на свой разум и знание». Селиванов должен был стать советником при самом императоре, руководить всей

сетью скопческих иеромонахов и «пророков». Эти реформы требовалось храться в глубочайшей тайне, чтобы «не пометать бисер», а в итоге Россия возвысится, «будет всех сильнейшею победительницею всего мира».

Но тут уж за головы схватились масоны! Ведь они исподтишка занимались тем же самым! Старались потихонечку заразить своими ставленниками церковь и структуры власти, а союзники, хоть и в «тайном» проекте, откровенно выложили их методы! Елянского быстренько объявили сумасшедшим и заключили в психушку. Впрочем, на деятельности сектантов это совершенно не отразилось. Она развивалась беспрепятственно, по нарастающей. В 1816 г. скопец-миллионер Солодовников отгрохал для Селиванова настоящий дворец, «дом божий, горний Иерусалим», со всеми удобствами — там были и личные покои, и салоны для бесед, и разукрашенный зал для радений, и хорошо оборудованные помещения для ритуальных хирургических операций с новообращенными.

В те же самые годы, когда офицеры и аристократы, будущие декабристы, создавали тайные общества и готовили восстание, развернулась усиленная пропаганда скопцов среди столичного гарнизона. Офицеры-заговорщики им не мешали. Особенно успешной была агитация в Лейб-гвардии Егерском полку, там возникло гнездо сектантов. А возле «дома божия горнего Иерусалима» вереницами останавливались богато убранные кареты. Мающиеся от безделья знатные дамы, ничуть не таясь и не гнушаясь, собирались слушать проповеди и беседы Селиванова. Светское «общество» в это время как раз захлестнуло повальное увлечение мистикой. Дворяне самозабвенно шастали по спиритическим кружкам, утопали в астрологии, магии, зачитывались книжонками розенкрейцеров, «тайнами храма», «чашами Грааля» и прочей оккультятиной. Скопческие «истины» как нельзя лучше ложились в общую струю.

А вдобавок, нравы царили более чем вольные, не иметь любовников и любовниц было как будто и неприлично. Но знать пресытилась обычным развратом. Тянуло к чему-то более острому, опасному, болезненному. В секте оно существовало. Тут воочию соприкасались с людьми, прошедшими страшное и неведомое. Особо ценным гостям разрешали скрытно полюбоваться, как калечат соблазвившихся мужиков и девок. И многих гостей самих влекло в пропасть. Среди «посвященных» появились не только простолюдины, но и гвардейские офицеры. А уж экзальтированных поклонниц Селиванова сдерживала лишь тогдашняя мода со слишком глубокими декольте — «печатаей» никак не спрячешь. Пожа-

луй, даже это не остановило бы, просто не решались стать первыми. Найдись первая рискнувшая, и, глядишь, покати-лась бы новая светская мода...

Но в 1818 г. губернатором Санкт-Петербурга был назначен герой пяти войн, генерал от инфантерии Михаил Александрович Милорадович. И вот он-то взялся за скопцов по всей строгости закона. Ему мешали, тормозили, да еще как! Вмешивались высокие покровители, передавали еще более высокие «пожелания». Милорадовича это не останавливало, он не оглядывался ни на кого. Скопцы пробовали воздействовать на него прежними, многократно испытанными методами, но подкупить губернатора оказалось абсолютно невозможно. Пытались пустить в ход и клевету, сфабрикованные обвинения. Тоже не помогло. Репутация генерала была настолько чистой и безупречной, что никакая грязь к ней не прилипла. Опираясь на столичного обер-полицмейстера Горголи, Милорадович собрал достаточные доказательства, и в ноябре 1819 г. начались аресты. К июлю 1820 г. разветвленная питерская организация была полностью ликвидирована, весь ее костяк пересажали, а Селиванова отправили в одиночное монастырское заключение в Суздаль.

Минуло несколько лет, и Милорадович так же прямо и смело выступил против декабристов, пал на Сенатской площади от пули Каховского. Между прочим, вспомнили, заговорили шепотом — вот она, «кара», за то что поднял руку на «священную» особу Селиванова. Но о какой-либо прямой связи Каховского со скопцами никаких данных нет. А Милорадович представлял немалую опасность и для масонов: выехав на площадь и заговорив с обманутыми солдатами, он со своим колоссальным авторитетом запросто мог повернуть штыки воинов на самих заговорщиков.

После подавления восстания сектанты не успокоились, пытались действовать самостоятельно. Не жалели денег, скопческая пропаганда в 1826 — 1827 гг. достигла максимального размаха. Дошли и до самозванчества, очередного кандидата в «христы», Алексея Громова, провозгласили «цесаревичем Константином». Но Николай I, в отличие от старшего брата, либеральничать не любил, а выступление декабристов весьма красноречиво подтвердило — порядок надо наводить крепко и решительно. Скопцов наконец-то признали «особо вредной сектой», и разгромили их структуры по всей стране. Селиванов из заключения так и не вышел, умер в 1832 г. Остальным сектам тоже досталось, да так, что только клочки полетели. Эти клочки разлетались кто куда — в Турцию, Персию, Среднюю Азию. Царь серьезно прищемил

хвост и масонам. Именно за это его так окарикатурили и оплели в российской и зарубежной либеральной истории.

А «гонимые» организации никуда не исчезли, уцелели. Масоны снова широко развернулись при Александре II, захватили ключевые посты в правительстве. Ожили и секты. Но прежние секты заняли в России уже довольно скромное место. Их оттеснили другие, широко внедрявшиеся из-за рубежа: баптисты, адвентисты, иеговисты, пятидесятники, теософы, антропософы и пр. Скопцы восстановили свой финансовый бизнес, снова покупали взятками закрытые глаза начальства, вербовали сторонников. Но и здесь они утратили приоритет. Его перехватили иные банкиры. Оказалось, что для них все-таки выгоднее иметь потомков. Отпрысков связывали браками друг с другом, с зарубежными банкирскими домами, и создавались мощные транснациональные корпорации. Куда уж с ним было тягаться прежним менялам!

Да и соблазны для шатающейся человеческой веры нашлись более действенные: научные и псевдонаучные открытия, закордонные авторитетные мнения, опять же — денежные вливания, жажда новизны, попустительство властей, вынужденных считаться с мировой и своей «общественностью». Если при Анне Иоанновне за вероотступничество рубили головы, а в XIX в. любые полуязыческие и изуверские ереси, чтобы привлечь последователей, вынуждены были хотя бы маскироваться под «христианские», то в начале XX в. известный поэт Брюсов служил «черные мессы» на животах голых поклонниц. Окружающие об этом знали, но от поэта не отвернулись ни издатели, ни читатели, о каком-либо уголовном или общественном осуждении даже речи не было. Другой поэт, Соллогуб, демонстративно, в стихах отрекался от Бога и звал к нечистому. Третий, Блок, столь же откровенно декларировал свою принадлежность к ложе розенкрейцеров. Зато в деле Бейлиса, иудейского сектанта, арестованного в Киеве по обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика, в защиту подсудимого дружным хором поднялась вся российская «общественность», пресса, интеллигенция.

Старообрядцы, вроде бы, как и раньше, отстаивали «неповрежденную веру», и Николай II даровал им свободу вероисповедания. Но и у них понятия о вере оказались совсем не однозначными. Уральские казаки-старообрядцы революцию 1917 г. не приняли, сохраняли верность царю, даже уже убитому, и сражались без компромиссов, до последнего. А богатое старообрядческое купечество, промышленники, банкиры, отблагодарили государя предательством. Фабриканты наподобие Морозовых укрывали и финансировали безбож-

ников-революционеров. В 1915 г. Старообрядческий съезд поддержал масонский Прогрессивный блок Думы и его программу разрушения России. Хотя съезд, разумеется, представлял не уральских или гребенских казаков, а тех же фабрикантов и банкиров во главе с Гучковым, которые сами же вместе с «братьями», «вольными каменщиками», создавали Прогрессивный блок, а потом разыграли заговор Февральской революции. Что тут оставалось «неповрежденным», Вера или вражда к ней?

Запад не устал замусоривать Россию сектантами даже в страшные годы Гражданской войны. По стране зверски убивали православных священников, нарком по военным и морским делам Троцкий распорядился строить памятники Иуде Искаротию, а одновременно американская «Христианская ассоциация молодежи» (сектантская) взяла на себя снабжение и обеспечение питанием 10 тыс. красноармейцев. А в 1920-х, в период засилья троцкистов, погромов и разграбления церквей, закрытия монастырей, репрессий православного духовенства, сектанты в Советской России вообще не подвергались преследованиям!

Наоборот, им передавали отобранные у православных храмы. В стране вполне официально действовали представительства международных сектантских организаций. Под их эгидой даже возник «Бапсомол», баптистский союз молодежи, он вел работу открыто и весьма широко. В период нэпа было создано более 400 сектантских кооперативов, объединенных в «Братство взаимопомощи», в Москве открывались протестантские столовые, возникали многочисленные сельскохозяйственные сектантские «коммуны», и это не только не возбранялось властями, а всячески приветствовалось. А в результате численность сектантов за 1920-е годы возросла в 5 раз! Люди испытывали потребность молиться Богу, а православных храмов поблизости не стало, вот и тянулись, куда получится.

Потом, правда, пришлось им пострадать заодно с православными. В конце 1920-х — начале 1930-х и оставшиеся церкви закрывали, и сектантские организации разгоняли, и по тюрьмам и лагерям подгребали. Еще одна кампания гонений прошла в 1960-х, потихоньку продолжалось в 1970-х, 80-х. Тем не менее, сектам было легче сохраниться, чем православным общинам. Им не требовалось храмов, священнослужителей, им проще было уйти из-под контроля. Наконец, что немало важно, они получали помощь и поддержку из-за рубежа.

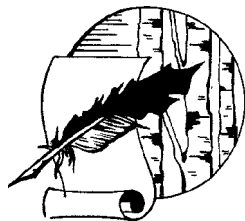
О постсоветской, «демократической» России, в общем-то и говорить не приходится. Тут уж постарались расплодить такую мерзость, что бывлые монтане со скопцами по сравне-

нию с ней выглядят чуть ли не ангелочками. Наверное, даже во времена ветхозаветных пророков, возмущавшихся грязными культами Молохов, Ваалов и Астарт, не существовало религий, которые нынче были придуманы специально для русских. И в условиях духовного разброда люди все так же клюют, тянутся в пропасть. Заодно и раскольников добавили. Ужасаешься безобразиям, хочешь Веру сберечь? Без проблем! «Учителя» легко найдутся. Доходчиво наставят «удаляться и бегати», а скоро, глядишь, и самосжигаться позовут, уж на это закордонные и отечественные спонсоры не преминут раскошелиться, дровишки оплатят. Почему бы не уговорить спалиться тех, кто до сих пор еще задумывается о вере? Без них будет спокойнее...

Ну а большинство людей в религиозной мешанине предпочитает просто отгораживаться от нее. Так легче. Не надо выживать, страдать, переживать. Удобнее держаться от духовных вопросов подальше. Глубокомысленно повторять газетные рассуждения, что, наверное, все конфессии и секты в чем-то правы, а в чем-то не правы, но в чем именно — не наше дело. Вместо этого мудро есть и мудро спать, мудро ходить на работу. Мудро стараться заработать побольше, чтобы накопить побольше. Мудро погрязнуть в гипнозе телевизионной лабуды или влипнуть с головой в интернет. Или мудро спиваться... Хотя неверующих людей не существует, и такой образ жизни — тоже религия. Тоже сознательный выбор, вера.

Вера, что так и надо: есть, спать, зарабатывать, покупать, внимать потокам массовой информации, пользоваться доступными удовольствиями, кому в дорогом ночном клубе, а кому из горла под забором. Жить в кругу насущных забот, устраивать его с возможным комфортом, а остальное лишнее. Все остальное как-нибудь образуется без тебя, само собой. Это и есть та самая религия, которую насаждает масонство «для большинства», для быдла. Религия духовного оскопления. Гонись, как евнух, за деньгами ради денег, слушай телевизионных евнухов-«пророков», доводи себя до экстаза, дрыгаясь на каких-нибудь радениях — рок-концертфх, футбольных стадионах, корпоративных вечеринках, политических выборах, какая разница?..

Правда, русский народ породила совсем другая религия. Православная. И не столь уж много времени прошло с тех пор, когда слово «русский» автоматически означало — православный. Но отсюда следует и однозначная обратная зависимость: не православный — значит, не русский.

*СТИХИ ПОЭТОВ
РОССИИ*

Сергей КАЗНАЧЕЕВ

ДЕД ФЕДОР

Скрипели ветлы, как полозья в декабре.
Обваливалась глина по откосам.

Дед Федор перед смертью подобрел
И отвечать стал бабам на расспросы.

Меж тем как сам он телом холодел,
Сказать о чем-то главном захотелось.

Племянница спросила: «Дед, а дед,
Сто лет ты прожил, чай уж надоело?»

Он был суров, но острое словцо
Всегда ценил превыше отговорки.

А тут вздохнул и просветлел лицом:
— Эх, внучка, как на санках съехал с горки.

* * *

Вчера был дождь, а нынче — сухо.
Вчера был смех, а нынче — плач.
Ведь жизнь — чередованье звуков,
Поток удач и неудач.
И удивляться вряд ли стоит,
Когда уходит счастье прочь.
Оно взойдет перед тобою,
Когда рассвет рассеет ночь.

Не надо сетовать на осень:
Как и пришла, она уйдет...
Траву не раз за лето косят,
Но все-таки она растет!

г. Москва

Тамара ПИРОГОВА

* * *

Садится солнце за березы.
И стынет мир в вечерней мгле.
Зима. Январские морозы.
Узор, как фреска, на стекле.
И помню я тот миг случайный:
Блестит искристый завиток,
Как отпечаток мысли тайной,
Как вдохновения урок...

* * *

Сегодня ветрено в природе...
В ней что-то дышит тяжело
И слов искомым не находит,
И бьется веткой о стекло.
И пыль клубится на дороге,
И облака спешат вразлет.
Весь мир — в таинственной тревоге,
Но я-то знаю: все пройдет.
Исчезнут тучи, глянет солнце,
И ветер в травах замолчит.
...Но как испуганно в оконце
Мне ветка яблони стучит!

г. Ярославль

Виктор ХОРОЛЬСКИЙ

* * *

Менять мировоззрение свое
ни на словах не стану, ни на деле.
Оно ведь не нательное белье,

что каждый раз меняют на неделе.
Изведал я сомнений горький вкус
и говорю сегодня, жизнь итожа:
от убеждений я не отрекусь,
они — моя обветренная кожа,
которую дубило мне житье.
И кто меня в том упрекнуть посмеет,
что не меняю кожу я?
Ее меняют ежегодно только змеи.

* * *

Красотами родного края
на благо хищному врагу,
когда народ мой вымирает,
я наслаждаться не могу.
Иль брать «элиту» всю
 за глотку,
иль заключет нас воронье.
Не драться — значит сдать на откуп
судьбу страны
 врагам ее.

г. Кисловодск

Юрий БОРОДКИН

* * *

Шел мужик, мотался с горя пьяный
По проселку пыльному во ржи
И воткнулся головой туманной
В травку поизмятую — лежит.

В жизни этой не изведал счастья,
Может, в той, что вечна, повезет?
Здесь ему при солнышке — ненастье,
Потому он горькую и пьет.

Мать-земля притягивает властно,
Рожь волною тихо шелестит.
Сверху припекает солнце ясное,
Жаворонок в синеве звенит.

Повернулся, руки в крест раскинул,
Хоть сейчас готовый умереть,
Будто землю он уже покинул,
Чтобы в высь бездонную лететь.

Там успокоительно не тесно,
Там душе измаянной приют,
И, как будто ангельские песни,
Птицы поднебесные поют.

г. Ярославль

Михаил ЛОКОЩЕНКО

О ЛЮБВИ И ДРУЖБЕ

Ложь с правдой переплетены —
На всех страницах, в каждой строчке.
Не будет мира без войны,
Начала — без последней точки.

Спокойно все переживи,
Любые в жизни перемены:
Таится ненависть в любви
И в дружбе спит зерно измены.

Дойдет до ссоры и до драк
С друзьями лучшими, быть может,
А самый лютей в мире враг
Протянет руку и поможет.

г. Москва

Валентин МАКУШЕВ

* * *

Тишина! Она бывает разной:
То незримо чистой, как хрусталь,
То коварно пасмурной и грязной,
То с холодным блеском, словно сталь.

Может быть она еще зловещей,
Словно взгляд из-под звериных век.

Иногда бывает просто вещей,
Чтоб остаться в памяти навек.

От друзей и я теперь не скрою,
Что не знаю, чья тому вина,
Но бывают случаи порою,
Что меня пугает тишина.

г. Рязань

Анна РЕТЕЮМ

* * *

Вот бы строгости келейной
В душу пылкую мою —
На колени, на колени
И читать епитимью.
Чтоб молитвою просторной
Засияла б даже я!
Вот бы стойкости соборной —
Золотого жития!

г. Москва

Максим СТРАХОВ

«ДИКИЙ» НАРОД

Целует солнце нивы край,
И во дворе плетень.
Так засыпает дикий рай
Окрестных деревень.

Мостятся куры на насест,
Не зная птичьих гнезд.
В кустах скучает ржавый крест,
Уставясь на погост.

Голодный рыжий пес скулит,
Хозяин слег в запой —
Он пятый месяц — инвалид,
Четвертый — холостой.

Спешит соседский сын бегом —
Уж поздно, мать кричит...
И пахнет в кухне пирогом,
Что мается в печи.

Пастух глядит на небосвод
И месяц ждет дождей.
Здесь тихо жизнь людей течет
Без партий и вождей.

Вон диковатый серый кот
Бежит к себе домой...
Ничейный здесь живет народ
И в то же время мой.

г. Тверь

Михаил КАТКОВ

* * *

Дух морозный хлынул в дверь избы,
Как котенок, он в углу забился.
И сверчок, согревшись у трубы,
В полумраке сразу оживился.

Догорают, шелкая, дрова,
Пламени не нужно суетиться.
Над трубою, различим едва,
Сизый дым струится и струится.

Мириады звезд, и тишина —
Хрупкая, как будто снег хрустящий.
Томною царицею луна
Проплывает над лесною чашей.

Свет и тень таинственно в тиши
В избу сквозь окошко проникают.
Угли в печке, словно крик души,
Под золою тихо умирают.

* * *

А воздух и хрупок, и звонок,
И солнце стоит высоко.

И март — синеглазый теленок —
Сосулек сосет молоко.

Душистые капли слетают,
Как будто птенцы из застрех,
Дорогу весне пробивают,
Сверля утрамбованный снег.

Ручей зажурчал, прорубая
Под настом дорогу-тоннель.
И рвется струя молодая
В бунтующий месяц — апрель.

г. Москва

Валерий ПОЛУЙКО,
Леонид СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ

ЗАЩИЩАЯ ВЕРУ И ОТЕЧЕСТВО

(Беседа главы Союза православных хоругвеносцев Леонида Симовича-Никшича с луганским писателем Валерием Васильевичем Полуйко)

— Валерий Васильевич, Вы написали четыре книги исторического повествования о царе Иоанне Васильевиче Грозном. Что Вас подтолкнуло к этой теме и этому огромному труду?

— В 1956 году, после окончания средней школы, я гостил у родственников в городе Калинин (ныне Тверь). Возвращаясь домой в г. Луганск, чтобы не скучно было в дороге, меня снабдили книгой. Издание было старое, дореволюционное... Просматривая книгу, я наткнулся на пространный очерк об Иване Грозном. Мои знания об этом царе были скудны: в рамках школьной программы, ориентированной в основном на Карамзина, на его оценках, то есть это — грозный тиран, злодей, душегубец, и этот зловещий образ прочно вошел в мое сознание. Перечитав несколько раз очерк, я был изумлен: передо мной предстал совершенно другой человек и совершенно другой царь — трагическая личность, отвергнутая потомками, человек, в страшном напряжении державший страну, которой он управлял, и в то же время выдающийся государственный деятель, много чего хорошего сделавший для России. Но в первую очередь меня потрясло то, что в 17 лет он предпринял военный поход под Казань, в 20 лет повторил его, а в 22 года покорил Казанское царство. Я этого не знал. Судя по знамени-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

му эйзенштейновскому фильму «Иван Грозный», актер Николай Черкасов, сыгравший главную роль, был в зрелом возрасте, а в действительности царь был совсем юноша, не достигший совершеннолетия. Какая же сила была в этом юноше, чтобы решиться на этот поход, какое храброе сердце билось у него в груди, что он «на заре туманной юности своей» поднял меч в защиту отечества и веры, попираемых врагами.

Я заинтересовался этой личностью, мне захотелось узнать как можно больше подробностей из его жизни, сопоставить полезное и вредное в его деяниях. Сперва из чистой любознательности, чтобы расширить свой кругозор, эрудицию, а потом меня захватило и понесло течением, а так как жил в захолустном городке, где даже не было мало-мальски сносной библиотеки, мне приходилось буквально по крупичам собирать сведения об этом царе. Правда, были разрозненные тома Русских летописей, которыми я и воспользовался, и таким образом получил первые сведения об этом царе из, скажем так, первоисточников. А когда я решил стать писателем (наклонности были!) и поступил в Литературный институт, то уже в Москве мои возможности возросли во много-много крат: Ленинка, Исторический музей, Оружейная палата, Кремль (в начала 60-х годов в Кремль вход был свободный) и сама Москва давала благодатную пищу для моих изысканий.

Впоследствии я изучил польский язык, чтобы читать Польско-Литовские Хроники, относящиеся к XVI веку, составил Словарь языка Ивана Грозного и на последнем курсе института принялся за исторический роман, посвященный событиям Ливонской войны, которую вел Иван Грозный. Спустя 10 лет роман был написан, и в 1979 году его издала «Молодая гвардия». Роман назывался «Лета 7071». Он трижды переиздавался.

— *Сколько времени Вы занимаетесь изучением истории Государства Российского и эпохи Ивана Грозного?*

— Практически всю сознательную жизнь. Меня заманил XVI век и, по сути, сделал своим пленником, отрезав все пути к отступлению. Я не только собирал письменные материалы, редкие книги, относящиеся к этому периоду истории, но объехал всю Владимиро-Суздальскую землю, напиваясь прелестью старорусских городов, побывал в Полоцке (первая книга романа называется «Взятие Полоцка»), Новгороде Великом, Пскове, Великих Луках, не обминул и Ярославля, Углича, и особенно Вологду, где Иван строил каменную крепость, собираясь перенести туда столицу, и даже в 70-е годы побывал на месте побоища воеводы Воейкого с сибирским

ханом Кучумом. Там, в Новосибирской области, на берегу Обского моря, в деревне Пичугово местный учитель Серенков Севастьян Дмитриевич организовал школьный музей, проводятся силами учеников раскопки. Место, посещаемое туристами.

Я преследовал главную цель: проследить в полной мере год за годом, месяц за месяцем, неделя за неделей, а иногда даже день за днем, от рождения до самой смерти Ивана, чем он занимался, что делал и как делал: строил монастыри и церкви (он построил 60 монастырей и, если мне не изменяет память, 150 церквей), строил и укреплял города, воевал, лично участвуя в военных походах, либо развлекался, «ездил» на свои царские «прохлады» — с гоном медведей, со скоморохами... Это было чрезвычайно важно, потому что иначе было не разобраться в такой незаурядной личности, каким был царь Иван. К тому же факты его жизни приходилось раз за разом сопоставлять, сравнивать, так как разные источники сообщали эти факты по-разному, с вариантами, а зачастую были неполны и противоречивы. В поисках истины, в поисках исторической достоверности, если выбираешь их, — выбираешь долгие, мучительные поиски, ибо истина никогда не лежит на виду. А невообразимо запутанный лабиринт истории, напластования веков, противоречивость свидетельств, а порой и откровенная фальсификация их, превращают этот поиск в муку. И в конце концов после долгих поисков, как ни крути, приходится признавать, что это всего лишь версия. Версия еще и потому, что абсолютным знанием, истиной в полном объеме не владеет никто: ни писатель, ни ученые-историки. А факты, как я уже сказал, и неполны, и зачастую противоречивы. Исторические труды, выходящие из-под пера ученых-историков, — это тоже версии, тоже предположения, ибо никто, конечно же, не наберется смелости утверждать, что доподлинно знает, как там было при Иване Грозном и каким доподлинно был он сам. Опираясь одними и теми же фактами, разные исследователи (и писатели в том числе!) зачастую приходят к различным выводам. Это происходит потому, что факты поддаются разной интерпретации. Отсюда и возникает различность теорий и концепций.

— *Каково Ваше личное отношение к царю Иоанну Васильевичу Грозному?*

— Во-первых, уточним: царь Иван получил у народа прозвище Грозный не как «чудище обло», не как страшный деспот и кровопийца, а как рачительный, усердный, могущественный Оберегатель Земли Русской. В древности существовало такое выражение: «держати честно и грозно». «А нам,

мужам новгородским княжение ваше держати честно и грозно, без обиды» (Грамоты Новгородские и Псковские, 1471 г.). За это русский народ и прославил его в своих песнях. Это в Европе, где на него писались пасквилы, намеренно перевели как Ivan the Terrible, то есть Иван Ужасный. И это мне напомнило, по аналогии, как президент США назвал нашу страну «империей зла». Американское правительство выдавало премию за голову индейца в 5 долларов, за детей — 4 доллара. За сто лет уничтожили 100 миллионов индейцев, по 1 миллиону за каждый год, и на тебе: нагло свалили с больной голову на здоровую. А наши либералы чуть ли не девизом сделали это враждебное заявление. Эти же самые либералы, нынешние и прошлые, все сделали для того, чтобы образ первого русского царя в отечественной истории выглядел как можно уродливей, безобразней, патологичней. Сделали из него недочеловека, страшилку, которыми впору пугать детей. В кинофильме «Царь», образ царя трактуется в том же духе — как жуткого тирана, садиста, параноика... Я ниже отвечу поподробнее, но и в этой трактовке чувствуется та же рука хулителя и ниспровергателя.

Я попробую порассуждать по этому поводу, и по ходу моих рассуждений вы поймете, каково мое личное отношение к царю Иоанну Васильевичу.

Вот передо мной книга «Князя Рюриковичи». Читаю: «Иван Грозный — один из самых выдающихся государственных деятелей допетровской Руси». Дальше читаю: «Иван Грозный, несомненно, укрепил самодержавную власть, ликвидировал саму возможность феодальной оппозиции, совершенствовал управление страной».

Другой исследователь эпохи Ивана Грозного: «Государь, столь много сделавший для укрепления централизованного государства в России, упрочения его внешнеполитического положения, возвеличения на международной арене, человек смелых помыслов, покровитель книгопечатания и сам писатель, сформулировавший основные принципы идеологии «самодержавства», и мастер «подсмеятельных слов...»

Третий: «Это время сформировало личность Ивана Грозного и испытало на себе ее воздействие. Едва в русской истории найдется другой исторический деятель, который получил бы столь противоречивую оценку у потомков. Одни считали его выдающимся военачальником, дипломатом и писателем, образцом государственной мудрости. В глазах других он был кровавым тираном, почти сумасшедшим. Где же истина?»

Замечу: как из песни не выкинешь слов, так из истории — фактов и свидетельств.

Как же так получается: покорял Казанское ханство и Астраханское и все было нормально, сумасшествия и паранойи не наблюдалось. Ливонию завоевывал, чтобы дать России выход к морю, — тоже блеснул прозорливым умом. Книгопечатание вводил, чтобы отсталую Русь просветить и хоть в чем-то догнать Европу — прогрессивный был царь, а ввел опричнину и превратился в изгоя, в тирана и садиста. Что-то тут не стыкуется: или потомки чего-то не поняли, или их попутал бес!

Вот известный историк XIX века К.Д. Кавелин, создавший вместе с С.М. Соловьевым так называемую государственную школу в русской дореволюционной историографии, пишет: «В 1565 году он (царь) установил опричнину. Это учреждение, оклеветанное современниками и не понятое потомством, не внушено Иоанну, как думают некоторые, желанием отделиться от русской земли, противопоставить себя ей... Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и заменить им родовое вельможество — на место рода, кровного начала, поставить в государственном управлении начало личного достоинства: мысль, которая под другими формами была осуществлена потом Петром Великим». Кавелин категорически возражал против исключительно психологического объяснения поступков царя: «Жестокости и казни Грозного — дело тогдашнего времени, нравов, положим, даже личного характера, но сводить их на одни психологические побуждения, имея перед глазами целый период внутренних смут и потрясений, невозможно».

Примитивные, а порой и просто облыжные обличения по его адресу раздаются и по сей день. Как-то я прочитал гневную филиппику одного известного писателя, где вместе с другим обличаемым им тираном, с именем которого он ходил в бой, досталось и Ивану Грозному, которого он обвинил в том, что тот якобы закапывал живьем своих жен. Этот писатель изучал не историю, а литературные произведения на историческую тему, и имел он в виду драму А.Н. Островского «Василиса Мелентьева», где драматург, ради драматического эффекта, позволил себе отступить от исторической правды.

Этим обличителям царь Иван представляется таким кровожадным монстром, который, просыпаясь утром и делая свои сладкие потягушки, уже начинает прикидывать — сколько бы ему нынче, для улучшения пищеварения, погубить душ или какую из жен закопать живьем?!

Нет, царь Иван не был столь примитивным тираном, жен своих не закапывал в землю живьем и не душил собственноручно своих детей. Это был сложный человек, неоднознач-

ный, трагически противоречивый, «падший ангел», по словам В. Белинского, «который и в падении своем обнаруживает... и силу характера железного, и силу ума высокого»; и жил он в сложное время, и атмосфера, окружавшая его, тоже была сложной, мрачной, и люди, окружавшие его, — далеко не праведники. С.О. Шмидт, мой консультант и автор предисловия к книге «Лета 7071», справедливо писал: «Жизнь Грозного-царя была трагедией, он мучил других, и мучился сам, терзался от страха, одиночества, от угрызений совести, от сознания невозможности осуществить задуманное и непоправимости совершенных им ошибок».

Царь Иван до сих пор остается источником того мощного излучения, несущего в себе всю сумму этих противоречий и крайностей, которое, пронизывая толщу веков, доходит до нас и будоражит наше воображение, волнует души, умы, вызывая у одних протест и негодование, у других — восторг и восхищение. Он был не только главным действующим лицом этой эпохи, не только центром, вокруг которого вращались ее главные события, не только ее злым гением, как часто пишут о нем, — он был, и это самое существенное, сам продуктом этой эпохи: не только он создавал ее, но и она создавала его. Он был сыном своего времени — времени жестокого, мрачного, трагического, когда повсюду царил религиозный фанатизм, доходивший нередко до чудовищных кровавых эксцессов (вспомните Варфоломеевскую ночь), когда человек был низведен до праха, когда неравенство, извечно существовавшее между людьми, приобрело самые уродливые, самые безобразные формы, когда не только честь, достоинство, но и сама жизнь человеческая не ставилась ни в грош и сыны нечестивые, по меткому выражению Библии, вели себя на своей отеческой земле хуже завоевателей.

Польский писатель XIX века К. Валишевский, писавший на французском языке (его книги, неглубокие, рассчитанные на непритязательную публику, пользовались, однако, в дореволюционной России немалым спросом и по сейчас издаются), утверждал: «Он был тиран во имя идеи». Этого я не буду утверждать категорически, но что идеи не просто посещали, но жили в нем, переполняли его, и некоторые из них без преувеличения можно назвать великими, — это я утверждаю.

Замечательный патриот, умный, талантливый современник Петра I Иван Тихонович Посошков, одобрительно относясь к трудам Петра I на благо отечества, с горечью писал: «Наш монарх на гору сам-десять тянет, да под гору миллионы тянут». Так точно вышло и с Иваном... Известный ученый-

историк И. Полосин писал в своей книге «Социально-политическая история России XVI — начала XVII века»: «Москва стихийно тянулась на юго-восток, к привольному Дону, ее манила благодатная степь. Иван с «писарями» и купцами тянул ее в туманные болота и липкую топь Севера. Твердой рукой Иван обращал лицо Москвы на северо-запад, к балтийским портам, куда рано или поздно она должна была повернуть... Иван поднимал дело не для всех интересное и понятное».

Не могу не привести еще одно компетентное высказывание, касающееся непосредственно Ивана Грозного. Его сделал известный советский ученый Р.Ю. Виппер. Он, в частности, отмечал: «Если бы Иван IV умер в 1566 году в момент своих величайших успехов на западном фронте, своего приготовления к окончательному завоеванию Ливонии, историческая память присвоила бы ему имя великого завоевателя, создателя крупнейшей в мире державы, подобно Александру Македонскому. Вина утраты покоренного им Прибалтийского края пала бы тогда на его преемников: ведь и Македонского только преждевременная смерть избавила от прямой встречи с распадом созданной им империи. В случае такого раннего конца на 36 году жизни Иван остался бы в исторической традиции окруженный славой замечательного реформатора, организатора военно-служилого класса, основателя административной централизации Московской державы».

И все это *было*, но поражение в Ливонской войне затмило в памяти потомков все великие начинания этого царя, оставив только «злодеяния».

— *Российские историки, начиная с Карамзина, обвиняют Иоанна Грозного в беспрецедентной жестокости и кровожадности. Так ли это на самом деле?*

— Российские историки на самом деле по-разному относились к Иоанну Грозному. Тут, прежде всего, имели место убеждения самого историка. Кто он был: либерал или консерватор, монархист или республиканец, так называемый революционный демократ, посвятивший себя борьбе с царизмом, декабрист или, напротив, отстаивающий царизм славянофил... И в соответствии с этим были их оценки деятельности Ивана Грозного: от положительных (В.Н. Татищев), умеренно-объективных (К.Д. Каверин, С.М. Соловьев), до резко отрицательных (М.П. Погодин). Погодину принадлежит и уничижительная характеристика Ивана Грозного: «Злодей, зверь, говорун-начетчик с подьяческим умом — и только».

Являясь приверженцем петровского абсолютизма, В.Н. Татищев и царствование Ивана Грозного расценивал положительно, порицая «некоторых беспутных вельмож бунты и

измены», а М. М. Щербатову «самовластие» Ивана IV явно было не по нутру. Погодин — адепт школы Карамзина, четко усвоивший принципы своего метра (официальная историография второй половины XIX в. ориентировалась исключительно на карамзинскую концепцию), который однозначно осудил борьбу Ивана Грозного с боярством, считая, что самодержавие и дворянство тесно связаны между собой, вслед за своим учителем подверг резкой, уничтожающей критике царствование Ивана Грозного.

Концепция Карамзина, являясь главенствующей, имела не только сторонников, но и идейных противников. Н. С. Арцыбашев (1773—1841), представитель скептической школы, не оспаривал жестокое отношение к боярству Ивана Грозного, но «начало зла» в годы его правления он, в отличие от Карамзина, объяснял не дурными, природными наклонностями царя, а **противодействиями его приближенных, в частности, бояр и княжат, которые «исказили свойства монарха добродетельного и героя неустрашимого...»**

Ничего нового в историческую науку, в частности, в концепцию царствования Ивана IV, не внесли и декабристы. Дворянские революционеры подходили к оценке этого царя с позиций своих общественно-политических взглядов. Ненависть к современному самодержавному строю России они переносили и на самодержавное правление Ивана Грозного и именно с этой точки зрения осуждали царствование и опричный террор. К. Ф. Рылеев в стихотворении «Курбский» называет Ивана Грозного «неистовым тираном», а другой декабрист, М. С. Лунин, называет царя Бешеным, «который купался в крови подданных».

Со сходных позиций подходит к рассмотрению царствования Ивана Грозного и А. И. Герцен. Понимая, что самодержавие Ивана — необходимый этап в развитии России, он (Герцен) твердо придерживался мнения, что тирания Ивана является завуалированным материалом для обличения режима Николая I и для разоблачения допетровской Руси, идеализируемой славянофилами.

Свою ложку дегтя добавил и Н. Г. Чернышевский. Он решительно выступил против того, чтобы усматривать «гениальность и благотворность» в действиях Ивана IV, как это делал Соловьев.

Однако признание исторической неизбежности абсолютизма у революционеров-демократов не означало признания ими прогрессивности монархии вообще. Это связывалось у них с их борьбой против современного им самодержавного государства и крепостнического строя.

Прямо противоположную позицию занял В.Г. Белинский. Он был первым, кто решительно выступил против карамзинской концепции. Считая Ивана IV «необыкновенным человеком», душой «энергической, глубокой, гигантской», Белинский рассматривал его деятельность как продолжение политики Ивана III и объяснял исторической необходимостью борьбу с боярством за укрепление Русского государства. Белинский сумел понять широту политических мероприятий Ивана Грозного, решительную борьбу с остатками удельной децентрализации.

Я под конец оставил двух наших самых известных историков — Соловьева и Ключевского. Сочинения Ключевского выходили в 1957 и 1987—1990 гг., и Соловьева «История России с древнейших времен» в 1962—1966 гг. Это настолько объемные работы, особенно у Соловьева, что я не берусь их разбирать. Их надобно прочесть тем, кто по-настоящему интересуется отечественной историей. Скажу лишь, что это два противоположных взгляда на царствование Ивана Грозного: у Ключевского — негативное, у Соловьева — позитивное.

— *Были ли царь Иван Грозный уникальным тираном, превосходящим Нерона и Калигулу?*

— Гай Юлий Цезарь, по прозвищу Калигула (сапожок), был натурально сумасшедшим. Как пишет Светоний, «помраченность своего ума он чувствовал сам и не раз помышлял удалиться от дел, чтобы очистить мозг». Откровенное сумасшествие проявлялось во всех его поступках (он, например, своего коня собирался сделать консулом) и обнаруживалось в его внешности. Он к тому же был трансвеститом: часто выходил к народу в шелках и женских покрывалах, обутый то в сандалии или котурны (театральная обувь на очень высокой платформе), то в женские туфли, а иногда даже в облачении Венеры. Гладиатор и возница, певец и плясун, Калигула выступал как наездник в цирке, а пением и пляской он так наслаждался, что даже на всенародных зрелищах не мог удержаться, чтобы не подпевать трагическому актеру и не повторять у всех на глазах движения плясуна (Светоний).

Еще дальше пошел Нерон. Он был император-комедиант. Как пишет Тацит в *Анналах*, он увлекался пением и игрой на кифаре. Хотя голос у него был слабый и сиплый, но его неудержимо влекло в театр, на публику. Это был император, для которого лавры актера были желаннее, чем власть. Светоний сохранил его предсмертную реплику: «Какой великий артист погибает!» Ему пришлось покончить с собой, так как восстали преторианцы — личная гвардия императора, и он был обречен.

Нерон, который несся по жизни без руля и без ветрил, совсем не заботился об управлении государством. Он вел себя так, будто весь мир существует для его личного удовольствия. Жизнь его была наполнена разгулом, развратом, расточительством и разнузданной жестокостью: он убил свою мать, наставника Сенеку, свою первую жену Октавию.

Я совершил небольшой экскурс в императорский Рим, чтобы показать не только никчемность этих двух императоров, но, на их примере, доказать всю беспочвенность, нелепость и межеумочность сравнения их с Иваном Грозным.

Иван Грозный был прежде всего Государь — Государь с большой буквы, как и его прадед, дед и отец. Они собирали Русскую Землю, а он ее укреплял и приращивал. В результате его завоеваний на Востоке Волга стала русской рекой. Он присоединил Сибирское ханство, и уже через полвека после его смерти (1639 г.) томский казак Иван Москвитин со служилыми людьми вышел на берег Охотского моря. Он 24 года воевал за Ливонию, и только когда вмешались в войну Речь Посполитая, Швеция, Дания и Турция, а вассал Порты — крымские татары чуть ли не каждый год делали набеги на русские земли и даже сожгли Москву, он вынужден был отступить. Но указал путь Петру I — путь, который вывел Россию к морю, и таким образом самая заветная мечта его осуществилась.

Владимир Путин под конец своего президентства как-то обронил фразу, что 8 лет так *пахал*, что никому другому не пожелаешь. А царю Ивану — сколько ему пришлось *пахать*: с 17 лет и до самой смерти — 37 лет! Тем более, что «все дела, как бы незначительны они ни были, восходят к нему», — указывал английский посол Дженкинсон. Он имел обширную память, сам рассматривал все просьбы, всякому можно было обращаться прямо к нему с жалобами на областных правителей.

А что касается его оргий, разврата, количества девушек-девственниц, приводимых к нему на ложе («жен и девиц блудом оскверни»), — так все это клевета, измышление, поклеп. Человек, который стремился строить свои отношения с женщиной только на основе закона, брака и венчания, не мог быть ни развратником, каким его рисуют некоторые авторы.

Особенно удивляет то, что историки и авторы романов, посвященных эпохе Ивана Грозного, *заиклилась* на его излишней подозрительности (кто-то употребляет — чрезмерной, а кто-то — маниакальной), как будто пишущие испытывали на себе всю силу его подозрительности. Будто она, подозрительность, и вызывала его неадекватное поведение. Стоило ему чуть-чуть расслабиться, не быть постоянно на

стороже, и все было бы нормально, сыр-бор не загорелся бы. А почему, спрашивается, ему не быть подозрительным? Кругом он видел своих врагов... В три года он остался без отца, в семь — без матери. Бояре взялись управлять вместо него. Похитили его права! На царство венчался — кто-то обрадовался, а кто-то, судя по письму Курбского, нет, потому что этот юнец принял титул, которого не решались принять ни отец, ни дед его. Так постепенно зарождалась оппозиция. Как тут не будешь подозрительным! В конце концов дело шло о престоле, о династии, о царском доме, о царской семье... Не пожалели бы и царскую семью, как он не пожалел семью князя Владимира Старицкого.

Миша Горбачев не был подозрительным и профукал державу. Его «бояре» растащили ее. А Иван Грозный пресек поползновения бояр растащить ее... **Твердой рукой он сберег державу!** Но он не выкорчевал с корнем злое, вражье племя, и оно едва, в пору Смутного времени, не сгубило Россию. К Гришке Отрпьеву «чиноначальники» толпами бегали выслуживаться перед лжецарем, позабыв и Бога, и клятвы на кресте, а потом в очередь становились за иудинными сребрениками, то бишь за почестями и чинами, и перед Тушинским вором.

Так же точно обстоят дела и с жертвами опричнины. Жертвы были, но они касались в основном «чиноначальников». Ни крестьян, ни ремесленников, ни купцов в числе жертв не было, за редким исключением: когда, например, вскрылся заговор боярина Федорова-Челяднина, его ближних людей и слуг уничтожили за то, что они будто бы были посвящены в планы заговора. Правда, переселение жителей из одних городов, не попавших в опричнину, в другие города, земские, причиняло много неудобств, связано было с большими трудностями и хозяйственной разрухой. Кроме того, вотчинники и помещики, которые сами не зачислялись в опричнину, были выведены и наделены землей в иных местах. Хозяйственную деятельность они должны были начинать на новом месте, «на сыром корню», а на это уходило по нескольку лет, в результате — потеря урожая.

Единственным достоверным документом по жертвам опричнины являются так называемые синодики — поминальные списки. Под конец жизни, мучаясь от угрызения совести, снедаемый горем по утраченному сыну, Иван повелел составить список казненных и разослать в монастыри, чтобы монахи до веку поминали убиенных. В конце 60-х годов известный ученый Р.Г. Скрынников предпринял довольно успешную реконструкцию синодика. В результате выяснилось, что список царскими дьяками был составлен на основании

судных дел и в него вошли имена (большая часть имен!) казненных по делу о заговоре Владимира Старицкого. Этот судебный процесс продолжался три года (1567—1570). Пострадали 3200 человек из общего числа (3300) записанных в синодике лиц. Ключевский указывает примерно на 4 тысячи казненных.

В синодик не попали сведения о казни Даниила Адашева (1563), так как это случилось до введения опричнины, М.И. Воротынского (1573) — после отмены опричнины, и некоторых других лиц. «Пропуски в синодике, однако, не столь уж значительны», — заключает Скрынников. Таким образом, дело идет не о сотнях или даже не о десятках тысяч, а о нескольких тысячах человек, и утверждения, что Иван Грозный залил потоками крови Россию не соответствует действительности. Это досужие вымыслы тех, кто тщится извратить нашу историю. А может, и не досужие, а злокозненные.

Не могу удержаться, чтобы не привести один разительный пример: во время медного бунта (1662 г.) — введение медной монеты взамен серебряной, — были казнены 7 тысяч человек и более 15 тысяч, подвергшихся отсечению рук и ног, ссылке, конфискации имущества. А царь, безжалостно распорядившийся жизнью всех этих людей, получил в нашей истории прозвище Тишайший. И все это прошло как рядовой эпизод, и историки, пишущие об этом, уделяют этому факту лишь пару строк, не комментируя его и не возводя в ранг апокалипсических злодейств, как это делают по отношению к Ивану Грозному. Это обстоятельство очень точно подметил известный публицист XIX века Н.К. Михайловский. Он писал: «Наша литература об Иване Грозном представляет иногда удивительные курьезы. Солидные историки, отличающиеся в других случаях чрезвычайной осмотрительностью, на этом пункте делают решительные выводы, не только не справляясь с фактами, им самим хорошо известными, а даже прямо вопреки им: умные, богатые знанием и опытом люди вступают в открытое противоречие с самими элементарными показаниями здравого смысла...».

— 4 ноября 2009 года на празднество иконы Казанской Божьей Матери на экраны страны вышел фильм Павла Лунгина «Царь», где образ Ивана Грозного трактуется именно так: Грозный — жуткий тиран, садист, параноик и человек, взявший на себя функцию Бога. Как вы относитесь к такой трактовке образа Иоанна Васильевича?

— У нас в институте был курс по основам кинодраматургии и киноискусства. И преподаватель как-то рассказал, что, по завершению первой серии фильма «Иван Грозный»,

Сергей Эйзенштейн и Николай Черкасов были позваны «на ковер» к Сталину. Не знаю, на самом деле такая встреча состоялась или это выдумка, побасенки, но Сталин критически отнесся к фильму и, кстати, сказал, обращаясь к Эйзенштейну: «Вы историю изучали?» Эйзенштейн ответил: «Более или менее...». Сталин с иронией повторил: «Более или менее?.. А я, — сказал Сталин, — хорошо знаком с историей»*.

Ответ Эйзенштейна — образец интеллектуального снобизма, присущего людям искусства, а по большому счету — просто невежества. Такой прославленный режиссер, такая тема, как говорят, животрепещущая — и на тебе: «более или менее», то есть поверхностно, не вникая в существо предмета, в глубину коллизий, обстоятельств и причинную связь между ними, ограничиваясь лишь приблизительным, внешним знакомством. При этом пренебрегая элементарными нормами историзма. И поэтому решил прославленный метр кинематографа, что он вправе делать то, что ему захочется: у меня, мол, свое видение истории.

И Сталин до конца не знал историю. Во всяком случае, он не догадывался, что исторические факты, события, человеческие судьбы, напрямую связанные с этими событиями, имеют свою внутреннюю логику. Иначе он мог бы подсказать Эйзенштейну, что криминальный эпизод с убийством князя Владимира Старицкого, когда мать его, княгиня Ефросиния, подсылает убийцу для Ивана, а вместо Ивана по нечаянности оказывается ее сын, — полный абсурд. Он мог обратить его внимание и на то, что он не только в этой сцене безбожно извратил исторические факты, подменив их низкопробным элементом, свойственным фильмам немого кино из серия «Тайны мадридского двора», где убивают не того, кого нужно (со времен великих князей в московских дворцах не убивали людей), но и направили события той поры по ложному следу. Ведь если бы Владимир Старицкий был убит в юном возрасте (а так происходит в фильме), то не было бы и опричнины, не было бы казней, не было бы погрома Новгорода.

Одиозная личность Владимира Старицкого нависала как дамоклов меч над царствованием Ивана. Владимир Старицкий был принцем крови, внуком Ивана III, как и Иван; у него было право на великокняжеский престол и бояре прочли его на место Ивана — по разным причинам: династичес-

* Российские либералы типа Лунгина, Радзинского, Сванидзе лицемерно «возмущаются» жестокостью Ивана Грозного и одновременно превозносят до небес Америку, в результате агрессии которой погибло уже более миллиона иракцев. (Ред.)

ким, меркантильным, а главное, они считали Ивана не сыном великого князя Василия, а бастрюком сблудившей Елены. Таким образом наипервейшей опасностью, я бы даже сказал, смертельной опасностью, подстерегавшей большую часть жизни Ивана, была личность Владимира Старицкого. Он был его соперником по праву владеть московским престолом, и Иван никогда этого не забывал. Со своей стороны Владимир Старицкий, находясь под прессом таких обстоятельств, всю жизнь вел себя осторожно, лояльно по отношению к Ивану, он к тому же был воин, воевода, не раз водивший полки против крымских татар, а там, в фильме, — полудиот, послушный воле неистовой матери. Но так уж случилось, осторожность изменила ему, он попался, замешанный в заговоре бояр, и Иван заставил его принять яд. Вспомним английскую королеву Елизавету, правившую одновременно с Иваном... Как только опасность нависла над государством и над ее личной персоной, вследствие интриг Марии Стюарт, она казнила королеву. Так точно поступил и Иван.

Вообще, судить государей по законом искусства, где зло обязательно будет наказано или как минимум пригвождено к позорному столбу, а добро восторжествует, — дело напрасное. Я имею в виду истинных Государей, а не Нерона и Калигулу. У них, у настоящих Государей, другие задачи, и зло, распространенное среди людей, и добро, встречающееся крайне редко, что и является основным предметом искусства, их не касается. Для них государство — превыше всего, ибо это является домом для их народа, а дом защищать во все времена было делом святым.

Создатель фильма «Царь», раз он так трактует образ Ивана Грозного, изучал историю выборочно и, как говорится, нажимая только на черные клавиши. Ориентируясь по зарубежным источникам, которые он не критически осмыслил и поверил им, а может, не обошлось тут и не без лукавства: источники есть, свидетельства имеются, а как ими воспользоваться — мое право. Что хочу, то ворочу.

Например, как непреложный факт утверждается, что украинцы основали Иерусалим, открыли Америку и даже добрались до Франсиско Писорро, покорителя Перу, на том основании, что фамилия этого конквистадора переводится как «школьная доска» и с легкостью напоминает «писаря» украинского казачьего войска. Подсчитав, сколько золота и серебра вывезла Испания из американских колоний, бесноватые историки заявляют, что часть этого богатства по праву принадлежит Украине, представители которой открыли Новый Свет. Замахиваются и на святое для нашего на-

рода — на Великую Отечественную войну, заявляя, что никакой Великой Победы не было, и украинский народ силой погнай на эту бойню. Небезызвестный журналист Е. Киселев, ныне подвизающийся на украинском телевидении, специально делает об этом передачу, где представляет этих кощунсов-историков. Такое «видение истории» приводит в дебри мракобесия.

Мы живем в обстановке воинствующего невежества, где ложь стала средством выдвинуться, заявить о себе — и в политике, и в истории, особенно в истории, куда большинству людей путь заказан: не поймают за руку, не разоблачат, поскольку историю знают единицы, и плодятся лжеисторик, соревнуясь между собой, кто больше солжет. А обыватель верит, поскольку лжеисторик издают книги, снимают фильмы... Особенно виртуозно изощряются лукавомудрые! Чтоб перетолковать какой-то факт, переиначить его, так подадут его, что просто диву даешься: и занимательно, и интригующие, и даже талантливо, а на самом деле, как говорили наши предки в старой Руси, заведомая, изощренная *лжа*.

Что же касается утверждения Павла Лунгина о том, что Иван Грозный взял на себя функцию Бога, то это нелепость, несуразность и полный абсурд. Режиссер, по-моему, спутал помазание на царство по воле Божьей, совершаемого святым елеем, с возможностью сравниться с Богом. А не спутал, то преднамеренно, облыжно утверждает так, чтобы оправдать свою ложную, злопахательскую концепцию как о правлении Ивана Грозного, так и о нем самом.

Иван Грозный был глубоко религиозным человеком, непреклонным ортодоксом. С именем Бога отходил ко сну и просыпался по утрам, усердно молился и бил поклоны, так что на лбу появлялись кровоподтеки, и греховой, кощунственной мысли он никогда не имел. Богоизбранный и Боговенчаный царь, он видел свое предназначение не только в том, чтобы служить государству, но и в прямой ответственности перед Богом за своих подданных. Он говорил: «Я верую, о всех согрешениях, вольных и невольных, суд прияти мне, яко рабу, и не токмо о своих, но и о подовластных дати мне ответ, что моим несмотрением погрешится».

Еще в ранней юности, в пору отрочества, он перечел все, что мог прочесть: священную, церковную, римскую историю, изучил русские летописи, творения святых отцов и во всем том он искал свое место, свое предназначение. Отсюда будут понятны и мечтания юного сердца, и желания стать царем на московском престоле такими же, как были Давид и Соломон — на иерусалимском, Август, Константин и Фео-

досий — на римском. Ключевский с иронией пишет, что он залюбовался собой... Если бы залюбовался, то удовлетворился бы воздетым на себя по собственной блажи лавровым венком и царствовал бы, как царь Дадон, «лежа на боку». А он стремился возвеличить Россию, чтобы она была достойна принятым им самим титулом. Возвеличить! Отсюда все его деяния: и покоренные им Татарские царства, и Ливонская война... Возвеличить Россию — это безумие?! Пробриться к морю — это безумие?! Тогда Государи, правившие вслед за Иваном и старавшиеся, чтобы Россия была сильной, — сплошь безумцы! На Русь лезли все, начиная от половцев и заканчивая германцами, три крестовых похода в разное время назначали римские папы, и если бы «безумцы» Государи не защитили государство, святую, православную Русь, разбредлись бы мы, русские, по околицам мира, как евреи, либо вовсе были бы уничтожены. Это либералы выдумали, что никакая цель не оправдывает средство, и прятали трусливо за этой формулой «тело жирное в утесах». Одно дело — отомстить соседу за то, что он залез за твою межу, и совсем другое — защитить государство, дом и жизненное пространство для своего народа. Тогда все средства хороши.

По понятиям человеческим, зло, совершенное царем Иваном, было трагическим злом, но он его совершил как Государь, вынужденно, по законам того времени, и совершил он его потому, что был умным, трезвым, целеустремленным, беспощадным, стремившимся удовлетворить свою «потребность в системе ориентации», которые психологи называют главной в поведении человека, путем установления с другими людьми отношений, основанных на подчинении их себе, на господстве над ними, а вовсе не потому, что якобы был душевным больным.

Тирания, деспотизм, насилие во всех их проявлениях, показанная через примитив, через закапывание жен и душевные недуги, перестают быть такими... Природа их растворяется во всевозможных извращениях и ущербах, и она переходит из области нравственной и философской в область медицинскую, в область досужих вымыслов и легенд, то бишь в область развлекательную.

— *Лунгин утверждает категорически: царь Иван, по сути дела, руками Малюты убил митрополита Филиппа и своими собственными руками отрубил голову — саблей! — игумену Корнилию. Есть версии, что этого не было. Как Вы относитесь к подобным утверждениям?*

— Начнем с Корнилия, так как это займет немного места. Игумен Псковско-Печерского монастыря Корнилий давно

был известен антимосковскими настроениями, особенно он был противником централизаторской политики Ивана Грозного. В 1567 г. он дополнил и обработал свод Псковских летописей, где выступил как лицо, непримиримо и враждебно относящееся к московской власти, а присоединение Пскова к Москве рассматривал как акт прямого насилия. Корнилий резко выступал против опричнины, писал обличительные сочинения, направленные против царя, и **таким образом стал личным врагом Ивана Грозного**. К тому же он принадлежал к нестяжателям, провинившимся перед престолом, когда они выступили со своим предводителем Вассином Патрикеевым против развода великого князя Василия с Соломонией Сабуровой и женитьбы его на Елене Глинской. **Корнилий водил тесную дружбу с Андреем Курбским, злейшим врагом Ивана**, что и без того усугубило его вину перед царем. Он погиб во время псковских казней. Вместе с ним был казнен и келарь Псковского Печерского монастыря Вассиан Муромцев, который находился в переписке с Андреем Курбским. Псковские казни прослеживаются и в царском синодике в виде такой записи: «Изо Пскова: Печерского монастыря игумена архимандрита Корнилия, Печерского ж монастыря старца Васьян инок Муромцев». Вскоре царь велел объявить в Литве о новых преступлениях Курбского: «А ныне его многая измена — тайно лазучьством со государьскими изменники ссылается», имею в виду Корнилия и Вассиана Муромцева.

Теперь перейдем к митрополиту Филиппу. Но прежде коротко о нем.

Митрополит Филипп происходил из младшей ветви старомосковского боярского рода Колычевых. Как и Романовы, Колычевы вели свое происхождение от некоего Андрея Кобыла, внук которого Федор Колыч сделал карьеру при великокняжеском дворе и был крупным землевладельцем. Начальный период рода Колычевых приходится на ту пору, когда московские князья вели упорную борьбу за объединение Руси. Но на следующем этапе, когда встал вопрос о централизации государства, в роду Колычевых, в судьбах их представителей произошел ряд кардинальных изменений. Одни, верные централизаторской политике Ивана Грозного, попадают в число тысячников и дворовых детей боярских, другие подались в вассалы старицкого князя Андрея Ивановича. После мятежа, поднятого Андреем Ивановичем против Елены, матери Ивана, и «поимании» его, многочисленные сторонники Андрея Ивановича подверглись суровому наказанию.

Будущий русский митрополит Филипп (в миру Федор Степанович Колычев), когда, в связи с «поиманием» старицкого князя, пострадал его дядя Иван Иванович Умной-Колычев и были казнены несколько его новгородских родичей, опасаясь за свою жизнь, бежал из Москвы. Некоторое время он скрывался в селении Кижэ на Онежском озере и ради хлеба насущного пас скот в крестьянском хозяйстве. Что он чувствовал, что вынес из своих скитаний по Северу? Во всяком случае, не верноподданническую любовь к царскому дому... Затаил он злобу на подрастающего царя или решил, что время все расставит по местам...

Наконец он принимает единственно правильное решение, чтобы спасти свою жизнь, — постричься в монахи, поскольку монахи были не подсудны светским властям. Он попадает в Соловецкий монастырь и постригается под именем Филиппа.

Минет примерно 10 лет и Филипп становится во главе монашеской братии Соловецкого монастыря. На этом посту Филипп снискал известность незаурядными организаторскими способностями и деловыми качествами. При нем положено начало каменному строительству в Соловецком монастыре. Возведена Успенская церковь, закладывается главный Соловецкий храм — Преображенский собор, оконченный уже в бытность Филиппа митрополитом.

Иван благоволил монастырю: жаловал деревни, соляные варницы, ловитвы — для рыбной ловли, дал на строения Преображенского собора тысячу рублей, по тем времена деньги огромные, а также были им сделаны вклады «по душе» Анастасии Романовны (100 рублей), брата Юрия (100 рублей), Марии Темрюковны (100 рублей) и Марфы Собакиной (70 рублей). Укрепляя монастырь, Иван преследовал главную цель: Соловецкий монастырь являлся форпостом на Севере на случай шведской агрессии. В результате громадных усилий Филиппа и щедрот царя, соловецкая вотчина в середине XVI в. переживала расцвет, а престиж монастыря необычайно возрос.

Черные дни начались для Филиппа, когда он был избран митрополитом. Еще до поставления на митрополичий престол, сразу же, как только Филипп прибыл в Москву, он имел беседу с царем и просил, «чтобы царь и великий князь отставил опришнину, а не отставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитах быти невозможно». Сразу столкновения! Сразу конфликт! Не желая рассориться с Филиппом и спровадить его домой, как спровадил Германа Полева, который всего-то два дня пробыл митрополитом, сразу взявшись поучать Ивана менторским тоном, как ему вести себя,

Иван «гнев свой отложил», но решительно заявил, чтобы Филипп «в опришнину и в царской домовою обиход не вступался, а на митрополю бы ставился».

Церковному собору и боярам (по свидетельству Жития) удалось на время погасить конфликт, и Филипп согласился занять митрополичью кафедру. В приговоре о поставлении было, однако, указано, что «в опришнину ему и царской домовою обиход не вступатися, а по поставленьи, за опришнину и за царской домовою обиход митрополю не отставливати».

Раз Филипп согласился с условиями приговора о поставлении, Иван в свою очередь сделал уступку: Филиппу позволено было впредь «советоваться» с царем, как и прежние митрополиты советовались с Иваном III и Василием, а это означало, в подтверждение старинного права «совета», гораздо больше возможностей ходатайствовать за опальных перед царем.

Договор между царем Иваном и Филиппом, скрепленный юридическим документом, неукоснительно подлежал выполнению. Царь Иван выдвинул свои условия, жесткие, категоричные, Филипп принял эти условия, добровольно, по собственной воле, и несогласия между ними не должно было быть, но Филипп, приняв эти условия, не думал выполнять договора. На что он надеялся, несмотря на неравенство сил, — трудно сказать. Может быть, он думал, что его поддержат члены освященного собора, чтобы сообща, всем сонмом иерархов обратиться к царю с требованием упразднить опричнину. Филипп убеждал членов освященного собора, что «против такого начинания стояти крепче». Но синклит иерархов проявил слабость. Один из них донес царю, и когда все же пришлось высказывать свое мнение, одни промолчали, а другие выступили против Филиппа. Но Филипп, согласно Житию, все-таки дерзко обратился к царю: «Державный царю! Престани от такового начинания. Аще царство разделится — запустеет!»

Многие историки конфликт Ивана Грозного с митрополитом объясняют прежде всего попыткой государства подчинить себе Церковь, сломить сопротивление духовных феодалов, стремящихся к обособленности, к независимости, поскольку, считали они, Церковь выше государства и требует господствующего положения, а также давней мечтой великих князей о секуляризации (изъятии в пользу государства) монастырских земель. И будто бы сам Иван, по примеру своих предков, отчетливо понимал, что церковники должны быть устранены от управления государством. «Нигде ты найдешь, чтобы не разорится царству, от попов владомому», — писал он Курбскому.

Однако я думаю, тут схлестнулись два характера, две непримиримые воли. А кроме того, Филипп принадлежал к тем Колычевым, которые сохранили не просто симпатии, а особую приверженность к старицким князьям. Знаток XVI века А.А. Зимин прямо пишет: «Чувствуя в московском митрополите своего союзника, старицкий князь Владимир в феврале 1567 г. дает ему несудимую грамоту (жалованная грамота, освобождающая от суда местных властей. — В.П.) на все митрополичья владения Дмитрова, Боровска, Звенигорода, Романова и Стородуба Рязполовского».

Знал ли Иван о простарицких симпатиях Филиппа или не знал — не суть важно. Главное в другом: что **не только боярская фронда мечтала посадить на московский престол старицкого князя Владимира, но и митрополит, от имени всей Русской Церкви, поддерживал их.**

Мне кажется, Филипп недооценил обстановку, и полез напролом. Краткая летописная заметка сообщает: «Лета 7000 семьдесят шестого, месяца марта 22 день... учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнине, и вышел из митрополича, и жил в монастыре у Николы у Старого». Наверное, Филипп думал, что царь покорится, попросит у него прощения... Такой прецедент был: Иван III рассорился с митрополитом Геронтием из-за того, что тот при освящении Успенского собора ходил с крестами не по солнечному восходу. Негодяя, Геронтий выехал из Кремля и поселился в Симоновом монастыре, оставив вместо себя свой посох в Успенском соборе. Он говорил, что если великий князь не придет к нему и не добьет челом, то он оставит митрополию и будет жить в келье, как простой монах.

Сперва Иван III послал своего сына Василия с просьбой возвратиться, но Геронтий не внял просьбам Василия. Тогда великий князь поехал сам бить челом, повинился, обещал вперед во всем слушаться митрополита, и Геронтий возвратился в Москву на свой престол. Это был своеобразный московский вариант пойти в Каноссу. Но внук Ивана III оказался совсем не с тем темпераментом!

Однажды в Успенском соборе во время службы митрополита явился царь «со всем своим воинством, вооружен весь, наго оружие нося». Филипп не утерпел и обратился к нему с речью: «От начала убо несть слышано благочестивым царем свою державу возмущати — сия еже твориши, ни во иноязычных тако обреташеся». Иван, еле сдерживая гнев, через силу взмолился: «Только молчи, одно тебе говорю: молчи, отец святой, молчи и благослови нас!» «Наше молчание, — отвечал Филипп, — грех на душу твою налагает и смерть нано-

сит!» Иван: «**Не знаешь ты, что меня мои же хотят поглотить!** Что тебе, чернцу, до наших царских советов дело?» Филипп: «Я пастырь стада Христова!» Иван: «Филипп, не прекословь державе нашей, чтоб не постиг тебя гнев мой, или паче оставь митрополию!» Филипп: «Я не просил, не искал через других, не подкупом действовал для получения сана: зачем ты лишил меня пустыне?» (выделено мной. — В.П.)

Филипп зарвался, полез на рожон. Обличать царя, публично, принародно, говорить *такие слова*, — такого я в нашей истории не припомню. Даже возражать великим князьям или царям, допускать «встречи» (так это называлось) — возбранялось. При Василии Ивановиче, отце Ивана Грозного, такой дерзкий «встречник» поплатился головой. Это был боярин Берсень Беклемишев, вошедший в историю благодаря такому поступку. А его кремлевский двор впоследствии превратили в тюрьму (тын) для именитых опальников, где сидела Ефросиния Старицкая со своим малолетним сыном Владимиром. Даже Алексей Михайлович, прозванный «тишайшим царем», не терпел возражений. Как-то раз, в пору охлаждения к Никону, Алексей Михайлович, возмущенный высокомерием патриарха, поссорился с ним и выбранил его, обозвав мужиком и блядиным сыном и пинками выгнал из церкви. **Кстати, именно Никон поднял на щит Филиппа!** В 1652 г. «мощи» Филиппа торжественно перенесли в Московский Успенский собор. Организовал церемонию доставки «мощей» в Москву Никон, проживший несколько лет в Соловецком монастыре.

Третий, и последний выпад, выпад против царя случился в Новодевичьем монастыре. Поводом для него послужило то, что Филипп увидел в соборе кого-то из слуг царя в «тафье» (татарской шапочке). Случай пустяковый, не стоил, как говорится, выеденного яйца, но митрополит придал ему слишком большое значение и, несправедливо переведа его на царя, с издевкой произнес: «Се ли подобает благочестивому царю агарянский закон держати?» Действительно, пустяковый случай, но митрополит, закусив удила, помчался очертя голову вослед своему недоброхотству царю. Царь, естественно, усмотрел в этом недостойный выпад, ибо он был женат на кабардинской княжне, а в его ближайшем окружении было много татар и черкесов. В частности, на службе у него находился и родной брат царицы (шурин Ивана) — Михайло Темрюкович, пользовавшийся немалым почетом.

У Филиппа была такая возможность печаловаться об опальных, не прибегая к публичному обличению царя. Ведь «совет» с царем, о чем было записано в приговоре, давал ему

такую возможность. Митрополиты Макарий и Афанасий поступали именно так... Афанасий, прежде чем уйти на покой, отпечаловал князя Воротынского и боярина Яковлева. **Но Филипп выбрал конфронтацию и вражду...**

Иван не стал терпеть строптивного, непокорного митрополита, так как это привело бы к непредсказуемым последствиям, и отдал наказ о подготовке процесса против Филиппа. В Соловецкий монастырь послали специальную комиссию для расследования деятельности Филиппа. Митрополит был обвинен в «порочном поведении», его временно отстранили от дел и отправили в Богоявленский монастырь. Суд над Филиппом состоялся на заседании земского собора, и 4 ноября его «из святительского сана свергоша».

Как пишет Р.С. Скрынников, Филипп «по церковным законам подлежал сожжению. Но Грозный заменил казнь вечным заточением в монастырской тюрьме». Спустя некоторое время распространилась молва, что Филипп был задушен Малютой Скуратовым за то, что отказался благословить царя на разгром «новгородских изменников»... Но молва есть молва, и с молвы, как известно, пошлин не берут.

Я рассказал о Филиппе хотя и кратко, но вразумительно, и сделал это потому, что Житие Филиппа, по всей вероятности, до сих пор не опубликовано и кто такой был Филипп — не каждый знает.

— *Павел Лунгин, вслед за Карамзиным, считает, что царь Иоанн, будучи одержим манией преследования, залил страну кровью и уничтожил половину населения России. Так ли это?*

— Карамзин был масон и человек, как модно стало говорить, приобщившийся к «европейским ценностям», поэтому он отдавал предпочтение европейским источникам. Европейцы, мол, врать не будут, в отличие от его соплеменников, у них, мол, не было причин выдавать ложь за правду. О причинах я поговорю чуть ниже, а сейчас разберемся, какие это источники.

Во время карательной новгородской экспедиции Ивана Грозного (а Новгород Великий был как Чечня в наше время) количество погибших новгородцев, как пишет Джером Горсей, автор «Записок» о России, простиралось якобы до 700 тысяч. Павел Лунгин вслед за Карамзиным (приложили руку и другие историки, считавшие признаком хорошего тона обильно мазать эпоху Ивана Грозного черной краской и провозируя творческих людей, писателей, режиссеров, следовать в фарватере за ними), как будто бы прав: «залил страну кровью». Население России равнялось примерно 5—6 миллионам, и 700 тыс. погибших составляло 7—8%. Это и правду

очень много! За всю Ливонскую войну убиенных на поле брани было гораздо меньше. Таубе и Крузе считают, что одних «именитых людей» погибло 12 тыс. да более 15 тыс. простого люда. Курбский, напротив, считает, что всего лишь за один день царь перебил 15 тыс. Псковский летописец, составленный в клерикальной среде враждебной Ивану Грозному, называет 60 тыс. «мужей и жен и детей», которых царь «в великую реку Волхов вмета, яко и река запрудилася».

Все это опровергается подсчетом населения Великого Новгорода. А.П. Пронштейн, автор книги «Великий Новгород в XVI веке», дает цифру в 30 тыс. жителей. Даже в Москве насчитывалось 50 — 60 тыс. жителей. Опала и казни касались главным образом духовенства, потому что Иван изучал московские летописи и знал, что во время третьего похода на Новгород его деда, Иоанна Васильевича, обнаружилось, что новгородский архиепископ Феофил участвовал в заговоре и был главным лицом в переговорах с Казимиром, королем польским и великим князем литовским, о передаче Новгорода Литве. И когда случилась такая же точно ситуация, главные репрессии обрушились на епархию новгородскую, на архиепископа Пимена, которого Иван считал главой новгородских заговорщиков. Иван устрашающе заявил, после того как Пимен хотел осенить его крестом при встрече: *«Ты, злочестивый, держишь в руке не крест животворящий, а оружие, которым хочешь уязвить наше сердце: со своими единомышленниками, здешними горожанами, хочешь нашу отчину, сей великий богоспасаемый Новгород, предати иноплеменникам, литовскому королю Сигизмунду-Августу. С той поры ты не пастырь и не учитель, но волк, хищник, губитель, изменник нашей царской багрянице и венцу досадитель».*

Вероятно, Иван имел все основания такое заявить. Епархия («дом Св. Софии») и новгородский архиепископ играли главенствующую роль в жизни Великого Новгорода. Когда старицкий князь Андрей Иванович поднял мятеж против Елены, то он со своими войсками направился в Новгород, надеясь захватить город и поднять мятеж по всей новгородской земле, но новгородский архиепископ Макарий, будущий митрополит, распорядился не пускать войско мятежного князя в город и никто его не послушался.

Как известно, Иван прибыл в Новгород 6 января. Зима в этом году выдалась студеной, снежная, реки еще в половине декабря стали, покрылись льдом и ездить на лодках по замершей реке опричники никак не могли, и река не запрудилась трупами — этого вообще не могло быть по определению. Автор Повести о приходе царя Ивана в Новгород, клерикал,

антимосковски настроенный, сообщает, что в течение пяти недель топили в Волхове по 1000 — 1500 человек, значит, погибло около 40 тыс. человек. Р.Г. Скрынников (по-моему единственный, который усомнился в этом) пишет: «Приведенная цифра лишена какой бы то ни было достоверности. В основе расчета лежат ошибочные исходные данные. Сведения летописи о гибели тысячи человек в день, очевидно, являются плодом фантазии летописца. Неверным является и представление о том, что разгром посада длился пять недель. Помимо всего прочего, опричники не могли истребить в Новгороде 40 тыс. человек, так как даже в пору расцвета его население не превышало 25—30 тыс. Суммируя все эти данные, можно сделать вывод о том, что в Новгороде погибло примерно 2 или 3 тыс. человек».

Теперь перейдем к авторам недобросовестных сочинений о России во времена правления Ивана Грозного, и это слишком мягко сказано — недобросовестных, а на самом деле эти их сочинения — форменный поклеп, оговор и инсинуации.

Начнем с Курбского. Его «История о великом князе Московском» написана приблизительно в 1570 г. и предназначалась она для польского читателя и высших сановников Речи Посполитой в связи с «элекцией» — выборами нового короля и обсуждением кандидатуры Ивана Грозного на польский престол. Курбский рассчитывал также и на большой международный резонанс — возможно, даже при дворе германского императора.

Эта «История» — направленный против Ивана Грозного памфлет, искусно облаченный в форму исторической биографии. Одной из главных задач сочинения Курбского было очернить деятельность Ивана Грозного, принизить значимость его личности (Пушкин верно охарактеризовал «Историю» как «озлобленную летопись»), чтобы не дать ему избраться на польский трон, внушить страх перед кровожадным тираном большей части шляхты, которая и выбирала на сейме короля. И личные причины побаиваться его избрания имелись у беглого князя: кому-кому, а ему точно не поздоровилось бы от нового короля. Припомнилось бы ему и то, как подозрительно потерпел поражение под Невелем, когда 40-тысячная армия под его командованием не справилась с 15-тысячным отрядом поляков, и то, как ходил неоднократно с польскими войсками на разорение отеческой земли. Я думаю, что личные причины превалировали, перевешивая все прочие, поскольку изменнику была одна дорога — вновь пуститься в бега, и независимая, обеспеченная жизнь пошла бы у него прахом.

Для достижения поставленной цели Курбский не только особым способом подбирал и толковал исторические факты, не останавливаясь перед их сознательным искажением (историк Е.А. Белов замечает, «История» — это «сплошное вольное и невольное извращение фактов»), но облыжно лгал, будучи уверенным, что его никто не разоблачит.

Не разоблачили и по сей день. Верят, используют как правдивые, бесспорные факты для диссертаций, монографий, пишут картины, исторические романы, снимают кино... И заражают этой псевдоверой других.

Теперь перейдем к иностранцам... Беглый князь сделал свое дело, а изменники, по примеру своего предтечи, до сих пор пишут гадости о России.

Таубе и Крузе — два ливонских авантюриста попали в плен к Ивану Грозному во время Ливонской войны. В 1564 г. они заинтересовали Ивана и получили свободу. Вели от имени царя переговоры с магистром Ливонского ордена Кеттлером и принцем Магнусом, но в декабре 1571 г. изменили ему и бежали в Польшу. Чтобы оправдаться в «перелетах», они написали письмо гетману Яну Ходкевичу и, дабы завоевать его доверие, в мрачных красках живописали ужасные злодеяния московского царя в опричные годы. А.А. Зимин отмечает: «Картинное описание казней, составленное обычно по слухам и рассказам очевидцев, занимает центральное место в послании».

Ссылаясь на Таубе и Крузе, подавляющее число историков пишет, например, что опричники на шею своим лошадям должны были привязывать собачью голову, а у колчана со стрелами находилось нечто вроде метлы, в знак того, что они призваны были грызть как собаки «государственных изменников и выметать измену» из Московского государства. Я еще на стадии ознакомления с документами и первоисточниками не принял на веру сообщения Таубе и Крузе, хотя все историки дружно вещали об этой устрашающей детали. И, кстати, замечу, что о собачьих головах рассказывали только эти двое и больше никто, зато о метлах — многие... Так, Пискаревский летописец сообщает, что царь «ходиша и ездиша в черном и все люди опришницы, а в саадецах — помела». Генрих Штаден указывает: «Опричные должны были носить черные кафтаны и шапки и у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке».

Я сразу понял, что нашим историкам эти два проходимца на уши вешают лапшу. Задумаемся: это же сколько нужно было убить собак, чтобы каждому, даже из первой тысячи опричников, повесить на шею лошади по голове. А впослед-

ствии число опричников увеличилось до 6 тыс., и какую же нужно было иметь псарню-живодерню, чтоб обслужить эти 6 тыс. человек. И как долго они могли висеть, не издавая ужасного смрада? Летом — день-два, не более! И через каждые день-два нужны были новые тысячи собачьих голов. Или, быть может, их как-то обрабатывали, засушивали, мумифицировали? Допустим. Но тогда нужно было иметь для этого целую службу, одну или несколько мастерских... Однако никаких сообщений об этом нет, нет даже и намека. Стало быть, голов этих не было вовсе. Метлы были, а головы — плод фантазии сочинителей.

Померанец Альберт Шлихтинг попал в плен при битве у крепости Озерище. Зная славянский язык, он сделался переводчиком у бельгийского врача Арнольда Лензея, врачевавшего царскую семью. Шлихтинг прожил в Москве около семи лет. Проведав об опасности, грозящей его жизни, он осенью 1570 г. бежал в Польшу, где и составил свое «Сказание». Это произведение Шлихтинга широко использовал Гваньини в своем сочинении «Описание Московии», а рассказ Гваньини в переработанном виде составил часть трактата Павла Оденборна.

Вестфалец Генрих Штаден прожил в России около 12 лет. Он попал в «Московию» не военнопленным, а по собственной воле: из Риги он перебрался в Дерпт, а оттуда его отправили в Москву. Здесь царь пожаловал его поместьями и принял в опричнину. Вместе с царем он участвовал в Новгородском походе и оставил описание этого похода, где не каждому слову его можно верить. После отмены опричнины, он еще какое-то время прожил в Москве, затем отправился на север и в 1576 г. покинул Россию. Для шурина пфалц-графа Георга Ганса в 1577–1578 гг. он составил «Описание Московии» и фантастический проект оккупации России, предлагая уничтожить церкви и монастыри, упразднить православную веру, а затем превратить население России в рабов, что на практике пытался использовать Гитлер.

«Начиная с Карамзина, — писал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн в своей книге «Самодержавие Духа», — русские историки воспроизводили в своих сочинениях всю ту мерзость и грязь, которыми обливали заграничные «гости». Творческое «наследие» таких, как Штаден и Поссевино, долгое время воспринималось в качестве свидетельства о жизни и нравах русского народа». То же самое говорит и А. Гулевич в книге «Царская власть и революция»: «Национальная история пишется обыкновенно друзьями. История России писалась ее врагами».

А.С. Пушкин писал: «Уважение к минувшему — вот черта отличающая образованность от дикости... Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим». Я уже отмечал, что мы живем во времена воинствующей невежественности. Иногда она доходит до дикости, подлости, каковой в старину называли простонародье, чернь... И чернь, плебс правит бал. Но я не верю, что по незнанию, по неосведомленности в чем-то, по неразумию чернят российскую историю, чернят российских царей, оскверняют их память, вопреки исторической правде. Это делается умышленно и злонамеренно теми, кто не любит Россию и ее народ. Вспоминается Ф.М. Достоевский, его отзыв о Герцене: «Герцен не эмигрировал, не положил начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом. Герцену как будто сама история предназначила выразить собой в самом ярком типе разрыв с народом большинства образованного нашего сословия. Разумеется, Герцен должен был стать социалистом и именно как русский барич, т.е. безо всякой нужды и цели, а из одного только «логического течения идей» и от сердечной пустоты на родине». Вот и вы, нынешние господа, оплевывающие Россию, ее прошлое, так и родились эмигрантами, их измышления, инсинуации и вся их возня — от сердечной пустоты на нашей родине.

*Литературные страницы
Международного сообщества
писательских союзов*

Николай БЕСЕДИН (г. Москва)

ОБОЗНИКИ

Рассказ

Обоз пошел только в конце ноября, после Прокопьева дня. Дождались-таки санного тракта да милостивой погоды. Собираться начали еще в октябре. Определяли порядок в обозе, кто за кем, и как уложить товар, чтобы в одинаковый напряг вышло и для сильных лошадей и для ледащих, какими путями-перепутьями пойдет обоз, в каких селах или зимовьях встанет на ночевку.

Обозничего не выбирали: окромя Василия Кравцова, другого старшого по обозу никто в уме не держал. Здоровый мужик лет под шестьдесят, кержачьего рода. Он мог и без лошади тащить воз с добрую версту, да и тайгу знал с малолетства, как свой двор. Нрава был спокойного, особо напрягать свой голосище не любил, однако в лихости становился властным и решительным. Ежели какая сельская драка выходила за пределы потехи и грозила увечьями, а то и погибелью, бабы звали Василия разнять осатаневших мужиков, и сам его приход часто останавливал буйство. Если же нет, то он брал в каждую руку по драчуну и встряхивал так, что буйный хмель вылетал из них, как пробка из бутылки с забродившей брагой. Еще в детстве в нем проявилась недюженная сила, а годам к пятнадцати он уже слыл первым силачом. Был он уваль-

нем, несноровистым в играх, и над ним подшучивали, а ребята помельче дразнили. Иногда он ловил кого-нибудь из них, сдергивал шапку и, приподняв угол сарая, подкладывал ее под сруб. Пострадавший потом долго ходил за ним и канючил:

— Отдай, Вась, шапку-то.

Василий долго не соглашался и приговаривал:

— В другой раз будешь знать.

Потом все же смягчался:

— Клянись, что не будешь дразниться!

И после клятвы поднимал угол сруба. В нем счастливо сошлись медвежья сила, здоровый взыскательный ум и доброе сердце. Воистину воплотилось слово пастыря: «Нужно молить Бога, чтобы в здоровом теле был здоровый дух».

...За день до намеченного отъезда обозники собрались у Василия. Пришел и наниматель обоза купец Фома Абашев, богатей, скупщик товара у промысловиков-охотников.

— Как выстроите кладные повозки? — взыскательно спросил он обозничего. — Небось, и семик назад могли бы отправиться. Не одешевился бы товар. Попрут обозы один за другим, собьют цену.

Василий сразу не ответил, не паря какой-нибудь. Сколько водил обозы и в Красноярск и к хакасам в Абакан, и до самого Байкала доводилось.

— Не бойся, Фома, а выйдет какая незадача, на охотниках выедешь. Куда им свою добычу девать кроме тебя? А по срокам в самый раз: Святой Прокопий дороги прокапывает, да и Четь только-только ледоставом укрепились.

Купец не отставал. Въедливо расспрашивал, каким путем пойдут, где думают встать на ночлег, не забыли ли взять факелы, деготь, подарки, что дал он для служилых людей и хозяев становищ, ружья и порох с жаканами и дробью, не поскупились ли с дорожными припасами, хорошо ли проверили сани и упряжь.

Все перебрали обозники, обо всем подумали, о каждой мелочи. Путь был неблизкий, но и не такой уж далекий. До Красноярска верст 400 будет, две недели за глаза должно хватить, ежели с Божьей помощью.

— А бумагу какую дашь до твоего лабазника? — спросил Василий. — А то ведь скажет, мол, не договаривался я с Фомой. И за цену тоже.

— Какую еще бумагу? Было слово сказано купеческое. Что еще надо? — И снова Василию: — Зачем малого берешь? Сдюжит ли дорогу? Сколько ему годков?

Василий пробурчал:

— Хватит за бабы юбки держаться. Пусть к мужицкому делу прикипает. А насчет годков у мамки спроси.

Купец улыбнулся, вспомнив рассказ мужиков, как Василий не признал своего кровного. Сел как-то за праздничный стол, оглядел свое семейство с оравой детей и спрашивает:

— А это чей малец?

Жена Матрена всплеснула руками:

— Ах ты, Ирод беспамятный! Своего дитяти не признал.

— Ты б двадцать нарожала, так и себя забыл бы, как зовут.

Трудно было винить Василия. Затемно вставали мужики, затемно ложились на отдых, да и большую часть года проводили то в звериных промыслах, то на заимках, заготавливая сено, дрова или шишкуя, если расщедривался кедр. Ходили обозами, ну и во дворах доставало забот.

А детей было, как правило, больше десятка. Разве всех упомнишь? Лет до семи они были полностью под надзором матерей и старших сестер. И лишь потом начиналось мужское воспитание мальчиков.

Напоследок напутствия один из обозников, Митрий спросил купца:

— Фома, говорят, вот-вот война с германцем зачнется?

— С чего бы? У нашего царя и внутри забот полон рот, а ихнему тем паче не до нас. Выбрось из головы эту маяту.

После разговора обозники загрузили сани товаром, подарками и провиантом, укрыли все это дерюгами и разошлись по домам. А ранним утром поп освятил обоз, и тронулись один за другим семь возков и десять мужиков в путь.

Двенадцатилетний сын Василия Петя сидел рядом с отцом в первых санях-обшевнях, укутанный в лисью доху заботливой матерью. Он впервые отправился в дальнюю дорогу, за пределы окрестных мест. В начале пути смурная темь скрывала отроги и таежные закоулки, и Петя смотрел на игру снежных бликов от огня факела, закрепленного на шесте позади саней, на хоровод теней то плавный, то с неожиданными прыжками, и ему казалось, что это непонятные живые существа сопровождают их обоз, прячась между деревьями. А когда зажелтел край неба и посветлели верхушки лиственниц и пихт, эти существа пропали, и на снегу стали различаться то путанные заячьи следы, то лисья скоропись, то аляповатые вмятины от рысских лап.

Отец обернулся к Пете:

— Глянь, какие свежие, небось теплые еще, — и он кнутовищем показал на облатку волчьих следов. — Где-то близко, видать. Любопытствуют.

И отец достал ружье.

Петя замер и вытянул голову из воротника, оглядывая распадок. И вдруг увидел на небольшом бугорке, похожем на занесенный снегом пенек, сидящего волка. Лошади захрапели, однако, удерживаемые вожжами, шли слабым накатом, не путая строй обоза. До волка было метров тридцать. Он сидел неподвижно, поблескивая глазами и наблюдая за обозом. Петя почувствовал, как взгляды их встретились, и неприятный холодок пробежал по его спине. Он снова втянул голову в доху и спросил отца:

— Чаво ты не стрельнешь?

— А что понапрасну заряды изводить? — хмыкнул Василий. — Каждый своим делом занят: мы едем, он сидит. Ну и пушай. Вон смотри лучше, как белка скачет.

Петя отвел взгляд от волка и увидел по другую сторону от саней, как с дерева на дерево прыгала рыжеватая с подпалиной белка, все более приближаясь к обозу.

Петя засмеялся:

— Глянь, она скоро к нам запрыгнет.

— Видно соболя или куница гонят. Знает бесенок, что они к человеку не сунутся. Вот и держится рядом, пока не уйдет от погони.

— Так она же быстрая, не поймают.

— Быстрая, да не быстрее соболя. Если начнет гнать, редко какая спасется.

...Желтоватый диск солнца лениво набирал высоту, окропля алмазной россыпью снега и зажигая искорки на заиндевевших ветвях деревьев. В воздухе медленно кружились блестящие снежинок, то ли взлетевшие от сдобных снегов, то ли упавшие с поднебесной высоты безоблачного неба.

Василий каким-то непонятным чутьем угадывал под снежим снеговьем невидимый санный след, и сильный жеребец Чалый шел уверенным размашистым шагом, торя гужевой путь для обоза. Сани то скатывались наискосок по склону распадка, то натужно карабкались вверх, лишь изредка находя равнинные участки тайги.

После полудня мужики стали просить Василия встать на передых, коней подкормить и самим отобедать, но он осаживал нетерпеливых:

— Надо засветло до сухоречья дойти, там и передохнем. А далее путь накатанный до самого Тюхтета.

Петя, убаюканный дорогой, задремал и проснулся от громкого голоса отца:

— Сходи с саней! Слева, слева! Натягивай вожжи! Окорачивай, окорачивай! Не сближайся!

Отец шел рядом с саними, которые медленно сползали по

изволоку в лощину. Чалый подогнул задние ноги и, почти сидя, касаясь задом снега и упираясь передними копытами, спустился, медленно сползая вниз, подталкиваемый санями.

Петя ухватился за розвальни, чтобы не скатиться под копыта Чалого. Отец тянул вожжи одной рукой, а другой придерживал возок. В конце склона оказался небольшой ступенчатый скол. Чалый дернулся резко вперед, и сани, пролетев полсажени, опустились на ровный низ лощины.

Немного отъехав, Василий остановил возок и вернулся к склону, помогая каждому возку одолеть спуск и придерживая на раскате. Наконец обоз, приняв прежний порядок, снова двинулся в путь по сухоречью почти строго на полдень. Солнце уже цеплялось за верхние кромки таежного кряжа, длинные тени деревьев упали поперек пути, и сумеречье стало медленно поглощать окрестность.

Василий остановил возок.

— Разводи костер, мужики, да готовьте снедь. Передых. Лошадям подбросьте сена и укройте дерюгами тех, что умялись до потницы. Мороз, небось, два двенадцать.

Скоро собрали огнище, расчистив площадку от снега и обрубив нижние сухие ветки с лиственниц и берез. Зажгли факел, и от него сперва медленно, а потом все быстрее огонь побежал по хворосту, победно вздымая дымчато-красные хвосты пламени.

Петю охватила незнакомая доселе радость, легкая и светлая, как облачко лагушистого снега на еловом лапнике, как полет ольховой сережки, как хруст молодого сена на зубах лошадей.

Он выбрался из дохи и стал бегать вдоль обоза, помогая то поднести сено лошадям, то котомку с едой, то подтаскивал сучья к костру.

На расстеленное близ огня рядом разложили вяленое мясо, пироги, шаньги, моченую черемшу и луковицы, добавив опосля печеной картохи, и присели, кто на чем.

— А где медовуха, Василий? Чаво не поставили? Надо бы пробу снять с Митрина варева.

— В Тюхтете снимешь. Давайте поспешать. Путь хоть и прямой, да неблизкий.

— А что за еда всухомятку? Пушай Тимошка байку какую расскажет.

— Оно так, — поддержали обозники, — что молча-то брюхо набивать.

Тимошке было под пятьдесят, однако его звали, как и в детстве, то ли потому, что был он малого роста, то ли за наивную доверчивость ко всяким слухам и рассказням, то ли за

мягкий, незлобивый характер. Его не очень-то уважали, но жалостливо любили, как любят детей и ущербных людишек.

Тимошка знал множество всяких историй, песен и прибауток, и потому его всегда звали на гуляния, свадьбы и, надо думать, в обоз был он взят для скоротания длинного пути.

— Ну, давай, Тимошка, — поддержал мужиков Василий, — повесели душу.

— Уж не знаю, что за веселие получится, но мы сейчас аккурат в тех местах, где случилась та, стародавняя история. — Тимошка доел картофелину с черемшой и начал рассказывать.

— Промышлял тута охотник Евлога. И белковал, и соболя брал, чтоб один к одному в мех ложились, но особливо гонялся за одиноком с черной остью и голубым подшерстком, далеко уходил за ним. И вот однажды шел по берегу Чети, как положено, на снегоступах и вдруг ухнул в ямину. Сперва испужался, думал, в берлогу угодил, а опосля огляделся, видит кость, стал разгребать снег да всякий таежный мусор и открылся ему скелет человека, чалдонский костяной нож и кожаный мешочек. Открыл его, а там золотого песка с несколькими самородками фунтов на пять и бумажка просаленная с корявыми буквами. Расплылись они, пожухли, но кое-как опосля Евлога проник в написанное диким старателем перед смертью по причине неизвестной. Видать, бедолага не мог уже идти дальше или сделал себе закид, чтобы отлежаться, да там и помер. А в мешочек с золотом положил посланнице к жене и детишкам и прописал, как найти их в Боготоле.

Мол, так и так, добрый человек, возьми половину себе, а половину отдай семье моей, бедуют они, с голоду пухнут. Господом Богом молю тебя, добрый человек, кто найдет мои косточки, исполни последнюю просьбу раба Божьего. А ежели поступишь, как тать, и не сможешь моим горемыкам, проклянута ты и достану с того света, и не будет тебе прощенья на Страшном Суде.

Ну а Евлога, хоть и был крещеным, да одичал душой в охотничьей жизни. Взял он то золотишко себе в отрадство, а про писанку не токмо забыл, но и не помнил, куда сунул ее.

А через три года снова пошел в эти места промышлять, да попал в пургу. И пошло его крутить вскрай последнего пристанища дикого старателя. Куда ни пойдет, все одно к нему выходит. Вроде как путь в заверть обратился. А тут еще голоса пошли гулять по снеговью, а может, один на разные лады. Бросился бежать Евлога наугад, да провалился в ямину, в ту же самую, где золото нашел. Хочет выбраться, да кто-то держит за ноги и кричит, ажно до костей пробирает:

«Отдай золотишко сиротам! Пошто обидел вдову с малы-ми!»

Оно ведь как говорится: мертвый у ворот не стоит, а свое возьмет.

Так и нашли его косточки на второе лето, лайка натолкну-лась. По ружьишку да по снегоступам признали Евлогу.

Тимошка сделал паузу, и в тишине зимней ночи послы-шался далекий скрипучий звук и покатился по сухоречью, пока не истаял в морозном тощении.

— Сказывают, в этих местах в метельную пору крики че-ловеческие бродят: отдай золотишко! А эхо отвечает: не от-дам, не отдам!

Мужики, отрешившись от еды, сидели онемело, пока Ва-силий не сказал:

— Ну, будя байками тешиться. Дорога не гостья, ждять не станет.

И заскрипели полозья саней, приняв прежний порядок; и заиграл огонь факелов на сумеречных лицах обозников, на сугробистых берегах иссохшего русла, на таежных закраи-нах и мертвенной, глянцевой глади снегов.

Петя влез с головой в доху и почти не дышал, тревожно при-слушиваясь к дорожному многоголосью, и ему казалось, что вот-вот его схватит мертвец за ноги, и потащит в ямину. Он подобрал ноги ближе к подбородку и от страха закрыл глаза...

— Просыпайся, Аника-воин, приехали в Тюхтет, — услы-шал он голос отца и выдохнул облегченно влажный пар в морозную полночь.

На ночлег обозники устроились в двух домах, где хорошо знали Василия и где были просторные гостевые.

Хозяева, как и в большинстве немногих домов Тюхтета, были старообрядцами беспоповского толка, предки которых бежали от преследования никонианцев в XVII веке в глухие сибирские места. Много тогда последователей протопопа Аввакума было казнено и сожжено в коренной России, по-рушен был Соловецкий монастырь, ставший оплотом рас-кола, и насельники его, монахи, несмотря на сопротивление, погублены, однако старообрядчество плодилось в различных толках, из которых в Сибири преобладали часовенные и бес-поповцы. Крепко держались они за старую православную веру, не принимая нововведений патриарха Никона.

Старообрядцы, дабы выжить, выработали строгие прави-ла не только вероисповедания, но и быта, отличалась от об-щей массы народа приверженностью к старому укладу, теле-сной и нравственной чистоте, сбережению рода от порчи ино-родцами.

Василий любил их опрятные дома, ухоженные дворы, их неспешный, без бранных слов и лукавства разговор, читая порой их кормчую книгу, где было описано много русских древних обычаев, ему нравилось их оправление православных таинств, но на осторожные предложения наставника общины перейти в их веру отвечал решительным отказом:

— Негоже бородатому мужику менять свои основы да бегать из одной веры в другую, аки босоногому мальцу за бабочками.

И когда наставник Саватий позвал его к себе домой в гости, Василий подумал, что он сызнова будет говорить о принятии старообрядчества. Однако речь зашла о другом.

Саватий, длинноликий, кряжистый старец пригласил его за стол, на котором уже стоял самовар, излучающий жар, лежал каравай хлеба, возвышались в берестяных туесах, поданных хозяйкой Таисией, брусничное варенье, сметана и нежно маслянистый творог в большой глиняной миске.

За чаем Саватий стал расспрашивать сперва о семье Василия, о жизни селян, о крестьянских делах-заботах и только потом спросил:

— Ачинск будете проезжать?

Василий удивился: Саватий хорошо знал дорогу на Красноярск.

— А куда мы денемся?

— Я к тому, что у нас объявился человек из тайги. Ему в Ачинск нужно попасть, а по дороге, ты знаешь, всякие люди ездют. У тебя сколько человек в подорожной обозначено?

— Одиннадцать.

Василий начинал понимать, к чему клонит Саватий.

— Ну, так это ведь с твоим сыном, с малым?

— Да, с Петькой.

— Надо же, как все сходится! Этого человека тако же Петром кличут. Вроде как одиннадцатый в твоей подорожной.

Саватий взыскующе посмотрел на обозничаго.

Василий улыбнулся. Не в правилах у сибирских мужиков разжевывать очевидное. Слова — они не шелуха от семечек, их понапрасну выплевывать не гоже. И он тихо ответил:

— Ну да, одиннадцатый. А малого рано еще в подорожную заносить.

Саватий вроде бы так, между прочим, заметил, потягивая чай из блюда:

— Умные друг друга любят да пособляют. Глупые друг друга губят да потопляют.

И почти в ту же минуту в избу вошел человек в грубой одежде. На изможденном лице с поблескивающей тихой улыбкой

торчал нос с горбинкой над густыми усами, а по вискам сбегали темные волосы, прикрывая мясистые уши. Он поздоровался с легким поклоном и встал у порога.

Саватий позвал:

— Садись, мил человек, сугрейся чайком да добрым словом. Вот обозничий Василий доставит тебя в Ачинск, ну а там вольному воля.

Человек с легким акцентом ответил неспешно:

— Спасибо вам. Ну, за волю будем бороться. Даром ее не дадут.

Ни Саватий, ни Василий ничего не сказали в ответ на столь многозначные слова гостя.

И только когда обоз ранним утром снова тронулся в путь по заледенелым водам Чети, и беглый человек, как определил его Василий по разным приметам и рассуждению, сидел рядом с ним, переодетый в крестьянскую одежду, сбривший усы и постриженный под мужика, он спросил его:

— За какую такую волю вы думаете бороться?

— Собственную волю не добудешь, пока в неволе народ.

Беглый стал говорить о жизни рабочих, о нуждах крестьян, и Василий подивился его знанию деревенского уклада. Он впервые услышал о Ленском расстреле и о петербургских стачках, о голоде в Центральной России и о волнениях в армии и на флоте. И все же на вопрос: о чем думает мужик в деревне, как собирается жить дальше, Василий ответил прямо:

— А как жили доселе, так и будем жить. Привыкли, притерлись к порядку. Мужику ведь главное, чтобы его не трогали, не ломали через колено, и он к любому закону приспособится, к любой власти. Сломать — оно просто, да строить сызнова — пупок развяжется. Вот, к примеру, лошадь тащит возок и тащит, положи больше — натужится, жилы вздуются, а все одно будет тащить. А начни дергать по сторонам и сбрую менять — упрется и встанет. Ей порядок нужен.

Беглый не стал спорить. Жизнь, мол, сама покажет, какие песни петь.

На этом бы и закончили, но Василий поинтересовался:

— Вы вот умственно рассуждаете, в Москве и в разных краях побывали, людей знающих послушали... У нас в селе толкуют: скоро, мол, война с германцем. Так ли?

— Правильно толкуют. Войны не избежать. И года может не пройти.

Василий перекрестился:

— Господи, помилуй! От одной не очухались, язвы ее в душу, вторая катит. И какому лешему это нужно?

— А все тому же, кто и народ в ярме держит, и кому принадлежат заводы и фабрики, земля и земные богатства.

Василий возразил:

— Ну, где-то, может, и так, а у нас и зверь в тайге, и рыба в реках, и даже золотишко в удачливых местах ничьи. Бери, ежели сноровист да не ленив.

— Пока так. В Сибири большой хозяин только зарождается, руки потирает. Придет время, кампании да господа капиталисты на все лапы наложат, а простому люду только и остается, что к ним в кабалу идти. Вот ведь ты не свой товар везешь. Барыш-то купцу пойдет в карман, а тебе много ли он отсыплет?

— Ну, мне хватит. Я человек свободный, хочу, — поведу обоз, а захочу — дома останусь. И там дела найдутся.

Не сошлись они с беглым по жизненным понятиям. Зато об охоте да о рыбалке поговорили всласть в полном согласии. И как медведя брать, и как тайменя изловить.

Петя сперва жадно ловил каждое слово гостя и отца, но скоро опять задремал, а когда проснулся, увидел, что идет снег, медленный, редкий, и каждая снежинка выбирала свой путь с небес на стылую землю, то зависая, как бы раздумывая, где бы найти место поудобней, то стремительно падая, не разбирая куда, лишь бы скорее прильнуть к земле и стать незаметной частицей вольных снегов на таежных привольях.

Сквозь редкую снежность послышался высокий, напевный голос Тимошки, его подхватили другие мужики, и полилась, полетела, наполняя молчаливую глухомань неодолимой тоской, протяжная русская песня, такая же простая и неохватная, как душа народа.

Петя хотел вслушаться в слова, но песня захватила его, растворяя все мысли. И хотелось только, чтобы звучала она бесконечно, чтобы кружились снежинки и сидел рядом отец, чтобы шел и шел обоз, поскрипывая полозьями и роняя фырканы лошадей на эту первую в его жизни дальнюю дорогу.

Между тем, замерзшая Четь была гораздо на разные неожиданности и препятствия. Без беды не обошлось. Уже перед самым Боготолом один возок угодил в полынью. Обознику Игнату захотелось поговорить с едущим впереди него через двое саней кумом, и он выехал из обозного ряда, погнался догонять, чтобы ехать рядом с кумом, и не заметил темного пятна на снегу. Лошадь ушла в воду по брюхо, а сани накренились, зацепившись за край твердого льда, и часть товара оказалась в полынье.

Василий сразу же распорядился остальные сани поставить ближе к берегу и развести костер. Лошадь выпрягли и общи-

ми усилиями вытащили из полыньи, а затем Василий, сняв кожух, залез в воду и поднял накренившееся полозье, под которое подвели срубленные лесины, и тогда уже по ним поставили сани на лед.

Беглый работал наравне со всеми и как-то скоро вошел к мужикам в доверие.

Пока обсыхали да разогревались самогоном, и растирали ноги провалившейся лошади, мужики ни словом не зацепили Игната. Но когда снова стали выстраивать обоз, все разом обрушились на него и требовали, чтобы Василий оставил недотепу в Боготоле. Но обозничий порешил, что убыток от порчи товара должен возместить Игнат, и потому нельзя лишать его доли в общем заработке обозников.

Вторая напасть приключилась уже после Боготола, когда встретился жандармский разъезд. Ротмистр с подорожной в руках в сопровождении еще двух жандармов и Василия дощато осмотрел все сани, всматриваясь в лица мужиков. Зацепился за подорожную.

— Почему в ней одиннадцать человек, а вас двенадцать?

Василий отбивался:

— Да кто ж малое дитя записывает в документ? Мал еще, чтобы человеком зваться.

И все же спор удалось уладить только с помощью трех соболей, туса меда и полпуда медвежьего жира.

Уже перед самым Ачинском беглый сказал Василию:

— Вы мне очень помогли, даже не представляете, какую службу вы сослужили. Спасибо вам, русский человек. А увидите Саватия, передайте от меня поклон. Я не забуду вашей помощи. И как бы ни повернулась жизнь, не поминайте меня лихом.

С тем и расстались на окраине Ачинска.

Через много лет Василий понял, кого он подвозил, и что имел в виду беглый, когда сказал, чтобы не поминали его лихом.

...В Ачинске задержались на два дня, встав на постоялом дворе, однако многие пошли навестить родственников и знакомых. Отдохнули лошади, поправили сани и упряжь и снова двинулись в путь по наезженному тракту до самого Красноярска.

Петя с незабываемым любопытством и тайным страхом смотрел на каменные красивые дома и широкие улицы города, толпы людей, мелькание экипажей, раздетых господ и важных офицеров, но еще больше его поразила преддрождественская ярмарка с магазинами, лавками, торговыми рядами и обозами, на которых за сотни верст привезли и мех, и

мороженую рыбу, и целые туши маралов, лосей, кабанов, домашний скот, ягоды и грибы в разных видах, поделки из дерева, кости, железо, кружева и домотканые полотна, даже игрушки для детей, и Петя перво-наперво упросил отца купить для самого младшего, двухгодовалого Васятки, глиняную свистульку и игрушечное ружье.

Но на другие просьбы сына Василий раздраженно ответил:

— Отвяжись. Тут без тебя голова кругом идет. Не знаешь, как все уладить.

А улаживать пришлось многое: и серьезные разногласия с лобазником, которому Фома послал товар по оговоренной цене, и закупку товаров по заказам Фомы и селян, и обеспечение сохранности товаров и даже лошадей.

Лобазник, лысоватый, полногрудый мужик с мышачьими глазками, от которого пахло ржаной мукой, тараторил без умолку:

— Вы в своем медвежьем углу, видать, и не слыхивали, что дется на белом свете? Не сегодня-завтра война разразится, кому нужны будут ваши соболя да куницы? Одно токмо и заставляет взять ваш товар: Фоме обещал в давишнее лето, но зерном и мукой торговать нонче не резон, придержать надо. Цены-то как на дрожжах растут, а потому есть малость времени, чтобы пристроить мех. Но не по той цене, что прежде была.

— А как же купеческое слово, уговор?

— Так ведь и о мире договариваются, а потом воюють, перемальвают людишек, и где тот договор?

Василий не соглашался отдавать мех по малой цене.

— Тогда я поищу другого купца.

Однако все скупщики меха, как сговорились: цена была одинаковой, как и предлагал лобазник.

Василий совсем было отчаялся, не зная, как он будет отчитываться перед Фомой, но выручил случай: натолкнулся он на ярмарке на купца-китайца по случаю продажи медвежьих и волчьих шкур. Мало-помалу разобрались с ценой, а когда стали вытаскивать шкуры из саней, китаец увидел одинца, и глаза у него загорелись.

С него, с этого одинца, первосортного соболя, все и потянулось, да и мужицкая хитрость помогла.

Отдельно Василий не соглашался продавать жемчужину тайги, а вот все вместе меха, по сорок искусно подобранных шкурок в каждом мехе, соглашался уступить по цене почти такой же, как обговаривал Фома.

Для сговорчивости китайца Василий дал ему в подарок пуд кедровых орехов и пару рысьих шкур. Ударили по рукам,

и китаец хитро улыбнулся: соболев — не зерно, подождать может, а время придет, снова будет в цене.

Главное было сделано, а закупки Василию наказал сделать Трофиму, молодому, поворотливому мужику, который держал лавку в родном селе и имел торговый талант. И дал ему трех мужиков в подмогу. А сам пошел исполнить просьбу Саватия — навестить его брата и передать ему гостинец.

Приняли его незамедлительно, и хозяин, учитель гимназии, провел в кабинет, где уже сидел господин в костюмной тройке с красным галстуком навроде банта, перебирая пальцами по крышке пианино.

Учитель, совершенно непохожий на Саватия ни статью, ни чертами мелкого лица, сейчас же, как только вошел Василий, набросился с возбужденной речью на господина с красным бантом.

— А вы, милейший Александр Павлович, спросите мужика: нужна ли ему ваша революция? Дайте ему свободу и права гражданина, закрепленные конституцией, которая ограничивала бы произвол власти, особенно местной, и он поднимет Россию-матушку до высот европейской цивилизации.

— Нет уж, это вы, Дмитрий Иванович, спросите у него, зачем нужна мужику ваша конституция, если земля и прочая собственность находятся в руках царя и господ, которые демократию понимают как власть денег.

Василию стало неловко, что он стал причиной ожесточенного спора между такими важными и образованными господами, и наспех передав гостинец, решил уйти, однако его усадили отобедать, продолжая давно, видимо, начатый спор.

Василий почти ничего не понимал в их речах с множеством нерусских слов, имен и названий книг, он стеснялся есть из дорогой посуды, ему мешали серебряные вилки и ложки, смущали салфетки и служанка, то и дело меняющая еду на столе, но все же отдельные слова застревают в его сознании, вроде того, что Россию погубит интеллигенция, что война очистит кровь и сплотит народ вокруг царя, что без передачи земли крестьянину в собственность никакие реформы не спасут державу, даже если Николай II посадит на трон рядом с собой ее величество Конституцию.

И только выйдя на улицу, Василий почувствовал себя снова кровью и плотью этой земли, то заметенной снегами, то в буйно-лиственной и пышно-игольчатой таежной зелени, в звенящих речных потоках и приволье степей и лугов, этого животворящего неба, своего родного села и бесконечных дорог от жилья к жилью, от человека к человеку. Он не думал об этом и не искал какого-то одного слова, которое вместило бы

все это в себе, но чувствовал, что это и есть самое главное, придающее смысл его существованию на земле.

...Через три дня гостевания в Красноярске обоз собрался в обратный путь. Последний день Василий потратил на поиски книги «Камень веры», которую заказывал Саватий, и навряд ли нашел бы ее, если бы не Трофим, знавший попарастригу, собиравшего старинные книги и предметы для богатеев, впавших в чужачество.

...Была на исходе морозная звездная ночь, когда обоз покинул Красноярск, и Петя, лежа в санях, смотрел в предутреннюю бездну, пораженный ее величественным покоем и мерцающей россыпью звезд, и думал, что там, в глубине глубин, наверное, тоже есть какая-то жизнь, и кто-то так же, как он, смотрит в эту бездну и думает о бесконечности мира и поражается красотой и таинственностью этой бесконечности.

* * *

...Когда я вышел на веранду, проснувшись в девять часов, Док (Дыбко Олег Кириллович) уже сидел за столом и рассматривал мой семейный альбом.

«Странное совпадение, — подумал я, — мне перед сном не давали покоя мысли о моих родовых истоках, о малой родине — Сибири, о деде Василии, в честь которого было дано имя моему отцу, и вот мой друг сидит и рассматривает фотографии, на которых запечатлены далекие двадцатые и тридцатые годы.

— Смотри, какие лица! — говорит мне Док. — Какое достоинство, спокойствие, какие глубокие глаза и одухотворенность! Эти люди знали, зачем они пришли в этот мир. И одеты весьма неплохо, наверно, даже модно по тем временам, и бусы на женщинах чуть ли не до пояса. Какой это год и кто на фотографии?

Я смотрю на семейный снимок моей матери, еще до ее замужества, видимо, это 1931 или 32 год и рассказываю:

— Вот это глава семьи — Трофим Михайлович, тот самый, что ходил обозом в Красноярск и держал лавку в селе. Его взяли в армию в 1914-м и послали на передовую, где он вскорости попал в плен к немцам, и пробыл там до начала 1918 года, работая на ферме зажиточного саксонца. Вернулся домой и снова взялся за торговые дела, однако уже не с тем размахом, а просто содержал винную лавку. Время было другое, и семья требовала мужского хозяйствования. Держали лошадь, корову, большой огород. Из нашего рода никого не раскулачивали, да и колхоза в селе так и не образовалось. В Сибири крестьянский вопрос решался мягче, чем в централь-

ной России. Мужик там был степенный, непуганый и не битый, свое имел рассуждение, и если уж принимал какое решение, стоял на этом твердо.

К советской власти долго присматривался. Воевал то в войске Семенова, то в банде Антонова, но когда принял новую власть, все отдал ради ее крепости, и в 41-м под Москвой встал насмерть, не попомня никакой личной обиды.

...Рядом с Трофимом его жена, моя бабушка, Ирина. Красивая даже в пожилом возрасте, она последнего своего сына родила в 52 года, и он оказался младше меня, своего племянника.

Род матери, Осиповых, был многочисленный, но кроме бабушки, дядьев и тетюшек, я никого не знаю. Вообще-то не только я «Иван, не помнящий родства». Во всем русском народе куда-то исчезли родовая память, интерес к своим предкам: кто они, как жили, как их звали хотя бы? Ничего не знаем и знать не хотим. Однажды, по случаю, один знакомый калмык сказал, что у них каждый обязан знать род свой до седьмого колена.

Док смотрит на меня печально и сострадательно, не говоря ни слова. Мне не хочется, чтобы он так смотрел, и я говорю с легким упреком:

— Можно подумать, что ты знаешь своих прабабушек и прадедушек.

Но Док неколебим.

— Я — человек мира. Мне нужно знать весь род человеческий, но это, как ты понимаешь, невозможно. Хотелось бы понять, почему каждое новое поколение хуже предыдущего. Не в смысле возможностей вкусно пожрать и разнообразия удовольствий. А прежде всего в духовно-нравственном смысле. В той связи с мирозданием, которая удерживает наш мир от гибели.

Я почти не понимаю Дока, ведь возражение вполне очевидно и лежит на поверхности:

— Ну, знаешь! И ребенку понятно, что человечество постоянно прогрессирует, и достигло таких высот, что...

Док подхватывает мою фразу:

— Что может вот-вот загреметь с этих зияющих высот в небытие. Если хочешь знать, человечество прогрессирует только в индустрии наслаждений и смерти. Однако, давай о фотографии.

Я рассказываю о дочерях и сыновьях Трофима. Док показывает на следующий снимок, еще более пожелтевший.

— Это дед Василий с сыновьями Петром и Васей, моим будущим отцом. Видимо, это конец двадцатых годов. Заметь:

ладонь деда, лежащая на плече Петра, больше головы сына. Когда деду было уже за восемьдесят, он поспорил, что вынесет из подвала по лестнице в десять ступеней пятнадцать пудов соли на спине. Ему положили мешки, и он поднялся с ними, но при выходе задел мешком за притолоку, прогнулся назад и сломал позвоночник. После этого он прожил чуть больше года. Ну, а отец... Ты знаешь, что он погиб в 1941 году под Ленинградом, хотя мог и не рваться в действующую армию, на фронт, а остаться в своей погранчасти на Дальнем Востоке, под Спасском, имея трех детей. Там тоже ждали нападения японцев. Считал, что коммунист, а он был политруком, должен быть там, где тяжелее и опаснее всего.

Док задумчиво и грустно говорит вроде как не мне, а кому-то незримо:

— Странное, удивительное племя, вставшее над собственной судьбой, над мелочностью быта и прагматичностью. Племя, устремленное в светлое будущее, как бы это не звучало плакатно, и жертвенно прожившее свою жизнь ради этого будущего. Они верили в великую идею справедливости, во всеобщее благоденствие человечества...

Док не закончил фразу. Бережно закрыл альбом и вдруг возбужденно, как показалось мне, сказал, поглядывая на стол:

— А не выпить ли нам по рюмашке, другой? У тебя осталось что-нибудь?

— Ты что? По утрам пьют только лошади, да и то воду.

— Отстал ты от жизни, Ник. Не читаешь научных статей, в храм не ходишь. С точки зрения медицины вечернее питье нагружает сердце на ночь необходимостью борьбы с ядом — алкоголем. Оно трудится в поте лица своего, гоняет кровь по твоей грешной плоти, чтобы очистить ее от даров Бахуса. Сон тяжелый, кошмары снятся. Соответственно, утром болит голова, и ты думаешь, то ли похмелиться, то ли рассола выпить, то ли от работы увильнуть. А духовная битва с зеленым змием по ночам и того тяжелее. Так что давай, наливай, друг мой.

Мы выпили по рюмке, и Док вроде повеселел, и снова пустился в рассуждение.

— Ты уж извини за высокий слог. Сам не люблю напыщенных речей. Да не всегда же ублажать душу кошачьими нежностями. Мурлыканье сродни нынешнему информационному разбою. Этакое простодушие сквозит во всех этих сообщениях об убийствах, взрывах, пожарах, всяческих преступлениях и несправедных судах, упавших самолетах, утонувших кораблях, трагедиях на дорогах, а за простодушием

торчат уши нечистого, и картавый голосок гнусавит: привыкайте, привыкайте к бедам, смертям, произволу и беспределу... Глядишь — и привыкнется рабская покорность. И протестовать будет как-то неудобно, да и неохота. Ты скажешь: опять политика! Надоело. Ах, извини, друг мой, каюсь, каюсь. Давай о баксах, бабах, футболе и авто. Но только глупцу не ясно, что это тоже политика. Политика превращения человека в животное, в робота, зомби, если угодно.

Я сказал Доку:

— Ты очень изменился. Где тот веселый, взалхлеб пьющий жизнь, старлей с подводной лодки? Где он?

Док ничего не ответил. Он склонил поседевшую голову к столу и молча, беззвучно, как в отсеке затаившейся в океанской глубине субмарины, наполнил рюмку и выпил.

Георгий КАЮРОВ (г. Кишинев)

НЕ ЗНАЯ, ЧТО СЧАСТЛИВ

Рассказ

Карпаты, одни из самых красивых гор Европы. Чего только не повидали они за свой многовековой возраст. Для скольких тысяч, а может, и миллионов человеческих судеб они стали последним прибежищем! Надо посетить этот мир пытливым гостем, чтобы увидеть извечную спаянность гор и их обитателей. Человек покорил Карпаты, как ему показалось, и они умиротворенно расслабились, позволяя прокладывать дороги, тянуть электролинии, строить поселки и города. Карпатам уже давно нравится помогать людям. Сколько стихий застряли, запутались, ослабли в хитросплетениях каменных ущелий, лесных склонов и не обрушились на человека по обе их стороны. Но все-таки с Карпатами не шути!

От Ужгорода в глубь гор, на ту их сторону, тянется лента автомобильной дороги. Зимой Карпаты особенные — засыпанные снегом, они кажутся ниже, чем на самом деле. Красиво! Все кругом белым-бело, огромные заснеженные лапы деревьев вроде стонут от тяжести, а если присмотреться, прислушаться, — им хорошо, тепло под снегом... Нежатся... Белоснежные склоны испещрены черными стволами деревьев, как будто художник поленился взять разных красок. Но при-

глядишься и увидишь, что художник хоть и две краски взял, но самые богатые, лучшие. А вон там, против воли живописца, и другая краска примешалась меж снежных барханов — ярко-красный автомобиль, словно игрушечный, нырнул и движется вдоль ущелья. Это семья Кузьминых — Алексей, Людмила и двое их дочерей — возвращаются из путешествия по Европе, которое совершали на своей новенькой машине.

— Вот так и по жизни, — тяжело вздохнул Алексей, согнав уже прижившуюся на лбу бороздку, — едва родился — и в путь. И не бывает пути легкого, если собираешься прожить жизнь достойную.

— Леш, ты чего? — заметив вдруг переменившееся настроение мужа, позвала Людмила. Во время поездки они видели друг друга только через зеркало заднего вида, и она пристально смотрела на узкую полоску зеркала, ожидая мужниного взгляда. И он взглянул — спокойными, заботливыми, но слегка уставшими глазами.

— Все в порядке, — успокоил жену Алексей.

Людмила изучающе всматривалась в зеркальную частичку мужниного лица, но на нее опять взглянули все те же глаза, только теперь слегка улыбающиеся. Показалось. Зря дрогнуло женское сердце, но такое оно — всегда начеку.

В горах темнеет быстро. Алексей торопится, чтобы засветло проехать по горам как можно большее расстояние. Машина будто чувствует желание хозяина и мгновенно реагирует на малейшее нажатие педали газа, стрелой пролетая зеркала гололеда и оставляя за собою завихрения поземки. Заснеженная дорога, словно кокетничая, серпантинится, то опускаясь, то круто взмывая к вершине, и успокаивается, чернея выверенным, задубелым асфальтом на перевале, чтобы опять крутым виражом нырнуть в ущелье и скрыться, пугая и держа водителя в напряжении.

Детвора возится на заднем сиденье, донимая маму толкотней. Людмила развлекает их, как может, читает книжки, раскладывает мозаику и краем глаза посматривает на дорогу, на мелькающие селения.

Частые поселки, заваленные снегом под крыши, стоят одиноко и кажутся безлюдными. Их вид нагоняет тоску. Только тянущиеся в небо ровные столбы дыма показывают, что обитатели сидят по домам, и под снегом, за крепкими стенами, в тепле, бьется жизнь.

Ночь опустилась незаметно и сразу смешалась со снегом. Дети утомонились, притихли и заснули. Свет фар встречных автомобилей слепил, усиливаясь отблеском укатанного снега. Большегрузные фуры, пролетая мимо, обсыпали автомо-

биль снежными вихрями, заклепывая лобовое стекло. На время в салоне воцарялась темнота. Дворники быстро счищали снег, свет встречных фар врвался, чтобы снова ослепить. Людмила всегда удивлялась, как муж видит в такие мгновения дорогу? Но Алексей вел автомобиль уверенно, и она задремала.

Ближе к полуночи миновали последний перевал. Расступившиеся деревья открыли космическую черноту с рассыпанными звездами. Верный признак крутого мороза. Млечный Путь нависал параллельно вдруг выровнявшейся дороге и где-то вдали ложился на землю, сливаясь в горизонт с искрящейся огромной поляной электрических лампочек Львова.

Начинался последний, затяжной спуск в долину, последний отрезок пути до Львова по ровной заснеженной дороге. Остались позади опасные горные подъемы и спуски, серпантин и обрывы.

Алексей откинулся в кресле. Можно расслабиться.

— Слышь, Люд? Спишь? Скоро Львов.

— Дремлю. Быстрей бы уже, — отозвалась Людмила.

— Надо бы к отцу твоему заехать, — как можно мягче произнес Алексей.

Людмила не ответила. Муж часто заводил об этом разговор. Поначалу его настойчивость раздражала и злила ее. Она не понимала, зачем ему это? Ей уж точно ни к чему. Жила ведь она двадцать пять лет без отца. И ничего!

Шло время. Родилась первая дочка Марина. Потом Иришка появилась. И к предложениям мужа съездить к отцу Людмила начала относиться философски. Если и возражала, то только, чтобы сохранить последовательность. В душе же что-то перевернулось и помягчело. Чаще всего разговор ни к чему не приводил. Алексей настаивал, но и сам не торопился с поездкой, все-таки восемьсот с лишним километров. С двумя крохотными детьми не соберешься в такой дальний путь вот так запросто. И поездка все откладывалась.

Сейчас же то оказалось реальным, и Людмила загрустила. Ей было о чем подумать, но не думалось. Вот так просто — ни одной мысли, одна только тягучая, тяжелая, удушливая грусть. И все.

Алексей больше разговора не заводил, оставляя жене самой прийти к согласию. Остаток пути ехали молча, каждый боролся с обвалом мыслей.

* * *

Если забором не удивишь, то частокол в наше время — крепостная экзотика. И видеть его в одном из стариннейших городов Европы уже в диковинку.

Николай, или как его звали посельчанине — Колька, «по стеночке» добирался домой пьяный. На прошлой неделе ему исполнилось пятьдесят. Окружение и круглая дата обязывали праздновать до пике.

До своего дома, огороженного сталистой сеткой, оставалось пройти вот этот соседский часток. «У нас тоже такой был... ик, — икота то ли от алкоголя, то ли от пробирающей ночной прохлады не давала Кольке сосредоточиться. — Зачем отец поменял на сетку? — Он медленно склонился, держась за часток, захватил пучок травы. Отправил его в рот. Пожевал, собирая влагу во рту для борьбы с икотой. Едва ступая, закачался, балансируя в такт жеванию, и остановился, вдруг чему-то удивившись. — Ик! Тьфу, гадость! Обязательно полынь попадет. — Ослабевшей рукою обтер рот. Стряхивал, стряхивал пожеванные остатки и все-таки вычистил ладонь о брюки. — До калитки доползешь, свалишься за забором и спишь себе, никто не видит. А сейчас что? Весь двор через эту проклятую сетку видно, все соседи пялятся. — Николай стоял, покачиваясь, но колени дрогнули, подкосились, голова дернулась и привалилась щекой к кольям. Глаза смогли посмотреть вдоль забора. — Ну и когда эта сетка проклятая начнется?» Дрожа всем телом, наконец, удалось выровнять непослушные колени, и земля на мгновение остановилась, позволяя человеку передвигаться.

Пальцы то и дело застревали в хитросплетении свежесрубленного частокола, сплошь и рядом испещренного белыми затесинами, отдающими прохладной свежестью недавней жизни. Попадались колья и лот старой изгороди — черные, кора с них давно слезла, и шершавые, с трещинами.

Изгородь зеброй — старыми и новыми кольями — трюилась. Разлетаясь в разные стороны, и забегала за спину, словно окружая. Колька повернул голову вслед убегающей изгороди, она китайским болванчиком качнулась, и вернулась на место. Собрался было идти, вяло потянул руку, но она прочно сидела между двумя жердями. «Застрял!» Поднял голову, разглядывая гребень забора. Небо закружилось, изгородь потянулась, разноголосно заскрипела, но не упала. Сама устояла и удержала хилую, выпаренную алкоголем фигуру человека. «Нет, не достану... не получится через верх». Голова мотнулась и рухнула на грудь. Колька медленно опустился на колени, двигая руку по щели вниз, ища, где можно высвободиться. Не найдя, потянул с силой, на которую были способны его проспиртованные мышцы. А когда не получилось, ткнулся головой в изгородь и тихо заплакал, подрагивая шупленькими плечами. Заплакал тем сухим плачем, каким

плачут многолетние пропойцы. Плакал, плакал, пока не уснул, кувыркнувшись на бок, с застрявшим между колевок кулаком. Тупая боль на мгновение отрезвила Кольку, и он посмотрел, как мог, куда-то ввысь, своим беспомощным, страдальческим взглядом, словно умоляя о чем-то кого-то там, наверху, и забылся. Не осталось сил... Покинули...

Будут проходить соседи, только проверят — дышит? Устали все таскать пьяного Кольку домой. Ладно бы раз или редко, а так — каждый день. Даже старики-родители махнули рукою: «Ничего ему не станется. Отоспится — сам придет». Обычно так все и происходило. Колька трезвел на свежем воздухе и являлся домой.

Мало кто ходит по ночам. А если и идут, то больше пробежками, скоренько в тепло, в домашний уют. В такой крошечной темноте некогда разбираться, что там темнеет под забором.

Жил Колька один на белом свете — «ни дитя, ни кутя». Если бы не стареющие родители, никто и не знал бы, откуда он взялся на поселке. Замкнутым был Колька и молчуном, слова не вытянешь — ни доброго, ни худого. После армии особенно. Кто-то, может, и сохранил в памяти Колькину свадьбу, все-таки всем миром гуляли. Давно это было, еще перед самой армией.

Призвали Кольку, а беременная жена пропала. Поговаривали, к родителям уехала, там и родила дочку Людмилу и вернется, сказывали, когда Колька отслужит. Прошли положенные два года армии, а он не возвращался. Ни одного письма за все время. Родители кому только ни писали, но ответ был один — молчание. Вернулся Колька спустя еще год — все это время валялся по госпиталям. Как ни упрасивала мать рассказать, что же случилось с ним, не доняли материны слезы. И только красовался рубец через всю Колькину голову и заканчивался у лопатки. Мать взглянет на сыновью голову и уткнется в платок, задыхаясь от слез. В общем, Колька отслужил, а жена не вернулась. Все и забыли о ней. А Колька больше не женился — полюбил один раз и на всю жизнь. Так умел любить!

Время хороший лекарь. Любовная боль, разбавляемая хмелем, притупилась. Жил Колька один-одинешенек. В отчий дом ходил, как на ночлежку. Целыми днями пропадал где-то. Ладно бы на работе. Но работа заканчивалась в пять вечера, а Колька являлся к полуночи. А в выходные, где можно целыми днями пропадать? Бывало, мать не выдержит и в сердцах скажет:

— Ну, что ты все один да один маешься? Женился бы. Внуками бы порадовал. Живешь как пустоцвет.

Колька даже не смотрел на мать, как будто и не с ним разговаривали.

— Ты слышишь меня? Никольша! — просительно спрашивала мать.

Колька поворачивался к матери, обнимал, целовал в голову и молча уходил из дому, чтобы вернуться, когда все домашние уже спят. Надоели все эти разговоры!

* * *

Красив утренняя Львов! Морозный воздух аж звенит!

— Мы во Львове, — Алексей пристально смотрел на жену. — Люд!

— Слышу я, слышу, — отозвалась та, собирая детей.

— Надо бы зайти к отцу твоему.

— Что я ему скажу? Не вертись! — одернула дочку Людмила.

— Ой, мама, больно!

— Ты не вертись, и не будет больно. Волосы все равно надо заплести.

— Скажешь — здравствуй, — после короткой паузы продолжил Алексей.

— Только и всего-то, — задумчиво произнесла Людмила, глядя в окно. — Ради этого и ходить не стоит. — Вмиг ее взгляд вспыхнул страстной уничтожающей злостью, какая бывает только у женщин.

— А тебе надо обязательно претензии предъявить?

— Много у меня к нему претензий, — жестко проговорила Людмила.

— Ты что ли, замуж за него выходила? — хладнокровно парировал Алексей.

— Не надо было детей заводить, если жить не собирался! — Ее глаза загорелись злым, бешеным огнем.

— Прекрати шариковщину разводить! — вспылал Алексей. — Претензии у нее, видите ли, за то, что жизнь ей дали! Родителей не выбирают. И прими его таким, какой он есть. Отказываясь от отца, ты повторяешь его ошибку, а значит, подтверждаешь его же правоту!

Людмила не ответила. Она отвернулась к стене и заплетала косы, не глядя, а слезы медленно сползали по щекам.

Алексей не нажимал и не торопил жену, но и от своего не собирался отступать. Для себя он давно решил, что обязательно надо съездить к отцу Людмилы. Все как-то не получалось и вот представился удобный случай — проездом остановились с ночевкой во Львове.

— Мне даже сказать ему нечего, — успокоившись, примирительно тихо заговорила Людмила. — Все эти годы я была ему не нужна. Да он, наверное, и не знает о моем существовании.

Алексей чувствовал всю тревогу, бурлящую в душе жены. Он прижал ее к себе, а она говорила, чтобы решиться на самый важный, может быть, поступок в своей жизни. И он, ее муж, должен поддерживать ее. Он не сомневается — это правильный поступок.

— Тем более, — тихо, почти шепотом, сказал он, — надо поехать и убедиться, что не нужна. А может, он сам скажет: чего приехала? Значит, двадцать семь лет не был нужен, а теперь вспомнила?

— Он, наверное, и не знает, что я есть на свете. Хотя мама писала, — Людмила замолчала, вспоминая. — Да, писала. Мы даже ездили, когда мне было лет семь или восемь, но никого не оказалось дома, и мы уехали, ни с кем не повидавшись. Нет, не могу. Уедем отсюда.

— Но так нельзя! — вспылал Алексей. — Хороший или плохой — он твой отец! Убедись! Пусть он не захочет тебя видеть! Прогонит, наконец. Переживи, выстрадай свою правоту! Испей до капли свою судьбу!

— Ты думаешь, так будет легче?

— Если прогонит? — Он задумался и тяжело вздохнул. Знакомая до боли ситуация. — Не легче, — согласился Алексей, и ему стало не по себе оттого, что их могут выгнать, и придется пройти через странное унижение: — Горше! Но это будет твое личное решение, а не чье-то. В конце концов, душу питает страдание, а не счастье.

— Мне страшно, — глаза Людмилы опять наполнились слезами, она их едва сдерживала, но они набухали и крупными каплями, тихо, срывались вниз. — Я много раз представляла себе эту встречу и всегда боялась только одного... — Она замолчала, набираясь сил и делая глоток, и слезы обильным потоком слетели с ее глаз.

— Чего же? — Алексей шептал, чтобы даже голосом не испугать, не потревожить растеребленную рану души любимой.

— Понимаешь... Мы встретимся... — Людмила не выдержала и громко расплакалась.

— Ну, ну, — заулыбался Алексей, сам едва сдерживая слезы. — Хорошо, что встретитесь. Может, он приличный человек. Обрадуется внушкам. С дедом поздравим его. Потом, мы не обязаны часто к нему ездить...

— Понимаешь... Вот встретимся... — Людмила сдержала новый приступ слез. — Мне же надо будет как-то к нему обратиться? — Она смотрела на мужа и ждала ответа.

Алексея обескуражил вопрос жены. А ведь и правда! Что же, вот так просто, с трахты-барахты приехать и с порога: «Папа, здравствуй».

— Скажи просто: всем здравствуйте.

— Леша, кому всем?

— Он же не один живет, — растерялся Алексей. — Сегодня выходной. Все дома. Отдыхают.

— У меня язык не повернется назвать его папой, — задумчиво сказала Людмила. И по ее голосу чувствовалось, что это правда.

Алексей стоял, задумавшись. Оба молчали, думая каждый о своем.

— Заехать надо, в этом я не сомневаюсь. Сориентируемся по обстановке. Все! Все-все-все! Вперед! — Алексей быстро заходил по номеру. — Положись на меня. Потом, наша детвора не даст всем скучать.

— А если он, здороваясь, кинется обниматься, целоваться, — не унималась Людмила.

— Почему ты решила, что кинется? — обескураженный вопросом жены, Алексей резко остановился.

— Все родственники целуются при встрече.

— Ты еще не видела человека, а уже придираешься к нему, — и Алексей решительно закончил: — Так, все! Решено. Собирайся. Детвора! Едем к бабушке.

Вызвали такси и поехали. Детвора сидела смирно, словно чувствуя напряжение родителей. Алексей не на шутку волновался. И, чтобы отвлечься, болтал с водителем. Людмила молчала, уткнувшись в окно. Таксист быстро нашел нужный адрес в поселковых трущобах Львова. Остановился у самой калитки, испугав писком тормозов всех собак в округе. Алексей расплатился с таксистом, и машина с зелененьким огоньком и шашечками укатила.

— Здравствуйте! — громко поздоровался Алексей с женщиной, вышедшим из дому на лай собаки.

— Здравствуйте, — ответил тот, понимая, что люди, кажется, ошиблись.

— Простите, — улыбнулся Алексей и протянул мужчине листок, — это ваш адрес?

Мужчина внимательно посмотрел в листок и, с недоверием глядя на незнакомца, кивнул.

— Да, наш. Наша фамилия. А кто именно вам нужен?

— Николай Васильевич.

— Вы кто ему будете? — после некоторой паузы и долгого изучающего взгляда спросил мужчина.

— Видите ли, — начал Алексей, — я муж его дочери. Это его дочь Людмила, а это наши дети, его, стало быть, внуки.

Мужчина вмиг изменился в лице и засуетился.

— Проходите, проходите. — От внезапно нахлынувшего волнения он никак не мог открыть калитку, пытаясь одно-

временно загнать собаку в будку и кого-то позвать из дому еще. — Пошел в будку! Выйдите кто-нибудь! Помогите! Это к нам! Проходите. Я брат Николая Васильевича, — пропуская гостей, представился мужчина и протянул Алексею руку: — Жора. То есть Георгий. Значит, Васильевич.

Из дому вышел старик и с непонимающим видом рассматривал незнакомое семейство. Детвора путалась у ног родителей, стесняясь и мешая всем двигаться.

— Папа, — возбужденно кричал Георгий Васильевич, суется. — Это Колькина дочка приехала. Это наш дед, — указал он на отца, тут же представляя его: — Василий Савельевич.

— Нинкина, что ли? — разглядывая гостей, спросил сына Василий Савельевич.

Георгий Васильевич от неожиданного вопроса замер. Он уже давно забыл, как звали жену брата.

— Ну да, — быстро сориентировался он. — Проходите в дом. Мама! Колькина дочка приехала с семьей! Проходите. Не стесняйтесь, — сутился Георгий Васильевич, — она у нас уже шестой год не встает. Проходите в комнату.

Так, толкаясь, с юлящими детьми, Алексей и Людмила вошли в просторную комнату. У стены стояла широкая кровать. На кровати — уже успела встать — сидела приличная старуха, со всех сторон обложенная подушками. Она слышала шум на улице. Слышала разговор и уже встречала гостей с нахлынувшим и растущим волнением. Вошедший следом Георгий Васильевич представил:

— Это наша бабушка — Ульяна Ивановна.

— Можно просто баба Ульяна, — красиво улыбнулась Ульяна Ивановна. — А ты значит Люда, Колькина дочка? — неожиданно обратилась она к Людмиле, и та растерялась, улыбнулась и неуверенно кивнула.

— Представляй семью, дочка, — звонким баском командовала Ульяна Ивановна и, не дожидаясь, сама вызывала к знакомству. — Вы, стало быть, муж?

— Здравствуйте, Ульяна Ивановна. Алексей, — представился Алексей, подходя к постели с протянутыми руками, словно они были старыми знакомыми, давно не виделись, и вот представился случай. Ульяна Ивановна тоже протянула обе руки и так, державшись руками и улыбаясь, они рассматривали некоторое время друг друга, в молчаливом знакомстве.

— А это внучки? — насмотревшись на мужа Людмилы и отстраняя его в сторону, но, не отпуская руки, обратилась Ульяна Ивановна к детям. — Ну, покажитесь! Какие вы красавицы!

Девочки, стесняясь, прятались в полах маминого пальто, выглядывая на незнакомую старуху, которая ко всему прочему как-то странно восседала на кровати, и даже не соизволила встать им навстречу.

Быстро собрали на стол. Дети занимали всех. В заботе о них все быстро сошлись в разговоре. Говорили обо всем сразу, как давно знакомые, но никогда не видевшиеся родственники. О Людмилином отце речь никак не заходила. Алексей переглядывался с женою, но тоже не решался спросить первым.

Наконец принесли семейный альбом, и Ульяна Ивановна принялась рассказывать о людях на снимках. Алексей слушал внимательно и с нетерпением ждал заветного снимка с отцом Людмилы, а он все не появлялся.

Детвора совсем освоилась и бегала по всему дому. Успокоилась и Людмила. Все складывалось благополучно. Могли и выгнать с порога. Но не выгнали, а приняли хорошо. Не выгнали, значит, все в порядке.

— А это наш Коленька в школе, — вдруг сказала Ульяна Ивановна.

Алексея словно подкинуло, и он тут же выпалил:

— А, кстати, где он? — Подбежали запыхавшиеся девочки, и Алексей, чтобы спрятать смущение, обратился к ним с улыбкой: — Почему мы не видим нашего деда, детвора? А ну, идите к дедушке Жоре и спросите, где дед Коля?

Дети с шумом, галдя, выбежали из комнаты. Алексей посмотрел на Ульяну Ивановну. Она не отводила взгляда от Алексея, потом медленно перевела его на Людмилу, совершенно не мигая. Откуда-то из груди, из самого материнского сердца, у нее тихо вырвалось:

— А вы что, не знаете?

— Что — не знаете? — силой воли успокаивая возбуждение, предчувствуя что-то неладное, переспросил Алексей.

— Его с нами уже три года как нет, — старуха-мать взялась расправлять складки покрывала, которым были накрыты ее ноги. И только едва заметная дрожь в пальцах выдавала ее волнение. Она боролась с комком в горле, чтобы не разрыдаться. И поборола, потому что через мгновение на гостей она смотрела светлым взглядом. И только застрявшие у краев глаз одинокие слезинки своим блеском выдавали ее тайну.

— Как — нет? — Алексей медленно опустил на стул. Глупый вопрос, но о чем можно спросить, когда тебя и самого пронизала иглами насквозь ужасающая догадка?

— Он умер.

Все увидели на лице старухи холодную улыбку.

— Странно... — протянула Людмила.

— Ничего, дочка, — вздохнув с облегчением, успокаивающе погладила внучку по спине Ульяна Ивановна. Ее жест красноречиво говорил, что ради этой встречи она жила все эти годы и прожила бы еще столько же. Сын не смог. Она дождала за сына.

Николай КУКУЙ (г. Москва)

ЛЕГКИЕ КРЫЛЬЯ

* * *

Даль без края и древние плиты,
Золотых облаков завитки...
И о чем-то давно позабытом
Прокричат паровозов гудки.

И затихнут они, вызывая
Тень твою из далеких времен,
Русь моя, старина вековая —
Непробудный и явственный сон...

Ты восстанешь из сумрачной дали
С синевою бездонной очей,
Светлой в радости, тихой в печали,
Неподвластная воле ничьей!

* * *

Нас пора ликования весеннего
Захлестнула и в плен забрала,
Словно душу из мрака и тления
Подхватили два легких крыла...
И прекраснее нету пленения,
И вторгаются в явь, а не в сны
И любовь, и восторг вдохновения,
И дыханье твое и весны...

Равиль ФАЙЗУЛИН

ВСЕ ПОВЕРЯЮ САМ

СОВЕРШЕННОЛЕТИЕ

Я с суетой прощаюсь постепенно.
Избавился от мелочных оков.
И кажется — спокойней и степенней
Течет по жилам яростная кровь.

И небо стало выше и объемней,
И побратались Запад и Восток.
Я будущее, прозревая, помню,
И в прошлом вижу новых дней росток.

Мне дорог свежий вкус родного хлеба.
Сверяю жизнь по солнечным часам.
Не суечусь. Не выдам на потребу
Случайных слов. Все поверяю сам.

ПРЕДПОЧТЕНИЕ

Не счесть прекрасных листьев на деревьях!
Но мне дороже увидеть в кочевье
Листву, обрушенную ниц,
Прикрывшую озябших птиц.

Не счесть прекрасных женщин на планете!
Но мне милее всех красавиц этих
В сиянье косметических затей —
Соседки, выроставшие детей.

СПАСИБО

Спасибо —
Мирному рассвету,
Раскрывшему мне глаза —
За то, что алость его
Не напоминает мне о людской крови,
О пронесшихся войнах.

Спасибо —
Ветру,
Нежно коснувшемуся моих волос —

За то, что не приносит он мне
Черные вести о родных и близких.

Спасибо —
Любимой
За то, что не ранит мне сердце
(любовь и ненависть ходят рядом!)

Спасибо —
Врачу
За то, что пока он не нужен
Моему здоровому организму.
Спасибо —
Самому обыкновенному дню
За его естественность,
За то, что в своих дождях и буранах,
В прохладе и зное
Он — самыми разнообразными заботами
И тревогами
Заставляет меня ощущать себя
Человеком.

Если судьба и завтра
Будет благосклонной и милосердной,
Если принесет она
Душе — радость,
Телу — здоровье и силу,
Тысячи раз
Спасибо ей!
Бесконечное спасибо!

Перевел с татарского Виктор Широков

Вячеслав ЛОЖКО (Крым, п. Коктебель)

ПРИКОСНОВЕНИЕ ЛАДОНЕЙ

ОСЕНЬ

Багряно-красен лист кленовый.
Рябин рубиновых кусты.
Так много красок свежих, новых,
Они созвучны и густы.

И воздух густ, пропитан медом,
И неба синь пронзает глаз...
Под этим вечным небосводом
Ты так прекрасен — жизни час!

* * *

Мгновенья разделяют нас,
И сердце острой болью ноет...
Мгновенья — это звездный час,
И жить мгновений ради стоит.

Мы понимаем все острее,
Что с каждым годом жизнь бездонней.
Так пусть же будет все добрей
Прикосновение ладоней.

* * *

Затуманилась дальняя Вега,
Осыпается высь серебром.
Утро тихое в хлопьях снега,
Снег повсюду лежит ковром.

И таким все кажется чистым,
Нет прекраснее зимних небес!
Светом брызжет холодно-искристым
Зачарованный дальний лес.

А в душе беспокойной истома,
И гнетет тишина окрест...
Далеко до весеннего грома,
Только вьюги гуляют здесь.

*Материалы рубрики «Писательское братство»
подготовила Марина ПЕРЕЯСЛОВА*

РУССКИЕ, С КЕМ ВЫ?

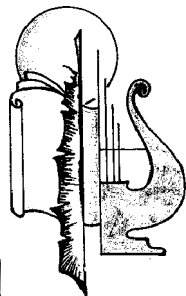
*(Раздумья над книгой Андрея Грунтовского
«Плотницкое дело». СПб., 2008)*

Едва прочтя первый же рассказ, открывающий эту тоненькую книжицу, я, откровенно признаюсь, тут же и перелистывать кинулся, а затем — перечитывать. Забрало, как в таких случаях говорят, царапнуло. Если не сказать — резануло. А поначалу-то... Поначалу, не скрою, этак свысока и хмыкнул было... Книжонка-то с виду не ахти, вроде самиздатовской брошюрки. И ни библиографических, ни всех иных положенных по закону издательских данных, ни тиража не указано. На правах рукописи, словом. Из тех, что ныне все, кому не лень, за свой счет на-гора конвейерами гонят.

Вот и тут, смотрю, автор не из известных — некто Андрей Грунтовский. Да и название не из оригинальных — «Плотницкое дело». Было уже нечто похожее у Василия Белова, было, так что тут, думаю, скорее всего, подражание, вторичность.

И вдруг... Читаю — и в какой-то момент так и резануло по сердцу: да это же про меня! Себе не веря, заново и построже в снимок на обложке всматриваюсь. Может, Андрей Грунтовский — это псевдоним? Может, мы с ним и виделись где? Иначе откуда же ему про меня знать?

Смотрю, разглядываю — нет, не знаю такого. Сидит, приопершись локтями о колени, призадумавшийся зрелых лет мужичон-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ко. Лицо открытое, доброе, тронутая сединой борода. С усталой грустинкой умные, внимательные глаза. Притомился, видать, после трудов праведных, ну и присел маленько отдохнуть. И подтверждение тому — за спиной свежий, только-только возведенный под шифер бревенчатый сруб.

Впрочем, спохватываюсь, не с ним же, не с автором свою схожесть заподозрил, а с героем его повествования — Василичем. Но вот то, что он, плотник этот, не совсем и плотник, а писатель, вынужденный ради куска хлеба пойти в плотники, это уж точно про меня!

Вкальывая с темна до темна, орудуя то топором, то ломом, то лопатой, он не мог, ни на минуту не мог отвлечься от своих навязчивых писательских мыслей. И эти его мысли, его раздумья оказались на удивление созвучными моим, не менее навязчивым и не менее горьким. И, конечно же, я не мог не понять, как горько и как обидно было ему сознавать, что он, по существу, хоронит, закапывает свой Богом дарованный талант в самом же им вырытый котлован для фундамента под дачу новому русскому. Можно ли, действительно, придумать более лютую, более издевательскую казнь для человека, считающего свое писательство делом жизни! Да еще выходило так, что и сам был одним из тех, кто в недалеком прошлом эту каторжную судьбу, эту казнь сам же себе и уготовил.

Вспомнился Варлам Шаламов с его страшными колымскими рассказами. Александр Исаевич Солженицын с его призывами жить не по лжи. Грустно подумалось: «Проковыряли дырочку в корабле, а потом кричат: «Ой, откуда вода!»

Ему, Василичу, теперь вот в этой погибельной воде и барахтайся, соображай, как не утонуть. И надо бы придумать, и надо бы сообразить — как? И если писать, то сказать что-то жизненно важное, мудрое, нужное. И — писал. Несмотря ни на какие житейские невзгоды писал. Надеялся — сумеет, додумает, найдет, скажет. И, как ни тяжек был ненормированный, нужный для заработка рабочий день, вечером — к письменному столу. И допоздна. Иногда — до глубокой ночи. Иногда — и еще позже.

Хотя... «Можно лопатой махать, можно дом рубить, но отсидеть без движения полночи — это уже тяжело...» Но ведь превозмог все свои боли, сумел, дописал. Только вот — голова... гипертонический криз... инсульт... «И тут встало сердце Василича — сколько же можно! — встало...»

И еще в концовке: «Одно плохо: остались жена да дети малые. Не успел взрастить и на ноги поставить. Это он зря. Это неправильно. Но... Богу виднее».

Вот тут-то мне, как я уже выше обмолвился, душу так и ожгло. И Василича как человека до щемящей боли жалко, и на

прочитанный текст я иными глазами взглянул. Рассказ, говорят, лишь тогда и можно считать подлинно художественным произведением малого литературного жанра, когда его можно развернуть в многостраничный роман. А тут, пожалуй, и не рассказ, и не повесть, а — маленькая трагедия, которую и развертывать не надо: она и без того — большая! А вместе с тем еще и как бы своего рода предостережение таким одержимым, таким до жертвенности самоотверженным в жизни людям, каким был этот писатель-плотник Василич. Дескать, вкальвать-то ты вкальвай, дело свое делай, но и побережь себя не забывай. Детям ведь нужен, семье... Только разве такие себя берегут?..

И тут уж ну никак нельзя не вспомнить о нынешней нашей депопуляции. То бишь — о превышении смертности над рождаемостью. Сегодняшняя Россия вымирает, население ежегодно — ежегодно! — сокращается по миллиону человек в год. И наибольшие потери, согласно статистике, несет русский народ.

На такие вот горестные раздумья навела меня повесть Андрея Грунтовского, посвященная трагической судьбе русского писателя Василича. И подумалось вдруг: да это же не одному только кому-то, это всему нашему народу предупреждение-предостережение: «Подумай о себе, побереги себя, многострадальный и многотерпеливый, самоотверженный до жертвенности русский народ! Без тебя и Россия — не Россия, на тебе все держится, на тебе!»

Осознанно ли, осмысленно ли с такой вот прагматической установкой написал Андрей Грунтовский эту неожиданную, вроде бы незамысловато-простенькую и в то же время столь глубокую вещь? Преднамеренно или нечаянно вложил в свое беллетристическое повествование такую аллегорически-тенденциозную русскую идею? Известно ведь, что художник мыслит образами и подчас, будучи, так сказать, зеркалом окружающей действительности, сам и не подозревает, что выльется из-под его пера.

Так ли, иначе ли, но читая, сразу видишь, что он не только отличный, прирожденный стилист-беллетрист, но еще и незаурядно яркий публицист. Причем публицист, хочется сказать, весьма и весьма своеобразный, лирический. Читать его легко и приятно, хотя разговор он ведет о вещах весьма и весьма серьезных, а зачастую и трагических.

Любопытен в этом отношении поставленный в книге вторым небольшой рассказ «Журавли»*. Случай в нем описан почти анекдотический. Нечто, как замечает в преамбуле сам

* Рассказы А. Грунтовского см. в №9 «МГ» за 2009 г.

автор, не то языческое, не то от Божьего Промысла. Или, может, от сказово-современного. Словом, исконно-посконного типично русского, хотя и приключилось это уже в наши, с позволения сказать, демократически цивилизованные дни.

Вкратце суть такова. В заброшенной, уже почти вымершей, забытой и Богом и людьми колхозной деревушке жил да был, век со своей старухой доживал самый что ни на есть простой русский старик Алексей Иванович. Летом сюда разве что два-три дачника наезжают, а так больше — ни души. И вот, поднявшись по извечной сельской привычке ни свет, ни заря, ходит-бродит он по своим мужицким делам, топориком потюкивает, как вдруг над головой «курлы-курлы, курлы-курлы». Что такое? Обычно-то журавли от приближающихся морозов поздней осенью улетают, а тут — июль на дворе, середина лета. Да и какого лета — жарища, зной, сушь такая, что в лесу ни ягодки, ни грибочка, торфяники горят. А журавли — вон они, клин за клином, и все на юг, на юг! С чего это вдруг?

Алексей Иванович всполошился: не иначе в природе кактаклизм какой-то невероятный. Может, ледник, как уже было когда-то, с севера пополз. Или, может, новый потоп. Или метеорит из космоса поболее тунгусского. Может, уже не только здешней местности, а всей планете, всему человечеству катастрофа грозит. Люди и не знают, и не догадываются, а птицы-то чуют!

К кому кинуться, с кем тревогой поделиться? Естественно, первым делом — к старухе. Видела, мол? А та — что? Так и села, так и застыла с раскрытым ртом. А что, мол, что?!

А-а, что с тебя, старая, взять! Страшный суд грядет, а ты сколько лет в церкви не была? Три? Какое — три, все тридцать. Молиться надо, вот что!..

И дачники, дачницы, вернее, и пожарники на близлежащей станции, и все, и везде, куда и кому Алексей Иванович ни звонил, никто с ним его тревоги не разделил. Да еще и подтрунивать начали. А ты, мол, товарищу Клебанову звони. Или в Академию наук. А еще лучше — самому Шойгу...

Нет, в открытую никто не сказал, что у него, старого пня, крыша поехала, но... Эх, люди! И, воткнув свой верный топорик в бревно, засобирился Алексей Иванович в город. Уж там-то, наверно, поймут. Должны понять. Он им все расскажет, объяснит...

Нет, спохватываюсь, не обескровив, не лишив навязчивого обаяния, подлинно художественное прозаическое произведение пересказывать так же трудно, как и подлинно поэтическое. Лучше уж попроще, напрямую объяснить, что по

моему читательскому разумению поведал мне своим рассказом заинтриговавший меня автор. Вот, сказал он, каков наш русский человек! Ему уже и в родной деревушке, на родной земле нормально жить не дают, а он — о всей планете печется, о всем человечестве.

И это — в то время, когда со всех сторон только и слышишь: русские — пьяницы, русские — лодыри, русские — невежды, невежественнее невежд третьего нецивилизованного мира... Воистину — загадочна русская душа!

Поэтому далее в книге явно в развитие темы и очень к месту еще несколько таких же коротких, но впечатляющих рассказов, показывающих схожие варианты прстонародного, а вернее, истинно народного русского характера. О том уже сами их заголовки и подзаголовки свидетельствуют: «Петрович. Плотницкие разговоры», «Записки прораба», «Прораб Иван Петрович» и другие.

Примечателен среди них рассказ с непонятным названием «ЕНиР». ЕНиР — это, оказывается, справочник единых норм и расценок на строительные работы, да и сам рассказ вроде как и не рассказ, а нечто вроде хитро беллетризованной газетно-журнальной научно-популярной статьи о русских национальных приоритетах во многих, едва ли не всех, областях мировой науки и техники. Но как доходчиво, как завораживающе об этом повествуется. Читаешь — не оторваться! Свободная устная интонация, живой разговорный, до просторечия раскрепощенный язык. И, благодаря этому, как ненавязчиво, без малейшего нажима автор пробуждает и у самого, так сказать, простого читателя наше русское национальное самосознание, и чувство русского национального достоинства, и русскую национальную гордость!

Уже один этот, так и хочется сказать, прозаический беллетристический перл, перекликающийся с предыдущими, дорогого стоит. И все же узловым, ключевым в книге я, пожалуй, назвал бы рассказ «Петрович». Тоже как бы и не рассказ, а просто добросовестное, до подробностей в деталях, изложение подслушанного разговора. Разговаривают опять же два простых русских мужика — плотник Петрович и работающий с ним «на подхвате» его помощник Иванович. Что подзаголовком и подчеркивается — «Плотницкие разговоры». А вместе с тем и тут свой авторский фокус: это еще и краткий, предельно сжатый, пунктирно набросанный конспект нашей русской истории. Давней, заметим, и недавней. Вплоть до современности. И — ох уж эта пристрастность беллетриста к документалистике! — вплоть до голой хроникальности и статистической цифири.

Умея великолепно писать диалоги, автор и этот, что называется, сухой материал делает повествованием по-настоящему увлекательным, захватывающим, по-настоящему художественным. Причем более всего интересны не столько сами по себе исторические перипетии, сколько осмысление их, суждения и мнения «простых трудяг-работяг». И удивляет, впечатляет, заостряет и обжигает внимание не столько то, сколь глубоки и обширны их познания, но более всего то, как каждый трезво и зрело к обсуждаемым вопросам подходит. Подчас двумя-тремя, а то и вовсе одной меткой репликой, сопровождаемой соответствующим взглядом, смешком или интонацией. Тот и другой умеют сказать так много, чего не передашь и многостраничными пояснениями.

Пересказ здесь, разумеется, и вовсе невозможен, ибо пришлось бы все строить на цитатах. Скажу лишь о главном, о самом существенном. А главное, самое существенное — тот лежащий на поверхности и непререкаемо злободневный факт, что сегодня все наше общество, весь народ расколоты на два если и не до озлобления враждебных, то непримиримо несогласных противостоящих лагеря.

Вот и эти два мужика, как вскользь отмечает автор, «оба русские, оба патриоты России» и разговор ведут о России, о русской истории, но как по-разному обо всем судят, «лед и пламень». И чуть что — в спор. И категорически, до отчуждения жестко — друг другу вопрос: а ты — с кем? С Мининым и Пожарским или с ляхами? С германским шпионом-масоном Ильичом, с безбожниками, что наши храмы рушили, или — с православными батюшками, с Богом? С патриотами или с теми, кто в Москве «белый дом» расстрелял?

Читаешь — и сам мысленно в этот спор-разговор втягиваешься: а я — с кем? И вообще все мы, русские, кто с кем сегодня и за кого?

И грустно сам себе усмехнешься. Прямо-таки как в состязании на перетягивание каната — каждый в отдельности и все гуртом изо всех сил в свою сторону тянут. Забава! Но тут-то, в нашей сегодняшней смуте, не до потех-утех. Тут от того, кто в какую сторону перетянет, наше русское будущее зависит.

— А все от того, что от веры, от Бога отступились, — вздыхает Петрович. — Покаяться всем надо. Всем...

— Покаяться, покаяться, — ворчливо хмыкает Иванович. — Церковь... Бог... А ведь, по-вашему, любая власть — от Бога.

— Опять ты, значит, за коммунистов?

— Я — за историческую справедливость...

И у меня, читателя, сумбур в башке. И себе лично, и вообще — головоломный вопрос: а у кого, а в чем она, эта спра-

ведливость? Ленин с броневика к борьбе за справедливость звал, Ельцин — с танка. Потом еще кто-то во всеуслышание обрадовался: «Ельцин — это Ленин сегодня!» Тьфу!..

Или, может, поскольку я — русский, надо быть с этими, новыми русскими? Они ведь теперь во всем верховодят. Вон и в храмах уже со свечами впереди всех. Только... Только вот с Божьими заповедями как-то у них не того. «Не убий!» — а 1993-й, даже друг дружку... «Не укради!» — а миллиардами крадут. Тьфу, свеченосцы поганые!..

И со страницы на страницу — смерть, смерть и смерть. Умирает, писатель-плотник Василич. В рассказе «Прораб Иван Петрович», не прожив и года после армейской службы, умирает этакий, с виду крепыш-здоровяк морской пехотинец Витек Баранов. В рассказе «Физик Петров», истосковавшись по уехавшему в Америку мужу, умирает горячо им любимая жена Надежда. В рассказе «Могилка на «Северном» умирает замечательная, добрая, верная в любви и дружбе русская женщина Н... В беллетризованно-документальной хронике «Мокрое дело» тонущий морской лайнер увлекает с собой на дно сразу аж 423 человека. При спасательных водолазных работах погибают мичманы П. и Ш... Не может не скорбеть и не думать обо всем этом готовящийся к подъему загадочно затонувшего «Курска» военно-морской офицер Степан... Но... «Что, собственно, «Курск», когда у него двадцать пять лет каждый день «Курск...»

Тенденциозность? Односторонний подбор фактов? Да нет, чего уж там, просто сама правда. Жестокая правда нашей сегодняшней русской жизни. Отражение реальной действительности. То бишь, согласно литературоведческой терминологии, — реализм. Только, конечно же, не социалистический, где все надо было приглаживать да припомаживать, а...

А — какой? Критический? Жестокий? Беспощадный?.. Не знаю, не знаю. Да в конце концов и не в терминологии дело, а именно в достоверности, в приверженности писателя правде и только правде, какой бы горькой и страшной она ни была. Тем более, что она, наша сегодняшняя правда, наша жизнь истинно, как в страшной русской сказке, — чем дальше, тем страшней. А порой такая, что и ни в какой самой страшной сказке не придумать. Как, к примеру, в повести «Донюшка».

При любопытном жанровом разнообразии, где подчас и не сообразишь, к какому же жанру отнести то или иное произведение, расположены они в книге в такой тесной композиционной взаимосвязи, что без прочтения предыдущего затруднительно понимать последующее. А главное, что их взаи-

мосвязывает, — это ненавязчивая и вместе с тем уверенная проповедническая православно-христианская направленность. Новелла «Рассказ комсомольца», к примеру, написана так искусно, что я в который уже раз при чтении поддался впечатлению: «Это опять про меня!»

Сознаю, что точнее — как про меня. Но все равно — и про меня. Или, что еще точнее — и для меня. Он, комсомолец этот, разумеется не сегодняшних дней комсомолец, а — участник Великой Отечественной, ветеран. И сколько раз, оказывается, в минуты смертельной опасности взывал к небесам: «Господи, спаси!..» До войны по тем временам воинствующим безбожником был, бабкины иконы сжечь покушался, а припекло — взмолился, Библию, Апокалипсис вспомнил, бабушкину молитву слово в слово. Только вот после войны воцерковленным верующим как-то так и не стал.

— Выходит, одной войны мало?..

Вопросец, однако! Это уж точно — лично ко мне. Тоже ведь всяко было. На всю жизнь в память врзалось, как тоже дважды взывал: «Господи, спасешь — уверую!..»

Да и один ли я такой! В подтверждение тому — еще рассказ «...С проклятою ордой». Или, пожалуй, зарисовка с натуры. Один старый писатель, бывший большой начальник по ведомству НКВД поведал. Было, мол, это осенью 41-го. Звонят по спецсвязи из приемной Самого... Чтобы завтра у вас во всех церквях области служба была! И это — после того, как тот самый энкэвэдэшник только-только последнюю церковь в городе закрыл и последнего батюшку в ссылку на Воркуту отправил.

Дела-а! А вслед за звонком от Самого — звонок еще и от Лаврентия Палыча. Тоже, выходит, из воинствующего безбожника враз верующим стал. А вот энкэвэдэшник этот, бывший большой начальник, — как? Да кто его знает, не говорит, лишь молча опускает голову..

Интересные факты-сюжеты? Любопытные? Да уж. А вот повесть «Донюшка», в отличие от такого рода рассказов-новелл, читается тяжело, трудно. И не то, чтобы текст косноязычен или груб — нет, Андрей Грунтовский — стилист из прирожденных. И здесь, как всегда, слог у него легкий, чист, отточен, а вот содержание...

«Папа и мама поженились на Великом посту. Вот грех! Впрочем, они и не знали об этом — они ведь вовсе не крещеными были...»

Хм, грех? Да полно, какой же тут грех! Предрассудки. Суеверие. А меж тем с этого и пошли страсти-напасти. Да какие! Одна другой горше, одна другой невероятнее. Приболе-

ла мама, попыталась с работы домой отпроситься — не положено! Пошла в поликлинику за справкой — не положено! Но больно же, больно! — сорвалось от обиды слово упрека, так врачиха и вовсе на дыбы: «Что ты тут мне истерики устраиваешь, такая-разэтакая. Чтоб тебе уroda родить!..»

Ой, лишенько-лихо! Воистину, лиха беда начало, а там пойдет. Одна беда другую догоняет да третьей погоняет. В роддом привезли — рано вам еще рожать! Вкололи снотворное, голенькую возле зимнего окна под одной простынькой положили — спи. А тут у акушерок — пересменка. А у нее — родовые схватки. Вскочила в беспамятстве, побежала по коридору, упала — здесь и родила. Шел кто-то, увидел — ой, батюшки, девочка!.. Донюшка...

Врач ревматолог пришел — у вашего ребенка, видимо, порок сердца, и если он к понедельнику не умрет, то там посмотрим...

— Ну, — сказал спокойно кардиохирург, — до года не доживет...

Это я, чтобы покороче, события пунктирно обозначить пытаюсь. Но лучше все же еще цитату: «Потом прошло тринадцать лет, без тринадцати дней — четырнадцать. Много воды утекло. Пять раз Донюшка лежала в реанимации и пять раз врачи говорили: «Ну, теперь все», и четыре раза ошибались. А уж сколько лежала она просто в больницах. Росла потихоньку, а на ножки так и не поднялась, и одна ручка висела...»

Как сказал поэт, мало слов, а горя — реченька, горя реченька бездонная. Трудно представить, трудно даже вообразить ту четырнадцатилетнюю пытку, на которую обречены были несчастные папа и мама. О-о, тут даже, со стороны глядя, вместе с ними восплачешь: да за что же, за что! А каково-то было им! Ведь не знали же, не ведали, что на Великом посту грех свадьбу играть! А врачиха, чье проклятье их в такой ад ввергло, о ней что думать? И это — женщина? И небось — русская? А начальство, не внявшее жалобам тяжело захворавшей работницы? А медперсонал роддома — акушерки, дежурные врачи? Тоже русские?

Я почему с оторопью о том вопрошаю? Да ведь все знают, весь мир с восхищением искони признает, что русская душа добрая, чуткая, сострадательная, а тут что? Тут же сплошное казенное бессердечие. Или у автора опять тенденциозный подбор?

Вздыхаю, сосредоточенно скребу затылок. Постепенно, кажется, начинаю врубаться, смекать, что к чему. С тех пор, как безбожные большевики-интернационалисты (так и под-

мывает сказать — интернацисты) учинили в России беспримерный кровавый погром, рубанув под корень православную веру, русская душа на убыль пошла. Так что вышеозначенные персонажи вроде бы и русские, и уже не совсем русские. То есть по паспорту, может, одно, а по духу, душой — совсем иное.

А недавно и в паспорте графу о национальности изъяли. Денационализировали?! Что уж теперь о какой-то русскости, о русской душе говорить! Не потому ли и здесь, в повести, вон их сколько таких вроде бы и русских и не совсем русских, как бы неполноценно русских. Ибо разве истинно русский, воцерковленно православный верующий проявил бы такое безразличие к чужому горю? Да ему бы совесть не позволила, вера воспретила. А эти... «Не убий!» — первая Божья заповедь гласит. А они-то убили. Походя убили, сообщая и даже того не заметили.

«Возлюби ближнего твоего...» — Святое Писание учит. А эти... Какая тут любовь к ближнему, какая вера, какая совесть! Нет, скажи, что людей не любят, упрекни в недостатке совести — всё, разговаривать с тобой больше не станут. Да пошел ты, мол, да сам ты... А скажи, что совесть — это сокровенные глубины личности, где душа встречается с Богом, посмотрят на тебя разве что со снисходительной ухмылкой. Видали, мол, что знает. Грамотей!

Что ж, для них, многоумных да многообразованных, это понятия книжные, отвлеченные («читали, проходили»), нечто вроде бабушкиных сказок. А без всякой там патриархально-старушечьей веры — что ни говори, и попроще, и повольготнее. Вера, Бог — это же разного рода религиозно-церковные поучения да самоограничения. Вроде того же Великого поста: то нельзя, другое нельзя. А так — что хочешь, то и пей-ешь, и вообще живи, как твоей безбожной душеньке желается. Словом, гуляй, Вася!

Так за сюжетом, по всему чувствуется, частным, глубоко личным, где что ни слово — живой комок нервов, сгусток страданий и боли, картина в повести «Донюшка» предстает — с еще более глубоким подтекстом. Но что же в таком случае предрекает автор этим своим произведением? Уж не апокалиптическую ли безысходность? Ведь если русские и дальше будут так вымирать да так вырождаться, то что же нас ожидает в будущем?

При оглядке на нашу действительность будущее и в самом деле представляется беспросветным. Отовсюду взалхлеб гремят сладкоречивые разглагольствования о возрождении России, а где оно, это возрождение? Где?!

«Россия над бездной» — назвал свою книгу один из наших честнейших историков Игорь Фроянов. Выдающийся писатель-философ Александр Зиновьев и того отчаяннее озадачил: «Россия сползает в XIII век». А это ведь тогда, в те жестокие времена, над разоренной Русью с пронзительным надрывом разнеслось рыдание — «Слово о погибели Русской земли».

Горькие раздумья, тяжкие, мрачные. А еще вспоминается Виссарион Белинский. Он в свое время предрекал, что после отмены крепостного права инерция крепостничества будет длиться по меньшей мере двести лет. Примерно так и оказалось. А как долго будет дозвлет над русским народом инерция воинствующего большевистского безбожия?

Вопрос, увы, не из риторических. Осмысливая его со всех сторон, Андрей Грунтовский, похоже, сам подчас пугается собственных мыслей. Из-за чего, наверно, прибегает даже к жанру «Записок сумасшедшего». Прием в литературе тоже не из новых. Обычно это «пощечина общественному вкусу», вызов, вплоть до издевки над «проницательным» читателем. А чаще — способ высказать нечто из ряда вон выходящее, крамольное, страшное.

В рассматриваемой книге автором таких «записок» обозначен обитатель дома для душевнобольных писатель Алексей Н. Его бессвязная писанина — обрывки рассуждений вроде фрагментарных публицистических и философских заметок, даже стихи и «трактат о религии». И приходит он в этом своем «трактате» к такому печальному выводу: «До торжества православия еще очень далеко. Да и не готовы мы к нему. Истинное предназначение России было броситься в бездну погибели и последующей своей столетней историей дать примеры падения и святости».

Словом, сказка — ложь, да в ней — намек. А вот и еще: «Любовь, как дар, неделима: к себе, к женщине, к Родине, к Богу. Если хоть что-то рушится, то рушится все».

Андрей Грунтовский тут, видите ли, ни при чем, он от авторства хитренько отстранился, да меня-то, «проницательного читателя», за нос не проведешь. Так! — себе на ус мою, — так! Достоевский, помню, вон что писал: «Русский — значит православный, православный — значит русский». Но даже тогда, в то, в сравнении с нынешним, благословенное время, он наставлял, что «русским мало родиться, в русского надо выделаться». То есть — русским себя надо сделать, воспитать, сформировать. Как же это важно для нас сегодня!

Не знаю уж, независимо от него или вослед ему и наш замечательный русский поэт Игорь Северянин почти дословно вторил: «Русским мало родиться, Русским надобно стать...»

А в наши, мягко говоря, далеко не простые постсоветские дни, когда русские едва ли не де-факто денационализированы, легко ли из большевистского безбожия в православного русского «выделаться»? Тем паче, что почти на каждом шагу еще и палки в колеса суют. То нас «единой советской общностью» делали, то теперь вот — безнациональными «единицами россиянами». Когда-то слово «великоросс» из употребления изжили, теперь уже и слово «русский» тихой сапой из русской памяти вытравляют. Господи, доколе же, доколе?!

Уж на что, кажется, Алексей Н. многосведущ и мудр, «прикрывая Божий дар безумием», но и тот чего-то не договаривает. Да еще и такой пассаж выдает: «Время требует от нас какого-то грандиозного ответа (или вопроса) в философской или поэтической форме — пока не знаю».

А мне — не важно, пронизательному или просто наивному читателю, которого еще массовым зовут, — вдруг взбредает на ум, что я — знаю! Только вот вопрос этот, с одной стороны, вроде бы сермяжно-простодушный, а с другой — прямо-таки сакраментально-библейский, что ли. Так позволительно ли мне, пусть невольному, но и по сию пору правоверному постсоветскому атеисту на такую премудрость претендовать?

Хотя, если на то пошло, должен же кто-то первым сказать: «Русские, так с кем же вы — с сатаной или с Богом?!»

Набираюсь духу, возглашаю, и...

— Ха-ха-ха! — из-за одного плеча.

— Га-га-га! — из-за другого хохот-регот. Видали, мол, чудика-умника! И это в наше-то цивилизованно-просвещенное время!

А следом и еще с этакой умненькой-благоразумненькой подковырочкой ехидненько-хитренький смешок:

— А мы — ни с кем и ни за кого. Х-хе, х-хе, х-хе...

Словно и невдомек моим «житейски мудрым и многогрмотным» оппонентам, что природа не терпит пустоты. И что свято место пусто не бывает.

Зато сатане — тому искони вдомек. И если у человека в душе нет Бога, то сатана в тот же миг тут как тут. А с ним и приспешники его, вольные и невольные, всегда рядом. И всегда — заодно. А их у него сегодня несть числа. Сверху и донизу.

Да вот и один из совсем уж свежих примеров. Попытались наши батюшки завести речь об изучении основ православия в школах — у-у, что поднялось! Целое воинство, как штыками, своими высокими учеными степенями ошетинилось. Люди, мол, уже весь космос избороздили, до Луны добрались, геном человека открыли, а тут опять церковное двад-

цать пять! Не дозволим, не допустим и все такое прочее — хоть святых выноси!

О, «дух отрицанья, дух сомненья!» Может, и не совсем тот случай, чтобы сказать — «горе от ума», но при всей ученой благонамеренности категоричность прелюбопытная, не правда ли? Так и подмывает подумать — сатанинская!

Впрочем, что ж тут любопытного! Приятно, что ни говори, себя умнее других сознавать. Втайне-то, наедине с самим собой самый закоренелый материалист-атеист каким-то непонятным образом на уровне то ли подсознания, то ли надсознания ощущает существование некой надличной и надмирной, недоступной нашему сознанию высшей силы, но чтобы об этом да во всеуслышание? Просто, дескать, чего-то наш разум пока что не может постичь, только и всего. Но — «мы все познаем, поймем и откроем...» Он же, этот златоуст-атеист, не себя, он же всех иных-прочих узколобыми да твердолобыми числит. А их, между тем, тоже тьмы и тьмы. Чего уж после этого удивляться противостоянию и противоборству!

И в памяти вновь и вновь всплывает полемика плотника Петровича с его подсобником Иванычем:

— Так ты опять за коммунистов?!

— Я за историческую справедливость!..

И опять я скребу пятерней затылок. А изначально теория коммунизма — откуда такая? Не из тех ли времен, когда первохристиане коммунами-общинами жили, где все делилось по справедливости? А Бог не есть ли Высшая справедливость? Уж на что циничным антиклерикалом был Вольтер, но и тот в итоге вон к какому выводу пришел: «Если бы Бога не существовало, его следовало бы выдумать». А почему? А не потому ли, что Бог — это извечные и вечные чаяния человечества о высшей справедливости?!

Вот! Все гениальное — просто! Только как же не просто до этой простоты своим атеистическим скудоумием добираться. Ведь за одной закавыкой очередная. Если истоки коммунизма в христианстве, то почему коммунисты в России вдруг русским христианам заклятыми врагами стали? Или на разных языках говорили? Или потому, что в 1917-м до власти дорвалась сплошная нерусь?

Спорно? А историческая фактография? А рассекреченные архивные списки? Кого и по чьей указке прежде всего и больше всего уничтожали? Чьи храмы варварски с земли сносили? Кого с исконно родных пашен в приполярное безлюдье, как скот, под конвоем эшелонами гнали? Под чьим «мудрым» руководством и кого в гулаговских концлагерях заживо хоронили?..

Увы! Увы! Души убиенных, замученных, изувеченных и обездоленных о чем вопиют? И нет тому ни оправдания, ни срока давности. Безгранично милосердие Божие, но тут и язык не поворачивается вымолвить: «Бог простит!»

И еще острее все тот же неумолимо-неотступный вопрос:

— Русские, а сегодня вы с кем?..

Не найдя ответа в мудреных «Записках сумасшедшего», листаю книгу заново. С особым пристрастием — повесть «Донюшка». Крепко она меня с первого прочтенияшибанула, неизгладимый в душе след оставила. Умерла ведь Донюшка, угасла, ангелочек, словно свеченька восковая, предъконная.

Не аллегория ли тут, не иносказание ли? А если так, то какая аллегория, в чем?

Читаю, перечитываю эту перехватывающую горло явно автобиографическую хронику. Давно замечено: горе, страдание умудряют, приближают к Богу. Умудренные пережитым, папа и мама Донюшки обратились к вере, приняли крещение, а умудренные верой, стойко и благородно несли крест выпавших на их долю испытаний. Донюшка из жизни ушла, но за православно-христианское покаянное долготерпение, несмотря на неуверенные прогнозы медицины, Бог даровал им еще двоих славных сыновей. Значит..

Значит, уход Донюшки, смерть Донюшки ни въяве, ни в иносказательном смысле не есть победа смерти над жизнью, нет. Перед нами и въяве, и аллегорически — победа духовная, победа Святого Духа, победа русского православного духа над сатанинским злом.

И я со вздохом облегчения думаю, что писатель-художник Андрей Грунтовский оказался прозорливее публициста-философа Алексея Н. Ибо, сам того не подозревая, или делая вид, что не подозревает, он интуитивно, что ли, художническим чутьем и обостренным чутьем исстрадавшейся русской души нашел-таки ответ на поистине грандиозный для нашего времени русский вопрос.

ГЛАВНОЕ — НЕ УНЫВАТЬ

МИНИАТЮРЫ

ТРОПИНКА ПАМЯТИ

В прошлом году, будучи в Пронске, отправился с двоюродной сестрой Антониной в так называемые Бугры, где расположено Мотовское кладбище (а заодно и Старовысоковское, и Скучаловское, когда-то относившиеся к Покровскому церковному приходу города Пронска). На этом кладбище похоронены мои бабушка с дедушкой по материнской линии, а также две тети, многие другие родственники. Поработали мы на кладбище, обиходили могилки, и отправился я дальше Буграми на соседнее Княжовское кладбище, где могилка моей мамы, сестры, тети, и опять же других родственников целая колония, а Антонина отправилась назад в Пронск. Перейдя ложину и небольшой ручей Пралья, случайно набрел на еле заметную в траве ложбинку. Сперва не обратил на нее особого внимания, но когда понял, что это тропинка, по которой жители деревни Мотовка — родной деревни моей мамы — ходили в храм Покрова в Пронске, ходили и по другим делам, то сразу представил, как по ней когда-то девчонкой бегала моя матушка... И тотчас вспомнил множество историй, рассказанных ею, начиная с того времени,

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

когда она, восьмилетней, работала в Пронске нянькой... Путаясь в некошеной траве, я, подобно первооткрывателю, пробиравшись по забытой, затерянной тропинке, пока она не вывела к песчаному карьере, которого прежде не было даже на моей памяти, и на откосе которого тропинка оборвалась... И стало нестерпимо печально, до слез, что тропинка исчезла, как теперь исчезла и сама деревня Мотовка, в которую когда-то эта тропинка вела и по которой я, наверное, прошел последним.

ЧУДО-ЦВЕТЫ

На Строгинском пляже в Москве волейболисты после игры привыкли жарить шашлыки: привозят раскладной мангал и по выходным пиршествуют. Иногда под пиво да водочку засиживаются до поздней ночи. Даже костры жгут, хотя милиция и гоняет за такие вольности. И вот, видимо, в какую-то ночь волейболисты, а может, и не они, развели костер совсем близко от дикий груши, опалив на ней листву, которая вскоре облетела. И было неприятно смотреть в летнюю пору на голые, закопченные ветви. Но в начале сентября, когда на соседних деревьях появились желтые листья, черные ветви неожиданно ожили белоснежными цветами. В погожий день на них даже пчелы появились. Это было похоже на чудо. Груша словно решила доказать, напомнить людям, что нельзя разводить под деревьями огонь, она словно укорила их своей красотой, действительно возникшей из пепла.

ДЫМИ, СТРАНА!

Сегодня день рождения мамы, которой было бы 93 года... Теплый, солнечный день. Так и хочется выглянуть за окно. Выглянул. Действительно тепло, хотя прохладнее, чем накануне, и почему-то пахнет арбузом, хотя торговых точек рядом с домом нет. Посмотрел в даль и увидел за рекой дым над домами. Сначала даже и не понял, что это. Но быстро вспомнил, что в прежние годы на этом месте часто валил из земли дым, и вот опять начал... Когда-то я проезжал на машине мимо того «дымного» места (не скажу где — военная тайна!). Там стояла невысокая закопченная труба, совсем не похожая на обычную трубу, а где-то под ней происходили испытания авиационных двигателей, создаваемых и испытываемых на том же, видимо, подземном заводе. Тогда мне не нравилось, что дымят в городе, а сейчас смотрел на этот дым, то редевший, то густевший (двигатель проверяли на разных режимах работы!), и на душе сделалось приятно: знать, не совсем разрушили промышленность! А будет промышленность, будет и страна. Люди-то есть и пока «дымят»!

ВСТРЕЧА

Года три назад, будучи в родной деревне с красивым, как мне кажется, названием Княжая (родное — все красивое!), видел мальчугана, бежавшего по асфальту Хуторской улицы... Когда-то все улицы в Княжой были устелены короткой травой, будто подстриженной, потому что она не успевала вырастать из-за выпаса скотины. Но вот скотины не стало, и Княжая утонула в тимофеевке да клевере вперемежку с крапивой, и дороги стали похожи на каналы. На одном из таких «каналов» встретился белоголовый мальчуган лет трех. И сразу радостная мысль: «Чей же это?!» А мальчишка бежал и бежал мне навстречу, и лишь чуть позже я увидел его маму, тоже незнакомую, и поздоровался, когда она сказала «Здравствуйте». Позже узнал кое-что о ней и ее муже. Оказалось, переселенцы, а жили в домике, где когда-то был медпункт. Другие подробности были мне не особенно и нужны. Главное, приехали, живут, ребенок есть! Потому что в Княжой своих ребят-тишек не было уж лет пятнадцать, а теперь такая радость.

КОЕ-ЧТО О СМЕХЕ

Вчера ехал в метро. На кольцевой станции «Октябрьская» в вагон села девочка лет пяти-шести, видимо, возвращавшаяся с мамой из Парка культуры с какого-то детского праздника. Мама держала надутые шары, а девочка с серьезным видом сидела рядышком, ни на кого не глядя. Но на нее глядели все. И я тоже. Потом начал улыбаться, потому что улыбались многие, глядя на юное личико, разукрашенное под киску.. От уголков рта отходили «усы», видимо, сделанные фломастером, а черный кончик носа комично выглядывал из-под аляповатых детских очков. Не знаю, чем девочка вызвала смех, но смеялись, стеснительно переглядываясь, все. И если бы девочка тоже улыбнулась или улыбнулась ее мама, то, наверное, и смеяться перестали бы. Но нет: они обе, видимо, поссорившись, сидели с неподкупными лицами и ни на кого не обращали внимания, в том числе и друг на друга.

Вышел из вагона, а невозмутимость девочки не вышла из головы. Ее вид и сейчас заставляет улыбаться. Наверное, из нее вырастет комик. Ведь это то, что надо для этой профессии: иметь серьезное лицо, когда все вокруг покатываются со смеху, хотя так и непонятно от чего.

НАКАЗАНИЕ

Несколько сновидений преследуют меня в течение жизни. Не поленюсь, перечислю их: что у меня нашелся отец; что я

повторно сдаю экзамены десятом классе; что повторно забирают в армию (первый раз *призывали*); что осуждают и «сажают» в тюрьму... Первые сны мало-помалу проходят, а последний время от времени так всколыхнет, что всякий раз просыпаюсь и потом долго не могу уснуть...

Вот и сейчас проснулся, потому что опять во сне увидел, что меня осудили, и я оказался на зоне из-за давнего, армейского проступка... Да, был у меня случай, когда я подрался, хотя даже и не подрался, а отвесил одному сослуживцу пощечину. Сейчас уж и не помню за что. Но точно знаю, что ни с того ни с сего не мог этого сделать. Значит, все-таки за дело. И боец тот, хлюпик и жалобщик (нет бы дать сдачу!), нажаловался ротному, и пришлось мне отчитываться перед взводом, собравшимся на комсомольское собрание. Пыхтел я, краснел и злился на Николая — так звали бойца, извинился перед ним. Меня тогда пропесочили, и случай быстро забылся.

Но вот прошло много-много лет, а мне по-прежнему снится этот Николай. И снится так поганно, что дальше некуда: всякий раз в этом сне я попадал из-за него за решетку и всякий раз просыпался от этого «события», когда казалось, что жизнь закончилась... Вот и теперь на часах 3 часа 37 минут, а я, в очередной раз проснувшись от этого противного сна, сел за компьютер, чтобы записать давнюю историю, покаяться... Все равно, что Богу помолился. Может, теперь полегчает и перестанет сниться этот человек, перед которым я уж, наверное, сто раз искупил вину, которой, собственно, и не было, если смотреть на это дело по-настоящему, по-мужски.

И добавить более нечего в свое оправдание, граждане судьи!

РАЗГОВОР ДВУХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

— Зачем ты убил его?

— Он был моей шестеркой! Но убивал его не я — мне не по чину, это сделали мои приближенные, чтобы доказать, что я могу все.

— Но он был и без того осужден надолго!

— Он убил мою мать и сестру, но за примерное поведение, вскоре должен выйти по УДО (условно-досрочное освобождение). Теперь я выйду отсюда вместо него!

— Но это едва ли возможно?!

— В мире все возможно?

— Все разрешается только Богу.

— Тогда я Бог, хотя бы здесь, и чтобы доказать это, сделаю тебя своим приближенным! Но если ты еще раз упрекнешь меня или спросишь о чем-нибудь, то тебя ждет участь моего зятя!

— Значит, после твоего УДО я стану вместо тебя, стану Богом?

— Уже не станешь...»

Этот диалог я услышал ранним утром, перед тем как проснуться. Слышать те или иные диалоги или сцены во сне приходится довольно часто, особенно когда работаешь над романом, и мозг по-настоящему не отдыхает даже во сне, словно внутренний голос всякий раз озвучивает четкие мысли и, самое удивительное, по-своему «правильные». Однако, в момент настоящего просыпания мысли и образы ускользали, не поддавались запоминанию. Но сегодняшний приснившийся разговор мне удалось запомнить, и, проснувшись, сразу записал его.

О РАЗУМНОСТИ

Кругом взятки, подкуп, коррупция...

Сегодня весь день СМИ сообщают о 270 миллионах рублей, которое военное ведомство истратило на гнилые парашюты и негодные бронжилеты... Сталина на них нет! Иосифа Виссарионовича! Причем на либеральном НТВ из уст диктора услышал такую знаменательную для нынешнего времени фразу, мол: «В Министерстве обороны криминализация превысила все разумные пределы!» Да-а... Значит, на телевидении, которое отражает мнение наших демократов-либералов, *криминализацию* в армии, как и во всем обществе, вполне допускают. Главное, чтобы она не превышала *разумных пределов!*

А относительно парашютов и бронжилетов поступил бы так: всех, кто был причастен к этой афере, сбросил бы на гнилых парашютах с самолета, а на тех, кто остался бы в живых, надел дырявые бронжилеты и проверил бы их в деле.

ЖИЗНЬ НА ХАЛЯВУ

В это лето, не в пример предыдущим годам, на Москве-реке и канале имени Москвы почти не было теплоходов, толкающих баржи с песком и щебнем, контейнерами и арбузами, как в прежние годы, да и речных трамвайчиков почти не видно... Кризис, наверное, повлиял. Зато все лето всюду распекают водную гладь на роскошных катерах и яхтах богатенькие владельцы этих судов — суть демократы. А ведь как они ругали и ругают коммунистов, построивших для них — так уж получается — эти водные пути. Ругать-то ругают, но пользоваться продолжают.

ДНЕВНИК РУССКОГО

1989 г.

19 апреля

Сегодня я пришел к Л.М., чтобы подписать письмо А.А. Докучаеву, сделавшему инсценировку «Бурыги». Накануне я снова перечитал леоновского «Бурыгу» — рассказ, написанный в 1922 году. Мне показалось, что М.А. Булгаков, когда приступал к «Собачьему сердцу», испытал сильный импульс от «Бурыги». Во всяком случае, признание Булгакова, что молодой Леонов «ловко» пишет рассказы, относится и к «Бурыге». Прямых параллелей между «Бурыгой» и «Собачьим сердцем» нет, но косвенно кое-что угадывается.

Леонов, не глядя, подписал перепечатанное мною письмо А.А. Докучаеву. В тексте письма есть языковые шероховатости, но я не стал обращать на них внимания, чтобы не докучать Леонову. Его работа в последние месяцы напоминает игру шахматиста вслепую, когда всю партию приходится держать в уме. Что и говорить, работа эта нелегкая.

По Би-би-си читали документы из следственного дела, которое провел колчаковский следователь Соколов летом-осенью 1918 года. В 1920-х годах он выпустил за границей книгу о расстреле в июле 1918 года в Екатеринбурге

Продолжение

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

царя Николая II и его семьи. Леонов внимательно слушал передачу, и когда объявили, что продолжение будет в 22 часа 30 минут, предложил мне остаться и дослушать все до конца.

Пришла внучка Л. М. Леонова Настя и попросила дать ей роман А. А. Фадеева «Молодая гвардия». Оказалось, что этой книги в московской библиотеке Леонова нет. Когда Настя ушла, Леонов рассказал, как ему во время войны позвонили из ЦК ВЛКСМ и предложили написать роман о комсомольцах-подпольщиках Краснодона. Леонов отказался, так как заказчики выдвигали свои условия, определяя, каким должен быть роман.

— Слава Богу, пронес Господь! — сказал Леонов.

А Фадеев согласился и довольно быстро написал роман. Вспоминая, Леонов говорил, что главным условием заказчиков, которое больше всего беспокоило его, было выделение «роли партии».

30 апреля

Христово Воскресение.

Взяв просфору и расписанные Галей и Катей пасхальные яички, мы — Настя, Катя и я — пришли поздравить Леонида Максимовича с праздником. Дети видели Леонова десять лет тому назад и нашли его сильно постаревшим. Леонид Максимович рад был нашему приходу. Выглядел он сегодня празднично — гладко выбрит, в голубой рубашке, в наглаженных брюках. Проводив молодежь, мы сидели в кабинете Леонова и слушали по зарубежному радио пасхальную литургию. Прослушав до конца, Леонов сказал, что в Евангелиях от Матфея и Марка самое сильное впечатление на него производит сцена в Гефсимании перед взятием Христа под стражу и судом.

«Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там.

И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать.

Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною» (Мф. 26, 36—38).

«Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь.

И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать.

И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь, и бодрствуйте. И, отошед немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей;

И говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; прinesi чашу сию мимо Меня...» (Мк. 14, 32—36).

Леонов говорил, что поведение Христа в Гефсимании — это поведение полностью земного человека. Христос «глотнул страха» и даже «струсил» (слова Леонова) на какое-то время. Он воочию представил себе, как Его будут прибивать гвоздями ко кресту, как Он будет мучаться на кресте... Как земного человека Христа ужаснула Его судьба, и Он слезно взмолился: «...прinesi чашу сию мимо Меня...»

Хочу заметить, что сцена в Гефсимании во время наших многих бесед с Л.М. Леоновым возникала неоднократно. Но раньше Леонов говорил об этом как-то вскользь, а теперь, видно, время пришло... Скоро — 90 лет...

Во время нашей прогулки Леонов говорил, что силы его оставляют стремительным образом... Я пробовал говорить о том, что это во многом объясняется перепадами температуры, давлением, магнитными бурями...

— ...И отчасти тем, — улыбнулся Леонов, — что мне девяносто лет.

Юмор не покидает Леонова.

Когда мы вернулись с прогулки, Леонова «атаковали» корреспонденты разных газет с просьбой дать интервью. Леонов благодарил всех за внимание и просил только об одном — чтобы юбилей его был тихим и скромным.

— Время-то какое! Хлеб скоро по карточкам будут давать. Разве сейчас до юбилеев, — сказал мне Леонов.

И все-таки я просил Леонида Максимовича не отказывать газетчикам. Не хлебом единым... Как-то само собой получилось, что Леонов вспомнил про мою рукопись о прошлогоднем путешествии в Чистополь. Он достал ее и сказал, что сделал пометки в тексте, там, где требуются исправление. Я перелистал рукопись и убедился, что пометки есть почти на каждой странице. Договорились выбрать время и вместе «пройтись» по тексту. После этого рукопись можно будет опубликовать.

Пришел внук Леонова Николай. Он сегодня был с матерью на могиле у Т.М. Леоновой, похороненной на Новодевичьем кладбище, и у отца — А.Н. Макарова — на Ваганьковском.

После ужина слушали радио. Чудно пели православные хоры...

Из эстрадных певцов Леонов особо выделил Анну Герман, запись концерта которой с удовольствием слушал вчера по радио.

3 мая

«Катаева Иван <Бунин> считал ловкачом и перевертнем...» (Зайцев Б. К. Из письма О.Н. Михайлову. — «ЛГ». 1989. 3 мая. № 18)

Леонов такого же мнения о Катаеве.

13 мая

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь
Келья №123

Заканчивается мое десятидневное путешествие по леоновским местам. Из Орджоникидзе по Военно-Грузинской дороге, повторив леоновский маршрут 1928 года, я приехал в Тбилиси. С рюкзаком за плечами, с фотоаппаратом в руках, передвигаясь на попутных машинах и общественном транспорте, я побывал затем в Цинандали, Телави, Алаверди, Икалто (академия, где учился Шота Руставели), Мцхете, Гори, Кутаиси, Сухуми и приехал в Новый Афон.

В светлой, узкой, как пенал, келье №123 бывшего Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря я сижу и привожу в порядок свои «подорожные» записи. На дворе раннее утро, солнце еще не вышло из-за гор. Монастырь, превращенный в турбазу, словно вымер. С вечера и допоздна в дворе громыхало бесовское игрище в популярном рок-ритме. Музыкальный подарочек этот, говоря словами Леонида Леонова, «естественно, в иноземной духовной упаковке». У них производство подобной продукции на отлаженный конвейер поставлено. Младенцы наши поголовно начнут скоро дрыгать ножками под их рок-«пустушки».

Приехавшие на Афон со всех концов страны «паломники», наконец умаявшись от ночного «бдения», крепко спят. А когда-то здесь все было по-другому. Ново-Афонский мужской монастырь жил по строгому уставу старой Афонской обители во имя святого Пантелеимона Целителя, что в Греции. Целительными средствами почитались усердная молитва и физический труд во благо всех и каждого. Сутки в Новом Афоне начинались с молитвы-«полунощницы», когда вся братия по звону малого колокола сходилась в храм затемно. Молились при свете лампад, не зажигая свечей. После «полунощницы» — краткий отдых, потом опять — молитва и труд. За неполных пятьдесят лет монастырь, начавший свою экономическую деятельность с нуля, к моменту упразднения в 1924 году стал одним из самых богатых в России. Достаточно сказать, что подворья монастыря, его филиалы, находились в обеих столицах — Петербурге и Москве, а также в Новороссийске и Туапсе, Сухуми и Пицунде. А.П. Чехов,

побывавший в Новом Афоне в 1888 году как медик, не мог не восхититься работой монахов, умно и настойчиво преобразивших край, где жестоко свирепствовала малярия. К началу XX века в монастыре исправно работала электростанция, почтово-телеграфная контора, мельница, кирпичный завод, каменоломни, узкоколейная железная дорога, механические и литейные мастерские, морской грузопассажирский причал со своими судами. Прибыль монастыря от продажи на экспорт оливкового масла, меда, сыров, цитрусовых, деловой древесины измерялась миллионами золотых рублей. Об этом остались лишь воспоминания. Некогда высокорентабельное хозяйство не то что разрушено, а его просто не существует — ликвидировали вместе с «жеребьячим» сословием, как хлестко именовали своих идейных противников выученики Ем. Ярославского — «воинствующие безбожники».

Большая часть монастырских земель в Новом Афоне плотно ограждена высокими заборами, и там находятся иные «обители». Не уточняя географических координат подобных «обителей», об их «паломниках» можно сказать словами гида по Грузии Стратонова из повести Леонида Леонова «Evgenia Ivanovna»: «Сюда, в кулинарный Эдем, наезжают из Тифлиса начальники закалять организмы к генеральным схваткам за человечество». Нельзя не отметить язвительность леоновского антигероя, сделавшего существенный штрих к портрету «радетелей» за народное благо, о которых еще в Евангелии сказано: «Связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их». Добавлю от себя, что в Ново-Афонский «эдем», равно как и в современные комфортабельные коттеджи, выстроенные в парке музея А.Г. Чавчавадзе в Цинандали, наезжают начальники не только из Тбилиси, но и из других столиц. Разница с прежними правилами лишь в том, что в монастырях бывшей Российской империи, к примеру, принимали всех православных паломников, не спрашивая паспортов и не допытываясь об актуальной ныне «пятой графе». При чем ни с кого в течение первых трех дней за жилье и за пропитание не брали ни копейки. А если паломник постился, то он с разрешения игумена мог жить целиком на монастырский кошт неделю и больше. Любивший ездить по монастырям доктор А.П. Чехов на этот счет достаточно свидетельствовал.

Те, кого раньше в Новом Афоне особо почитали, ныне преданы забвению. А на легендарной земле Колхиды в I веке нашей эры проповедовали христианство сразу два апостола — Андрей Первозванный и Симон Кананит, нарицаемый

в Евангелии от Луки Зилотом. Тот самый Зилот, на свадьбе которого в Канне Галилейской Христос совершил свое первое чудо — превратил воду в вино.

Позже, в самом начале V века, в близлежащую Пицунду, откуда до Нового Афона рукой подать, был сослан неустрашимый обличитель всяческой духовной скверны епископ Константинопольский, писатель и проповедник Иоанн Златоуст. Памятуя о проповедовании здесь двух апостолов, он непременно побывал на земле нынешнего Нового Афона. Так что дорога паломников проторена сюда изначально и не кем-нибудь, а святым, книга поучений которого была издана в Москве еще в 1641 году.

Когда я сказал Леониду Максимовичу перед своей поездкой в Грузию, что собираюсь побывать и в Сухуми, он попросил узнать, что случилось с останками Симона Кананита, принявшего смерть от язычников и погребенного в ново-афонской земле. Как мне сказали в местном музее, над прахом апостола в IX веке был воздвигнут храм его имени. Храм этот с более поздними переделками сохранился и дошел до нашего времени. Правда, внутри него после упразднения монастыря все, что касалось Симона Кананита, было «нарушено». После реставрации в храме расположилась библиотека турбазы. Недавно местная община верующих обратилась с просьбой перевести библиотеку в другое здание, а в храме открыть богослужение. Высокое начальство отделалось шуткой. Дескать, назовем библиотеку именем Симона Кананита, и дело с концом. Такие у них шутки...

В свое время язычники — победители русичей на Калке — установили доски на повергнутых телах наших предков и устроили пир горой. А чем отличаются от них язычники нашего времени?

Рядом с храмом Симона Кананита на месте упокоения строителей и созидателей Ново-Афонского монастыря сооружена вместительная танцплощадка. Поверх искореженных и поруганных могил настланы доски, и каждый вечер начинается здесь с призывных звуков рок-ансамбля «Аллилуйя».

Услышав бодрые звуки во дворе, я прервал свои записи и вышел из кельи на балкон. Экскурсанты шумно рассаживались для групповой фотографии. Директор музея, сняв замок, широким жестом распахнул двери Пантелеимоновского собора: «Входите».

«Врата рая открыты всем, — вспомнились слова знакомого монаха — выпускника истфака МГУ. — Только кто сподобится?»

Кассир начала бойко «обилечивать» трудящихся, а кооператоры, торгующие на ступенях храма, разложили свой ходовой товар — крестики, ладанки, складни, и тут же бижутерия, галантерея. А вот свечи продавать не разрешается. Дескать, по недосмотру пожар может возникнуть. Или (думают, наверно) по темноте и недомыслию еще вздумает кто крестом себя осенить?

«Дом Мой домом молитвы наречется», — читаю я видную издалека надпись на храме. Как мне сказали, местные столпы атеизма этот евангельский текст приказали закрасить. И закрасят. Сомнений нет. В алтаре собора по решению Министерства культуры собираются вмонтировать купленный за рубежом орган. Никого не смущает, что в православных храмах органов отродясь не бывало. Мода такая пошла — концертные залы открывать в храмах. Враз три тысячи человек можно будет «культурно» обслужить. Ну а поскольку не каждый день будут органные концерты, то сценическая площадка достанется дискотекам и рок-ансамблям. Похоже, им во многом теперь роль наставников нравственности препоручена. Видно, скоро мы окончательно допляшемся. И как тут не согласиться с мнением профессора Пикеринга из кавказской повести Леонида Леонова: «Прошлое учит настоящее не повторять его несчастий в будущем... как всегда, впрочем, без особого успеха! Видимо, нет ничего сладостней совершения ошибок».

Прошло более четверти века, как Леонид Леонов опубликовал свою повесть. Мысли автора за это время не только не потеряли своей актуальности, но, напротив, воспринимаются как «формула» дня: «Мистер Пикеринг охотно соглашался со своими новыми друзьями, что жить по-старому в мире становится все опасней для человечества со столь взрывчатой цивилизацией и что прогресс следует подчинить идеям общественного гуманизма, однако настаивал, с другой стороны, что величие любой идеи мерится достигнутым с ее помощью благосостоянием населения, а не количеством жертв во имя ее...»

15 мая

Вернулся из поездки в Грузию. Встретившись с Л.М., показал на карте и рассказал о своем маршруте, о впечатлениях, передал привет и теплые поздравления от грузинских друзей — А.В. Абашидзе и Т.Т. Табидзе, которая хорошо помнит поездку в 1934 году Л.М. Леонова в Цинандали и Алаверды.

Л.М. Леонов отметил мой «подвиг» — подарил свои часы. Чувствует себя Л.М. переутомленным. Не работа, а шахматная игра вслепую. Плохой сон.

18 мая

Итожа леоновское девяностолетие, можно сказать про юбиляра, что он как философ не менее значимая фигура, чем художник, хоть и не оставил по себе ученых трактатов. Творчество Леонова — это синтез художественности и философии. Пример Леонова убеждает, что философом можно стать, и не обломав зубы о материалистическую Марксову диалектику.

Л. М. Леонов во многом является приверженцем русско-византийского религиозного идеала. Однако есть коренное отличие леоновского нравственного идеала от русско-византийской идеи монашеского личного душеспасения. Леонов вовсе не чурается ни мирских политических интересов, ни тем более интересов эстетики. И, что главное, он свято верует, что мы либо спасемся, то всем миром, либо все вместе полетим в тартарары. А третьему не быти. Беда России, по Леонову, в том, что верх над жизнью взял «проект», не вызревшая еще идея.

19 мая

Мне уже давно сдается, что душа Л. М. Леонова среди писателей-современников охвачена апокалиптическим огнем, яркое пламя которого освящает его творчество.

Смятение души Леонова объясняется не чем иным, как предчувствием антихриста.

Утром он позвонил и попросил еще раз напомнить ему все десять «казней египетских» из «Исхода» — второй книги «Пятикнижия». Взяв Библию, я прочитал нужный Л. М. текст, а он, изредка прерывая меня, что-то записывал. Вспомнился при этом максим К. Н. Леонтьева, что в атмосфере безбожия художнику прилично быть «набожным и не гнуть перед толпой ни помыслов, ни шеи».

20 мая

Читка газет. Горбачев боится вступить за Россию. Мнение Л. М. таково, что стране нужен сейчас Генерал и при нем умный Совет.

Вчера — интервью Л. М. «Лит. газете».

Л. М. не читал К. Н. Леонтьева.

22 мая

Сегодня утром позвонил Леонов и еще раз поблагодарил за прошлый вечер, во время которого я два часа читал газетные статьи, специально отобранные Леонидом Максимовичем. Леонов сказал, что он беспокоился за меня, так как я ушел от него необычно поздно.

В Москве начались леоновские чтения. Леониду Максимо­вичу предстоит трудная неделя — встреча с леоноведами, интервью корреспондентам газет и журналов, теле- и ки­но­съемки.

24 мая

Вечером позвонил Леонов и рассказал, что сегодня у него был напряженный день — передиктовывал Э. Шугаевой ин­тервью для «Литературной газеты», принимал китайского переводчика, имел диалог с академиком Раушенбахом — за­пись Центрального телевидения.

25 мая

Чтение романа (изнурительная работа над вставками). Л. М. боится, что роман плох.

Роман «Мы» Е. Замятина, опубликованный недавно, не понравился Л. М.

Л. М.: «Интересно, что Бунин редактировал (для себя!) ро­ман Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

26 мая

Поздно вечером позвонил Леонов и попросил коротко «очертить» основные события второго дня Съезда народных депутатов СССР.

Сегодня, как и все предыдущие дни недели, Леонов был занят тем, что принимал визитеров — фотокорреспондентов и др., поэтому некогда было включить телевизор и посмотре­ть прямую передачу из Кремля.

(Фотографа Кочнева Леонов не любит и к себе больше не пускает.)

Л. М. очень переживает, что читатель не поймет его рома­на. Я заверил Леонова, что тот читатель, к которому он обра­щается, прекрасно разберется в романе и воздаст должное его создателю.

30 мая

90-летие Л. М. Леонова

Ездил в Загорск, в Лавру. Поставил свечу во здравие род­ных, друзей и Л. М. Леонова. А в это время звонил сам юби­ляр. Вечером я не стал его беспокоить, а пошел на почту и отправил телеграмму:

«Дорогой Леонид Максимович, хочу поздравить Вас сло­вами Нагорной проповеди, ибо мудр тот, кто положил осно­вание дома на камне. Дай Бог Вам сил, здоровья. Десятни­ков».

31 мая

Позвонил Л.М. Леонову, еще раз поздравил с днем рождения. Только я положил трубку, как по телевидению включили сегодняшнюю съемку — во время обеденного перерыва на Первом Съезде народных депутатов СССР М.С. Горбачев приехал в гости к Л.М. Леонову, чтобы поздравить его с днем рождения.

Вечером после телепрограммы «Время» был показан фильм о Леонове, в котором он беседовал с академиком Б.В. Раушенбахом.

5 июня

Вечером позвонил Леонов и попросил пересказать основные события, о которых пишут в сегодняшних газетах. (Самому Леониду Максимовичу газеты читать уже трудно. Зрение продолжает ухудшаться.) Леонов уверен, что взрыв газопровода недалеко от Уфы и гибель сотен людей в двух поездах, ехавших над газопроводом, — все это является диверсией. По Леонову, враги Отечества делают все, чтобы дестабилизировать обстановку в стране.

Завтра еду в Загорск, где на заводе (ЗОМЗе) обещали сделать для Л.М. Леонова трехкратную лупу, чтобы ему легче было работать.

6 июня

Только я приехал из Загорска, как позвонил Леонов. Обменялись новостями. Сегодняшнее выступление В.Г. Распутин на Съезде народных депутатов СССР Леонов считает прямым и честным. При нынешнем состоянии дел, когда Прибалтика, Грузия, Армения настойчиво примеряются, как бы без последствий выйти из СССР, Распутин предлагает: не проще ли будет, если выйдет из СССР одна лишь Россия, которой, как выяснилось, все недовольны?..

7 июня

Сегодня днем у Леонова был ученый-филолог из Кельна Козак. Леонов, кажется, обидел немца, сказав, что Запад не понимает Достоевского. Немец обиделся. Леонов, объясняя свою мысль, сказал, что иначе бы США не радовались нашему горю.

Леонов попросил меня зачитать поздравительную телеграмму академика Д.С. Лихачева, где Л.М. был назван «столпом мировой литературы», где наше время было названо «революционным» и, наконец, сама столь официальная подпись — «Председатель Советского фонда культуры», — все это покорило Леонова.

Одобрив назначение Н.И. Рыжкова Председателем Совета Министров СССР, Леонов сказал про него: «Дельный мужик». Однако заметил, что Рыжков в своем докладе ни слова не сказал о **вере**.

В последние дни Леонов так устал, что сегодня признался в своем желании сложить папки с рукописями романа в ящик и опечатать. Видя крайнюю удрученность Леонида Максимовича, я настоятельно рекомендовал ему поскорее уехать на дачу, отдохнуть от суеты и жары.

Леонов огорчен тем, что на старости лет он в своем доме не может принимать друзей, с которыми можно бы говорить обо всем начистоту.

Лия Евсеевна хорошая хозяйка, но при ней Л.М. говорить с друзьями не может из опасения обидеть ее национальные чувства. Леонов расстроен тем, что В.И. Белов ушел прошлый раз, оставшись недовольным, ибо не смог поговорить, как того хотелось и Леонову, и Белову.

8 июня

После утреннего заседания Съезда народных депутатов СССР, где выступали профессор Н.П. Шмелев и ректор МГУ А.М. Емельянов, позвонил Л.М. Леонов. Его до боли возмущает расточительность правительства, которое, согласно данным Н.П. Шмелева, расходует ежегодно 6—7 млрд. рублей на помощь одной только Латинской Америке. Это при нищенском существовании собственного народа!

— На всяких Володей Тейтельбоймов... — возмущался Леонов.

Л.М. солидарен с А.М. Емельяновым в том, что Съезд народных депутатов СССР выше съезда партии, народ выше партии.

Завтра-послезавтра Л.М. наконец-то уезжает на дачу.

14 июня

Еще вчера (когда я только что приехал из Юхнова) позвонил о. Андроник из Лавры и сказал, что завтра он мог бы поехать к Леонову. А сегодня утром позвонил Леонов и сказал, что хорошо бы встретиться с о. Андроником. Все получилось само собой. На электричке мы приехали в Переделкино и пешком направились к Леонову. О. Андроник был в рясе и скуфье и его приезд не остался незамеченным в Доме творчества им. А.А. Фадеева, мимо которого мы прошли к Леонову.

Леонид Максимович встретил нас у калитки. Обменявшись приветствиями, мы прошли в дом и сели в заранее пригото-

ленные кресла на «дальней» террасе. Разговор состоял из трех частей. Первая — «вводная» часть, в которой принимали участие четверо, включая Наталью Леонидовну. Вторая — конфиденциальный разговор Л.М. Леонова и о. Андроника, и, наконец, общий разговор в столовой за чашкой чая.

Эпиграфом к первой части разговора могли бы быть слова Федора Абрамова из его записной книжки 1978 года: «Вырождается русский человек. И неудивительно. Первая мировая, гражданская война, репрессии, вторая война, голод... — все это прокатилось через Россию. Недомерки-солдаты... Откормочные пункты... Вырождается русский тип. Конец. Надорвался. Принесли на жертвенник социализма искупление грехов имперских...»

Я специально процитировал Ф. Абрамова, чтобы еще раз подтвердить ту истину, что у писателей-«коренников» одна и та же — «вырождается русский человек» и даже сам тип. Именно об этом говорил сегодня Леонов, вспоминая резервистов второго набора, виденных им еще мальчишкой в 1914 году.

— Ростом они были — в эту дверь, ладони — во-о! — показывал Леонов, «состыковав» свои ладони вместе.

Обращение Леонова к русскому человеку, каким он видел его в детстве и каким он видится ему нынче, само по себе не случайно. Об этом он, видно, часто думает. Была богатая, сильная, необъятная страна — и вот теперь на исходе века мы пожинаем плоды той «затеи», как сказал Леонов, которая была осуществлена в России, и, самое главное, то, что произошли неизбежные мутации в нравственном, духовном облике русского человека. Вся надежда — на Бога.

Постепенно разговор перешел к проблематике романа, над которым работает Леонов. Воюя в романе с сатанизмом, опустившим мир, Леонов давно хотел посоветоваться со сведущим человеком, дабы самому ненароком не впасть в «дебри ереси». Видя, что разговор перешел к главному, я оставил Леонида Максимовича и о. Андроника поговорить с глазу на глаз. Наталья Леонидовна некоторое время еще оставалась с ними, но вскоре и она вышла.

Примерно через час Леонид Максимович, довольный, в приподнятом настроении, вышел вместе с о. Андроником в столовую и пригласил всех к чаю. О. Андроник испросил согласия Леонова и, прежде чем все сели к столу, прочитал молитву «Отче наш». За чаем разговор продолжался о романе, но косвенно, ибо речь шла не о героине романа — Дуне Лоскутовой, а о ее «прообразе» — болгарской ясновидящей Ванге. Леонов и Наталья Леонидовна рассказывали о своих

впечатлениях от встреч с Вангой, о «фиксированных» случаях пророчеств и ясновидения болгарки, о ее набожности, приверженности церковным обрядам. Как и в продолжении всей беседы, о. Андроник большей частью молчал, внимательно слушая рассказчиков. Когда наконец Наталья Леонидовна спросила мнение о. Андроника о фактах необычайной прозорливости Ванги, то он твердо и решительно заявил, что не все в Ванге ему нравится, ибо ее нередко вводит в искушение лукавый. О. Андроник пояснил, что ему известны несколько ясновидцев, но, соблюдая преемство мудрых, они стараются не афишировать имеющийся дар Божий. О. Андроник считает, что развитие своих экстрасенсорных способностей, у людей неустойчивых в вере, чревато бесовством.

Когда часы пробили полвосьмого, о. Андроник извинился, что вынужден прервать беседу, так как обещал засветло вернуться в Москву, где у него назначена встреча с сыном поэта В.В. Иванова, приехавшим из Рима. При этом Леонов вспомнил, что у него в свое время была книга стихов с автографом Вяч. Иванова, которая, к сожалению, сгорела во время пожара.

Провожая нас до калитки, Леонов, довольный, шепнул мне на ухо, что о. Андроник, когда они разговаривали с глазу на глаз, подсказал ему одну «умную вещь». Выбрав время, когда Наталья Леонидовна советовалась по своим житейским делам с о. Андроником, Леонов попросил меня деликатно поинтересоваться, какое впечатление произвело на о. Андроника то, о чем он ему говорил «антер ну». В поезде я исполнил просьбу Леонова и получил ответ, что, с точки зрения о. Андроника, концепция Л.М. Леонова — выверенная и вызывает уважение глубиной поставленных проблем.

— «Сегодня надо думать, — повторил о. Андроник слова Леонова, — не просто в объеме современности, которую мы отсчитываем с известных дат. Необходимо брать объем всего человеческого опыта, весь обозримый бассейн творческой истории».

Проводив о. Андроника, я позвонил Леонову. Мы коротко обменялись впечатлениями. Встречи с о. Андроником, как я понял, будут продолжены.

15 июня

В 1962 году в предисловии к книге Владимира Солоухина «Лирические повести» («Владимирские проселки», «Капля росы», «Терновник») Леонид Леонов написал: «Автор ничего в ней не придумывает, а просто шагает по русской земле в пределах своей Владимирской области, смотрит на жизнь

влюбленными глазами и поет о том, что видит». Прошла без малого треть века, чтобы появились зрелые плоды той самой влюбленности Солоухина в свою Владимирскую область, в родную отчую землю. Но не песню Ангела за правым плечом, а смех лукавого услышал писатель, итожа свою жизнь.

Л.М. хорошо отозвался о «Смехе за левым плечом» Вл. Солоухина (журнал «Москва». 1989. №1).

16 июня

Вчера дважды звонил Л. М. Леонов, но меня дома не застал. Сегодня утром, выждав, я хотел было ему звонить, но тут позвонил он сам. Оказалось, что он хотел уточнить смысл замечаний о Андроника о выверенности его, Леонова, концепции.

По мнению о Андроника, наряду с приоритетом открытий в науке и технике существует и приоритетность в работе художника. Своим творчеством Леонов накрепко «застолбил» ряд мировых приоритетов как мыслитель и писатель русской школы.

18 июня

Воскресенье. Троица.

Л.М. Леонов, как бы ни относились к нему его идейные противники, художник сложный, диалектический, мыслящий двуполушарно. Его мыслительному аппарату присуща функциональная асимметрия, где полушарие, заведующее линией Платона (идеализм), берет вверх над линией Демокрита (материализм). Вчитываясь в Леонова, можно отметить, что его оптимизм опирается на Божественный Промысл, когда «власть и философия сольются в одном лице» (Платон).

И произойдет это «на самом краю», а иначе...

22 июня

Сорок восемь лет тому назад началась война. Смотрели кинохронику тех лет, старые фотографии. Говорили мало, молчали, каждый вспоминал свое. Когда зазвучало «Вставай, страна огромная...», Леонов тихо и проникновенно сказал: «Удивительная песня».

За вечерним чаем говорили о «Матренином дворе» Солженицына. Леонов от оценок воздержался.

Мне «Матренин двор» нравится, но леоновские рассказы 20-х годов написаны ёмче, талантливее. Я спросил, как создан рассказ «Приключение с Иваном» — сочинение это или факт, взятый из жизни? Леонов ответил, что это сочинение от начала до конца, что такого рода «сочинительства», где есть

большая угаданность не фактов жизни, а их тайной сути, и составляют радость писательского труда. Для примера Леонов напомнил мне сцену «вещего» сна Евгении Ивановны, когда Стратонов привиделся ей мертвецом, безжалостно подсматривавшим за бывшей женой «из-под приспущенного дрожащего века». Такие вспышки творческого озарения Леонов считает истинной наградой художнику. Подобное случается не часто.

— Во время жаркой работы — раз в три дня, — уточнил Леонов, — а то и в неделю всего один раз. С годами накал работы падает, она становится не столь жаркой, и тогда молнии озарения вспыхивают реже — один раз в месяц, а там все реже и реже... (Так что художнику, как тому жениху, переносить на старость свой «медовый месяц» не след.)

Я спросил мнение Леонида Максимовича об апокрифической книге Еноха, в которой рассказано о происхождении «тайных наук». Он высоко ставит эту книгу еврейских мудрецов. Еще в 20-е годы Леонов купил дореволюционный трактат преподавателя Казанской семинарии отца П., посвященный книге Еноха, и с тех пор не расставался с этим сочинением. Много мыслей, почерпнутых Леоновым в трактате преподавателя из Казани, вошло потом в роман, задуманный еще в конце 30-х годов, но так и не законченный в конце 80-х. Трактат преподавателя Казанской семинарии в числе самых любимых книг сгорел при пожаре в новой квартире Леонова на ул. Герцена, 37.

— Что делал Господь Бог во время сотворения мира, когда он отдыхал после работы, ибо работал он только до четырех часов? — спросил Леонов и продолжил, цитируя книгу Бытия: «И был вечер, и было утро: день пятый...»

Я пожал плечами, не зная, что ответить.

— Бог играл с Левиафаном, — смеясь, ответил Леонов.

Представляю себе огромное морское чудовище, с которым Бог играет. По спине его гладит, по китовому хвосту. А Левиафан ныряет, кувыркается в воде, довольный. Леонов рассказал, что, когда снимался фильм «Садко», он посоветовал режиссеру, чтобы морской царь тоже, отдыхая, играл с чудовищем-«рыбой-кит».

Леонов рассказал, что П.Л. Капица, с которым он был знаком, живя за границей в 20—30-е годы, дружил с блистательным французским физиком аббатом Л. (фамилию я не запомнил). Однажды аббат и Капица играли в теннис. Посмотрев на часы, аббат извинился, что прерывает партию, и отправился к вечерней мессе. Встретившись в следующий раз, Капица спросил аббата, как может он, ученый с мировым

именем, поверить в библейскую легенду, что Господь Бог сотворил мир и человека в семь дней. Аббат смиренно выслушал и ответил, что на то Господь Бог и дал человеку разум, чтобы понять и осмыслить сотворение мира.

Не случайно, видно, человека Бог создал именно в последний свой «рабочий» день. Любопытно, что доктор Э.М. Ложкин в интервью «Комсомольской правде» (22 июня. 1989, №144) сказал, что существует «более плотное поле времени»: «Речь идет о наличии сил, связанных с ходом времени... А поскольку мы имеем дело с временем, можно ввести понятие... «хроном». То есть элементарный носитель энергии, связанный с ходом времени. Представьте себе электронный микроскоп. Он отличается от светового тем, что все наблюдение идет в зоне электронов. В результате разрешающая способность во много миллионов раз больше. Если «хроном» реален, можно поставить вопрос о видении в зоне «хрономов». Возможно — хотя это не согласуется с общепринятым сейчас, — человек с его мозгом специально создан для улавливания «хрономов»... Если существует энергия, связанная с ходом времени, должно быть что-то одно в живом мире, что акцентировано в этом направлении. Это должно быть связано со всем остальным и крайне на него не похоже. Ослаблено и в то же время усилено. Это и есть человек».

Заключительную часть вечера мы провели за чтением публицистического очерка Игоря Шафаревича «Русофобия», опубликованного в журнале «Наш современник» (1989. №6). Игорь Шафаревич давно уже привлекает внимание Леонова своей умной и смелой гражданственностью. В отличие от него, А.Д. Сахаров в своих выступлениях более академичен и холоден. В его рассуждениях и действиях Леонов не чувствует сердечного участия в судьбе народа. Сахаров взирает на жизнь России как на процесс в атомном реакторе. «Термояд» идет, и это хорошо чувствует ученый, а что до судьбы людей, варящихся в этом ядерном котле под названием Россия, то особых переживаний у Сахарова нет. Котел как котел...

1 июля

— Даже если Россия выживет, то народ все равно станет другим, — сказал Леонов, итожа свои мысли о происходящих ныне событиях в стране.

Во время прощания с Есениным в здании нынешнего Дома журналистов (на Суворовском бульваре), Леонов стоял в почетном карауле вместе с Брянцевым и Вс. Ивановым.

Сегодня исполнилось 100 лет со дня рождения В.И. Мухиной. Леонов рассказал, как Мухина лепила его портрет. Пор-

трет ему не понравился, и она его уничтожила. Леонов очень высоко ценил Мухину, особенно ее «Рабочего и колхозницу».

3 июля

Нил Сорский (1433—1508) жил за сто лет до Шекспира (1564—1616) и, следовательно, на сто лет «старше» Короля Лира. Корни воззрений Нила Сорского уходят в глубь веков и смыкаются с учением Отцов Восточной Церкви, Православия.

Как правильно заметил Николай Бердяев, «в типе русского человека всегда сталкивается два элемента — первобытное, природное язычество, стихийность бесконечной Русской земли и православный, из Византии полученный, аскетизм, устремленность к потустороннему миру», то есть устремленность к Космосу, к Богу.

Шекспир, если исследовать его духовную «генеалогию», как бы то ни было, ближе к Западной Церкви, к хорошо обустроенному дому, к культуре, достатку и «избытку».

Достоевский в своих «Зимних замечаниях по поводу летних впечатлений» и в «Дневнике писателя за 1877 год» пророчески предсказывал, что революция, если и возможна, то только не на Западе, ибо западный человек с молоком матери впитал в себя «высшее право на имение излишка» (М. Шагинян), и он, как и Король Лир, до конца будет защищать это свое «высшее» право. Иное дело в России. Нил Сорский, протопоп Аввакум, Федор Достоевский и так непохожий на него Лев Толстой — все они нестяжатели, рыцари духовного подвига. Надо ли говорить, что и наши современники — Леонид Леонов, Федор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин — генетически связаны со своими предшественниками и в лучших своих творениях тяготеют к космосу, а значит, и к Богу.

Вечером позвонил Леонов и спросил:

— У вас есть пишущая машинка?

— Нет, — ответил я.

— Я вам подарю свою старую машинку, на которой я печатал все свои романы. Она у меня на даче. Как-нибудь съездим.

Л. М. не раз вспоминал, что в детстве он слышал выстрел, которым был убит Сергей Александрович (1857—1905) — великий князь, московский генерал-губернатор. Убийца — эсер Каляев.

10 июля

Придя к Л. М., я застал его за работой и, не став мешать ему, пошел в сад. Через 15 минут Л. М. пригласил меня в ка-

бинет и попросил прочитать в «Комсомольской правде» за 9 июля с. г. статью об НЛЮ и об Апокалипсисе.

Л.М. рассказывал о своей первой встрече с К.С. Станиславским, которому понравилась повесть «Унтиловск» и который решил, что переделанный в пьесу «Унтиловск» пойдет во МХАТе. Леонов неоднократно присутствовал на репетициях «Унтиловска». К.С., как называли Станиславского в театре, на одной из репетиций показывал актрисе Тихомировой, как надо мыть полы. Хорошо сыграли свои роли в «Унтиловске» Тарханов и молодые Ливанов и Масальский.

Леонидов рассказал Леонову, что однажды в антракте «Братьев Карамазовых» к нему за кулисы приходила А.Г. Достоевская, которая плакала и говорила, что Феде очень бы понравилось, как сыграл Митю Карамазова Леонидов.

Леонов просил узнать у о. Андроника мнение богословов, откуда и когда появился сатана.

Наталья Леонидовна ездила в Болгарию. Ванга сказал ей, что Леонид Максимович умрет в **нечетный** год. Эта весть, привезенная из Болгарии, сильно подействовала на Леонова. Он решил, что он умрет в этом году, поэтому, по словам Ольги Яковлевны, стал резко сворачивать работу. И лишь только с июля с. г. Л.М. стал работать в полную силу, как и в прошлом году.

Вечером допоздна смотрел трансляцию заседания сессии Верховного Совета СССР, утверждение министров СССР. Леонову очень не понравился минздрав Е.И. Чазов. Леонов про него сказал, что это типичный прислужник власть имущих и что о здоровье народа он заботится меньше, чем о своей карьере.

26 июля

Вчера приехал из одиннадцатидневного путешествия (15 — 25 июля) по маршруту: Москва — Калуга — Перемышль — Шамординский монастырь — Козельск — Оптина пустынь — Белев — Козельск — Калуга — Москва.

21 июля, в день иконы Казанской Богородицы, по давнему своему желанию был крещен в Оптиной, в часовне-колодце св. Пафнутия игуменом Германом.

Сегодня позвонил Л.М. Леонов, который уже несколько раз справлялся у Гали, когда я приеду.

Встретившись с Леоновым, я подробно рассказал ему о своих впечатлениях. Его интересовало состояние шамординского Казанского собора, что случилось с могилой М.Н. Толстой, сколько братии в Оптиной (я сказал, что 40 человек) и... «перспективы» веры. Когда я закончил свой отчет, Леонов сказал:

— Завидую вам. — И помолчав, с жаром добавил: — А я всю жизнь за столом просидел. Бывало, в отпуск еду и все равно работаю. Пишущую машинку так с собой повсюду и возил...

То, что Леонов приблизил меня, паломника по Руси, к себе, я понимаю так: Л.М. давно и прочно понял, что для него, пожилого писателя, малоподвижного уже в силу возраста, выпасть из живой жизни — значит конец творчества. Я и мне подобные друзья и знакомые Леонова — постоянно подпитываем его терпкими соками жизненных впечатлений.

Леонов рассказывал о своих трудных отношениях с советской цензурой за 70 лет работы в литературе. Ему пришлось фактически поневоле стать писателем со сложным, эзоповым языком.

Слушали зарубежные «голоса». Леонов полон пессимистических прогнозов о будущем России.

Л.М. передал мне письмо дальней своей родственницы Е.И. Салтыковой из города Синельникова Днепропетровской области и попросил помочьхлопотать разрешение на открытие церкви Николая Чудотворца в Синельникове. В своем письме Е.И. Салтыкова пишет: «Я родом из дер. Ескино Любимского района, Петровой Ульяны Андреевны дочь. Вы у нас были в гостях, когда вам было 15—17 лет, юношей, как сейчас помню, с фотоаппаратом. Были вы у нас с Анной Андреевной (бабушка Л.М.), которую мама очень любила, и до сих пор я поминаю ее в поминальнике. Николай Васильевич Петров был женат на моей сестре Любове Алексеевне Шуваловой. Жили они в Москве... Городок у нас районный с населением 70 тыс. человек, и вокруг на 70 километров нет ни одной церкви, а у нас все инвалиды войны и пенсионеры. Ездят каждый день или на престольный праздник за 70 километров, и каждый праздник 2—3 человека убивает электричка. На восстановление храма прихожане жертвуют большие суммы, а на строительство не дают ни рубля, так как их трижды обманули. Помогите нам, пожалуйста, заставьте нас молить здоровья за вас и сделать нерукотворный памятник... Прошу прощенья, что вас беспокою. Пишу плохо. Мне уже 75 лет, то есть 1915 года рождения. Еще раз прошу: **помогите**. Салтыкова Екатерина Ивановна».

Отвечая на мой вопрос, кто принимал у него вступительные экзамены в университет, Леонов назвал профессора Удальцова.

«Кто ваш любимый писатель?» — спросил Удальцов.

«Достоевский», — ответил Леонов и в ответ услышал от профессора ругань (чуть ли не мат) в адрес великого.

Леонов стал препираться с профессором и, естественно, экзамены в МГУ провалил.

Леонов попросил у меня совета, где печатать новый роман. Я посоветовал печатать его там, где опубликовано было начало — в журнале «Москва».

Леонов хотел бы, конечно, печатать роман в «Новом мире», но журнал даже не поздравил его с 90-летием. А ведь Леонов был там в свое время членом редколлегии. Эхма, нет пророка в Отечестве своем и в доме своем...

29 июля

В Московском городском отделении Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры составлено ходатайство о разрешении открыть богослужение в церкви Сергия Радонежского, что в селе Радонеж близ Троице-Сергиевой Лавры. Свою подпись под ходатайством поставил и Л.М. Леонов. Ранее в числе инициаторов этого документа поставил свою подпись и я. Сергей Радонежский — патрон русского народа, и я верю, что когда в большей части церквей во имя Сергия будут восстановлены богослужения, только тогда и возродится русское национальное самосознание — движущая сила возрождения России.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
ЗА 2010 ГОД

ПРОЗА

- БАКЛАНОВ Александр. **Отец**. Рассказ — 5-6.
БЛУДИЛИН-АВЕРЬЯН Игорь. **Красное кашне**. Рассказ — 1-2.
БОЙКО Нина. **Короткие рассказы** — 1-2, 9.
БОЙКОВ Игорь. **Закованные в цепи**. Повесть — 4.
БОРОДКИН Юрий. **Спасение**. Рассказ — 11-12.
ДАРИН Дмитрий. **Поминальные свечи**. Рассказ — 11-12.
ЕСЬКОВ Михаил. **Черная рубаха**. Рассказ — 10.
МАНУЙЛОВ Виктор. **Одинокий голос в звездную ночь**. Повесть — 3.
МАНУЙЛОВ Виктор. **Возвращение**. Рассказ — 7-8.
МАНУЙЛОВ Виктор. **Последняя надежда**. Рассказ — 11-12.
МИХЕЕНКОВ Сергей. **Крест**. Рассказ — 4.
НЫРКОВ Николай. **Звезды над колодцем**. Рассказ — 3.
ОШЕВНЕВ Федор. **Самосуд**. Рассказ — 5-6.
ПЕТРОВ Владимир. **Два рассказа** — 5-6.
ПОЛЯКОВ Александр. **Великаны сумрака**. Роман — 7-8, 9, 10, 11-12.
ПРОНЦОВ Владимир. **Рассказы** — 5-6.
СЕРГЕЕВ Владимир. **Любовь моя**. Фрагменты романа — 5-6.
СОСНОВСКИЙ Владислав. **Былинка**. Рассказ — 3.
ТЕРТЫЧНЫЙ Иван. **Рассказы** — 9.
ТРУБАЧЕВ Григорий. **Прыжок через пропасть**. Рассказ — 9.
ФЕДОРОВ Михаил. **Крепостная**. Рассказ — 11-12.
ШАМЕНКОВА Людмила. **Белое, шелковое, с кружевом...** Рассказ — 1-2.
ШУМСКИЙ Сергей. **Миниатюры** — 1-2.

ПОЭЗИЯ

- АРТЮХОВ Евгений. **Бурый камень**. Стихи — 1-2.
АРХИПОВ Владимир. **Любовь неугасимая**. Стихи — 1-2.
БАША Виолетта. **Над смутным столетьем**. Стихи — 4.
ВОРОТНИН Юрий. **Я очнусь на заре**. Стихи — 10.
ГАХ Марина. **Зарницы**. Стихи — 7-8.
ДЕМЧЕНКО Олег. **Рубежи**. Стихи — 9.
ДЬЯКОВА Ольга. **Веретено**. Стихи — 3.
КАПРАЛОВ Валерий. **Зимний всадник**. Стихи — 1-2.
КВАШНИН Вадим. **Я к дому бреду**. Стихи — 4.
КИРЮШИН Виктор. **Облака над садом**. Стихи — 3.
КИСЕЛЕВА Галина. **Пока течет Волга**. Стихи — 4.
КОВЯЗИН Юрий. **Русские хайку**. Стихи — 7-8.
КОРКИНА Валентина. **Ощущение чуда**. Стихи — 4.
КУЛИКОВ Юрий. **Щепоть махорки**. Стихи — 5-6.
КУНИЦЫН Игорь. **Мои острова**. Стихи — 9.
ОЛИН Александр. **Голубичные небеса**. Стихи — 7-8.

ОРЛОВ Борис. **Гневные строки**. Стихи — 1-2.
ПЕРЕЯСЛОВ Николай. **Е. Б. Н.** Патриотический цикл — 11-12.
ПЕТРОВ Виктор. **Путник**. Стихи — 10.
РАЧКОВ Николай. **Устоять перед веком**. Стихи — 3.
РЕБРОВ Андрей. **Лучится свет**. Стихи — 11-12.
САМАРИН Валерий. **Тяжесть росы**. Стихи — 9.
СМЫК Владимир. **На Русской равнине**. Стихи — 5-6.
Стихилауреатов Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина — 10.
Стихи поэтов России — 4, 5-6, 11-12.
СТРУЧКОВА Нина. **Шумят сады**. Стихи — 9.
ТУРОВСКАЯ Людмила. **Звезды над равниной**. Стихи — 5-6.
ХАТЮШИН Валерий. **Страна родная...** Стихи — 1-2.
ШОРОХОВА Татьяна. **Пронзая солнце**. Стихи — 9.
ЩЕЛОКОВ Иван. **Дом над зеленым бугром**. Стихи — 11-12.
ЮШИН Евгений. **Битва зари**. Стихи — 5-6.

ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

АНИЩЕНКОВ Владимир. **Державная поступь** — 10.
БАЛАНДИН Рудольф. **Конец великой эпохи** — 1-2.
БАТЧИКОВ Сергей, НАГОРНЫЙ Александр. **Продолжение театра абсурда** — 1-2.
БОЯРИНЦЕВ Владимир. **Проект «Эйнштейн»** — 9.
БОЯРИНЦЕВ Владимир, САМАРИН Анатолий, ФИОНОВА Людмила. **Требуются дебилы** — 4.
БОЯРИНЦЕВ Владимир, САМАРИН Анатолий, ФИОНОВА Людмила. **Спасение науки — основа инновационного пути-развития** — 7-8.
БОЯРИНЦЕВ Владимир, САМАРИН Анатолий, ФИОНОВА Людмила. **Кому и за что дают нобелевские премии** — 9.
ВОЛОДИН Андрей. **Российская политика на фоне мирового кризиса** — 3.
ГОРЯНИН Александр. **Россия не нуждается в миграционной подпитке** — 4.
ЕФИМОВ Николай. **Патриоты и негодяи** — 4.
ИЛЮХИН Виктор. **Огосударственном устройстве и противодействии коррупции** — 4.
КОКШЕНЕВА Капитолина. **Не о толерантности надо талдычить!** — 1-2.
КОМКОВ Сергей. **Российское образование — бездонный сосуд коррупции** — 4.
КРАСНОВ Павел. **Операция «Немыслимое»** — 5-6.
КРЫЛОВ Александр. **Пятидневная война: невыученные уроки истории** — 3.
КУЗИНА Надежда, СТАРОСТИН Анатолий. **Николай Костерин — Максвелл XX века** — 9.
КУРДЮКОВА Юлия. **Судьба Курильских островов** — 4.
ЛЕБЕДЕВ Сергей. **Советский Союз — часть русской истории** — 7-8.
МЕДВЕДЕВА Ирина, ШИШОВА Татьяна. **Механизм разрушения семьи и государства** — 11-12.
МОЛОТКОВ Александр. **Быть или не быть интеллигенции?** — 3.
МОЛОТКОВ Александр. **История неразрывна** — 10.
ОВЧИНСКИЙ Владимир. **«Черный ящик» мировой политики** — 10.
ОСИПОВ Владимир. **СНВ-3 — это капитуляция** — 3.
ПЕРИН Роман. **Несостоявшийся раввин Вольф Мессинг** — 9.
ПШЕНИЦЫН Андрей. **Матрица Русской Катастрофы** — 1-2.

РОДИН Сергей. **Украинская угроза. Что делать** — 9.
РОДИОНОВ Игорь. **Зона русских интересов** — 5-6.
САВВИН Андрей. **Тайна 22 июня** — 5-6.
САЗОНОВ Юрий. **Коммунальный беспредел** — 11-12.
СЁМИН Альберт. **Откровенный разговор** — 10.
ТЕЛЕГИН Сергей. **Наперсточники** — 11-12.
ФЕДОТОВА Полина. **Исторический вызов** — 1-2.
ФИОНОВА Людмила, БОЯРИНЦЕВ Владимир, САМАРИН Анатолий.
Кому и за что дают Нобелевские премии — 9.
ХАТЮШИН Валерий. **Невежество интеллигенции** — 3.
ХОЛОДОВ Сергей. **«Каскадеры», вперед!** — 4.
ХОФБАУЭР Ханнес. **Новый облик европейского фашизма** — 3.
ХРАМЧИХИН Александр. **Они распродают Родину** — 5-6.
ЧАРУШНИКОВ Валерий. **Дети войны** — 5-6.
ШАМБАРОВ Валерий. **Духовное оскотление России** — 11-12.
ШАРОВ Вячеслав. **Бездомность в России** — 7-8.
ШАФАРЕВИЧ Игорь. **Путь России** — 10.

ДОСЬЕ «МГ»

ШЕВЧЕНКО Валерий. **Забывтые жертвы октября 1993 года** — 10.

ОСОБЕННЫЙ ПУТЬ РОССИИ

ПЕТРОВ Владимир. **Кесарь и художник** — 1-2, 3.
СМЫК Владимир. **Сталинская модернизация и национальный опыт** — 9.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ДЕСЯТНИКОВ Владимир. **Дневник русского** — 1-2, 5-6, 9, 10, 11-12.
ОСИПОВ Владимир. **Час неровен** — 1-2.
ПАХОМОВ Юрий. **Камрань** — 5-6.
ПРОНСКИЙ Владимир. **Миниатюры** — 11-12.
ХАТЮШИН Валерий. **Протуберанцы. Размышления и воспоминания** — 7-8.
ЧЕРКЕСОВ Валерий. **Мгновенный взгляд** — 9.
ЩЕРБАКОВ Сергей. **Песенка вагантов** — 1-2.

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ Вадим. **Егор Гайдар и людоедство** — 10.
ИЛЮХИН Виктор. **О российской интеллигенции** — 9.
КАПИЦА Сергей. **Россию превращают в страну дураков** — 10.
КАРА-МУРЗА Сергей. **Падение рождаемости в России: фактор культуры** — 7-8.
КИЛЕ Петр. **Кладбищенская стабилизация** — 11-12.
ЛЕМЕШЕВ Михаил. **О создании Русского православного государства** — 7-8.
НОВОХАТСКИЙ Сергей. **Приговор либерализму** — 11-12.
ПЕТРОВ Владимир. **Миссия русского народа** — 10.
ПОЛЕТАЕВ Александр. **Круг замкнулся** — 11-12.

САВЕЛЬЕВ Андрей. **Где выход из либерального тупика?** — 9.
СОМИН Николай. **Русская идея обзывает** — 9.
ХАТЮШИН Валерий. **Вырождение российского спорта** — 10.
ХОЛМОГОРОВ Егор. **Либерализм — смерть России** — 7-8.

ПИСАТЕЛЬСКОЕ БРАТСТВО

АВРУТИН Анатолий. **У истока души**. Стихи — 5-6.
БАКТЕМИРОВА Марфуга. **И любовь, и весна**. Стихи — 5-6.
БЕСЕДИН Николай. **Обозники**. Рассказ — 11-12.
ГЕРМАН Сергей. **Солдатская мать**. Рассказ — 5-6.
ГРОМОВ Александр. **Прощеный понедельник**. Рассказ — 3.
ДВОРЕЦКИЙ Сергей. **Божья кара**. Рассказ — 7-8.
ИВАЧЁВ Валерий. **Смотрит небо**. Стихи — 7-8.
ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир. **Пожарный**. Рассказ — 3.
КАПЛАН Юрий. **Люблю**. Стихи — 3.
КАЮРОВ Георгий. **Не зная, что счастлив**. Рассказ — 11-12.
КЛЮЕВ Виктор. **Участник штурма рейхстана**. Рассказ — 7-8.
КУЗНЕЦОВА Зинаида. **Рассказы** — 3.
КУКУЙ Николай. **Легкие крылья**. Стихи — 11-12.
ЛОЖКО Вячеслав. **Прикосновение ладоней**. Стихи — 11-12.
ОРАЗАЛИН Нурхан. **Никого не виною...** Стихи — 5-6.
ПИЕТИЛЯЙНЕН Елена. **Укрощение ветра**. Стихи — 3.
ПОЛИКАНИНА Валентина. **Незабываемая вера моя**. Стихи — 5-6.
РАССАДИН Константин. **Ложь**. Рассказ — 3.
СОКОЛОВ Александр. Амвросий Оптинский. **Рассказ** — 5-6.
СТАНЕВА Дафинка. **Болгарские мотивы**. Стихи — 7-8.
Стихи поэтов Армении — 3.
ТРАХИМЕНОК Сергей. Родная кривинка. **Цвела черемуха**. Рассказы — 7-8.
ТЮЛЕНЕВ Игорь. **Взгляд и птица**. Стихи — 3.
ФАЙЗЗУЛИН Равиль. **Всё поверяю сам**. Стихи — 11-12.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ЕМЕЛЬЯНОВ Юрий. **Был ли заговор военных?** — 3.
ЛЕБЕДЕВ Лев. **Клевета срывает безотказно** — 3.
МИРОНОВ Владимир. **Роль Деникина в развале Белого движения** — 4.
ОСИПОВ Владимир. **«Сталинизм» — дымовая завеса Русской Катастрофы** — 3.
ПОЛУЙКО Валерий, СИМОНОВИЧ-НИКШИЧ Леонид. **Защищая веру и Отечество** — 11-12.
РОДИН Сергей. **Сокровенная тайна украинства** — 1-2.
ШАХМАГОНОВ Николай. **Иван Грозный сына не убивал** — 5-6.
ЮДИН Владимир. **Украина — оторванная часть России** — 3.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ШИМАНОВ Геннадий. **Апология русских собраний** — 4.
ШИМАНОВ Геннадий. **Правда о национализме** — 10.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

БУРЛЯЕВ Николай, СМЫК Владимир. **Кино — духовно-стратегическое оружие государства** — 10.
РАКОВ Александр, МИРОНОВ о. Иоанн. **Нам нужна скромность** — 9.
РАСПУТИН Валентин, КОЖЕМЯКО Владимир. **Время трагедий** — 10.
ЮШИН Евгений, ПЕРЕЯСЛОВА Марина. **Крах культуры — крах демократии** — 5-6.

СИМВОЛВЕРЫ

ЮДИН Владимир. **Что спасет Россию** — 4.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

НОСОВ Евгений. **Шумит луговая овсяница**. Рассказ — 1-2.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

БЛУДИЛИНА Наталья. **Постмодернизм: глубина пустоты** — 9.
БОЙКО Нина. **Грачи прилетели. Оттепель** — 4.
БОЙКО Нина. **Утро стрелецкой казни. Портрет сына** — 5-6.
КАШИРИН Сергей. **Русские, с кем вы?** — 11-12.
ЛЮБОМУДРОВ Марк. **Парадигма русского театра** — 3.

КРУГ ЧТЕНИЯ

ЮДИН Владимир. **Кровавое безвременье** — 4.

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Путина — 1-2.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

АБРАМОВ Борис. **О русофобии России** — 4.
ГАРАСЬКО Михаил. **Коллективный Подрабинек** — 4.
ИОСИФ, монах. **Корень всех зол — в нас самих** — 5-6.
КРАЙНОВ Ярослав. **Русские не идут** — 5-6.
МАРЧУКОВ Андрей. **Политические репрессии в СССР: мифы и реальность** — 1-2.
Пророк — 4.